

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Упрочение мира и разоружение —
велеие времени

Действенная сила советско-вьетнамского
сотрудничества

Антивоенное движение в Японии

АСЕАН в стратегии Вашингтона и Токио

Некоторые аспекты истории Киргизии
и ее освещение в КНР

Цюй Юань: гипотезы и бесспорные факты

4

1983

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ
ВАС С НОВЫМ ГОДОМ!**

Благодарим вас за советы, предложения и критические замечания, содержащиеся в ваших письмах, полученных редакцией в минувшем году. Они оказали нам помощь в нашей работе по улучшению содержания и оформления журнала.

Мы надеемся, что и в новом году вы будете поддерживать активные связи с редакцией. Заранее выражаем вам за это признательность.

Желаем вам счастья, здоровья, успехов в новом году!

*Редакция журнала
«Проблемы Дальнего Востока»*

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Ю. В. Андропова**

7 **Заявление Ю. В. Андропова**

- 11 **Упрочение мира и разоружение — веление времени**

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 21 **Действенная сила советско-вьетнамского сотрудничества**
А. С. Володин

- 33 **Современный этап антивоенного движения в Японии**
*А. И. Иванов,
Ю. Д. Дмитриев*

- 43 **АСЕАН в стратегии Вашингтона и Токно**
Э. С. Гребеницков

- 53 **Дискуссия о формах собственности в Китае**
И. Н. Наумов

- 70 **Тенденции и перспективы развития промышленной
технологии в Японии**
Э. В. Кикабидзе

ИСТОРИЯ

- 80 **Знаменательная годовщина**
О. Б. Владимиров

Страницы истории советско-китайских отношений

- 82 **Первые советники из СССР в Китае**
Р. А. Мирвицкая

ИДЕОЛОГИЯ

- 89 **Юэ Фэй как историческая личность и борьба идей
в Китае**
С. Н. Гончаров

Критика буржуазной синологии

- 104 **Современная синология США об американо-китайских
отношениях**
М. В. Коваль

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

Некоторые аспекты истории Киргизии и ее освещение
в КНР

- 117 А. К. Карынкулов,
М. Я. Сушанло

КУЛЬТУРА

- 128 Цюй Юань: гипотезы и бесспорные факты
Н. Т. Федоренко

- 139 Ба Цзинь: писатель — патриот
А. Н. Желуховцев

- 149 Страницы японской пушкиншаны
А. И. Мамонов

ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

- 157 Международные финансовые центры в ЮВА
В. Н. Карпунин

В МИРЕ КНИГ

- 161 Л. М. Карахан — дипломат ленинской школы
Л. Г. Сухов

- 162 Опыт культурного строительства в МНР
Ш. Б. Чимитдоржиев,
Г. Н. Заятуев

- 164 Китайский фантастический роман
С. Л. Тихвинский

- 166 Исследование о формировании и развитии рабочего
класса МНР
А. В. Панцов

- 168 Азия в стратегии Вашингтона
Ю. М. Рякин

- 172 Наследие японского поэта
А. А. Антиповский

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АР-
ХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ,
Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕН-
НИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА,
И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМА-
НИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛН-
ЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И.
ШАБАЛИН

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. АНДРОПОВА

Советское руководство считает необходимым довести до сведения советских людей, других народов и всех тех, кто ответствен за определение политики государств, свою оценку курса, проводимого в международных делах нынешней администрацией США.

Если говорить коротко, то это — милитаристский курс, представляющий серьезную угрозу миру. Суть его — не считаясь с интересами других государств и народов, попытаться обеспечить Соединенным Штатам Америки доминирующие позиции в мире.

Именно этим целям подчинены невиданное наращивание военного потенциала США, широкомасштабные программы производства всех видов оружия — ядерного, химического, обычного. Безудержную гонку вооружений планируется ими распространить теперь и на космос.

Под всякими надуманными предложениями расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США. Создаются плацдармы для прямого вмешательства с помощью вооруженной силы в дела других государств, для использования американского оружия против любой страны, отвергающей диктат Вашингтона. В результате возросло напряжение во всех районах мира — в Европе, в Азии, в Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке.

В реализацию всех этих опасных планов Вашингтона все больше втягивают другие страны НАТО. Мало того, предпринимаются усилия возродить японский милитаризм и подключить его к военно-политической машине этого блока. Делая это, стараются заставить людей забыть уроки прошлого.

Народы судят о политике того или иного правительства прежде всего по его действиям. Поэтому, когда президент США высокопарно заявляет с трибуны ООН о приверженности делу мира, самоопределения и суверенитета народов, эти декларативные заявления никого не могут убедить.

Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону политики теперешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона вообще какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек.

Примером крайнего авантюризма в политике является и изощренная провокация, организованная спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета. Фактическая сторона этой акции освещена нами обстоятельно и достоверно. Вина ее организаторов — как бы они ни изворачивались, какие бы фальшивые версии ни выдвигали — доказана.

Советское руководство выразило сожаление в связи с человеческими жертвами, которые явились результатом этой беспрецедентной, преступ-

ной диверсии. Они — на совести тех, кто хотел бы присвоить себе право не считаться с суверенитетом государств и неприкосновенностью их границ, кто задумал и осуществил эту провокацию, кто буквально на следующий день поспешил протолкнуть через конгресс колоссальные военные ассигнования и теперь потирает руки от удовлетворения.

Итак, «гуманизм» деятелей, которые тщатся переложить на других вину за гибель находившихся на борту самолета людей, оборачивается новыми горами оружия массового уничтожения — от ракет «МХ» до контейнеров с нервно-паралитическим газом.

В стремлении как-то обосновать свою опасную, человеконенавистническую политику они же нагромождают горы клеветы на Советский Союз, на социализм как общественный строй, причем тон задает сам президент США. Надо прямо сказать — неприглядное это зрелище, когда, задавшись целью очернить советский народ, руководители такой страны, как США, прибегают чуть ли не к площадной брани вперемежку с фарисейскими проповедями насчет морали, человечности.

Цену подобному морализированию мир хорошо знает. Во Вьетнаме мораль, как ее понимают деятели в Вашингтоне, внушали с помощью напалма и ядохимикатов, в Ливане ее вколачивают залпами корабельных орудий, в Сальвадоре эту мораль внедряют геноцидом. И этот перечень преступлений можно продолжить. Так что и о моральной стороне политики США нам есть что сказать: как вспоминая историю, так и говоря о сегодняшнем дне.

Теперь в Вашингтоне вместе с моралью попирают и элементарные правила приличий, проявляя неуважение не только к государственным деятелям и государствам, но и к Организации Объединенных Наций. Напрашивается вообще вопрос, может ли международная организация, призванная поддерживать мир и безопасность, находиться в стране, где насаждается разнузданный милитаристский психоз и наносятся оскорбления доброму имени этой организации?

Под прикрытием антикоммунизма претенденты на роль вершителей судеб мира стараются насаждать удобные им порядки повсюду, где они не получают отпора.

Концепции, которыми пытаются обосновать такой образ действий, сами по себе не заслуживали бы внимания, если бы не тот факт, что они проповедуются руководителями крупной державы и не просто проповедуются на словах, а осуществляются на практике.

Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому. Сейчас же, в ядерный век это просто абсурдно недопустимо. Превращение противоборства идей в военное противоборство обошлось бы слишком дорого для всего человечества.

Но те, кто ослеплен антикоммунизмом, по-видимому, не в состоянии задуматься над этим. Начав с пугала «советской военной угрозы», дошли сейчас до объявления «крестового похода» против социализма как общественной системы. Людям стараются внушить мысль, что социализму вообще нет места в мире. Правда, не договаривают, что речь идет о мире, каким его желал бы видеть Вашингтон.

Но желания и возможности — далеко не одно и то же. Повернуть ход истории вспять не дано никому. СССР, другие социалистические страны будут жить и развиваться по своим законам — законам самого передового социального строя.

За шесть с половиной десятков лет своего существования Советское государство успешно прошло через многие испытания, в том числе — суровые. Те, кто покушался на целостность нашего государства, на его независимость, на наш строй, оказались на свалке истории. Пора бы понять всем, к кому это относится, что безопасность нашей страны, безо-

пасность наших друзей и союзников мы сумеем обеспечить при любых условиях.

Советские люди могут быть уверены — обороноспособность нашей страны находится на таком уровне, что никому не советовали бы устраивать пробу сил.

Со своей стороны мы такой пробы сил не ищем. Нам чужда сама мысль об этом. Благополучие нашего народа, безопасность Советского государства мы не отделяем, а тем более не противопоставляем благополучию и безопасности других народов, других стран. В ядерный век нельзя смотреть на мир через щель узких эгоистических интересов. У ответственных государственных деятелей выбор один — делать все для предотвращения ядерной катастрофы. Всякая иная позиция близорука, более того — самоубийственна.

У советского руководства не возникает вопроса, какой линии следовать в международных делах и в нынешней острой обстановке. Наш курс по-прежнему нацелен на сохранение и упрочение мира, на разрядку напряженности, на обуздание гонки вооружений, на расширение и углубление сотрудничества между государствами. Такова неизменная воля Коммунистической партии Советского Союза, всего советского народа. Таковы, мы убеждены, и чаяния всех народов.

Конечно, злобные нападки на Советский Союз вызывают у нас естественное чувство негодования, но нервы у нас крепкие, а политику свою мы строим не на эмоциях. В основе ее лежит здравый смысл, реализм, глубокая ответственность за судьбы мира.

Мы исходим из того, что человечество не обречено на гибель. Гонке вооружений должен и может быть положен конец. Человечество заслуживает лучшей участи, чем жить в разорванном конфликтами мире, задыхаясь под бременем смертоносного оружия.

Выдвигая далеко идущие предложения насчет ограничений и сокращений ядерных вооружений — как стратегических, так и средней дальности в Европе, — мы заботимся не только о безопасности СССР, государств социалистического содружества, но и о безопасности всех других стран.

Что же касается политики США, то ее возрастающая милитаризация проявляется и в нежелании вести сколько-нибудь серьезные переговоры, договариваться по вопросам обуздания гонки вооружений.

Вот уже два года идут советско-американские переговоры по острейшей проблеме — сокращению ядерных вооружений в Европе. Позиция советской стороны имеет своей целью нахождение взаимоприемлемых решений на честной, справедливой основе, решений, не ущемляющих ничьих законных интересов. В то же время за эти два года стало ясно и то, что наши партнеры по переговорам в Женеве находятся там отнюдь не для достижения договоренности. Задача у них другая — тянуть время, а затем приступить к размещению в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности. Этого они особенно и не скрывают.

Они лишь прикрываются рассуждениями о некоей гибкости США на переговорах в Женеве. Только что очередная порция такой «гибкости» материализовалась. И на этот раз стал ясен заложенный обман. Если оставить в стороне детали, то суть так называемого нового хода в американской позиции, рекламируемого как «превосходный», сводится к предложению договариваться по-прежнему о том, сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать в Европе новых американских ракет в дополнение к ядерному потенциалу, который уже имеет НАТО.

Короче, нам предлагают вести разговор о том, как помочь блоку НАТО сломать к его выгоде существующий в европейской зоне баланс

по ядерным средствам средней дальности. И вот этот ход, не моргнув глазом, выдают за нечто новое.

С вашингтонского мостика операция по установке в Европе этих американских ядерных ракет смотрится как предельно простая и максимально выгодная для США — выгодная за счет Европы. Европейские союзники США рассматриваются в качестве заложников. Откровенная политика, но циничная. Но вот что действительно непонятно: задумываются ли над этим те европейские политические деятели, которые, пренебрегая интересами своих народов, интересами мира, помогают осуществлению амбициозных милитаристских планов администрации США?

Здесь не должно быть места для недоговоренности. Если вопреки воле большинства населения западноевропейских стран американские ядерные ракеты появятся на европейском континенте — это будет враждебный делу мира шаг принципиального масштаба со стороны руководителей США и действующих заодно с ними деятелей других стран НАТО.

Не видим мы у американской стороны желания по-настоящему заниматься и решением проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений. Сейчас в американской столице заняты другим: ставят на конвейер производство все новых систем и этих вооружений. А на подходе такие их виды, которые вообще в корне могут перевернуть представления о стратегической стабильности и о самой возможности эффективного ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Добрую волю Советского Союза, его желание договариваться никому не следует принимать за признак слабости. На любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдется.

Но мы принципиальные противники соревнования в производстве и накоплении оружия массового уничтожения. Это не наш путь. Он не может привести к решению ни одной проблемы, которые стоят перед человечеством: экономического развития государств, сохранения окружающей среды, создания просто элементарных условий жизни людей, их питания, здоровья, образования.

Высвобождение материальных ресурсов, бессмысленно растрачиваемых на гонку вооружений, раскрытие неисчерпаемых творческих возможностей человека — вот что может объединить людей, вот что должно определять политику государства на рубеже XX и XXI веков. Чтобы все это осуществилось, требуется остановить силы милитаризма, совместными усилиями удержать мир от сползания в пропасть.

Все народы, каждый житель нашей планеты должны осознать грозящую опасность. Осознать, чтобы объединить свои усилия в борьбе за собственное существование.

Человечество не потеряло и не может потерять разума. Это со всей силой проявляется и в широте размаха антиракетного, антивоенного движения, развернувшегося на европейском и на других континентах, — движения, в котором участвуют люди разной социальной, политической, религиозной принадлежности.

Все, кто поднимает сегодня свой голос против безумной гонки вооружений, в защиту мира, могут быть уверены, что на достижение именно этих целей направлена политика Советского Союза, других социалистических стран. СССР желает жить в мире со всеми странами, в том числе с США. Он не вынашивает агрессивных планов, никому не навязывает гонку вооружений, никому не навязывает своих социальных порядков.

Наши помыслы и устремления воплощаются в конкретных предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к лучшему в международной обстановке. Советский Союз будет и впредь делать все возможное, чтобы отстоять мир на земле.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного
Совета СССР Ю. В. АНДРОПОВА

Руководство Советского Союза уже доводило до сведения советских людей и других народов свои оценки милитаристского курса нынешней американской администрации и предостерегало правительства США и выступающих заодно с ними западных стран насчет опасных последствий такого курса.

Однако Вашингтон, Бонн, Лондон и Рим не прислушались к голосу разума — на территории ФРГ, Великобритании и Италии начинается размещение американских ракет средней дальности. Таким образом, появление на европейском континенте американских «Першингов» и крылатых ракет становится свершившимся фактом.

Почти сорок лет — больше чем когда-либо в современной истории — Европа живет в условиях мира. Это стало возможным благодаря последовательно миролюбивой политике стран социалистического содружества, усилиям миролюбивых сил континента, а также реалистической позиции здравомыслящих политиков на Западе. Сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора объективно служило делу европейской безопасности и стабильности.

Теперь США и НАТО в целом предпринимают шаг, направленный на то, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. Развертываемые вблизи границ Советского Союза и его союзников ядерные ракеты предназначены вовсе не для защиты Западной Европы — ей никто не угрожает. С размещением американских ракет на европейской земле возрастет не безопасность Европы, а реальная опасность того, что США навлекут на народы Европы катастрофу.

В двух мировых войнах территорию Соединенных Штатов Америки не затронул пожар разрушения. В Вашингтоне и теперь хотели бы думать, что, развертывая в Европе свои ракеты средней дальности и создавая тем самым дополнительно ядерную угрозу для социалистических стран, им удастся отвести от своего дома ответный удар. Что же касается безопасности западноевропейских союзников США, то она, похоже, интересует американских руководителей ровно настолько, насколько западноевропейцы смогут своими жизнями, своими городами умень-

шить возмездие самим Соединенным Штатам, если бы Вашингтон поддавался соблазну развязать ядерную войну в иллюзорной надежде выиграть ее.

Развертывание американских ядерных ракет в Западной Европе — это отнюдь не шаг, вызванный реакцией на какую-то якобы существующую на Западе озабоченность по поводу нынешнего соотношения сил сторон в Европе. Многократно, на конкретных цифрах было доказано — и с этим согласны многие политические деятели и специалисты на Западе, — что в настоящее время в Европе между НАТО и Варшавским Договором сохраняется примерное равенство в ядерных средствах средней дальности, а по ядерным зарядам существенный перевес на стороне НАТО. Так что если у кого и может быть озабоченность, то ее должны испытывать страны Варшавского Договора, которым угрожают военные машины государств НАТО.

Оценивая все это, Советский Союз, другие страны социалистического содружества не могут закрывать глаза и на то, что Вашингтоном объявлен «крестовый поход» против социализма как общественной системы и что те, кто отдал сейчас распоряжение о размещении новых ядерных вооружений у порога нашего дома, строят свою практическую политику на этой безрассудной посылке. Похоже, что, размещая в Европе «Першинги-2» и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюристическую посылку конкретную ракетно-ядерную базу.

Могут ли Советский Союз, другие социалистические страны не считаться с этой опасностью? Нет, не могут. Вот почему высшие партийные и государственные руководители семи социалистических стран заявили на встрече в Москве 28 июня 1983 г., что ни при каких обстоятельствах не допустят военного превосходства блока НАТО над странами Варшавского Договора.

Подтверждая согласие на размещение в своих странах американских ракет, правительства ФРГ, Англии, Италии не могли не знать того, что США с самого начала не желали достижения взаимоприемлемой договоренности по ядерным вооружениям в Европе и сделали все на переговорах в Женеве и вне их, чтобы такой договоренности не было. Не могли не знать они и того, что Советский Союз, его союзники обязательно примут необходимые меры, чтобы оградить свою безопасность, не позволят США и НАТО в целом сломать существующее примерное равновесие сил в Европе.

Нами было четко заявлено также о том, что появление в Западной Европе новых американских ракет делает невозможным продолжение переговоров, которые велись в Женеве по ядерным вооружениям в Европе.

Решения, принятые в последние дни правительствами ФРГ, Англии и Италии, однозначно говорят о том, что вопреки воле своих собственных народов, вопреки интересам безопасности своих стран и вопреки интересам европейского и всеобщего мира эти правительства дали «зеленый свет» установке американских ракет. Тем самым они взяли на себя вместе с правительством США всю ответственность за последствия близорукой политики, о которых заранее предупреждал Советский Союз.

Тщательно взвесив все стороны создавшейся обстановки, советское руководство приняло следующие решения.

Первое. Поскольку США своими действиями сорвали возможность достижения взаимоприемлемой договоренности на переговорах по вопросам ограничения ядерных вооружений в Европе и их продолжение в этих условиях было бы лишь прикрытием для направленных на подрыв европейской и международной безопасности действий США и ряда других стран НАТО, Советский Союз считает невозможным свое дальнейшее участие в этих переговорах.

Второе. Отменяются взятые на себя Советским Союзом в одностороннем порядке обязательства, имевшие своей целью создание более благоприятных условий для достижения успеха на переговорах. Тем самым отменяется мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР.

Третье. По согласованию с правительствами ГДР и ЧССР будут ускорены начатые некоторое время назад, о чем было объявлено, подготовительные работы по размещению на территории этих стран оперативных тактических ракет повышенной дальности.

Четвертое. Поскольку путем размещения своих ракет в Европе США повышают ядерную угрозу для Советского Союза, соответствующие советские средства будут развертываться с учетом этого обстоятельства в океанских районах и морях. Эти наши средства по своим характеристикам будут адекватны той угрозе, которую создают для нас и наших союзников американские ракеты, размещаемые в Европе.

Будут, разумеется, приняты и другие меры, направленные на обеспечение безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

Приступая к осуществлению принятых нами решений, мы заявляем, что ответные меры с советской стороны будут выдерживаться строго в тех пределах, которые будут диктоваться действиями стран НАТО. Советский Союз — и мы снова подчеркиваем это — не стремится к военному превосходству, и нами будет делаться лишь то, что совершенно необходимо, чтобы военное равновесие не было нарушено.

Если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности, Советский Союз будет также готов сделать это. Тогда вновь обрели бы силу и внесенные нами ранее предложения по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений в Европе. В этом случае, то есть при условии восстановления прежнего положения, возобновили бы свое действие и односторонние обязательства СССР в этой области.

Советский Союз со всей определенностью и твердостью заявляет, что он остается приверженным принципиальному курсу на прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, на уменьшение и в конечном итоге полное устранение угрозы ядерной войны. Он будет и дальше прилагать все свои усилия к достижению этих благородных целей.

Советский Союз по-прежнему выступает за самое радикальное решение вопроса о ядерных вооружениях в Европе. Он повторяет свое предложение сделать Европу вообще свободной от ядерного оружия — как средней дальности, так и тактического.

Советское руководство обращается с призывом к руководителям США и государств Западной Европы еще раз взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализация планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение. Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам.

Советский Союз убежден, что мир может быть упрочен и безопасность народов гарантирована не путем наращивания и изобретения все новых видов вооружений, а, наоборот, путем сокращения существующих вооружений до неизмеримо более низких уровней. У человечества слишком много задач, которые не решаются только из-за отвлечения

колоссальных материальных, интеллектуальных и других ресурсов. И с этой точки зрения достижение договоренностей о радикальном сокращении ядерных и других вооружений было бы благом для всех народов.

Советское руководство заявляет, что, выполняя волю советского народа, оно и впредь будет делать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений.

Упрочение мира и разоружение — веление времени

«Высвобождение материальных ресурсов, бессмысленно растрачиваемых на гонку вооружений, раскрытие неисчерпаемых творческих возможностей человека — вот что может объединить людей, вот что должно определять политику государств на рубеже XX и XXI веков. Чтобы все это осуществилось, требуется остановить силы милитаризма, совместными усилиями удержать мир от сползания в пропасть.

Все народы, каждый житель нашей планеты должны осознать грозящую опасность. Осознать, чтобы объединить свои усилия в борьбе за собственное существование».

Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Ю. В. Андропова.

Прекращение эскалации вооружений и переход к сокращению, а затем и к полной ликвидации вооружений — стержневая, кардинальная проблема нашего времени. Как обуздать навязанную миру империализмом гонку вооружений — этот вопрос волнует все народы нашей планеты. Особое значение этой проблемы в наши дни объясняется угрозой, нависшей над человечеством в связи с непрерывным наращиванием западными державами ракетно-ядерных арсеналов. Нельзя допустить, чтобы империализм вверг народы в пучину ядерной катастрофы. Для ее предотвращения имеются могучие силы: мировое социалистическое содружество, сбросившие с себя колониальные оковы народы Африки, Азии и Латинской Америки, международный рабочий класс и его авангард — коммунистические партии, нарастающее антивоенное движение.

События последнего времени убедительно свидетельствуют о том, что в нашу эпоху именно мировая система социализма является решающим фактором сохранения мира на Земле. С высокой трибуны июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС вновь прозвучали спокойные, уверенные слова о том, что мир не только нужно, но и можно сберечь. В постановлении Пленума ЦК КПСС, в Совместном заявлении участников Московской встречи руководящих партийных и государственных деятелей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии содержится развернутая программа действий, направленных на сохранение и упрочение мира.

Вопрос о мире был и остается самой жгучей, самой злободневной

проблемой современности, затрагивающей жизненные интересы всех народов и государств. «Остановить поджигателей новой войны — нет сейчас задачи важнее», — подчеркнул Ю. В. Андропов в докладе на торжественном заседании 21 декабря 1982 г., посвященном 60-летию образования СССР.

* * *

Возрастание угрозы возникновения ядерной войны — суровая реальность нашего времени. И если развитие мировых событий не дошло до роковой черты, то этому человечество в решающей степени обязано Советскому Союзу и другим странам социализма, активно проводящим принципиальную и целеустремленную политику сохранения мира и укрепления безопасности народов. Не случайно поэтому такой огромный интерес в различных странах мира вызвали крупные акции, предпринятые в последнее время Советским Союзом для того, чтобы уменьшить и свести на нет ядерную угрозу. Особое внимание привлекает принятое СССР в июне 1982 г. в одностороннем порядке обязательство не применять ядерное оружие первым, которое было подтверждено в декабре 1982 г. высшим государственным и политическим руководством нашей страны. В обращении Верховного Совета СССР и Центрального Комитета КПСС «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира» говорится: «Мы подтверждаем, что в соответствии с принятым на себя обязательством Советский Союз не прибегнет первым к применению ядерного оружия, и еще раз обращаемся к другим ядерным державам с призывом взять на себя такое же обязательство»¹.

Принимая такое решение, Советский Союз исходил из того, что в нынешней крайне осложнившейся обстановке угроза ядерной войны стала реальностью и что необходимо принять самые неотложные меры, которые не позволили бы разжечь ее пожар.

Несмотря на то что другие ядерные державы не последовали этому благородному примеру, Советский Союз в содружестве с братскими странами социализма неизменно продолжает выступать с многочисленными инициативами, ясно свидетельствующими о стремлении отвести от человечества угрозу ядерной катастрофы, добиться реальных результатов в сокращении вооружений и разоружении. Готовность нашей страны продолжать решительную борьбу за осуществление выдвинутой XXVI съездом КПСС Программы мира на 80-е годы, за коренное оздоровление международных отношений и немедленное прекращение гонки ядерных вооружений была вновь убедительно подтверждена июньским (1983 г.) Пленумом Центрального Комитета КПСС и сессией Верховного Совета СССР.

В конкретных советских предложениях, проникнутых заботой о благе народов и искренним миролюбием, находит подтверждение общеизвестный факт: сохранение мира на земле — это центральная проблема внешней политики КПСС и Советского государства, других стран социалистического содружества. В своем выступлении на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов подчеркнул, что «в нашу эпоху именно социализм выступает как самый последовательный защитник здоровых начал в международных отношениях, защитник интересов разрядки и мира, интересов каждого народа, всего человечества».

Принимая 18 августа 1983 г. в Кремле группу американских сенаторов от демократической партии, товарищ Ю. В. Андропов дал подроб-

¹ «Правда», 23.XII.1982.

ную характеристику позиции СССР в вопросе о ядерных вооружениях в Европе. Суммируя существо ряда наших предложений, находящихся на столе переговоров в Женеве, Ю. В. Андропов отметил, что если бы эти инициативы были претворены в жизнь, то общее количество ядерных средств средней дальности в Европе сократилось бы как у СССР, так и на стороне НАТО примерно втрое. Советский Союз предлагает не только не увеличивать число имеющихся ракет, но и отказаться от разработки и испытания новых типов и видов стратегических вооружений, максимально ограничить модернизацию существующих средств. Более того, мы согласны «заморозить» все компоненты ядерных арсеналов СССР и США, что стало бы примером для других.

Ю. В. Андропов изложил сенаторам США новые инициативы СССР, направленные на предотвращение распространения гонки вооружений на сферу космического пространства. Их цель — полный запрет испытаний и развертывания любого оружия космического базирования для поражения объектов на земле, в воздушном и космическом пространстве, СССР принял на себя обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия. Иными словами, Советский Союз ввел односторонний мораторий на подобные запуски на все то время, пока другие государства, в том числе и США, будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия. Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр охарактеризовал это обязательство СССР как весьма позитивный шаг. За последние два года, заявил он, Генеральная Ассамблея ООН неоднократно призвала международное сообщество предпринять совместные усилия для предотвращения распространения гонки вооружений на космическое пространство. Объявленный СССР односторонний мораторий на запуски в космос противоспутникового оружия — важный шаг в этом направлении. Перес де Куэльяр выразил убеждение, что достижение договоренности о полном запрете испытаний и развертывания в космосе любого оружия космического базирования было бы серьезным вкладом в дело предотвращения распространения гонки вооружений на космос. «Новые мирные инициативы Советского Союза в совокупности с другими его предложениями по ограничению гонки ядерных вооружений свидетельствуют о стремлении СССР последовательно добиваться прекращения этого опасного для всего человечества процесса», — констатирует английская газета «Гардиан». Советский Союз продолжает активизировать свою внешнюю политику, отмечает японская «Асахи». Он вновь убедительно продемонстрировал свое стремление к улучшению отношений с США, к разрядке напряженности, к успеху переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. Обязательство Советского Союза не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия — новое яркое проявление последовательной, целеустремленной политики СССР, высшей целью которой является укрепление мира и безопасности народов, указывает ханойская «Нян Зан».

Советский Союз в тесном сотрудничестве со странами социализма, при поддержке всех миролюбивых сил добивается решительного перелома в решении важнейших проблем современности, в деле предотвращения катастрофы, которую хотели бы уготовить народам мира ядерные маньяки империализма. Речь идет о том, чтобы отвести опасность, которую создают милитаристские силы.

«...Ядерное оружие перестало быть средством достижения национальных политических целей», — справедливо заявили в своем обращении участники международного конгресса «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Но вашингтонские руководители, а вслед за ними и представители натовских кругов в Западной Европе упорно продолжают делать на него ставку как на главное средство, с помощью

которого они хотели бы остановить социальный прогресс во всем мире. Ныне, когда империалистические круги откровенно делают упор на силу и насилие, еще большее значение приобретает настойчивая борьба Советского Союза, других социалистических государств за демократические принципы международных отношений, за сохранение всеобщего мира.

Внешней политике Советского Союза и других социалистических государств присущи последовательность и преемственность, которые проявлялись и проявляются при любых переменах на международной арене.

Наглядным примером такого курса социалистических государств являются мирные программы, выдвинутые XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС и получившие активную поддержку братских стран социализма, разработанные в их развитие новые мирные инициативы, с которыми на протяжении последних месяцев выступили Советский Союз и страны — участницы Варшавского Договора. Их новое мощное мирное наступление демонстрирует глубоко ответственный подход стран социализма к важнейшим проблемам мировой политики, их твердость и последовательность в отстаивании мирных принципов. Их отмечает умение выделить и поставить в центр международной дискуссии именно ту проблему, от решения которой в наибольшей степени зависят перспективы сохранения мира и упрочения безопасности, избавления человечества от угрозы новой мировой войны. В новых предложениях Советского Союза и братских социалистических государств в центре внимания находятся вопросы, связанные с прекращением гонки вооружений и устранением военной опасности. «Государства, представленные на совещании, — говорится в пражской Политической декларации государств — участников Варшавского Договора, — считают, что необходимо действовать без промедления, пока сохраняется возможность обуздать гонку вооружений, перейти к разоружению. При этом они исходят из того, что все государства, если они дорожат судьбами своих народов, всего человечества, объективно должны быть заинтересованы в том, чтобы не допустить сползания к войне».

В противовес концепциям возможности «выживания» в ядерной войне и нанесения первыми ядерного удара, отстаиваемым сторонниками НАТО, в пражской Политической декларации Организации Варшавского Договора выдвинуты предложения заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками двух военно-политических группировок — Организации Варшавского Договора и НАТО. В декларации указывается, что основой договора могло бы стать взаимное обязательство государств — участников обоих союзов не применять первыми друг против друга ни ядерных, ни обычных вооружений и, следовательно, не применять первыми друг против друга военной и гражданской силы вообще — ни против территорий друг друга, ни против военного и гражданского персонала, морских, воздушных и космических кораблей обеих сторон и других принадлежащих им объектов, где бы они ни находились.

Социалистические страны также предлагают расширить это обязательство, распространить его на все страны мира, будь то находящиеся в двусторонних союзных отношениях с государствами НАТО или Организации Варшавского Договора либо неприсоединившиеся или нейтральные.

В Политической декларации говорится, что в разработке и подписании договора могли бы принять участие наряду с членами обоих союзов также другие заинтересованные европейские государства и присоединиться к нему могли бы все страны мира, которые того пожелают. Разумеется, заключение такого договора устроило бы участников обоих союзов, в большой мере способствовало бы устранению взаимного не-

доверия между государствами, входящими в оба союза, и означало бы крупный шаг на пути к уменьшению опасности развязывания ядерной войны в Европе, а следовательно, и мировой ядерной катастрофы.

Советский Союз и другие социалистические страны не раз указывали на крайнюю опасность для мира разного рода доктрин и планов, основывающихся на применении ядерного оружия первыми. Однако те, кто определяет сейчас политический курс США, не хотят считаться с этими предостережениями. Они делают все для того, чтобы подвести материальную основу под агрессивные стратегические концепции Вашингтона, носящие опасный, авантюристический характер. Как известно, в дополнение к уже накопленным США ядерным боезарядам, которые исчисляются тысячами, планируется создание многих тысяч новых, превосходящих по своей взрывной силе в десятки и сотни раз атомную бомбу, сброшенную США в 1945 г. на Хиросиму. Вместе с этим создаются ядерные вооружения с повышенной точностью доставки боезарядов к цели, новые, более совершенные стратегические системы. Разрабатываются боевые космические средства ведения военных действий в космосе и из космоса. Обновляется и наращивается потенциал ведения химической войны. В целях нарушения стабильности стратегической обстановки американские крылатые ракеты и баллистические ракеты «Першинг-2» планируется разместить в Западной Европе, поближе к территории Советского Союза и других социалистических стран. Американские средства передового базирования размещаются также на Дальнем Востоке и в западной части Тихого океана, сосредоточиваются в Индийском океане, с тем чтобы сократить время доставки боезарядов и бомб к целям на территории социалистических стран и повысить фактор внезапности нападения. Все это говорит о том, что по вине Соединенных Штатов и их союзников гонка вооружений переходит в качественно новую, еще более опасную фазу. США и их союзники преследуют цель не сократить стратегические вооружения, а легализовать и форсировать их гонку в расчете на получение односторонних преимуществ. Они не хотят ослабления и прекращения ядерного противостояния в Европе, компромиссного, взаимоприемлемого решения спорного вопроса об оружии средней дальности, потому что движимы лишь одним желанием — разместить во что бы то ни стало, ни с чем не считаясь, ракеты первого удара у границ социалистических стран. США не хотят взять на себя вслед за СССР обязательство не применять первыми ядерное оружие, не хотят замораживания этого оружия. Они отказываются от заключения договора о взаимном неприменении военной силы и поддержания отношений мира между странами — участниками Варшавского Договора и НАТО. В Вашингтоне мечтают «выиграть» затеянный Белым домом новый раунд гонки вооружений на Земле и в космосе, подвести новую материальную базу под свою стратегию «ядерного устрашения», добиться военного превосходства и с этих позиций попытаться потеснить мировой социализм, заставить СССР «изменить свое поведение». Их планы направлены на то, чтобы превратить НАТО в глобальную организацию, дабы придать законченность стратегии окружения Советского Союза, держать под прицелом различные отряды национально-освободительного движения, накинуть смирительную рубашку на всех тех, кто осмелится перечить политике мирового жандарма. Их явно просматриваемая цель — сколотить на основе НАТО и других блоков, собрав под одну крышу «ястребов» со всех регионов планеты, некий мировой военно-политический альянс против Советского Союза и стран социализма, освободительного движения.

Однако времена, когда агрессивные силы могли безнаказанно творить суд и расправу над другими народами, давно прошли, и прошли навсегда. Те, кто домогается военных преимуществ и превосходства, кто бряцает оружием, должны знать, что могут сильно ошибиться. Если

страны НАТО вопреки здравому смыслу и наперекор доброй воли социалистических стран превратят Западную Европу в стартовую площадку для американского стратегического оружия, они встретят твердый и решительный ответ другой стороны. Известно, что Европа, как ни один другой район мира, насыщена и перенасыщена оружием. Давно назрела необходимость всерьез заняться снижением уровней противостояния расположенных там двух главных группировок вооруженных сил. И это вполне реальная задача. Почему же в таком случае она не решается? Да потому, что не перевелись на Западе любители мерить свои и чужие интересы разными мерками.

Рьяные сторонники первого ядерного удара и сохранения привилегии угрожать другим государствам ядерным оружием рекомендуют Советскому Союзу, как зафиксировано в натовском коммюнике, «проявлять сдержанность и ответственность». Сами же ведут себя и несдержанно, и безответственно, так, как будто остальной мир существует только для того, чтобы преклонять колени перед новоявленными претендентами на мировое господство.

Но тон в международной политике ныне задают не те, кто не в состоянии предложить миру ничего другого, кроме политики силы и устрашения, гонки вооружений, конфронтации и конфликтов, психологических войн и крестовых походов. Тон задают люди с оптимистическим взглядом на вещи, те, кто верит в здоровые начала международных отношений, в мирную перспективу человечества, в возможность решения разделяющих Восток и Запад проблем, как бы сложны они ни были, кто видит лучшее предназначение человечества, чем существование на краю ядерной бездны. Эти силы выдвигают на рассмотрение международного сообщества подлинно жизнеутверждающую программу преодоления кризиса, разрядки и доверия, поворота к стабильному и безопасному развитию межгосударственных отношений. На Западе упорную и последовательную борьбу СССР за мир и разрядку напряженности трактуют, как это ни парадоксально, превратно. Более того, предпринимаются попытки использовать наше стремление к миру в корыстных целях, чтобы выторговать у Советского Союза некие «уступки». В этой связи обращает на себя внимание то, что даже военно-политические доктрины, разрабатываемые империалистическими государствами, и прежде всего Соединенными Штатами, во многом строятся с учетом возможности извлечь выгоду из миролюбивых устремлений социалистических государств. Так, например, Белый дом в своей военной и внешней политике руководствуется сумасбродной концепцией, согласно которой США должны быть в состоянии не просто вести ядерные войны, а одерживать в них победу. Государственные деятели, придерживающиеся подобных взглядов, отнюдь не отличаются высоким уровнем политического мышления. Они, несомненно, игнорируют не только уроки истории, но и реальности сегодняшнего дня. Им, очевидно, затмевают глаза имперские амбиции, и они не в состоянии видеть современный мир таким, каков он есть в действительности.

Советский Союз — одна из ведущих мировых держав, он располагает необходимым экономическим потенциалом и научно-техническими возможностями, чтобы иметь любое оружие и в любом количестве, если это потребуется, в противовес предпринимаемым действиям Вашингтона. Наша страна сумеет позаботиться о своей безопасности и о безопасности своих союзников и друзей. Советские руководители не раз предупреждали со всей определенностью, что СССР найдет возможность быстро и эффективно ответить на любой вызов, который нам захотели бы бросить. Программа Соединенных Штатов по наращиванию вооружений не заставит СССР пойти на односторонние уступки на советско-американских переговорах в Женеве по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Хотя в некоторых столицах стран Запада все еще

питают на этот счет надежды, но это несбыточные иллюзии. «На вызов американской стороны, — подчеркивал Ю. В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР», — мы будем вынуждены отвечать развертыванием соответствующих своих систем оружия: на «МХ» — аналогичной своей ракетой; на американскую крылатую ракету дальнего действия — своей крылатой ракетой дальнего действия, которая у нас уже испытывается»².

Как известно, между США и СССР, между НАТО и Организацией Варшавского Договора существует примерный военный паритет. Это общепризнанный факт, но о нем приходится напоминать любителям силовых приемов и сторонникам диктовать условия «дипломатической игры», чтобы они не прибегали к нечестным приемам борьбы против социалистических стран, а прежде всего подумали о судьбах собственных стран и народов, о судьбах мировой цивилизации.

«Достигнутый военно-стратегический паритет, — отметил Ю. В. Андропов, — лишил США возможности шантажировать нас ядерной угрозой. Этот паритет — надежная гарантия мира, и мы сделаем все, чтобы сохранить его».

Паритет практически приравнял политику, делающую ставку на ядерную войну, к политике самоубийства, к курсу на самоуничтожение державы, которая попыталась бы достичь своих целей путем применения ракетно-ядерного оружия. Но паритет отнюдь не свел на нет роль субъективного фактора, значимость политической воли, необходимость целеустремленного воздействия на развитие международных отношений в пользу мира. Ибо продолжает сохраняться не только объективная возможность возникновения термоядерного конфликта, но и политический курс Белого дома, который делает такую опасность реальной.

Советский Союз исходил и исходит из незыблемого принципа равенства и одинаковой безопасности. И если кто-нибудь ожидает, что процесс сокращения вооруженных сил в Европе и дальше пойдет только за счет СССР и его союзников, то он глубоко ошибается. Советский Союз принципиально отвергает линию на военное превосходство. Он не стремится к военному превосходству, но он не признает этого права и ни за каким другим господством. Стремление же Вашингтона достигнуть военного превосходства ведет лишь к новому раунду гонки вооружений. Наша страна решительно выступает против этого не потому, что не в силах состязаться с Соединенными Штатами в военно-технической области или будет экономически истощена, как это утверждают некоторые деятели за океаном. Советский Союз в принципе против такого соревнования в создании и совершенствовании вооружений. Чем скорее те, кто определяет политику в США и в других странах НАТО, осознают реальное положение вещей, тем скорее будет положен конец авантюристической линии в международных делах, у которой нет будущего и которая может привести лишь в пучину ядерной войны.

Советский Союз мира ни у кого не выпрашивал и не выпрашивает. Он активно борется за его сохранение и упрочение, отдавая себе отчет в том, что ракетно-ядерная война была бы катастрофой для всего человечества. Поддержанию Советским Союзом, другими странами социализма военной мощи на необходимом уровне способствует сохранению стабильности в мире, укреплению безопасности как народов социалистических стран, так и народов других государств нашей планеты. Империализм же вооружается для того, чтобы подорвать равновесие в военной области, остановить революционный процесс в мире.

Не в меру воинственная политика администрации Р. Рейгана становится в глазах американцев все более серьезным минусом правления республиканцев. В стране нарастают настроения в пользу модификации

² «Правда», 22.XII.1982.

этой политики, отказа от бряцания оружием, возвращения на путь конструктивных переговоров. Эти настроения оказывают влияние и на высший законодательный орган США. Так, конгрессмен Томас Фоли, руководитель делегации палаты представителей американского конгресса, посетившей Советский Союз, отмечал назревшую необходимость остановить движение под гору советско-американских отношений, улучшить эти отношения. Он выразил удовлетворение серьезными деловыми дискуссиями делегации с депутатами Верховного Совета СССР, с представителями советской общественности. В наш век, сказал конгрессмен, нельзя строить свою безопасность в ущерб безопасности другой стороны. Я полностью согласен с заявлением Ю. В. Андропова о том, что у советского и американского народов один общий враг — угроза ядерной войны. Так думают многие в Соединенных Штатах.

Планируя выбросить в топку гонки вооружений в ближайшее пятилетие без малого два триллиона долларов, Рейган и его команда пытаются оправдать безумную в своей основе политику подталкивания человечества к пропасти ядерной катастрофы. Под прикрытием кликушества о пресловутом «окне уязвимости» ставится цель восстановить бывшее стратегическое превосходство США. Изматывание СССР «непосильным», по расчетам Вашингтона, бременем гонки вооружений якобы позволит США, как утверждает в директиве по национальной безопасности № 75, добиваться внутренних перемен в Советском Союзе, что «необходимо для установления более безопасного и мирного мирового порядка», разумеется, на американских условиях. Клеветнически утверждая, как это делает глава Белого дома, что СССР является «средоточием зла» в современном мире, американская администрация, по существу, подразумевает, что никакой основы для диалога с Москвой попросту не может быть, подразумевая, как отметил французский политолог Д. Моази, что «со злом не идут на компромисс». Поэтому все ведущиеся с СССР переговоры для Рейгана не более чем камуфляж, способ прикрытия собственных гегемонистских устремлений. Характерные для администрации Рейгана воспевание культа силы, ностальгические призывы «вернуть былое величие Америки в мире», подкрепляемые запуском на полные обороты военной машины, отражают глубокий внутренний кризис капиталистической системы в целом.

Пренебрегая жизненными интересами народов, силы, определяющие курс США, стремятся накрепко привязать к этому авантюристическому курсу своих союзников. Так, Вашингтон не первый год добивается от Токио значительного увеличения ассигнований на военные цели, которые составят в 1984 г. рекордную для послевоенного времени сумму — 2754 триллиона иен (около 11,5 млрд. долл.).

Однако, как показывают факты, даже такое форсированное наращивание военных расходов и милитаристских приготовлений Японии уже не удовлетворяет вашингтонских союзников Токио. В этой связи японские газеты приводят высказывание командующего вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирала Лонга. Если Япония, заявил он, остановится на нынешнем уровне увеличения военных расходов, то она не сможет выполнить пятилетний план модернизации вооруженных сил. Глава военного ведомства США Уайнбергер во время визита в Вашингтон начальника Управления национальной обороны Японии Таникавы назвал недостаточным намерение японского правительства увеличить в 1984 г. военные расходы на 7%. Таникава заверил шефа Пентагона, что сделает все возможное для выполнения выдвинутых перед ним требований, в частности обещая выделить 300 млн. долл. на переоборудование авиабазы Мисава, где намечено разместить американские истребители-бомбардировщики Ф-16, ускорить передачу США новейшей японской технологии, имеющей военное применение, а

также подыскать в Японии новый тренировочный аэродром для боевых самолетов, базирующихся на авианосце «Мидуэй».

Японская газета «Токио симбун» отмечает, что «Рейган еще более усилит требования к Японии наращивать военные расходы», ибо, как она пишет, «премьер-министр Накасонэ послушно следует проводимому главой Белого дома курсу гонки вооружений. Свой же курс на дальнейшую милитаризацию страны Накасонэ в течение нынешнего года уже дважды широко декларировал в ходе визитов в Соединенные Штаты, говоря об «общности судеб» Японии и США, о принадлежности Японии к «западному лагерю», о готовности превратить страну в «непотопляемый авианосец». Как известно, на совещании руководителей семи ведущих государств капиталистического мира в Вильямсберге Япония впервые присоединилась к совместному заявлению западных держав по военно-политическим вопросам, примкнула к ядерной стратегии США и НАТО. Японский премьер-министр заверял Вашингтон, что он резко поднимет и расширит военную роль Токио в западной части Тихого океана. Он, в частности, подтвердил «ответственность» своей страны за «оборону» морских коммуникаций в 1000-мильной зоне от побережья Японии, а также причислил к целям своего кабинета наращивание военных возможностей страны для блокирования международных морских проливов «в случае чрезвычайных обстоятельств». Правительство Накасонэ форсирует курс на дальнейшее укрепление милитаристского американо-японского альянса, на втягивание страны в фарватер опасной для дела мира стратегии США в районе Дальнего Востока и Тихого океана. По сообщению газеты «Асахи», во время встречи с Р. Рейганом на совещании в Вильямсберге Накасонэ дал ясно понять, что Япония будет действовать в полном соответствии со стратегией блока НАТО. Таким образом, Накасонэ фактически подчинил политику своей страны ядерной стратегии НАТО, направленной своим острием прежде всего на конфронтацию с Советским Союзом. Опасные шаги Токио по пути милитаризации дополняются участием правящих кругов Японии в сколачивании под эгидой США тройственного союза Вашингтон — Токио — Сеул, в проведении провокационных американо-японских военных маневров, в разработке совместно с Вашингтоном и их союзниками планов ведения боевых операций в бассейне Тихого океана. Все это, по справедливому мнению широких кругов прогрессивной японской общественности, может принести японскому народу лишь новые тяготы, а также вызовет дальнейшее обострение обстановки в регионе.

Показательно, что агентство Синьхуа выступило с комментарием, в котором говорится, что попытки возрождения милитаризма в Японии принимают все более широкие масштабы и начинают оказывать возрастающее влияние на политику этой страны. Народы различных стран Азии и Тихого океана, в том числе и китайский народ, подчеркивается в комментарии Синьхуа, не забыли бедствий, которые принес им японский милитаризм.

Соединенные Штаты открыто покровительствуют возрождению японского милитаризма. Потерпев поражение в Индокитае, Вашингтон не сделал выводов из уроков прошлого. Напротив, здесь направляют усилия на то, чтобы вернуть утраченные позиции, все более активно и бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела суверенных азиатских государств, самочинно объявляют обширные районы Азии «зонами своих жизненных интересов». Народы Азиатского континента высказывают большую тревогу по поводу наращивания в Азии американского военного потенциала, в том числе ракетно-ядерного. На многочисленных военных базах США, находящихся в районах Дальнего Востока, Тихого и Индийского океанов, уже накоплены и продолжают увеличиваться огромные запасы наступательного оружия.

Вашингтон всячески пытается вдохнуть жизнь в старые и сколотить

новые военно-политические блоки из числа послушных ему режимов, опутывает Азию сетью военных баз и опорных пунктов, создает в отдельных районах Азиатского континента специальные центры командования интервенционистскими «силами быстрого развертывания». Постоянно раздуваются существующие очаги напряженности, насаждаются вражда и недоверие между странами Азии, что способствует втягиванию их в порочный круг расточительной гонки вооружений. Особенно опасно то, что все это сопровождается развертыванием американских ядерных средств средней дальности в различных районах Азии и в акватории вокруг нее. Все это делает более реальной для Азии угрозу ядерной войны. Азиатские народы проявляют беспокойство в связи с американскими и японскими планами в отношении Азии. Большую тревогу у них вызывает курс правящих кругов Японии, преследующий цель создания системы так называемой «всеобъемлющей безопасности», которая предусматривает обеспечение господствующего положения Японии в Азии в политической, военной и экономической областях.

Юг Корейского полуострова превращается в американский ядерный плацдарм. Тайвань продолжает служить опорным пунктом США. На Диего-Гарсия ускоренными темпами продолжается реконструкция крупнейшей базы американских жандармских сил в Индийском океане.

Во время поездки в ноябре 1983 г. в Японию американский президент стремился еще больше подчинить милитаристской стратегии Вашингтона главных союзников США в дальневосточном регионе. «Расточая хвалебные слова в адрес Японии, — пишет газета «Акахата», — Рейган навязывал ей новые непомерные военные и экономические обязательства». Вояж хозяина Белого дома в Японию и Южную Корею был направлен прежде всего на создание азиатско-тихоокеанского варианта Североатлантического блока — трехстороннего военного союза США, Японии и Южной Кореи как агрессивного блока для ведения ядерной войны.

Такое развитие обстановки идет вразрез с интересами народов Азии, чревато непредсказуемо тяжелыми последствиями для дела мира и безопасности не только в Азии, но и во всем мире.

Панорама положения на Азиатском континенте, однако, не соткана из одних негативных факторов и авантюристических планов реакционных сил. Азиатский регион является ареной крупных побед революционного и национально-освободительного движения.

Героический народ Вьетнама при всесторонней поддержке социалистических стран дал сокрушительный отпор империалистическим агрессорам, которые пытались силой оружия осуществить политику «сдерживания коммунизма» в Азии. Ранее бесславно окончилась другая подобная авантюра на Корейском полуострове. Победа народов Индокитая над американскими агрессорами, воссоединение Вьетнама на социалистической основе, образование Лаосской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Кампучии в большой мере укрепили позиции сил мира, демократии и социализма на всем Азиатском континенте.

Последовательная миролюбивая внешняя политика стран социалистического содружества, их принципиальные позиции по всем актуальным проблемам международной жизни в Азии являются главным фактором, противодействующим агрессивным устремлениям империалистических и других реакционных сил, играют решающую роль в отстаивании дела мира, свободы и независимости народов этого континента. Действенный курс социалистических стран на мировой арене, сам факт существования реального социализма создали такие условия, которые позволяют не только преградить путь опасным замыслам империализма, не только отстоять разрядку международной напряженности, но и продолжать продвижение вперед, по пути укрепления мира.

Действенная сила советско-вьетнамского сотрудничества

(К пятой годовщине подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ)

А. С. Володин

3 ноября 1978 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, выразивший политическую волю наших двух партий, государств и народов всемерно развивать исторически сложившиеся и проверенные самой историей подлинно товарищеские отношения, неустанно крепить дружбу и солидарность, всестороннее сотрудничество и взаимопомощь. Договор убедительно подтвердил социалистический характер внешней политики Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам, прочно базирующейся на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского социалистического интернационализма. Он закрепил в качестве правовой нормы отношений СССР и СРВ такие принципы, как полное уважение государственного суверенитета, независимости, территориальной целостности, равноправие и невмешательство во внутренние дела друг друга¹.

Подписав договор, Советский Союз и Вьетнам с новой силой, ясно и однозначно продемонстрировали мирный характер всей своей политики. Духом и буквой договор убеждает, что СССР и СРВ ставят и ставят во главу угла своей международной деятельности интересы всеобщего мира, безопасное развитие народов Азиатского континента, добрососедские отношения в Юго-Восточной Азии.

Время в полной мере подтвердило историческое значение этого документа, поднявшего весь комплекс советско-вьетнамских отношений на качественно новую высоту. Идет ли сегодня речь о политических отношениях, об экономическом, научно-техническом сотрудничестве, о взаимоотношениях между органами государственной власти или общественными организациями — в любой сфере советско-вьетнамских связей проявляется мощная, мобилизующая сила этого документа.

Совместно выработанные и закреплённые в договоре принципы отношений между нашими странами прошли испытание временем. Создан динамично развивающийся механизм всестороннего сотрудничества. Богатым содержанием наполняются межпартийные и межгосударственные связи. Все более эффективным становится экономическое и научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Вьетнама. Интенсивный характер приобретает обмен духовными ценностями. Осуществляется координация внешней политики СССР и СРВ. Договор, ставший подлинной хартней советско-вьетнамской дружбы, эффективно служит мирному созидательному труду наших народов, защите их революционных завоеваний от каких бы то ни было посягательств извне. С его действенной силой вынуждены считаться, хотя бы они того или нет, силы империализма и гегемонизма. Цели и принципы договора соответствуют целям борьбы революционных сил планеты за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

¹ См.: «Правда», 4.XI.1978.

* * *

Направляющей и организующей силой советско-вьетнамских отношений является тесное единение КПСС и КПВ. Отношения между нашими партиями характеризуются искренностью, глубоким взаимным доверием, идейно-политическим единством, основанным на их верности марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму. КПСС и КПВ постоянно оберегают советско-вьетнамскую дружбу как величайшее достояние.

Советские коммунисты по праву гордятся тем, что КПСС, Советское государство внесли достойный вклад в укрепление всестороннего советско-вьетнамского сотрудничества. Курс на дальнейшее упрочение взаимодействия СССР с социалистическими странами, в том числе и с СРВ, четко выражен в решениях XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС. Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов отметил, что укрепление сотрудничества и сплоченности социалистических стран есть первейшее направление международной деятельности КПСС и Советского государства.

Солидарность и сплоченность с партией великого Ленина, родиной Октября всегда были боевой традицией вьетнамских коммунистов. Еще в 20-е годы нашего столетия, вдохновленный идеями марксизма-ленинизма, замечательным примером русской революции, первый вьетнамский коммунист Хо Ши Мин учил своих соратников: «Перед лицом капитализма и империализма у нас одни интересы. Помните призыв Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»² Вьетнамские коммунисты на своем V съезде (март 1983 г.) назвали дружбу и сотрудничество с КПСС и Советским Союзом краеугольным камнем внешней политики СРВ, «принципом, стратегией и революционным пафосом» деятельности КПВ³.

Важное значение для межпартийных отношений КПСС и КПВ имеют регулярные контакты руководителей наших партий и государств. Именно во время таких встреч и бесед происходит обмен мнениями по самым насущным вопросам советско-вьетнамских отношений, по основополагающим проблемам партийной и государственной жизни СССР и СРВ. Совместному анализу подвергаются актуальные проблемы мирового развития, намечаются дальнейшие маршруты продвижения вперед к общим целям.

Новый импульс всему комплексу советско-вьетнамских отношений был дан во время состоявшейся 29 июля 1983 г. беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном⁴. Товарищи Ю. В. Андропов и Ле Зуан подчеркнули решимость КПСС и КПВ и впредь развивать и совершенствовать скрепленные договором всесторонние советско-вьетнамские отношения.

Активны и многогранны связи КПСС и КПВ, строящиеся на основе планов межпартийного сотрудничества. Большое значение наши партии придают обмену опытом социалистического и коммунистического строительства. Серьезные задачи в этой области перед коммунистами наших стран были поставлены XXVI съездом КПСС и V съездом КПВ. Расширяя обмен опытом социалистического строительства, наши партии исходят из того, что это направление сотрудничества является важным резервом дальнейших успехов. Оно позволяет экономить немало времени и средств, затрачиваемых на поиск наиболее

² Хо Ши Мин. Избранные произведения. Ханой, 1973, с. 17.

³ V съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 1983, с. 97.

⁴ См.: «Правда», 30.VII.1983.

верных решений все более сложных и масштабных задач создания нового общества.

Сегодня в ходе межпартийного обмена делегациями изучаются опыт организационно-партийной работы, формы и методы деятельности партий в области идеологии, вопросы партийного руководства различными отраслями промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки, образования, культуры, здравоохранения. Все шире становятся контакты по линии местных партийных органов, научных и учебных учреждений КПСС и КПВ, сотрудничество по линии партийной печати. Такие связи рассматриваются КПСС и КПВ как составная часть всей системы межпартийных отношений.

Событием большого политического значения явилось завершение издания на вьетнамском языке полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах. Оно осуществлено двумя издательствами братских стран — вьетнамским «Ши Тхат» («Правда») и советским «Прогресс». Успешное окончание этой важной работы, начатой в 1971 г., было приурочено к V съезду КПВ. Выход в свет полного собрания сочинений В. И. Ленина, подчеркивал орган ЦК КПВ газета «Нян Зан», — важное событие в политической и духовной жизни вьетнамского общества, яркое свидетельство дружбы и всестороннего сотрудничества между двумя социалистическими странами — СССР и СРВ⁵. Издание, по сути дела, знаменует собой начало нового этапа более широкого и всеобъемлющего изучения творческого наследия В. И. Ленина в СРВ. Оно открывает широкому активу новые возможности сверять практику социалистического строительства с теорией научного коммунизма. Такое плодотворное вьетнамо-советское сотрудничество, как подчеркнул директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПВ Нгуен Винь, имеет неоценимое значение для повышения теоретического уровня коммунистов Вьетнама, помогает КПВ решать сложные задачи социалистического строительства⁶.

* * *

Выступая на II конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин выдвинул положение о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁷. Вся история советско-вьетнамских отношений подтверждает гениальность ленинского предвидения. Бескорыстная помощь СССР Вьетнаму явилась одним из решающих факторов победы вьетнамского народа в борьбе против колониализма, империализма и гегемонизма, за объединение родины, в защиту революционных завоеваний от посягательств извне, за укрепление обороноспособности страны. Советско-вьетнамские связи и сегодня играют роль мощного ускорителя усилий компартии и трудящихся Вьетнама по превращению СРВ в современное социалистическое государство с развитой промышленностью и сельским хозяйством, передовой наукой, техникой, культурой.

Помыслы советского и вьетнамского народов устремлены к социалистическому созиданию. Развитие народного хозяйства, повышение материального благосостояния трудящихся, удовлетворение их культурных запросов, прогресс науки и техники — вот только часть широкого фронта наших совместных действий, где в полной мере проявляется действительная сила советско-вьетнамского договора.

Во все расширяющемся комплексе советско-вьетнамских связей, охватывающих практически все стороны жизни народов наших стран,

⁵ См.: «Нян Зан», 2.XI.1981.

⁶ См.: «Известия», 21.I.1983.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

особое место занимают сегодня отношения в экономической области. Успехи в строительстве социализма и коммунизма, в защите революционных завоеваний в значительной степени определяются тем, насколько успешно решаются хозяйственные задачи.

Наши страны объединяют усилия для укрепления и повышения эффективности торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Они углубляют координацию своих народнохозяйственных планов.

Советскими и вьетнамскими плановыми и хозяйственными органами проделана большая работа для того, чтобы общее содержание нашего сотрудничества и конкретные задачи в каждой отрасли производства как можно более полно отвечали потребностям и реальным возможностям текущего этапа социально-экономического развития СССР и СРВ и росту национального благосостояния, способствовали планомерному и устойчивому продвижению обеих стран к новым высотам социалистического и коммунистического строительства.

Советский Союз и социалистический Вьетнам в полной мере учитывают, что социально-экономическое развитие стран социалистического содружества происходит ныне в осложнившейся международной обстановке, в условиях значительного углубления всеобщего кризиса капитализма, когда резко увеличилась агрессивность ультрареакционных сил во главе с империализмом США. Империализм навязывает социалистическим странам экономическую войну, прибегает к экономическому бойкоту, другим подрывным акциям. В условиях острого классового противоборства на международной арене укрепление экономической мощи наших стран, развитие взаимодействия в этой области, включая согласование экономической политики, поиск новых организационных форм сотрудничества приобретают особенно важное значение.

Объединение усилий в решении экономических задач приносит важные результаты. За годы, прошедшие после подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, в строй действующих во Вьетнаме вошли десятки машиностроительных, транспортных и строительных объектов, предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. Среди них угольный карьер Каошон мощностью 1 млн. т угля в год (первая очередь), шахта Монгзыонг мощностью 450 тыс. т угля в год (первая очередь), первая очередь цементного завода Бимшон мощностью 600 тыс. т цемента в год, пять современных причалов в порту Хайфон, наземная станция космической связи типа «Интерспутник» и др.

В ходе координации народнохозяйственных планов СССР и СРВ на текущую пятилетку (1981—1985) стороны договорились о сотрудничестве в создании во Вьетнаме около 40 крупных народнохозяйственных объектов⁸. Выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз направляет усилия на оказание помощи Вьетнаму в развитии прежде всего таких отраслей и мощностей, которые позволяют этой стране эффективно использовать собственные природные богатства, имеющийся производственный потенциал, огромные трудовые ресурсы, успешно противостоять торгово-экономическому нажиму империалистических и других реакционных кругов.

Среди указанных отраслей в первую очередь следует назвать топливно-энергетический комплекс. Программой сотрудничества на 80-е годы предусматривается оказание советского технического содействия в строительстве во Вьетнаме крупных энергетических объектов: ГЭС Хоабинь (2 млн. кВт), ТЭС Фалай (640 тыс. кВт), ГЭС Чиан (320 тыс.

⁸ См.: «Социалистическая индустрия», 24.V.1983.

кВт), а также в создании мощных угольных разрезов и шахт в бассейне Куангбинь.

СССР и СРВ уделяют большое внимание совместному предприятию «Вьетсовпетро» по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ. За короткое время на юге Вьетнама в районе Вунгтау совместными усилиями была создана мощная береговая производственная база, которая способна обеспечить работы в море по добыче нефти и газа. Большой объем комплексных геофизических и инженерно-геологических исследований осуществлен советскими исследовательскими судами. Ведется сборка поставленных из СССР морских стационарных платформ для монтажа в открытом море⁹. Введение этого объекта в строй действующих будет важным вкладом в решение топливно-энергетической проблемы, позволит создать во Вьетнаме ряд новых производств, вывести народное хозяйство СРВ на более высокие рубежи.

Наши страны уделяют также неослабное внимание решению транспортных проблем как внутри самого Вьетнама, так и на линиях, связывающих СССР и СРВ. В целях развития транспорта во Вьетнаме Советский Союз оказывает помощь в завершении реконструкции порта Хайфон, в строительстве самого большого в Юго-Восточной Азии моста Тханглонг через реку Красную, в модернизации Ханойского железнодорожного узла.

Все большее значение в нашем сотрудничестве придается эффективному использованию имеющегося производственного аппарата. Хозяйственные органы принимают энергичные меры по повышению эффективности работы почти 200 предприятий, созданных при советском содействии, в значительной степени определяющих уровень работы многих отраслей народного хозяйства СРВ¹⁰. Проводится также совместная работа по рациональному использованию поставляемых из СССР машин, оборудования, материалов, других товарных ресурсов. Значение этой работы станет особенно очевидно, если напомнить, что промышленные объекты, построенные во Вьетнаме с помощью СССР, к настоящему времени дают большую часть валового национального продукта: 89% добываемого угля, 76— станков, 35— всей вырабатываемой в СРВ электроэнергии, 100— суперфосфата, апатита и металлуржущих инструментов, 23% кофе.

Советский Союз — крупнейший торговый партнер СРВ. С подписанием договора немало сделано для повышения эффективности торговых связей. Их отличительной чертой является высокий динамизм. В условиях экономического кризиса капитализма это свидетельствует о стабильности и надежности наших экономических отношений. Если в 1978 г. товарооборот между СССР и СРВ составил 457,6 млн. руб., то в 1982 г. его объем перевалил за 1 млрд. руб¹¹. За 1981—1985 гг. он увеличится почти в два раза по сравнению с предыдущим пятилетним периодом (1976—1980)¹². В соответствии с протоколом о товарообороте и платежах между СССР и СРВ на 1983 г. поставки советских товаров во Вьетнам увеличатся более чем на 30% по сравнению с 1982 г.¹³

Наши страны прилагают все усилия для выполнения принятых обязательств. Высокие темпы роста товарооборота между СССР и СРВ — это еще одно убедительное подтверждение решимости наших стран делать все необходимое, чтобы у многогранного советско-вьетнамского сотрудничества была надежная материальная основа. Ныне

⁹ См.: «Новое время», 1983, № 35, с. 22.

¹⁰ См.: «Известия», 31.XII.1982.

¹¹ См.: «Экономическая газета», 14.IV.1983.

¹² См.: «Известия», 31.VII.1981.

¹³ См.: Там же, 4.XII.1982.

за счет советских поставок удовлетворяются потребности вьетнамской экономики в металле, нефтепродуктах, удобрениях, станках, оборудовании, многих товарах массового спроса. При этом наша страна предоставляет СРВ целый ряд льгот в области товарооборота, цен, грузоперевозок.

Одновременно растет объем поставок вьетнамской продукции в Советский Союз. Экспорт в СССР составляет около 50% общего объема экспорта Вьетнама. В 1982 г. объем экспорта СРВ в СССР увеличился на 50% по сравнению с 1980 г.¹⁴ Особенно заметно увеличивается экспорт традиционных вьетнамских товаров: кофе, чая, эфирных масел, черного и красного перца. Растут поставки натурального каучука. Жители советского Дальнего Востока и Сибири получают свежую сельскохозяйственную продукцию, поступающую из тропического Вьетнама. Популярны в нашей стране швейные, текстильные изделия, шерстяные ковры из Вьетнама, продукция вьетнамских ремесленников.

В торгово-экономические отношения СССР и СРВ внедряются новые формы. Новый, интеграционный подход к сотрудничеству определился при освоении нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама. Ряд производств СРВ (текстильная промышленность, ковровое производство, обувная промышленность) частично работают на советском сырье. Делаются первые шаги в наращивании сотрудничества на компенсационной основе (плантации гевен, производство олова). Таким образом, в отношениях между нашими странами постепенно складывается координация производства, которую предвидел еще Маркс, когда писал о «гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства»¹⁵.

Нашими странами накоплен многообразный опыт интернационального сотрудничества в различных сферах. Возрастающую роль в этом процессе играют советские и вьетнамские ученые. Сегодня их совместными усилиями разрабатываются десятки научных программ, самым тесным образом связанных с потребностями народного хозяйства. Совместная работа ученых строится в соответствии с планом долгосрочного сотрудничества (1980—1985), подписанным в январе 1980 г. Академией наук СССР, Национальным центром научных исследований

Комитетом общественных наук СРВ. Важная работа ведется государственными комитетами по науке и технике СССР и СРВ.

Сотрудничество молодой вьетнамской науки с учеными Советского Союза способствует укреплению научного потенциала СРВ. Оно помогает приобрести опыт организации и управления научными исследованиями, планирования научно-исследовательских работ. Исследовательские институты СССР предоставили широкую возможность вьетнамским ученым для работы в своих лабораториях. Важная помощь оказывается Советским Союзом и в создании современной материально-технической базы вьетнамской науки.

Укрепляется сотрудничество советских и вьетнамских ученых-обществоведов. Они концентрируют внимание на ключевых проблемах теории и практики строительства нового общества. Особенно активно разрабатываются ими различные аспекты переходного этапа в строительстве социализма. В практику сотрудничества все более активно входит совместное написание монографий, проведение научно-практических конференций.

Символом высокого уровня взаимодействия в области науки стал космический полет совместного советско-вьетнамского экипажа на корабле «Союз-27». Космонавты Виктор Горбатко и Фам Туан с

¹⁴ См.: «Внешняя торговля», 1983, № 4, с. 10.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 553.

честью пронесли знамя нерушимой советско-вьетнамской дружбы над всей планетой.

Особая забота обеих стран — о подготовке вьетнамских национальных кадров. Это и понятно, поскольку решение все возрастающего объема задач строительства материально-технической базы социализма, революция в области науки и техники, преобразования в области идеологии и культуры немислимы без квалифицированных кадров буквально для каждой отрасли экономики, науки, техники, культуры, образования, просвещения.

За годы нашего сотрудничества в учебных заведениях СССР подготовлено свыше 60 тыс. специалистов для различных отраслей народного хозяйства СРВ, в том числе около 15 тыс. с высшим образованием. Сейчас в 150 вузах 33 городов Советского Союза учится около 5 тыс. вьетнамских студентов. Советские вузы и научно-исследовательские институты подготовили для СРВ свыше 2 тыс. кандидатов и более 40 докторов наук. Выпускники советских учебных заведений играют важную роль в экономике, образовании, культуре, науке, здравоохранении социалистического Вьетнама. Среди них — министры и руководители предприятий, видные партийные, государственные, хозяйственные и общественные деятели, ученые, преподаватели и организаторы народного образования¹⁶.

В соответствии с советско-вьетнамским соглашением, подписанным в 1981 г., наша страна оказывает содействие в подготовке и повышении квалификации вьетнамских руководящих кадров и специалистов в сфере управления народным хозяйством. В СРВ побывало более ста известных советских ученых — специалистов в области экономики. На курсах, где они проводили занятия, систематические знания по вопросам управления народным хозяйством получили более 4 тыс. партийных, хозяйственных и государственных руководителей высшего и среднего звена.

Сотни вьетнамских руководящих деятелей прошли переподготовку в области хозяйственного управления в советских вузах. Как отмечают вьетнамские товарищи, «опыт КПСС и Советского государства на важнейших этапах социалистического строительства — ленинская экономическая политика, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства — был тщательно изучен и проанализирован с тем, чтобы взять из него все полезное, что можно использовать в реальных условиях экономического строительства и управления во Вьетнаме»¹⁷.

По мере расширения в СРВ фронта социалистического строительства, усложнения задач на каждом участке экономики все более высокие требования предъявляются к уровню знаний, деловой квалификации основной производительной силы современной индустрии — рабочего класса. Сам рост промышленности вовлекает в его ряды большую массу людей, в прошлом не знакомых с крупным социалистическим производством. В этих условиях возрастает роль и значение сотрудничества в подготовке квалифицированных рабочих. Уже не первый десяток лет наша страна оказывает СРВ помощь в налаживании системы профтехобразования. С помощью СССР в самом Вьетнаме построено несколько профтехучилищ. Советские специалисты, работающие на объектах технического содействия, также передают опыт и знания вьетнамским товарищам.

И все же быстро овладеть всеми «секретами» крупного промышленного производства можно лишь в условиях реально существующей социалистической промышленности. Так возникла идея обучения и работы молодых вьетнамских рабочих непосредственно на предприя-

¹⁶ См.: «Правда», 28.IX.1981.

¹⁷ Там же, 30.VII.1983.

ниях и в организациях Советского Союза. 2 апреля 1981 г. в Москве было подписано межправительственное советско-вьетнамское соглашение, в соответствии с которым к настоящему времени в СССР находится более 15 тыс. вьетнамских юношей и девушек.

На долговременной, плановой основе строятся советско-вьетнамские культурные связи. Этому способствовало подписание в апреле 1982 г. соглашения о культурном и научном сотрудничестве, в котором предусмотрено дальнейшее укрепление и развитие культурных контактов. Эти связи — важный канал сближения и взаимного обогащения социалистических культур обеих стран, осуществления марксистско-ленинских принципов партийности, народности, национального характера и массовости культуры и искусства. Наши страны ежегодно обмениваются выставками, художественными ансамблями и исполнителями, кинофильмами, телепередачами, общественно-политической, художественной литературой, изданиями, пропагандирующими передовой опыт СССР и СРВ, других социалистических стран в развитии экономики, науки, культуры. Регулярный характер носят взаимные поездки писателей, кинематографистов, представителей других творческих союзов, работников культуры, просвещения, здравоохранения, спортивных организаций.

Вьетнамские друзья принимали у себя целый ряд советских художественных коллективов и отдельных исполнителей: государственный ансамбль «Березка», группу артистов балета, театральные коллективы. В свою очередь советские зрители имеют возможность знакомиться с культурой и искусством Вьетнама. В СССР с успехом проходили выступления ансамблей «Лотос», «Молодость», национального театра «Туонг», вьетнамского цирка. С интересом были приняты зрителями работы вьетнамских кинематографистов, представленные на московских международных кинофестивалях.

Большим событием в общественной жизни Вьетнама стали впервые проведенные в прошлом году Дни культуры СССР в СРВ, приуроченные к 60-й годовщине образования СССР. Это был один из самых масштабных смотров советского искусства за рубежом, проведенных в юбилейном году. По всему Вьетнаму прошли многочисленные выставки, кинопросмотры, выступления советских театральных коллективов, встречи, народные гулянья. Более 2500 кинотеатров и клубов страны предоставили свои экраны для показа советских кинофильмов¹⁸. Дни культуры СССР стали не только праздником советского искусства, но и яркой демонстрацией тесного и плодотворного сотрудничества двух стран в области культуры. В соответствии с имеющимся соглашением в 1985 г. во время празднования 40-летия Социалистической Республики Вьетнам в Советском Союзе будут проведены Дни культуры СРВ.

КПСС и КПВ прилагают неустанные усилия для дальнейшего идейного сближения наших братских народов, укрепления чувства единства, общности исторических судеб. Немаловажное значение в этом процессе имеет сотрудничество советских и вьетнамских органов информации, печати. За прошедшие после подписания договора пять лет обмен печатной продукцией между СССР и СРВ увеличился более чем в три раза¹⁹.

Признанием советского читателя пользуется вьетнамская общественно-политическая, художественная литература. За послевоенные годы книги вьетнамских авторов издавались в СССР около 300 раз общим тиражом более 13 млн. экземпляров. Неоднократно в наших издательствах выпускались документы и материалы Компартии Вьетна-

¹⁸ См.: «Известия», 6.XII.1982.

¹⁹ См.: «Правда», 17.IV.1983.

ма, труды Хо Ши Мина и Ле Зуана. В нашей стране издается много-томная «Библиотека вьетнамской литературы». Произведения писателей Вьетнама читают на родных языках 19 народов СССР²⁰.

Во Вьетнаме огромной популярностью пользуется советская общественно-политическая, художественная и научно-техническая литература. Массовыми тиражами в СРВ издаются документы съездов КПСС, труды Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова, других руководителей КПСС и Советского государства. На вьетнамский язык переводятся произведения советской классики, литературы периода гражданской и Великой Отечественной войн, современных писателей. Ныне на вьетнамском языке издано более 300 названий книг советских писателей и классиков русской литературы²¹.

Идеи дружбы и сотрудничества Советского Союза и Вьетнама призывают общественную жизнь наших стран. Забота об укреплении и углублении советско-вьетнамской дружбы и солидарности действительно стала делом широких народных масс. Велико значение в этом процессе деятельности профсоюзных, комсомольских, других общественных организаций, в том числе обществ дружбы СССР и СРВ, которые насчитывают в своих рядах миллионы активистов. Общества дружбы стали по-настоящему действенными помощниками КПСС и КПВ в деле воспитания трудящихся СССР и СРВ в духе взаимопонимания, братского, нерушимого единства.

В июле 1983 г. Общество советско-вьетнамской дружбы торжественно отметило свой 25-летний юбилей. В приветственной телеграмме Генерального секретаря ЦК КПВ товарища Ле Зуана в адрес Центрального правления Общества советско-вьетнамской дружбы в связи с юбилеем общества говорится: «Коммунистическая партия и народ Вьетнама высоко ценят большой эффективный вклад Общества советско-вьетнамской дружбы в дело укрепления и развития отношений братской солидарности между народами Советского Союза и Вьетнама. Эти отношения, ставшие славной традицией, берут начало в бессмертных идеях Октябрьской революции, великого Ленина. Они закалялись в процессе революционной борьбы на базе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма». Общество советско-вьетнамской дружбы гордится такой высокой оценкой его деятельности. Активисты общества ведут большую работу по ознакомлению широких кругов советской общественности с жизнью и борьбой вьетнамского народа, с его успехами в деле социалистического строительства и защиты независимости и суверенитета Родины.

* * *

Обеспечение прочного мира — неизменная цель политики СССР и СРВ. Линия на упрочение мира, решительное противодействие агрессивной политике империализма и его пособников авторитетно выражена в решениях XXVI съезда КПСС и V съезда КПВ, в последующих документах наших партий и государств.

Руководители КПВ и СРВ подчеркивают, что борьба за мир, прекращение гонки вооружений, ядерное разоружение является первоочередной задачей всех народов. Политика мира и дружбы народов — концентрированное выражение воли Советского Союза и Вьетнама, познавших ужасы войны. В наших странах нет классов или социальных групп, заинтересованных в войне. Интересы построения социализма и коммунизма в СССР и СРВ требуют мирных условий.

²⁰ См.: «Книжное обозрение», 1981, № 36.

²¹ См.: Социалистическая Республика Вьетнам, М., 1981, с. 101.

На советско-вьетнамских переговорах на высшем уровне не раз подтверждалось, что у Советского Союза и Вьетнама общее понимание международных проблем, путей борьбы за ослабление международной напряженности, за предотвращение гонки вооружений и укрепление мира. КПСС и КПВ выступают за упрочение единства социалистических стран, мирового коммунистического движения, против империалистической политики США и их союзников по НАТО, которые выдвинули на первый план своих действий достижение господства в мире с помощью военной силы, создание военного превосходства над социалистическими странами, формирование с этой целью международно-агрессивного альянса.

Программные установки и заявления СССР и СРВ подкрепляются практическими действиями. У наших стран общий подход к решению насущных международных проблем. У Советского Союза и социалистического Вьетнама единая стратегия в области внешней политики — это стратегия мира и дружбы между народами. Совместно определяемый общий курс учитывает особенности положения, а также специфические интересы наших стран. Он является прочным сплавом мнений и позиций СССР и СРВ.

Нашими странами накоплен хороший опыт практического сотрудничества во внешнеполитической области. Формы такого сотрудничества включают в себя консультации по основным международным проблемам, обмен информацией, осуществление согласованной политической линии, тесное взаимодействие при проведении мероприятий внешнеполитического характера.

Обмен мнениями по актуальным международным вопросам, выработка совместной линии во внешнеполитических делах являются постоянным содержанием переговоров советских и вьетнамских руководителей, представителей внешнеполитических, идеологических, пропагандистских органов.

Вьетнамские товарищи выразили полное согласие с оценкой международного положения, изложенной в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, решительно поддержали Программу мира для 80-х годов. Во Вьетнаме получили поддержку конструктивные предложения, выдвинутые Ю. В. Андроповым, а также предложения, содержащиеся в пражской Политической декларации государств — участников Варшавского Договора и Совместном заявлении участников состоявшейся 28 июня 1983 г. в Москве встречи партийных и государственных деятелей европейских социалистических стран.

У Советского Союза и Вьетнама общий подход и к проблеме такого взрывоопасного района, как Юго-Восточная Азия, где не прекращается подрывная деятельность внешних сил. Советский Союз оказывает энергичную поддержку усилиям Вьетнама, направленным на ослабление напряженности в регионе и превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, добрососедства и стабильности. Наша страна целиком разделяет миролюбивый и принципиальный курс СРВ на урегулирование отношений между государствами Юго-Восточной Азии, создание атмосферы доверия, развитие диалога между странами Индокитая и АСЕАН с целью установления между всеми государствами региона нормальных отношений. Нельзя допустить, чтобы по вине империалистов и других реакционных сил положение в этом регионе еще больше осложнилось. Подходящим форумом для обсуждения имеющихся в этом регионе проблем могла бы стать международная конференция по Юго-Восточной Азии, как это предлагают Вьетнам, Лаос и Кампучия²².

²² См.: «Известия», 6.X.1982.

В Советском Союзе полностью поддерживают линию Вьетнама, Лаоса и Народной Кампучии на дальнейшее укрепление отношений дружбы и сотрудничества, которые связывают народы Индокитайского полуострова. В нашей стране исходят из того, что их интернациональное единство — это надежный щит, оберегающий революционные завоевания этих народов от посягательств извне, гарантия независимости и поступательного развития каждого из них. Это единство является одним из решающих факторов, способствующих упрочению позиций мира, национального освобождения и социального прогресса не только в Юго-Восточной Азии, но и на всем Азиатском континенте.

Исходя из коренных интересов народов и руководствуясь решениями съездов КПСС и КПВ, Советский Союз и Вьетнам последовательно выступают за нормализацию и установление отношений добрососедства с Китаем. Наши страны не раз демонстрировали добрую волю и ответственный подход, считая, что все вопросы должны решаться путем переговоров на основе уважения независимости, суверенитета, равенства и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела друг друга.

СССР и СРВ неизменно выступают на стороне тех, кто сегодня борется за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессивных сил империализма и международной реакции. Наши страны поддерживают справедливую борьбу за окончательное искоренение колониализма и расизма во всех их формах и проявлениях, оказывают поддержку борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки против империализма, колониализма и неоколониализма, за укрепление независимости, в защиту суверенитета, за право свободно распоряжаться своими природными ресурсами, за установление новых международных экономических отношений, свободных от неравноправия, диктата и эксплуатации.

СССР и СРВ осуждают израильских агрессоров за варварские преступления, творимые ими при прямой помощи США против ливанского и палестинского народов, других арабских народов. Они не раз подчеркивали свою уверенность, что справедливое дело палестинского народа восторжествует.

Полную поддержку находит в Советском Союзе и Вьетнаме стремление прибрежных государств добиваться превращения района Индийского океана в зону мира, ликвидации военных баз США в этом районе.

Как принципиальные сторонники национально-освободительного движения наши страны неоднократно выступали с требованиями прекратить агрессивные действия и враждебную политику южноафриканских расистов в отношении Мозамбика, Анголы, других «прифронтовых» государств Африки, покончить с апартеидом и расизмом — позором человечества.

Политика интервенции и угрозы агрессии со стороны США, как неоднократно подчеркивалось в авторитетных заявлениях советской и вьетнамской сторон, является причиной сохраняющейся напряженности в Центральной Америке и в зоне Карибского моря. СССР и СРВ поддерживают борьбу народов этого района мира за независимость, национальный суверенитет, территориальную целостность и социальный прогресс.

В наших странах находит поддержку движение неприсоединения, сила которого в направленности против империализма и колониализма, против войны и агрессии. Являясь участником движения неприсоединения, СРВ добивается укрепления позитивных тенденций внутри этого движения, способствует антиимпериалистическому единству неприсоединившихся стран, сплоченности движения с социалистическими странами, со всеми миролюбивыми и прогрессивными силами планеты.

Вьетнамская делегация внесла немалый вклад в успех состоявшейся в марте 1983 г. в Дели VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. СРВ последовательно осуществляет курс на развитие сотрудничества со странами, входящими в это движение. Подтверждением этому могут служить плодотворные отношения СРВ с Индией.

СССР и СРВ неизменно выражают стремление к открытому, честному, равноправному сотрудничеству со всеми странами, которые отвечают взаимностью, готовы проявлять добрую волю, уважение к законным интересам других государств, не требуя за нормализацию отношений каких-либо предварительных уступок.

* * *

На всем своем протяжении история советско-вьетнамской дружбы никогда и ничем не омрачалась. Она год от года становится ярче и многограннее. Все более плодотворный характер приобретает наше сотрудничество. Еще авторитетнее предстает на международной арене внешняя политика наших стран. Под руководством КПСС и КПВ крепнет и развивается новый тип международных отношений, который вместо отношений угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых утверждает принципы товарищества и братства. Следуя ленинским курсом, СССР и СРВ в единой семье стран социалистического содружества, вместе с союзниками и друзьями во всем мире утверждают торжество идеалов социализма и коммунизма.

Как подчеркивалось в ходе недавнего визита в СРВ советской партийно-правительственной делегации, время полностью подтвердило огромную жизненную силу советско-вьетнамского договора. Оно показало, что этот документ является надежным инструментом борьбы за мир и безопасность народов Юго-Восточной Азии и всего Азиатского континента. Договор и впредь будет служить прочным фундаментом советско-вьетнамских отношений, строящихся по законам социалистического интернационализма.

Современный этап антивоенного движения в Японии

*А. И. Иванов,
Ю. Д. Дмитриев*

Во всемирной борьбе за устранение ядерной угрозы, за обуздание гонки вооружений, за упрочение мира, особенно широко развернувшейся на нашей планете с начала 80-х годов, когда значительно увеличилась опасность ядерной катастрофы, заметное место занимает антивоенное движение в Японии. История этого движения насчитывает несколько десятилетий, оно имеет свои традиции и особенности.

Многочисленные жертвы и лишения, на которые обрекла Японию во второй мировой войне агрессивная политика милитаризма, вызвали в широких массах японского народа решительное осуждение милитаристского прошлого. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американской авиацией, сделавшие японский народ первой жертвой ядерного оружия, унесшие сотни тысяч человеческих жизней, привели к широкому осознанию в Японии особой опасности войны с применением новых средств массового поражения людей. Разгром японского милитаризма создал условия для легальной деятельности демократических, миролюбивых политических сил.

Все это, вместе взятое, способствовало формированию среди различных слоев японского населения сильных и стойких антивоенных настроений, решимости не допустить, чтобы Япония вновь встала на милитаристский путь. Эта решимость нашла отражение в принятой в первые послевоенные годы и действующей до настоящего времени конституции Японии, запрещающей ей создавать вооруженные силы и вести войну.

Но уже в конце 40-х годов силы японской реакции в тесном сотрудничестве с американскими оккупационными властями включили Японию в орбиту «холодной войны», в конфронтацию с силами социализма и национального освобождения. Более того, Япония превратилась в тыловую базу «горячей», агрессивной войны США в Корее. Японский народ остро ощутил угрозу, исходившую от фактического соучастия своей страны в империалистическом разбое, от политики атомного шантажа, проводившейся в то время американским империализмом. В стране стало развертываться антивоенное движение. В первой половине 50-х годов широкий характер приобрело движение за запрещение атомного оружия: под призывом запретить атомное оружие в Японии было собрано 30 млн. подписей.

Антиатомное, антиядерное движение в Японии стало еще более массовым после того, как в результате испытания американского водородного оружия на атолле Бикини в марте 1954 г. пострадал экипаж японской рыболовной шхуны «Фукурю-мару № 5», что вызвало гнев и возмущение в стране. С тех пор борьба против ядерного оружия стала неотъемлемой составной частью японского антивоенного движения. С середины 50-х годов ежегодно в начале августа в напоминание о трагедии Хиросимы и Нагасаки стали проводиться конференции за запрещение атомного и водородного оружия, постепенно принявшие международный

характер. Их организатором явился Японский совет борьбы за запрещение атомной и водородной войны (Гэнсуйкё), созданный в 1955 г. и объединивший многочисленные рабочие, крестьянские, женские, молодежные, религиозные организации, прогрессивную интеллигенцию и деятелей культуры. Антиатомные конференции, включающие мероприятия международного и национального характера, проводятся до сих пор, хотя за десятилетний период с середины 60-х годов движению пришлось преодолевать значительные трудности.

Важными вехами антивоенного движения в Японии стали всенародная борьба против военного союза между США и Японией (так называемого «договора безопасности»), развернувшаяся на рубеже 50-х и 60-х годов, и проходившая в конце 60-х — начале 70-х годов борьба против агрессии американского империализма в Индокитае и соучастия в ней Японии, которая вновь играла роль тыловой, снабженческой базы грязной войны. Японские сторонники мира требовали аннулирования японо-американского «договора безопасности», эвакуации американских войск и военных баз с территории Японии, недопущения возрождения японского милитаризма, проведения Японией подлинно миролюбивой политики.

В процессе антивоенной борьбы того времени налаживалось сотрудничество демократических, прогрессивных сил страны, возникали предпосылки для организационного их оформления в единый фронт. В ходе движения против военного союза с США был создан Национальный совет борьбы против «договора безопасности», в который вошли коммунисты, социалисты, представители профсоюзных, крестьянских, женских, молодежных и многих других демократических организаций. Борьба против агрессии США в Индокитае породила совместные антивоенные выступления демократических сил. Так, уже более 15 лет по всей Японии ежегодно 21 октября проводятся массовые единые действия — митинги, демонстрации и пр.

Во второй половине 70-х годов большую актуальность приобрела для японских сторонников мира задача не допустить пересмотра конституции, из которой реакция хотела бы в первую очередь выбросить или выхолостить девятую, так называемую «мирную» статью. Пробным шагом к созданию условий для последующего решающего удара по конституции была попытка правящих кругов протащить через парламент «законы на случай чрезвычайных обстоятельств». Прогрессивная общественность быстро разобралась в существе этих милитаристских замыслов и совместными усилиями дала им отпор. Борьба против введения «чрезвычайных законов» дала толчок активизации деятельности Народной лиги защиты конституции (Гокэнрэн), организованной еще в 1954 г. и объединяющей в значительной мере социалистов и их сторонников в профсоюзах и демократических организациях, а также Совета связи различных кругов, выступающих за предотвращение изменения конституции (Кэмпо кайги), созданного в 1965 г. представителями ряда общественных организаций и КПЯ.

Одновременно с борьбой в защиту мирных положений конституции в условиях втягивания Японии в стратегические замыслы Вашингтона все большее значение стала приобретать и задача не допустить отхода правительства от провозглашенных им под воздействием требований народных масс «трех неядерных принципов»: не иметь собственного ядерного оружия, не допускать его ввоза в Японию и размещения на ее территории.

Новая мощная волна антивоенного движения поднялась в Японии в начале 80-х годов. Это была естественная реакция трудящихся масс на опасное обострение международной обстановки, вызванное авантюристическим курсом американской администрации, поставившей целью достичь военного превосходства над силами социализма путем гонки

вооружений, в особенности ракетно-ядерных, реакция на втягивание Японии в развернутую Соединенными Штатами империалистическую политику конфронтацию со странами социалистического содружества и другими прогрессивными силами, на усиление милитаристских амбиций реакционных сил самой Японии. Осознание все более широкими массами людей реальной угрозы ядерной катастрофы, нависшей над человечеством, привело к тому, что в развитии антивоенного, антиядерного движения наступил качественно новый этап.

Для современного антивоенного движения в Японии, как и в других капиталистических странах, характерна его небывалая широта в социальном, политическом и идеологическом отношении. Среди организаторов и участников движения есть представители различных политических партий — от коммунистов и социалистов до некоторых деятелей правящей Либерально-демократической партии. Например, в созданную депутатами японского парламента Ассоциацию содействия международному разоружению вошли представители всех политических партий.

Активное участие в антивоенном движении принимают японские профсоюзы, молодежные, женские, кооперативные и многие другие массовые организации. Решительно выступают за обуздание гонки вооружений представители интеллигенции: писатели, художники, музыканты, деятели театра и кино и пр. Важной особенностью нынешнего этапа антивоенного движения стало широкое вовлечение в него религиозных кругов — буддистов, христиан и др.

Нередко активные выступления антивоенного характера возникают спонтанно, снизу, не имея прямой связи с политическими партиями или организациями. Эти выступления основываются на порой локальных требованиях местных жителей (например, ликвидировать помехи, создаваемые расположенными поблизости военными объектами, и пр.), однако они отражают растущие антивоенные настроения народных масс, придают новую силу движению за мир. Эти выступления снизу получили название движение «куса-но изэ» («корешки травы»), поскольку требования масс прорывались на поверхность, подобно траве, бурно растущей в весенние теплые дни.

Борьба против ядерной угрозы объединяет все новые слои и группы населения, что приводит к возникновению многочисленных новых организаций, выступающих в антивоенном движении рядом и параллельно с «традиционными» организациями сторонников мира. Отсюда — разнообразие методов, форм и направлений деятельности. Наличие в антивоенном движении представителей различных социальных слоев, политических партий и группировок усиливает его идейно-политическую неоднородность, усложняя и затрудняя выработку общей платформы совместных действий, а нередко и само сотрудничество в борьбе за общую цель — упрочение мира.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что основу антивоенного движения в Японии составляли и составляют массовые организации трудящихся, имеющие богатый опыт борьбы против милитаризма и войны. Наиболее последовательно борются за мир политические партии рабочего класса — коммунистическая и социалистическая, хотя в силу особенностей внутренней обстановки в стране они не всегда действуют совместно, ограничиваясь преимущественно параллельными выступлениями.

Одной из форм антивоенного движения явилось широкое участие японского народа в сборе подписей под призывами к разоружению и запрещению ядерного оружия, приуроченном ко Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Кампания сбора такого рода подписей осуществлялась с конца 1981 по июнь 1982 г. целым рядом организаций.

Наиболее активные и последовательные организации сторонников мира объединились для сбора подписей в Совет связи народных движе-

ний за полное запрещение ядерного оружия и разоружение. Он был создан 14 ноября 1981 г. по инициативе группы известных общественных деятелей и представителей научных и культурных кругов страны. В Совете связи, действовавшем в качестве временного координационного органа, учрежденного на период подготовки ко Второй специальной сессии по разоружению, сотрудничали коммунисты и социалисты, национальные профцентры Сохё, Тюрицу рорэн и Синсамбэцу, Японский комитет мира, организации антиатомного движения Гэнсуйкё и Гэнсуйкки, организация жертв атомных бомбардировок, а также самые разнообразные демократические — молодежные, женские и прочие — объединения.

Совет поставил своей задачей широкое ознакомление людей мира с правдой о трагедии атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, призывал требовать заключения соглашения о запрещении применения ядерного оружия, повсеместного распространения безъядерных зон и принятия других мер, направленных на разоружение. В распространяемых советом бланках для подписей говорилось: «Опасность ядерной войны приблизилась вплотную. Не должно быть больше жертв ядерных бомбардировок! Ждать более нельзя! Мы настойчиво призываем к проведению конкретных действий с целью добиться запрещения ядерного оружия и разоружения». По инициативе совета в 1982 г. в стране были организованы две крупные антивоенные манифестации: 21 марта в Хиросиме с участием около 200 тыс. человек и 23 мая в Токио, где собралось свыше 400 тыс. человек.

Одновременно сбором подписей под петициями с требованиями сторонников мира и разоружения занимался Совет связи за ядерное разоружение, сформированный центристскими оппозиционными партиями (Комэйто, Партия демократического социализма, Социал-демократический союз) и Новым либеральным клубом, а также Всеяпонской конфедерацией труда (Домэй). Руководство этих партий и Домэй, обычно уклонявшихся от массовых политических действий и принявших за последнее время на своих съездах ряд соглашательских по духу решений относительно внешнеполитического курса Японии (в них выражено фактическое одобрение японо-американского военно-политического союза и милитаристской линии правящих кругов Японии, хотя согласие с наращиванием военной мощи страны и сопровождается оговорками о его «ограниченных пределах»), не могло не считаться с мнением масс, требующих принятия немедленных мер для обуздания гонки вооружений.

В сбор подписей под петициями энергично включились многие религиозные организации страны. Некоторые из них сотрудничали с упомянутыми Советами связи. Среди тех, кто занимался сбором подписей самостоятельно, наиболее активными были общество буддистов Риссё ко-сэйкай и другие 80 религиозных объединений, вошедших в Федерацию новых японских религиозных организаций.

Большому размаху кампании сбора подписей за разоружение и запрещение ядерного оружия способствовали многочисленные антивоенные заявления и призывы известных японских ученых, литераторов, деятелей искусства, журналистов, бывших военных. Эти призывы следовали один за другим, начиная с обращения 3678 японских ученых от 15 декабря 1981 г.

Еще одной формой антивоенного движения явилось принятие органами местного самоуправления резолюций с требованиями запретить ядерное оружие и содействовать разоружению. Вслед за утверждением в 1981 г. таких резолюций префектуральными собраниями в Хиросиме и Канагаве в течение 1982 г. подобные документы были одобрены в 40 префектурах. На уровне городских собраний они были приняты в 1981 г. в 126, а в 1982 г. — 298 городах. 23 марта 1982 г. небольшой город Цусима (префектура Айти) с населением 52 тыс. человек объявил свою

территорию безъядерной зоной. В середине октября того же года было объявлено о недопустимости размещения ядерного оружия на территории префектуры Токусима. В 1983 г. число городов, выступивших с декларациями мира или отказа от ядерного оружия, достигло 64.

Как сам размах антивоенного движения, так и особенно его направленность вызвали большую озабоченность японских властей. Несмотря на самую широкую и систематическую пропаганду мифа о том, что для японцев якобы существует некая «угроза с севера», или «советская угроза», действительность подсказывала массам неосновательность таких утверждений. До населения Японии доходили вести о мирных инициативах Советского Союза, о его настойчивом стремлении упрочить мир, не допустить развязывания новой мировой войны.

С большим интересом был встречен в Японии ответ Л. И. Брежнева японским писателям — авторам обращения с призывом против ядерной войны. Японская общественность получила возможность еще раз убедиться в миролюбивом характере политики Советского Союза, его готовности никогда не применять ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не имеют его на своей территории. Особенно ценно было выражение советским руководителем готовности начать обмен мнениями с Японией относительно заключения соответствующего соглашения как в рамках прежнего предложения СССР о проведении переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке, так и в любых других приемлемых для обеих сторон формах¹.

Широкий отклик вызвало в Японии заявление Советского Союза о неприменении ядерного оружия первым. Это заявление придало японским сторонникам мира новые силы в борьбе против ядерного оружия.

В отличие от миролюбивой политики СССР империалистические руководящие круги и военщина США твердили о «возможности ограниченной ядерной войны», развертывали новый, невиданный по масштабам виток гонки вооружений, в том числе самых смертоносных видов оружия массового поражения. Население Японии не могло игнорировать факты согласия своего правительства с готовящимся размещением на авиабазе Мисава американских самолетов — носителей ядерного оружия; с планами оснащения кораблей 7-го флота США, базирующихся на военно-морских базах Японии, крылатыми ракетами, также предназначенными для доставки ядерного оружия.

Столкнувшись с подъемом антивоенных выступлений, правящие круги Японии пришли к выводу, что это не только серьезно препятствует осуществлению их собственных милитаристских амбиций, но и угрожает союзническим отношениям с США. Весной 1982 г. на совместном заседании представителей правительства и руководства ЛДП во главе с тогдашним премьер-министром Дз. Судзуки было рекомендовано принять все меры для того, чтобы движение против ядерного оружия и за разоружение «не стало антиамериканским движением» и «не пошло на пользу Советскому Союзу». В организациях ЛДП была распространена специальная брошюра, в которой движение японских сторонников мира квалифицировалось как «проявление стратегии Советского Союза». Во все партийные организации ЛДП были направлены инструкции с особыми предупреждениями против принятия на местах, префектуральными, городскими и поселковыми собраниями, антиядерных деклараций и объявления различных районов страны зонами без ядерного оружия. Рекомендовалось даже не допускать в резолюциях местных собраний такие выражения, как, например, «содействовать разоружению». ЛДП требовала от своих членов не откликаться на кампании по сбору подписей против ядерного оружия и за разоружение.

¹ См.: «Правда», 2.III.1982.

Либеральным демократам удалось помешать сторонникам мира: сорвать, например, кое-где принятые органами местного самоуправления таких резолюций, которые могли бы стать серьезной помехой планам милитаризации страны, дальнейшего усиления военно-политического союза между Японией и США. Так, в токийском префектуральном собрании депутаты от ЛДП не допустили принятия декларации о провозглашении столицы безъядерным городом. Тем же менее движение против ядерного оружия, за разоружение не было остановлено.

О большом подъеме и силе антивоенного движения в Японии свидетельствовал, в частности, тот факт, что под его влиянием обе палаты японского парламента в мае 1982 г. единогласно одобрили резолюцию с призывом принять международные меры, имеющие целью ликвидацию ядерного оружия и запрещение его применения. За эту резолюцию вынуждены были голосовать и те депутаты парламента, которые отстаивали политику наращивания японской военной мощи, в той или иной степени оказывали реальную поддержку империалистической внешней политике США, угрожающей миру и безопасности народов.

Организации сторонников мира достигли поставленных целей по сбору подписей. Направив делегацию (более 1200 человек) на Вторую специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, они смогли передать петиции с подписями 82,5 млн. японцев, которые высказались за разоружение. Из этого числа Совет связи народных движений за полное запрещение ядерного оружия и разоружение собрал 28,8 млн. подписей, Совет связи за ядерное разоружение — 16,1 млн., Федерация новых японских религиозных организаций — 36,7 млн.² Хотя госдепартамент США принял меры к тому, чтобы не допустить в Нью-Йорк значительную часть японских активистов борьбы за мир, отказав им в выдаче виз, делегация от Японии принимала в Нью-Йорке самое деятельное участие во всех манифестациях борцов за мир. Шесть ее представителей выступили с трибуны сессии ООН, напомнив о трагедии Хиросимы и Нагасаки, призвав к запрещению ядерного оружия и разоружению.

Антивоенное движение, естественно, не ограничивалось лишь сбором подписей. Выступая против угрозы ядерной войны, японские сторонники мира постоянно обращают внимание на настоятельную необходимость противодействовать втягиванию Японии в глобальные агрессивные планы США, превращению Японии в крупную военную державу. В стране постоянно проходят митинги и демонстрации протеста против расширяющегося военного сотрудничества США и Японии и усиления американского военного присутствия в Японии, против совместных военных маневров двух стран на японской земле (на Окинаве, у горы Фудзи и др.), а также в морских районах, прилегающих к Японии, против участия Японии в многосторонних военно-морских учениях «Римпак» и пр.

Массовым движением протеста было встречено решение японского правительства о подготовке к размещению на авиабазе Мисава американских самолетов — носителей ядерного оружия Ф-16. Проводились демонстрации в противовес правительственным мероприятиям по пропаганде «сил самообороны», имеющим целью привлечение молодежи на военную службу. Все больше участников привлекают выступления против непрерывного роста военных расходов, который сопровождается сокращением ассигнований на социальные нужды.

Крупные антивоенные выступления состоялись осенью 1982 г. Проводившийся 21 октября антивоенный день был отмечен в 475 местах, в том числе в форме единых действий коммунистов и социалистов в 25 из 47 префектур (в Токио и ряде других префектур организации, связан-

² См.: «Асахи нэнкан», 1983 (Ежегодник газеты «Асахи», 1983), с. 458.

ные либо с КПЯ, либо с СПЯ, проводили свои мероприятия отдельно). 24 октября во многих местах были проведены антивоенные митинги и демонстрации в рамках Недели борьбы за разоружение, объявленной ООН. Наиболее внушительным из них был митинг в Осака, организованный по инициативе Генерального совета профсоюзов (Сохё), который привлек до 500 тыс. участников.

Осенние антивоенные выступления 1982 г. показали несостоятельность широко распространявшихся в Японии утверждений о неизбежности «снада» антивоенного движения после окончания работы Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Не вызывало никаких сомнений, что утверждения о временном характере подъема масс на антивоенные выступления исходили от правящей партии, опасавшейся, что массовое антивоенное движение против вовлечения Японии в глобальную военную стратегию США, против милитаризации страны подорвет позиции ЛДП и правительства.

Разумеется, некоторые формы антивоенных выступлений (сбор подписей, направление делегаций в Нью-Йорк и др.) были прямо приурочены к специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и завершились после ее проведения. Прекратили деятельность и некоторые организации, созданные прежде всего для этих действий, в том числе и Совет связи народных движений за полное запрещение ядерного оружия и разоружение. Это, однако, вовсе не означало прекращения антивоенного движения. Массовые антивоенные организации, прежде всего имеющие многолетний опыт борьбы за мир, продолжают активную деятельность. Сохраняются и основные цели антивоенного движения: ликвидация ядерной угрозы, обуздание гонки вооружений, запрещение ядерного оружия, отказ от военного союза Японии с США, недопущение превращения Японии в крупную военную державу, проведение Японией подлинно миролюбивой политики, защита мирной конституции и т. д. После завершения специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению можно говорить скорее об определенной перегруппировке антивоенного движения в Японии, о некотором изменении форм и методов антивоенных действий.

Уже в начале 1983 г. антивоенные выступления в Японии вновь активизировались. Непосредственным толчком к этому послужили воинственные высказывания японского премьер-министра Я. Накасонэ во время его визита в США в январе о намерении сделать Японию «непотопляемым авианосцем», о блокировании международных проливов у берегов Японии и «защите» японскими вооруженными силами морских коммуникаций на расстоянии 1000 миль от Японии. Японская общественность с полным основанием усмотрела в этих заявлениях премьер-министра свидетельство дальнейшего укрепления военного союза Японии с США, расширения японо-американского военного сотрудничества и в то же время стремления правящих кругов Японии играть более заметную военную роль на международной арене.

Воинственные заявления Я. Накасонэ вместе с его назойливыми призывами к укреплению «солидарности западного мира», что на деле означает беспрекословное следование главным капиталистических государств авантюристическому курсу администрации США во главе с Р. Рейганом, усилили опасения народных масс по поводу того, что США могут втянуть Японию в войну вопреки воле ее народа. Что такая возможность существует, считали 78 % японцев, опрошенных Японской телерадиовещательной корпорацией NHK в октябре 1982 г.³ Дальнейшие опросы общественного мнения, неоднократно проводившиеся японскими органами массовой информации в 1983 г., показали, что большинство насе-

³ In: "Japan Press Weekly", April 16, 1983, p. 14.

ления испытывает недоверие к «оборонной политике» правительства Накасонэ.

Отражением этих массовых настроений были состоявшиеся во многих районах Японии митинги и демонстрации под лозунгами «Не допустим превращения Японии в непотопляемый авианосец!», «Не допустим превращения Японии в поле ядерной битвы!». Массовые действия сочетались с выступлениями в парламенте депутатов левых партий. Депутаты КПЯ и СПЯ с парламентской трибуны осуждали милитаристскую политику правительства, требовали прекращения военного сотрудничества Японии с США, сокращения военных расходов, активных выступлений Японии на международной арене за разрядку, разоружение и укрепление мира.

Весной и летом 1983 г. миролюбивые силы Японии провели ряд массовых антивоенных выступлений. В конце февраля на 5-тысячном митинге в Токио было объявлено, что собрано почти 22 миллиона подписей под петицией парламенту с требованием сократить военные расходы и использовать высвободившиеся средства на нужды народа.

20—26 марта была проведена национальная неделя действий протеста против захода в японские порты американского атомного авианосца «Энтерпрайз». Митинги и демонстрации протеста состоялись во многих городах, самый массовый — в Сасэбо, в порт которого после 15-летнего перерыва зашел в марте «Энтерпрайз» во главе целой эскадры американских военных кораблей. 28 апреля были проведены национальные единые действия за ликвидацию японо-американского «договора безопасности».

Антивоенные лозунги занимали видное место на первомайских митингах и демонстрациях, в которых по всей Японии приняли участие 3,9 млн. человек, а в Токио — 350 тыс. Участники первомайских мероприятий осуждали гонку вооружений, выступали против милитаристского курса правительства Накасонэ, стремящегося превратить страну в «непотопляемый авианосец». Требования в защиту мирной конституции, против ее пересмотра правящими кругами звучали во многих районах страны на состоявшихся 3 мая мероприятиях, посвященных 38-й годовщине введения в действие основного закона.

7 мая стартовал традиционный 26-й марш мира из Токио в Хиросиму и Нагасаки. Такие марши проводятся в Японии с 1958 г. каждое лето, перед годовщиной варварских атомных бомбардировок японских городов. Марши мира в направлении Хиросимы и Нагасаки проводились также с крайнего севера и с юга Японии (с Хоккайдо и Окинавы), из префектур Тояма, Ниигата, Миэ, Вакаяма, с острова Сикоку и др.

В ответ на согласие японского правительства разрешить заход в порты Японии американского модернизированного линкора «Нью-Джерси» с крылатыми ракетами «Томагавк» на борту и новейшего американского атомного авианосца «Карл Винсон» в стране поднялось движение протеста против усиления военного присутствия США, нагнетающего напряженность на Дальнем Востоке. С 16 по 24 июля по призыву Центрального исполнительного комитета борьбы за ликвидацию «договора безопасности», за удовлетворение других требований народа, Японского совета борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы (Гэнсуйкё), Японского комитета мира, Центрального совета связи молодежи и студентов, Национального совета связи против военных баз была проведена неделя борьбы против захода линкора «Нью-Джерси» в японские порты и превращения Японии в «непотопляемый авианосец». Городское собрание Ёкосука, в порт которого должен был зайти линкор «Нью-Джерси», единогласно высказалось против его допуска.

Антивоенные лозунги сопровождали и избирательные кампании, проводившиеся в течение 1983 г. В частности, на апрельских общенациональных выборах в органы местной власти вопросы борьбы за мир ак-

тивно дебатировались на Хоккайдо, который правящие круги с помощью реваншистской кампании территориальных притязаний к Советскому Союзу стремятся превратить в антисоветский бастион. На выборах губернатора Хоккайдо победил Т. Ёкомити, кандидат Социалистической партии, выступающей за развитие Японии по пути мира и нейтралитета. Это означало, что жители Хоккайдо отвергают милитаристские замыслы японской реакции. Характерно, что социалисты параллельно с избирательной кампанией проводили общенациональные выступления в защиту мирной конституции, против военной угрозы, за разоружение.

СПЯ уделила большое внимание вопросам борьбы за мир и разоружение и в ходе кампании по выборам в палату советников парламента, проводившейся в июне. Она опиралась при этом на свою концепцию «невооруженного нейтралитета». Именно такую политику, по мнению социалистов, должна проводить Япония, чтобы внести свой вклад в дело укрепления мира во всем мире. Один из авторов этой концепции, нынешний председатель СПЯ М. Исибаси, подчеркивал, что, поскольку в ядерной войне не будет ни победителей, ни побежденных, несравненно важнее думать о предотвращении войны, нежели о вооружении. «Невооруженный нейтралитет» означает отказ от милитаризации, от заключения военных союзов с другими государствами, политику развития дружественных отношений с другими странами. Эту концепцию социалистов критикуют с разных сторон, объявляя ее «нереалистичной», «не соответствующей современной международной обстановке», однако СПЯ обосновывает свою позицию тем, что политика невооруженного нейтралитета наиболее отвечает бы интересам Японии как страны, ставшей жертвой применения атомного оружия и имеющей конституцию, которая запрещает вооружаться и вести войны.

Попытка упомянутых «мини-партий» завоевать место на политической арене Японии оказалась неудачной. Не принесли выборы успеха и Социалистической партии. В этой связи либерал-демократы утверждают, что «пацифизм непопулярен в стране», что антивоенные призывы не встречают поддержки масс.

Подобные утверждения, однако, никак нельзя считать обоснованными. Во-первых, они опровергаются многочисленными опросами общественного мнения, о которых шла речь ранее. Во-вторых, неудача «мини-партий» на выборах в палату советников объясняется в первую очередь тем, что в условиях существующей в Японии многопартийной системы новым мелким политическим группировкам почти невозможно занять сколько-нибудь заметное, тем более устойчивое положение, в частности, в парламенте. Что же касается неудачи СПЯ, то для нее тоже были причины внутриполитического и внутрипартийного порядка. В-третьих, для компартии Японии, которая активно выдвигала антивоенные лозунги в ходе избирательной кампании, выборы оказались успешными.

Еще в апреле этого года председатель ЦК КПЯ К. Миямото выступил с предложением, чтобы правительство провозгласило Японию страной, свободной от ядерного оружия. С 1 мая японские коммунисты начали общенациональную кампанию сбора подписей под призывом принять декларацию о безъядерной Японии. Эта работа продолжалась и в ходе кампании по выборам в палату советников.

В процессе развития антивоенного движения в Японии продолжают возникать новые его формы. Все большую известность в стране приобретает «Движение десяти футов». Начавшееся со стремления выкупить у США снятый американцами и тщательно скрывавшийся ими документальный фильм о последствиях атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (каждый из участников вносил средства, необходимые для покупки части киноленты длиной 10 футов), это движение затем поставило целью расказать средствами документального кино японскому и другим народам правду о том, что ждет человечество в случае развяза-

вания ядерной войны, о том, как и кто готовит такую войну, о борьбе миролюбивых сил за предотвращение ядерной катастрофы. Уже сделано три документальных фильма, съемки одного из них проводились при содействии советских сторонников мира. В «Движении десяти футов» участвует уже свыше 500 тыс. человек⁴.

Активные выступления японских сторонников мира способствовали успешному проведению очередной международной конференции против ядерного оружия, состоявшейся 1—9 августа 1983 г. в форме ряда совместных мероприятий японских сторонников мира в Токио, Хиросиме и Нагасаки с участием 160 зарубежных сторонников мира из 33 стран и 13 международных организаций, в том числе делегации Советского комитета защиты мира.

После раскола японского антиядерного движения в середине 60-х годов совместное проведение этого крупного форума японских сторонников мира стало седьмым по счету начиная с 1977 г. И хотя организационное единство массового антиядерного движения еще не было восстановлено и две специальные организации, поставившие своей целью мобилизовать общественность на борьбу против опасности ядерной войны — Гэнсуйкё и Гэнсуйкин (Японский национальный конгресс борьбы за запрещение ядерного оружия, образован в середине 60-х годов при поддержке СПЯ и ряда профсоюзов), — по-прежнему продолжали во многом действовать сепаратно, сотрудничество этих организаций, а также коммунистов и социалистов, профсоюзных центров и пр. в проведении международной антиядерной конференции еще раз подтвердило и возможность и настоятельную необходимость сплочения в борьбе против военной опасности самых различных сил и течений, независимо от их политической и идеологической ориентации.

Участники конференции были едины в том, что сейчас самые важные и неотложные задачи всех честных людей — это обеспечить всеобщий мир, остановить гонку вооружений, прежде всего ядерных, добиться прекращения испытаний ядерного оружия и полного его запрещения, исключить опасность ядерной катастрофы из жизни человечества. Именно эти положения и легли в основу документов, принятых на конференции, — Токийской декларации и Нагасакского воззвания.

Конференция потребовала ликвидации всех иностранных ядерных баз, выступила в поддержку создания зон, свободных от ядерного оружия. Высокую оценку получила одна из важнейших советских мирных инициатив — обязательство СССР не применять первым ядерное оружие.

Активные антивоенные выступления в Японии еще не превратились в единый, организованный поток всех или большинства участников движения за мир и пока не привели к полному отрезвлению реакционных, милитаристских сил. Тем не менее процесс превращения Японии в очаг военной опасности на Дальнем Востоке был серьезно замедлен. Правящие круги Японии вынуждены лавировать, всячески оправдывать свое военное сотрудничество с США, милитаризацию страны. Предпринимаются попытки ослабить накал антивоенного движения, дезориентировать его, направить против СССР под фальшивым предлогом «советской военной угрозы». Однако стремление японского народа к прочному миру нарастает, что создает объективную основу для дальнейшей активизации антивоенного движения. Японский народ должен сказать свое решающее слово в выборе пути развития своей страны.

⁴ См.: «Правда», 7.VI.1983.

АСЕАН в стратегии Вашингтона и Токио

*Э. С. Гребеницков,
кандидат исторических наук*

Администрация Р. Рейгана взяла за правило объявлять практически любой район земного шара зоной «жизненно важных» интересов США; провозгласив «крестовый поход» против социализма в глобальных масштабах. Вместе с тем под флагом борьбы с «коммунистической угрозой» реакционные империалистические круги пытаются упрочить свои позиции в бывшем колониальном мире, препятствовать стремлению развивающихся государств к независимому развитию. Вашингтон прилагает все усилия, чтобы подчинить своему диктату и Юго-Восточную Азию; несмотря на приобретенный здесь «травматический» опыт, США явно стремятся взять реванш за поражения.

Вопреки уставным задачам и целям ассоциации, ориентирующим ее на решение совместными усилиями животрепещущих социально-экономических проблем, АСЕАН постоянно подвергается мощному давлению объединенного фронта капиталистических держав, намеревающихся превратить организацию в милитаристский альянс, в инструмент своей конфронтационной политики. С начала 80-х годов страны «пятерки» активно вовлекаются в борьбу с социализмом, силами социального обновления и прогресса не только на региональном уровне, но и в глобальных масштабах — в ООН, движении неприсоединения, на других широких международных форумах.

1

Крах интервенции в Индокитае побудил в свое время правящие круги Соединенных Штатов искать, не отказываясь от своих имперских притязаний, более рациональные методы контроля процессов и событий, происходящих в Юго-Восточной Азии. Предполагалось, что подобная цель наилучшим образом могла быть достигнута при опоре на региональные союзы и организации прозападной ориентации. Суть данного подхода довольно точно сформулировал Г. Киссинджер, тогда еще профессор Гарвардского университета. Он писал: «Региональные группировки возьмут на себя главную ответственность за свои районы, США же будут заниматься общей структурой мирового порядка, а не урегулированием каждой из возникающих проблем»¹.

Такая задача в районе ЮВА могла быть возложена, очевидно, лишь на группировку АСЕАН, так как конструировавший с ней на первых порах АЗПАК фактически был парализован, а СЕАТО безнадежно дискредитировала себя как прямое орудие агрессии. Используя предубежденность правящей верхушки стран — членов АСЕАН против социализма, Вашингтон пытался направить развитие группировки в выгодном для себя направлении, стимулируя в первую очередь ее милитаризацию.

¹ Agenda for the Nation. Washington, 1968, p. 614.

Еще в 1968 г. вице-президент США Г. Хэмфри с той прямотой, какая в дальнейшем нечасто встречалась в высказываниях высокопоставленных американских лиц, требовал от стран — членов ассоциации «не жалеть усилий для превращения организации в чисто военный союз»². Американские стратеги неизменно рассматривали эту группировку как барьер на пути «распространения коммунизма», как антикитайский, а затем антивьетнамский форпост, узловой пункт широкого «пояса безопасности», охватывающего Восточную Азию и Австралазию и поддерживаемого военной мощью Соединенных Штатов.

Лидеры стран «пятерки», однако, с самого начала не выражали, как не выражают и сегодня, готовности к полному смыканию с агрессивным курсом США и тесной интеграции в военно-политическую систему империализма, понимая, что это ограничило бы свободу их маневра и увеличило напряженность и в без того беспокойном регионе. Кроме того, первоочередной задачей они считали консолидацию АСЕАН как невоенной организации, утверждение ее индивидуальности и самобытности, чему явно не способствовала бы ее «сеатонизация».

Пентагон все же не отказывается от навязывания ассоциации несвойственных ей функций, опираясь на влиятельное проамериканское милитаристское лобби в странах «пятерки». Неудивительно поэтому, что периодически возобновляется кампания за расширение рамок и интенсификацию военного сотрудничества стран — членов группировки, за распространение интеграционного процесса на военно-политическую сферу. Выдвигались — в качестве пробного шара — идеи проведения четырех- и даже пятисторонних военных маневров (до настоящего времени они осуществлялись лишь на двусторонней и — реже — трехсторонней основе). Уже практикуются ежеквартальные совещания экспертов стран ассоциации по проблемам стандартизации оружия, на которых намечаются реальные мероприятия в данной области.

Отрабатывается система совместных закупок оружия и боевой техники за рубежом, что, естественно, ведет к большему единообразию и унификации военных arsenалов стран «пятерки». Отличающийся заметной активностью на данном поприще главнокомандующий вооруженными силами Таиланда Сайют Кердпол предлагал странам — членам ассоциации складировать («на случай конфликта») средства материально-технического обеспечения на одном из принадлежащих США тихоокеанских островов. Выдвигалась также идея использования американской базы Кларк-филд на Филиппинах для военной подготовки персонала ВВС из всех пяти стран АСЕАН под руководством инструкторов из США. Для военного истеблишмента США на настоящем этапе, как явствует из одного пентагоновского документа, особенно важно, чтобы страны АСЕАН (расположенные на стыке двух океанов) «продолжали развивать свою способность содействовать переброске американской военной мощи из западной части Тихого океана в район Индийского океана и Персидского залива»³. Транзитными пунктами для такой передислокации могут служить базы США на Филиппинах.

Об изощренности тактики асеановских милитаристов и их зарубежных покровителей говорит, в частности, идея присоединения остальных членов АСЕАН к военному соглашению АНЗЮК, созданному в 1971 г. в составе Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, а также двух участников АСЕАН — Малайзии и Сингапура. Налицо попытка не только оживить деятельность этого до сих пор малозаметного образования, но и найти обходные пути для придания ассоциации военного характера под той или иной эгидой. Непосредственного участия США не предусматривается, да в нем, пожалуй, и нет необходимости. Проводниками их

² In: "Eastern World", May — June 1968, p. 5.

³ In: "Far Eastern Economic Review", vol. 116, N 25, June 18, 1982, p. 11.

вливания могут служить партнеры по блоку АНЗЮС — Австралия и Новая Зеландия.

Не сдан в архив и «запасной вариант» — план реанимации блока СЕАТО, тем более что регулярно подтверждается действительность Манильского пакта 1954 г., на основе которого был образован этот замкнутый союз. Еженедельник «Экономист» отмечал, что в новое американо-филиппинское соглашение о базах впервые включена ссылка на договор СЕАТО, что позволяет США, по свидетельству одного не названного по имени «высокопоставленного американского дипломата», использовать базы на Филиппинах «для защиты Таиланда»⁴. Тесное военное сотрудничество этих двух стран с Вашингтоном, естественно, не может не бросать тени на характер всей организации, которая еще в 1971 г. провозгласила своей программной задачей учреждение в Юго-Восточной Азии зоны мира и нейтралитета. «Присутствие американских войск в этом регионе, — говорил в интервью газете «Асахи» бывший вице-президент Индонезии А. Малик, свыше 12 лет являвшийся ее министром иностранных дел и, можно сказать, один из основателей ассоциации, — несовместимо с проводимой странами АСЕАН политикой мира и неприсоединения»⁵. Однако они присутствуют, и в довольно больших масштабах. На Филиппинах размещены опорные пункты Пентагона: база ВМС в Субик-бей и ВВС в Кларк-филд, причем последняя является самой крупной американской базой за пределами Соединенных Штатов. Их обслуживает американский военный и гражданский персонал, численность которого достигает 18 тыс. человек; по данным печати, ежегодно эти базы посещают сотни тысяч американских военнослужащих.

Под предлогом «поддержания баланса сил» в западной части Тихого океана Вашингтону удалось в июне 1983 г. после непродолжительных переговоров склонить Манилу к подписанию меморандума о продолжении использования баз на ее территории в течение очередного пятилетнего периода, хотя правительству страны приходится сталкиваться с нарастающим и все более организованным движением общественности за ликвидацию военного присутствия Соединенных Штатов и за принципы неприсоединения во внешней политике.

Учитывая непопулярность принятого ими решения, официальные власти дали обещание, что в «конечном счете» американские базы на филиппинской земле будут закрыты. Нелишне напомнить, что еще в Учредительной декларации АСЕАН, принятой в августе 1967 г., провозглашался «временный» статус иностранных военных баз в зоне АСЕАН.

После свержения полпотовского режима в Кампучии Вашингтон стал с удвоенной энергией культивировать «особые отношения» с Таиландом. Если Филиппинские острова рассматриваются в Пентагоне как форпост военно-морской политики Соединенных Штатов, то Таиланд, пожалуй, можно квалифицировать как острие их континентальной стратегии, направленное против социалистических государств Индокитая.

С территории Таиланда и при попустительстве, если не сказать — поощрении, его правящих кругов совершают вылазки и рейды в Народную Республику Кампучия вооруженные формирования полпотовцев и других кхмерских контрреволюционеров. Растет поток дорогостоящих вооружений и боевой техники, направляемых «прифронтовому государству» (как его именуют в Вашингтоне). Курс на нагнетание напряженности в Юго-Восточной Азии, за которым стоит Белый дом, оборачивается серьезным ущербом для таиландской экономики, и без того охваченной кризисными процессами. Создается впечатление, что некоторые таиландские руководители превращают свою страну в пешку в рискованной для судеб Юго-Восточной Азии игре заокеанского патрона.

⁴ «Economist», June 11, 1983, p. 52.

⁵ «Асахи», 2.II.1983.

Причины бурного интереса американских военных к окружающим Индокитаю территориям не составляют секрета. Говорить о «возвращении» сюда Соединенных Штатов не приходится, поскольку они и не покидали этот район. На успехи мирного созидания в странах Индокитая, на осуществляемые там глубокие социальные преобразования правящий класс США отвечает демонстрацией мощи, игрой военными мускулами, запугиванием «красной угрозой».

В выступлениях вашингтонских крестоносцев Таиланд и Филиппины часто фигурируют как «ключевые» государства Юго-Восточной Азии. США целеустремленно добиваются интенсификации военных связей с ними (поставки оружия и боевого снаряжения, обмен военными делегациями, подготовка военного персонала, заходы кораблей 7-го флота США в местные порты и т. д.).

Американский военно-промышленный комплекс вместе с тем налаживает взаимосвязи и с другими странами АСЕАН. Так, Сингапур уже предоставляет материально-техническое обеспечение для разведывательных самолетов США, совершающих облеты Индийского океана. В печати сообщалось о намерении этого небольшого государства закупить три самолета американского производства, оснащенные системой АВАКС для дальнего обнаружения авиации «противника», что может стать немаловажным шагом в направлении создания интегрированной системы ПВО стран ассоциации.

Упор на военно-политические контакты с асеановской «пятеркой» характерен для республиканской администрации. Приветствуя на словах экономические и социальные достижения АСЕАН (Р. Рейган даже назвал ее «моделью экономического сотрудничества»), США уклоняются от оказания в данной области сколько-нибудь значительной поддержки. В ответ на обращения лидеров стран «пятерки» Вашингтон рекомендует полагаться на многосторонние финансовые учреждения капиталистического мира и американский частный капитал, а не на помощь, оказываемую на более льготных условиях по правительственной линии (эта помощь имеет тенденцию к сокращению).

Намереваясь создать «санитарный кордон» вокруг Индокитая, США главную роль в этой неблагоприятной, если не сказать провокационной, кампании отводят странам АСЕАН, предпочитая оставаться как бы на втором плане. Госсекретарь США Дж. Шульц на одной из пресс-конференций отвечал утвердительно на вопрос, поддерживают ли Соединенные Штаты постоянное военное давление на Вьетнам, уточнив при этом, что они предпочитают действовать через «другие страны Азии»⁶. Здесь явно напрашивается параллель с «гуамской доктриной» Никсона, которая освящала практику натравливания одних азиатских государств на другие. По официальной версии госдепартамента, Вашингтон ограничивается лишь поддержкой стратегии АСЕАН, направленной на оказание «политической, моральной и гуманной помощи сопротивлению кхмеров», как заявлял, находясь с визитом в Таиланде, помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана П. Вулфовиц. Такие утверждения не выдерживают критики. Во-первых, Вашингтон — один из главных инициаторов и вдохновитель вмешательства во внутренние дела Кампучии. Во-вторых, политика стран ассоциации при всей неправомерности ее установок по «кампучийской проблеме» не является столь однозначной; в-третьих, с негативными аспектами этой политики согласны далеко не все в государствах «пятерки», где растет стремление к диалогу с Ханоем и поиску выхода из искусственно созданного тупика.

Несмотря на общность классовых интересов и жестких антикоммунистических воззрений правящих кругов Соединенных Штатов и стран — членов организации, отношения между сторонами отмечены постоянными

⁶ In: "Department of State Bulletin", vol. 83, N 2072, March 1983, p. 62.

трениями и острыми разногласиями. Лидеры «пятерки» периодически напоминают западным державам, и США в первую очередь, что свои связи с ассоциацией они должны строить на принципах суверенного равенства и учета ее потребностей. «От Соединенных Штатов, — пишет индонезийский исследователь Юсуф Вананди, которого трудно заподозрить в неоязычии к ним отношении, — ожидают большей восприимчивости к устремлениям их региональных союзников и ... признания законных интересов последних». Ю. Вананди против распространения на АСЕАН «глобальной риторики по поводу советской угрозы»⁷, измышления о которой, заметим, вкупе с домыслами о «вьетнамском экспансионизме» фабрикуются империалистическими пропагандистскими службами и их подделками. А вот признание уже американского автора: «В значительной части Азии, особенно в государствах АСЕАН, растет осознание того, что администрация Рейгана не понимает их проблем и не желает заниматься ими, а фактически лишь усугубляет их своей одержимостью русской угрозой»⁸.

Настойчивые попытки Вашингтона превратить ассоциацию в послушный инструмент агрессивной политики показывают, что он, не колеблясь, готов принести в жертву своим гегемонистским замыслам цели этой организации, неоднократно торжественно провозглашавшиеся на различных международных форумах.

2

Вашингтон активно привлекает к реализации собственных стратегических и тактических установок в Юго-Восточной Азии своих союзников из капиталистического лагеря, и в первую очередь партнера № 1 в Азии — Японию. С момента создания АСЕАН США и Япония тесно координировали свои подходы к этой организации; особенно интенсивные консультации между Вашингтоном и Токио происходили накануне важнейших мероприятий, проводившихся в рамках группировки (прежде всего двух совещаний в верхах — в 1976 и 1977 гг. и ежегодных конференций министров иностранных дел «пятерки»). Обе державы почти одновременно установили официальные контакты с АСЕАН как организацией: США — в марте, а Япония — в сентябре 1977 г. Четко очерченное распределение ролей между ними характеризовалось высокой степенью взаимодополняемости: США держали данную зону под своим военно-стратегическим прицелом, Япония «опекала» ее в экономическом плане.

Однако в последнее время такая схема разделения ответственности уже не удовлетворяет Белый дом. Как в академическом мире, так и в правительственных сферах США нарастает недовольство тем, что стране приходится нести «непропорционально большую» часть расходов по поддержанию «порядка» в асеановском субрегионе, в то время как дальневосточный союзник сосредоточил свои усилия и ресурсы на внешнеэкономической экспансии. Побуждая Токио форсированными темпами наращивать военные ассигнования, американское правительство рассчитывает, помимо прочего, ослабить конкурентоспособность японских монополий.

Классово-политические императивы, диктующие объединение усилий для закрепления подчиненного положения стран АСЕАН в системе международного капиталистического разделения труда, не отменяют ожесточенной конкурентной борьбы между американскими и японскими монополиями. Чаша весов в этих схватках пока склоняется в пользу послед-

⁷ Economic, Political, and Security Issues in Southeast Asia in 1980, Berkeley (Cal.), 1982, p. 118, 121.

⁸ "Foreign Affairs", 1982, N 3, p. 693.

них, однако их соперники готовят плацдарм для перехода в контрнаступление.

Таков фон, на котором происходит перераспределение обязанностей между Вашингтоном и Токио. Оно сводится к повышению «ответственности» Японии за положение в зоне АСЕАН путем ее постепенного приобщения к выполнению здесь военно-политических задач. Вашингтон пустил в ход широкий арсенал средств давления на Японию, с тем чтобы побудить ее к резкому наращиванию милитаристских усилий.

Газета «Асахи ивнинг ньюс» в редакционной статье процитировала слова министра иностранных дел Филиппин К. Ромуло, который, кстати говоря, в годы второй мировой войны сражался с японскими оккупантами: «История не должна повториться. Как США, так и Япония совершают серьезную ошибку: Америка — подталкивая Японию к увеличению военной мощи, Япония — слепо выполняя американские приказы»⁹.

Милитаристские амбиции Японии чреватые серьезной угрозой странам АСЕАН, принимая во внимание их географическую близость, стратегическое положение, богатые и разнообразные полезные ископаемые, а также традиционный «интерес» Токио к этой зоне.

Немалая опасность заключается в том, что свои далеко идущие проекты японская военщина осуществляет явочным порядком, желая избежать волны критических выступлений и противодействия этим планам в самой Японии. Правительство, к примеру, не делало ясных официальных заявлений о 1000-мильной зоне морской «обороны» (которая захватывает, как нетрудно установить, и воды, омывающие страны АСЕАН). «Оборонная стратегия (Токио. — Э. Г.), — писала «Острэлнэн файнэншл ревью», — сформировалась незаметно... Распространение японской прайвильственной политики на оборону судов под иностранным флагом, перевозящих товары в Японию, произошло как бы между прочим в ходе замечания, брошенного Накасонэ 9 марта (1983 г.) в японском парламенте»¹⁰.

Пропагандистским прикрытием этих мероприятий служат антисоветские и антивьетнамские инсинуации, которые, к сожалению, оказывают, несмотря на всю их очевидную нелепость, определенное воздействие на некоторых политических деятелей стран «пятерки». Последние, явно не без внушения извне, стали в последние годы допускать, правда с известными оговорками, возможность наращивания Японией своей военной мощи якобы в целях противодействия «коммунистической экспансии». К Токио обращались с призывами оказать содействие созданию в странах АСЕАН крупных предприятий для выпуска оружия и боевой техники по американским лицензиям. Речь, таким образом, идет не о чем ином, как о подготовке почвы для формирования фактического военно-политического альянса Япония — АСЕАН при поддержке США.

Поначалу наделение японских вооруженных сил военно-полицейскими функциями в Юго-Восточной Азии выдавалось за «вынужденную» меру — некую компенсацию сокращения степени вовлеченности Соединенных Штатов в этом регионе, как средство заполнения «вакуума», который может образоваться вследствие переброски американских боевых подразделений в другие районы земного шара. Эта «оборонительная» аргументация теперь отброшена. В Белом доме со всей категоричностью заявляют: не может быть и речи даже о частичном сокращении милитаристской активности США в Юго-Восточной Азии. Напротив, предстоит «резкое увеличение» их военного присутствия в тихоокеанском бассейне, неотъемлемой частью которого является зона АСЕАН¹¹.

Наращивание военной мощи США и Японии и укрепление их военного

⁹ "Asahi Evening News", 25.I.1983.

¹⁰ "Australasian Financial Review", April 19, 1983.

¹¹ In: "Far Eastern Economic Review", April 21, 1983, p. 39.

союза сулят лишь взвешивание напряженности в ЮВА, еще больше отдаляют перспективу стабилизации ситуации в регионе.

После поездки премьер-министра Я. Накасонэ в страны ассоциации весной 1983 г. токийские власти утверждали, что им якобы удалось окончательно убедить эти государства в «оборонительной направленности» японских военных программ. Видимость благожелательной реакции в странах «пятерки» намеревались, как писал хорошо осведомленный еженедельник «Фар истери экономик ревью», использовать «для ослабления внутренних противников политики... наращивания обороны», лишить японскую оппозицию «мощного аргумента»¹² (оппозиционные партии постоянно обращали внимание правительства на протесты в Юго-Восточной Азии против перевооружения Японии). Здесь можно лишь предполагать, что японская правящая элита либо сознательно дезинформировала общественность, либо сама обманулась в собственных ожиданиях, недооценив силу и глубину стойких антияпонских и антимилиитаристских настроений в АСЕАН.

Направленность усилий токийской дипломатии не вызывает сомнений. По словам «Нью-Йорк таймс», она состоит в том, чтобы японское «политическое и военное влияние ощутили во всех странах тихоокеанского бассейна»¹³. Сторонники крупномасштабного перевооружения Японии готовы при этом действовать и в обход мирных положений конституции. «Главная цель Накасонэ, — делал вывод журнал «Экономисутто», — создание антисоветского блока в Восточной Азии. Однако формирование обширной антисоветской системы безопасности ... следует скорее назвать не «оригинальной конструкцией» Накасонэ, а глобальной стратегией Рейгана. Накасонэ играет лишь роль активного коммивояжера»¹⁴.

Республиканская администрация сколачивает антисоветскую коалицию в глобальных масштабах, Япония же выступает, таким образом, в роли ее регионального «субподрядчика».

Соединенные Штаты вынуждены, конечно, в какой-то мере учитывать отрицательную в целом реакцию в странах АСЕАН (как и во многих других государствах Азии) на осуществляемое превращение Японии в мощную военную державу, что возрождает в их памяти грозные призраки прошлого. Ввиду этого Вашингтон считает целесообразным выставлять себя, по определению лондонского журнала «Уорлд тудей», в качестве «гаранта благонамеренного поведения» своего союзника¹⁵.

Люди, стоящие у руля государственной политики дальневосточного центра империализма, надеются вершить судьбы региональной группировки; где-то в перспективе им видятся даже контуры альянса Япония — АСЕАН, который позволит-де увеличить вес Японии в мировой политике. Они избегают афишировать свои намерения, инспирируя выступления — пока что единичные — в пользу этой концепции в странах «пятерки». Достичь этой цели предполагается в союзе и при опоре на США. Доказывая свои верноподданнические чувства по отношению к патрону, токийские политики не устают призывать страны АСЕАН крепить узы, соединяющие их с Соединенными Штатами, и ни в коем случае «не отделять» себя от них. «Нейтралитет (имеются, очевидно, в виду принципы неприсоединения. — Э. Г.) не может принести пользы при возникновении кризисной ситуации, — назидательно замечал Тору Яно, исследователь-международник, близкий к правительственным сферам. — В свете этого и следует оценивать роль, которую США могут играть в Юго-Восточной Азии»¹⁶.

Если до 1979 г., то есть до свержения режима Пол Пота, Токио, хотя

¹² Ibid, May 19, 1983, p. 14.

¹³ "New York Times", 7.XII.1982.

¹⁴ «Экономисутто», 3.V.1983.

¹⁵ "World Today", vol. 39, N 6, June 1983, p. 214.

¹⁶ "Asia Pacific Community", N 3, January 1979, p. 19.

и непоследовательно, выдвигал тезис о необходимости более гибкого, чем у Вашингтона, подхода к Вьетнаму, то ныне его политика практически полностью сомкнулась с американской. На настоящем этапе союзники сообща добиваются консервации кризисных явлений в международных отношениях Юго-Восточной Азии, нагромождают препятствия на пути, ведущем к оздоровленной ситуации. Так, накануне отбытия министра иностранных дел С. Абэ в Бангкок для встречи с его коллегами из стран «пятерки» «Майнити» сообщала о недовольстве в правительственных кругах Японии поисками ассоциацией пути к «договоренности» с Вьетнамом, которая может привести к «фактическому признанию статус-кво в Кампучии (то есть законной власти НРК. — Э. Г.) со стороны АСЕАН»¹⁷.

Параллелизм интересов США и Японии отчетливо выявляется и в проталкиваемой ими концепции «тихоокеанского сообщества». Правомерно, очевидно, говорить о том, что без участия в нем стран АСЕАН данная идея, по существу, повиснет в воздухе. Предполагаемый состав участников этого форума варьируется, но страны «пятерки» фигурируют как «твердые» кандидаты. США, Япония, а также Австралия уже начали долговременную кампанию по обработке стран — членов ассоциации. Свой «вклад» поспешили внести и южнокорейские власти. В мае 1982 г. они выдвинули (естественно, с санкции Вашингтона) предложение о проведении совещания в верхах с участием США, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Канады, стран АСЕАН, а также Южной Кореи для обсуждения концепции «тихоокеанского сообщества», причем в дальнейшем такого рода мероприятия должны были стать постоянными. Сеульский режим претендовал на роль посредника между государствами Запада и странами, объединившимися в рамках ассоциации. Однако в октябре 1982 г. во время своего визита в Сеул президент Индонезии Сухарто недвусмысленно отклонил эту инициативу, что, по существу, решило ее судьбу.

Страны АСЕАН полагают, что тихоокеанский проект — слишком тяжеловесная конструкция, в которой для них не найдется подобающего места, поскольку руководящее положение в любом случае займут США и Япония (либо в обратном порядке). Поэтому отношение «пятерки» в целом отмечено не только «отсутствием энтузиазма», но и глубоким скептицизмом. Эти страны отдают явный приоритет членству в ассоциации, стремясь укрепить ее по мере возможности в качестве самостоятельного субъекта международных отношений.

На переговорах лидеров стран «пятерки» с японской стороной преобладают отнюдь не военно-стратегические вопросы или грандиозные проекты типа «тихоокеанского сообщества» и тем более не проблема нейтрализации «советской угрозы» (как того желали бы в Токио), а вполне конкретные и осязаемые темы: неэквивалентный экономический обмен, отрицательное сальдо в торговле с Японией у трех стран АСЕАН, жесткие условия доступа на японский рынок асеановских промышленных изделий и многие другие. Все эти давние и болезненные проблемы еще более обострились вследствие кризисного состояния мировой капиталистической экономики, с которой тесно связано хозяйственное развитие членов АСЕАН.

Если ранее японские представители добивались гарантированных поставок сырья из стран «пятерки» (например, нефти, сжиженного газа), то теперь последним приходится бороться за то, чтобы Япония не снижала объема своих закупок — ведь на сырье падает 90 % их вывоза на японский рынок. Нельзя, конечно, отрицать того, что Токио идет на определенные, точно рассчитанные уступки, чтобы поддерживать на плаву те секторы народного хозяйства стран ассоциации, которые особенно важны для японской экономики. Однако финансовые инъекции увязываются

¹⁷ «Майнити», 26.VI.1983.

зачастую с импортом товаров японского производства. В итоге затраты на помощь окупаются с лихвой. «Своими экономическими достижениями, — честно признает «Джэйпэн таймс», — Япония во многом обязана странам Юго-Восточной Азии»¹⁸.

Американский специалист по проблемам Юго-Восточной Азии Ф. Вайнштейн, не скрывающий своего критического отношения к японской политике, констатировал: «Для жителей района стало привычным испытывать чувство недовольства японцами. Обязательство Т. Фукуды выделить 1 млрд. долл. для реализации пяти совместных проектов АСЕАН (ряд из них оказался под вопросом. — Э. Г.) стало символом крушения надежд». «Япония, — пишет далее американский исследователь, — пытается навязать региону выгодную ей стратегию развития и непосредственно вмешиваться в процесс принятия экономических решений в странах АСЕАН»¹⁹. К этой же цели стремятся, впрочем, и американские компании. Общий знаменатель усилий тех и других, как, разумеется, и поддерживающих их правительств, — обеспечение того, что они понимают под политической «стабильностью» в странах ассоциации, где они рассчитывают сохранить в неприкосновенности собственные прибыли. Государства, входящие в АСЕАН, сталкиваются, таким образом, с единым, по существу, фронтом неокolonизаторов.

Есть, однако, объективные возможности, позволяющие АСЕАН успешно противостоять внешнему диктату. Растущая активность молодых независимых государств на мировой арене, их настойчивая борьба за новый международный экономический порядок, глубокое позитивное воздействие, оказываемое на международные отношения странами социалистического содружества, — таковы мощные факторы, сковывающие силы империализма и гегемонизма.

* * *

Общность классовых интересов, приверженность правящей верхушки стран — членов ассоциации и ряда западных держав антикоммунистическим догматам накладывают, несомненно, глубокий отпечаток на внешнеполитическую платформу АСЕАН и составляющих ее государств. Это объясняет ориентацию АСЕАН на Запад, в первую очередь на Соединенные Штаты, ставку крайне правых элементов на жесткую конфронтацию с Вьетнамом, искусственное сдерживание развития сотрудничества с Советским Союзом. Но в деятельности АСЕАН вместе с тем присутствует и другая тенденция, которая хотя и с трудом, но пробивает себе дорогу. Она заключается в стремлении к нормализации и упрочению отношений с государствами ЮВА, имеющими иную социально-экономическую систему, к самостоятельному внешнеполитическому курсу.

Соотношение между двумя данными линиями, которые имеют влиятельных сторонников и противников в правящей элите стран «пятерки», постоянно меняется. Ареной политической борьбы между ними стали проблемы Индокитая, превратившиеся в пробный камень способности облеченных ответственностью деятелей к реалистическим суждениям, объективному анализу и их готовности к равноправному диалогу.

К сожалению, с конца 70-х годов определенные круги в АСЕАН заняли откровенно недружественную позицию по отношению к Вьетнаму, Лаосу и народной Кампучии. Некоторые члены ассоциации, игнорируя коренные перемены в Индокитае, волеизъявление кампучийского народа, ликвидировавшего ненавистную полпотовщину, стали на путь провоцирования осложнений и открытого вмешательства во внутренние дела соседних государств. Отдельные члены АСЕАН, по существу, взяли на

¹⁸ "Japan Times", 26.IX.1982.

¹⁹ Economic, Political, and Security Issues, p. 186—187.

себя выполнение предписаний американских лидеров, действующих заодно в данном вопросе. В конце 1981 г. под их нажимом страны ассоциации проявили большое усердие в сколачивании коалиции кхмерских контрреволюционеров — так называемого «трехстороннего правительства» Спанаука — Сон Санна — Кхнеу Самфана.

Судя по всему, руководящие деятели в этих странах действуют с чрезмерной оглядкой на империалистические державы, опасаясь вызвать их неудовольствие. В результате кризисные явления в международных отношениях ЮВА угрожают приобрести перманентный характер, затрудняется и откладывается выход из тупиковой ситуации.

Тем не менее, несмотря на все происки и помехи, чинимые внешней и внутренней реакцией, вьетнамская дипломатия, правительство НРК продолжают настойчиво искать пути и средства оздоровления обстановки и развития диалога в регионе.

Хорошо известна целая серия конструктивных, тщательно продуманных инициатив трех государств Индокитая, призванных содействовать достижению этой цели. Предпринимаемые Вьетнамом, Лаосом и Народной Республикой Кампучия шаги в дипломатической сфере пользуются полной поддержкой Советского Союза, других стран социалистического содружества.

На состоявшейся 29 июля 1983 г. встрече с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном Ю. В. Андропов заявил, что СССР и впредь будет содействовать конструктивным усилиям социалистического Вьетнама, выступающего совместно с Лаосом и Кампучией, направленным на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, сотрудничества и стабильности. Руководители двух партий отметили важное значение советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве, пятилетие которого отмечалось в этом году. Уместно напомнить, что статья пятая договора гласит: «Договаривающиеся Стороны... будут поддерживать стремление народов Юго-Восточной Азии к миру, независимости и сотрудничеству между ними»²⁰. Именно так они и поступают на практике.

Поэтапный вывод вьетнамских добровольческих сил из Кампучии — это одновременно и свидетельство неуклонной стабилизации обстановки в этой многострадальной стране, которой не в состоянии помешать диверсии реакционной кхмерской эмиграции, и убедительная демонстрация доброй воли Вьетнама, по-прежнему рассчитывающего на ответные шаги соседей по региону. Преодоление за столом переговоров разногласий на основе трезвого учета взаимных интересов и равноправия, улучшение отношений между двумя частями Юго-Восточной Азии — государствами Индокитая и странами АСЕАН, — вопреки козням и обструкции империалистических держав пойдет на пользу делу мира в Азии и во всем мире, сорвет военно-стратегические планы Вашингтона и Токио в отношении ассоциации.

В Советском Союзе с симпатией относятся к попыткам стран «пятерки», как и других освободившихся государств, достичь экономической самостоятельности, упрочить политическую независимость, обеспечить плодотворное социально-экономическое и культурное сотрудничество на региональной основе. Официальные заверения лидеров стран ассоциации о верности уставным задачам и недопустимости ее превращения в военный блок можно было бы только приветствовать, если бы они последовательно и твердо проводились в жизнь. Со своей стороны, СССР, как об этом сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, не видит препятствий к налаживанию доброго сотрудничества со странами — членами АСЕАН.

²⁰ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1978 год. Сб. документов. М., 1979, с. 191.

Дискуссия о формах собственности в Китае

*И. Н. Наумов,
кандидат экономических наук*

Со второй половины 1977 г. в КНР проходят дискуссии по важнейшим теоретическим вопросам политической экономии социализма: об объективных экономических законах, о цели производства и основном экономическом законе социализма, о характере распределительных отношений, о сущности, месте и роли товарно-денежных отношений и закона стоимости в условиях общественной собственности, о соотношении планового и рыночного регулирования. Эти дискуссии были обусловлены самой жизнью. Острые социально-экономические проблемы, серьезно осложнившиеся за многие годы «большого скачка» и «культурной революции», вызвали настоятельную необходимость пересмотра «направляющих идей», которые закладывались в основу официальной экономической политики в 1958—1978 гг.¹

Однако без преувеличения можно сказать, что центральное место в этих дискуссиях занимают вопросы характера отношений собственности в КНР и перспектив ее дальнейшего развития. Некоторые участники дискуссии справедливо указывали на то, что именно грубые нарушения в этой решающей сфере производственных отношений стали причиной критического положения в народном хозяйстве КНР, источником многих конфликтных ситуаций в китайском обществе.

Для того чтобы лучше уяснить смысл ведущейся дискуссии, напомним наиболее важные события в преобразовании отношений собствен-

¹ Дискуссии начались летом 1977 г. с обсуждения китайскими экономистами и социологами вопросов распределения и заработной платы при социализме. С 1978 г. в сферу дискуссий стали вовлекаться проблемы товарно-денежных отношений и действия закона стоимости, цели производства при социализме, характера социально-экономического строя в КНР. Активное обсуждение отношений собственности началось с опубликования в журнале «Цзинцзи яньцзю» (1979, № 1) статьи известного экономиста Дун Фужэна «К вопросу о формах социалистической собственности в Китае». По поднятым в статье вопросам (о сущности и характере государственной и кооперативной собственности и путях их преобразования) высказались очень многие известные политэкономы КНР, а также некоторые политические деятели. Многочисленные выступления участников дискуссии, статьи, доклады публиковались в центральной печати («Хунцзи», «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и др.), а также в научных экономических журналах («Цзинцзи яньцзю», «Цзинцзи гуаньли», «Цзинцзи кэсюе», «Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли» и др.), в научных записках университетов, институтов. Краткое изложение различных точек зрения по важнейшим проблемам политэкономии было напечатано в сборниках «Дискуссии по важнейшим проблемам политэкономии 1949—1980 гг.» (Пекин, 1981) и «Пolemика по вопросам политэкономии в 1977—1980 гг. в КНР» (Сянь, 1982). Дискуссионные вопросы социально-экономического развития КНР находят отражение в учебниках политэкономии, книгах (Сюе Му цзяо «Экономические проблемы социализма в Китае», 1980; «Экономическая система социализма и ее преимущества», 1981, гл. ред. Дун Фужэн, и др.). Периодически в журналах помещаются краткие обзоры дискуссий. Например, в конце марта — начале апреля 1981 г. на дискуссию по вопросам собственности в Пекине было представлено 150 докладов, статей и материалов обследования (см. «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6).

ности в КНР, а также «основные направляющие идеи», которыми теоретически оправдывались эти преобразования.

Если попытаться из всей массы событий и мероприятий, проводившихся после образования КНР в социально-экономической области, выделить главные, оказавшие решающее воздействие на все другие события, то таковыми, несомненно, окажутся преобразования в отношениях собственности на средства производства. Никогда прежде за всю свою длительную историю китайское общество не знало столь крупных изменений в отношениях собственности как по радикальному характеру, так и по масштабам и темпам, какие произошли после 1949 г. За первые три года существования КНР (1949—1952) была проведена аграрная реформа, национализированы банки, собственность бюрократического и иностранного капитала. В результате были в основном выполнены задачи народно-демократического этапа революции: ликвидирована экономическая основа феодализма, бюрократического и иностранного капитала. На следующем этапе (1955—1956) — этапе социалистических преобразований — было проведено кооперирование крестьянства, городского ремесленничества, собственность национальной буржуазии преобразована в смешанную, государственно-частную. В итоге в китайском обществе было покончено с многоукладностью, и оно вступило на путь социалистического строительства.

Практика развития народного хозяйства в первые восемь лет существования КНР показала большие преимущества и огромные потенциальные возможности новых форм и отношений собственности. Небывальными для старого Китая темпами началось развитие народного хозяйства. Однако уже тогда обнаружились отрицательные стороны форсированного обобществления средств производства: огромный разрыв между новыми формами собственности и отсталой материально-технической базой, между масштабами обобществления средств производства и низким уровнем управления обобщественной экономикой. Естественно поэтому, что первоочередными задачами дальнейшего социально-экономического развития КНР стали задачи подведения под новые формы собственности прочной современной материально-технической базы, совершенствования структуры организации общественного производства, создания действенного механизма хозяйствования, совершенствования системы управления народным хозяйством.

Приверженцы концепции «единой социалистической общенародной собственности» отвергали объективные законы становления социалистической собственности, зависимость обобществления средств производства от уровня развития производительных сил, то есть от уровня обобществления процесса производства и труда. Им представлялось, что средства производства можно обобществлять на любом, даже феодальном этапе их развития.

Концепция «единой социалистической общенародной собственности» создавалась, разумеется, не ради чистой теории. Она имела сугубо практическое назначение. Ее образование должно было обеспечить государству возможность невиданной по масштабам мобилизации трудовых и материальных ресурсов для достижения сверхвысоких темпов в экономическом строительстве. Появление концепции «единой общенародной собственности» в Китае явилось идеологическим обоснованием перехода к новому туру обобществления имущества. В отношении темпов обобществления Мао Цзэдун считал, что главное в этом деле не упустить политического момента и настроения масс, а действовать по принципу: «Куй железо, пока горячо»². Обобществление должно было проводиться в форме следовавших одна за другой политических кампаний. Массовая кампания по реализации этой теории началась в 1958 г., с переходом к

² См.: «Мао Цзэдун сысян ваньсуй». Пекин, 1967.

курсу «трех красных знамен». В городах этот процесс выразился в переводе кооперативов ремесленников в разряд государственных предприятий. Государственными стали также смешанные предприятия, основанные на государственном и частном капитале. Почти полностью были ликвидированы единоличные хозяйства в сфере услуг, торговле, ремесле.

Но особенно бурно проходило преобразование форм собственности в деревне. Мелкие кооперативы расценивались как «пути большого скачка», «тормоз развития производительных сил»; объединение кооперативов было объявлено потребностью производства, требованием масс. Формой объединения кооперативов стала народная коммуна, которая рассматривалась как наилучшая форма перехода от коллективной собственности к общенародной и от социалистического общества к коммунистическому. Важным направлением в образовании «единой общенародной собственности» являлось стремление к гигантомании, то есть созданию крупномасштабных хозяйственных единиц, ко всеохватывающему обобществлению имущества. Считалось, что, чем больше размеры хозяйств, тем ярче проявляются преимущества социализма. Буквально за один месяц (сентябрь) в 1958 г. более 760 тыс. производственных кооперативов было преобразовано в 24 тыс. народных коммун. В целом срок перехода от коллективной к общенародной собственности определялся всего в 3—4 года, а в окраинных районах — в 5—6 лет³. Концепция «единой общенародной собственности» отрицала даже личную собственность трудящихся. При организации народных коммун обобществлению подверглись не только все крупные средства производства, но и мелкий ручной сельскохозяйственный инвентарь, мелкий домашний скот, птица и даже кухонная утварь. В дальнейшем народные коммуны должны были охватить и города, стать «орудием преобразования старого города и строительства нового, социалистического города» и в конечном счете превратиться в основную, «первичную единицу общественной структуры» Китая.

При создании «единой общенародной собственности» нарушались не только законы развития самой социалистической собственности, но и объективные экономические законы, которые порождаются установлением общественной собственности и при соблюдении которых общественная собственность только и может успешно развиваться и крепнуть. Так, отрицалась объективная необходимость подчинения производства удовлетворению стремительно растущих потребностей трудящихся, которая отождествлялась со стремлением к «буржуазному образу жизни». В искаженном виде толковался закон социалистического накопления: в распределении национального дохода был выдвинут принцип «больше накапливать, меньше потреблять». И в теории и на практике закону планового пропорционального развития противопоставлялся так называемый закон «волнообразного развития», оправдывалась и поощрялась стихийность. Широко популяризировались идеи бестоварного социалистического производства. Искажалась сущность хозяйственного расчета при социализме. Идеализировалась уравниловка в распределении. Оплата по труду, существование товарно-денежных отношений расценивались как «база реставрации капитализма».

Много острых проблем накопилось в управлении общественной собственностью и экономикой в целом. После формирования хозяйственно-административного механизма в середине 50-х годов в КНР не проводилось ни одной научно обоснованной экономической реформы. Вводимые же в хозяйственный механизм изменения в годы «большого скачка» и «культурной революции» не улучшали, а серьезно ослабляли его. Использование экономических методов в управлении квалифицировалось как отступничество от «истинного социализма» и уступка «ревизиониз-

³ См.: «Синьхуа баньюекань», 1958, № 24, с. 3—11.

му». В промышленности максимально были урезаны хозяйственные права предприятий. Вся прибыль, амортизационные средства забирались либо в централизованный фонд государства, либо в фонды местных властей. В оплате труда были отменены сдельная заработная плата, премирование. В управлении народным хозяйством возобладали административно-бюрократические методы с руководящим принципом «политика — командная сила».

Конечно, после 1958 г. китайская экономика не стояла на месте. Однако ее продвижение сопровождалось спадами, огромными трудовыми и материальными потерями.

Естественно, в таких крайне неблагоприятных условиях общественная собственность не могла проявить в полную силу свои преимущества. Более того, как утверждают сейчас многие китайские экономисты, несвоевременное создание «единой общенародной собственности» нанесло огромный вред развитию производительных сил в КНР, подрывало производственную активность и трудовую дисциплину народа.

Критическая обстановка в народном хозяйстве требовала принятия неотложных мер по ее урегулированию, а также переосмысливания ряда «направляющих идей» относительно собственности. Начавшаяся с середины 1977 г. переоценка некоторых экономических постулатов, выдвинутых в годы «большого скачка» и «культурной революции», ускорилась после III пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), в решении которого было записано положение о необходимости «приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил»⁴. Смысл этого тезиса стал раскрываться во время проведения конкретных мер, непосредственно касающихся изменений в отношении собственности. Так, крестьянам было разрешено ведение подсобных хозяйств и промыслов, в деревне начался переход на систему производственной ответственности, включая дворový подряд⁵; в городах допускалось мелкое индивидуальное предпринимательство; в экономику стал привлекаться иностранный капитал, в провинции Гуандун и Фуцзянь были образованы «особые зоны»⁶; промышленные предприятия начали наделяться некоторыми правами в области планирования, реализации продукции, материального стимулирования⁷ и т. п.

В ходе дискуссии о преобразовании форм собственности в городе и деревне большинство ее участников сошлось на том, что преобразование собственности в 1955—1956 гг. и образование народных коммун в последующие годы проводились «поспешно». В книге «Экономические проблемы социализма в Китае» известный экономист Сюе Муцяо писал: «На одном этапе мы чрезмерно акцентировали внимание на сковывающем воздействии отсталых производственных отношений на производительные силы и в условиях, когда производительные силы не получили значительного развития, поспешно преобразовали производственные отношения, не отдавая себе отчета в том, что преобразование отношений сверх требований производительных сил равным образом может помешать развитию производительных сил. В то же время после появления новых производственных отношений, которые дали широкий простор развитию производительных сил, мы недостаточное внимание уделяли упрочению новых производственных отношений, сосредоточению усилий на развитии производительных сил»⁸. Осуждены были кампанейские волюнтаристские методы обобществления средств производства, шаблонный подход к обобществлению и т. д.

⁴ «Хунци», 1979, № 1, с. 16.

⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1.

⁶ Там же.

⁷ См.: «Чжунго цзинци яньцзянь — 1980». Пекин, 1981, с. IV — 6 — 10.

⁸ Сюе Муцяо. Экономические проблемы социализма в Китае. Пекин, 1980, с. 257.

Почти все участники дискуссии подчеркивают теоретическую несостоятельность и практический вред концепции «единой общенародной собственности» как не отвечающей конкретным условиям Китая, прежде всего отсталому, «неравномерному» уровню развития производительных сил. Полностью отрицалась необходимость создания в 1958 г. народных коммун. В 1980 г. «Хунци» констатировал, что уровень производительных сил на современном этапе в КНР еще далеко не достаточен для превращения всех средств производства в государственную социалистическую собственность. При рассмотрении системы собственности необходимо учитывать коренные особенности Китая — огромные масштабы страны и бедность⁹.

Из этих посылок делался естественный вывод о необходимости «урегулирования», «преобразования» существующей системы собственности в КНР. Более того, эти преобразования рассматривались как стержень всей хозяйственной реформы. Важным выводом дискуссии было признание необходимости всемерного использования разнообразных форм кооперативной собственности как в деревне, так и в городе, а также сохранения мелкой собственности, подсобных хозяйств и промыслов трудящихся. Однако между участниками дискуссии обнаружились острые и принципиальные разногласия относительно характера и направления изменений структуры собственности, в оценке различных форм собственности и т. п.¹⁰

В ходе дискуссии некоторые из ее участников поставили вопрос о правомерности социально-экономических преобразований, имевших место в КНР в 1955—1956 гг. Из опубликованных обзоров явствует, что они выражали сомнения относительно «вступления Китая в социализм», минуя капиталистическую стадию развития; утверждали, что «в КНР пока еще нет соответствующих производительных сил для строительства социалистического общества», что низок еще уровень обобществления процесса производства, что «идеи и теории социалистических преобразований», проводимых КПК, не отвечают принципам «Марксова научного социализма», а представляют идеи «крестьянского социализма», ориентирующиеся на мелкое, а не на крупное производство. Говорилось и о преждевременности ликвидации в КНР капиталистического уклада, о том, что союзником рабочего класса в построении социализма должна быть буржуазия, а не патриархальное крестьянство¹¹. Высказывались также мнения о преждевременности создания общенародной собственности¹².

Однако большинство участников дискуссии не согласилось с такой оценкой преобразований отношений собственности в 1955—1956 гг. Ими признавалось, что преобразования в отношениях собственности на средства производства в Китае были объективно необходимы и «направление их правильное», поскольку они открыли для Китая путь социалистического развития¹³. В то же время они критически отнеслись к темпам, методам и формам этих преобразований. Так, в некоторых выступлениях печати в явном и неявном виде проводится мысль о ненужности в 1955—1956 гг. превращения кооперативов низшего типа в производственные кооперативы высшего типа, поскольку последние, по их мнению, совсем не отвечают условиям и потребностям китайской деревни¹⁴.

Большинство участников дискуссии в той или иной форме выступило за отход от «чистой», то есть одноукладной, экономики и переход к мно-

⁹ См.: «Хунци», 1980, № 24, с. 24.

¹⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6, с. 34—37.

¹¹ См.: «Хунци», 1982, № 6; «Шэхуэй кэсюе», 1982, № 5, с. 25—40.

¹² См.: «Дискуссия по важнейшим проблемам политекономии — 1949—1980». Пекин, 1981, с. 263.

¹³ «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6, с. 34.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 8.V.1983; «Гуанмин жибао», 27.III.1983; «Хунци», 1983, № 5, с. 9—17.

гоукладности, за создание «многослойной структуры собственности, которая соответствовала бы реальному уровню производительных сил в КНР в настоящее время»¹⁵. Поэтому они оправдывали и обосновывали решения правительства о допущении в структуру отношений собственности в КНР различных, включая и несоциалистические, форм собственности (единоличную, государственно-капиталистическую и капиталистическую). Они аргументировали свою позицию не только названными выше доводами (отсталый уровень производительных сил, «неравномерность» их развития, ручной характер труда), но утверждали также, что индивидуальный, государственно-капиталистический и капиталистический уклады должны играть роль некоего фермента в «омертвевшей» экономической жизни КНР, оказывать «внешнее давление» на социалистический сектор, побуждая его повышать свою «конкурентоспособность». В некоторых выступлениях в печати утверждается, что именно «многослойная» структура собственности способна ускорить развитие производительных сил во всех укладах в КНР¹⁶.

Другие участники дискуссии довольно сдержанно восприняли отступление к многоукладной экономике такого типа. Они предлагают идти главным образом по пути упорядочения двух форм собственности — государственной и кооперативной — и допущения в ее структуру в ограниченных масштабах индивидуальной собственности в качестве дополнения к общественной собственности¹⁷.

Многие из участников дискуссии пытаются явно сгладить, завуалировать социально-экономическую сущность происходящих в настоящее время в КНР преобразований в отношениях собственности. Все изменения, происходящие в структуре собственности, включая допущение индивидуального предпринимательства, иностранного капитала, переход на дворový (семейный) подряд в деревне, ими интерпретируются не более чем изменения в формах хозяйствования и управления, не затрагивающие будто бы сущности социально-экономических отношений в китайском обществе.

У сторонников концепции возврата к многоукладной экономике нашлись противники как в научных кругах, так и среди кадровых работников и трудящихся, опасаящихся возможности возврата к досоциалистическим порядкам.

Одной из центральных тем обсуждения стало выяснение сущности, места и роли государственной собственности в КНР. Ряд экономистов отказывал ей в праве быть формой социалистической общенародной собственности. В ее функционировании в годы существования КНР, особенно после 1957 г., отмечались крупные нарушения: излишняя централизация и отсутствие экономической самостоятельности предприятий, игнорирование экономических законов и голое администрирование, отрыв производства от потребления, рост бюрократизма и пр. Однако некоторые участники дискуссии, справедливо подвергая критике административно-бюрократические и военизированные методы управления экономикой, в то же время приписывают эти нарушения самой природе общественной собственности, особенно в ее государственной форме. Они утверждают, будто государственная собственность не может быть формой общенародной собственности, для последней должна быть якобы найдена новая и более приемлемая форма.

Какие же доводы приводятся этими экономистами в качестве доказательства выдвигаемой ими точки зрения? По их мнению, оказывается, что-де социалистическая государственная собственность при всех случа-

¹⁵ «Гуанмин жибао», 5.VI.1980; 19.VII.1980; «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6, с. 36—37; № 7, с. 3—10.

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 19.VII.1980.

¹⁷ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6, с. 36—37.

ях отвергает товарное «производство и закон стоимости», «не может обеспечить непосредственное соединение рабочей силы со средствами производства», личных интересов трудящихся со всенародным интересом. Она будто бы не создает стимулов развития производства. Отсюда государственные органы власти, по словам сторонников этой точки зрения, подменяют экономические органы управления, предприятия превращаются в придатки различных органов власти, не могут проводить всестороннюю независимую систему хозяйственного расчета. По их заявлениям, государственная форма собственности легко порождает бюрократизм, голое администрирование, волюнтаризм, лишает предприятие материального интереса и «внутренних стимулов развития»¹⁸.

Из приведенных слов нетрудно видеть, что в данном случае социалистической государственной собственности приписываются все извращения в экономической политике, имевшие место в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции». Действительно, там, где объективные экономические законы сознательно и грубо попираются, использование государственной собственности может привести и приводит к тем отрицательным последствиям, о которых говорят авторы. Но в этих случаях виновата вовсе не форма государственной собственности как таковая, а характер ее использования в нарушение присущих ей внутренних законов развития. Сторонники ликвидации государственной собственности как формы общенародной собственности постоянно твердят о «новых подходах», о «новых решениях», не замечая, видимо, того, что сами-то они пока остаются на старых метафизических методологических позициях времен «большого скачка» и «культурной революции». Тогда в Китае говорили и действовали по принципу: или — или, то есть или «единая социалистическая общенародная (государственная) собственность», или товарное производство, полный хозрасчет, хозяйственная самостоятельность и неизбежная «реставрация капитализма». В настоящее время сторонники ликвидации государственной собственности как формы общенародной собственности твердят: или товарное производство, хозяйственный расчет, хозяйственная самостоятельность предприятий, или государственная собственность.

Общим в этих точках зрения является то, что их авторы не допускают мысли, что социализму внутренне присуще диалектическое сочетание этих двух противоположностей — и социалистической государственной собственности, и товарно-денежных отношений, хозрасчета, относительной самостоятельности предприятий. Это доказала вся история развития реального социализма. Ни в одной социалистической стране, где экономическую основу составляет государственная собственность, ее развитие не привело к ликвидации товарно-денежных отношений, хозрасчета, хозяйственной самостоятельности предприятий. Напротив, укрепление государственной собственности, усиление централизованного планирования одновременно требовало более полного использования товарно-денежных отношений, усиления хозяйственной самостоятельности предприятий, устроения хозяйственного расчета.

Столь же безосновательны утверждения относительно других «хронических пороков», якобы присущих социалистической государственной собственности. Естественно, если в КНР, как признают сейчас, на протяжении десятилетия рабочий класс был отстранен от управления предприятиями, профсоюзы и другие общественные организации, собрания представителей рабочих были распущены, материальное стимулирование отменено, а вся прибыль забиралась в государственный фонд, то тогда нечего и говорить о «непосредственном соединении труженников со средствами производства, о сочетании государственных и личных интересов». Но при чем здесь социалистическая государственная собственность?

¹⁸ «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 1, с. 21—26.

У представленной выше концепции ликвидации государственной собственности как формы общенародной собственности имеются разновидности. Так, некоторые экономисты признают, что создание общенародной собственности на первых этапах революции — необходимое и прогрессивное явление (это обеспечивает сравнительно быструю победу революции, ускоряет ликвидацию старой экономической системы и создание новой, благоприятствует становлению и укреплению социалистической надстройки и т. п.), однако в последующие годы в обычных условиях она, по их утверждению, изживает себя и нуждается в замене.

Другие обществоведы пытались выдавать отступления в строительстве социализма в КНР за норму, некий всеобщий закон, присущий будто бы всем социалистическим странам. Так, они признают за экономической системой социализма ее способность эффективно мобилизовать ресурсы и быстро развивать производство; ликвидировать эксплуатацию, анархию производства, капиталистическую конкуренцию, создавать отношения товарищеского сотрудничества между людьми, проводить принцип распределения по труду. Но в то же время они приписывают социализму чрезмерную концентрацию права принятия хозяйственных решений, подрыв хозяйственной инициативы предприятий, недостаток развития горизонтальных связей, «дефицит» движущей силы в улучшении производства, обновлении техники, повышении производительности труда и качества продукции¹⁹. Ключевым положением сторонников этой точки зрения является утверждение, будто в условиях обобществления основных средств производства невозможно соединить личные интересы тружеников с общенародными интересами. По их мнению, общественная собственность и социалистический строй при всех условиях порождают уравниловку, что ведет к снижению трудовой активности.

Что же предлагается ими взамен государственной собственности как формы общенародной собственности? Одни (например, Дун Фужэн) рекомендуют вместо государственной образовать некую «общенародную суверенную» («независимую», «самостоятельную») форму собственности, другие — некую «ассоциированную собственность»²⁰.

Смысл этих «новых» форм собственности становится яснее из тех рекомендаций, которые выдаются ими по реформе государственной собственности в КНР²¹. Они предлагают передать государственные предприятия в собственность «рабочих коллективов» или сдавать в аренду на условиях подряда «объединенным труженикам» для «непосредственного соединения средств производства с рабочей силой», чтобы каждый человек стал и «тружеником и управляющим». Так, в одной из статей журнала «Цзинцзи вэньти таньсо» в 1982 г. предлагалось: 1) полностью отделить государственно-административную и политическую власть от предприятий; отношения между государством и предприятиями должны строиться на основе политики цен, налоговой политики, кредита и процента; 2) в государственном управлении оставить только часть важнейших предприятий; по отношению к средним предприятиям осуществить систему сочетания государственного и кооперативного хозяйствования, а часть их при условии сохранения государственной собственности сдать в аренду рабочим и служащим; мелкие предприятия, особенно относящиеся к сфере торговли и обслуживания, передать рабочим и служащим в самостоятельное управление; 3) развивать «горизонтальные» связи в производстве, с тем чтобы предприятия превратились в противостоящих друг другу «товаропроизводителей» и «товарораспорядителей»²².

¹⁹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 12, с. 9—10.

²⁰ Полемика по вопросам политэкономии в 1977—1980 гг. в КНР, с. 74—75.

²¹ См.: «Цзинцзи вэньти таньсо», 1982, № 2, с. 25—29; «Жэньминь жибао», 6.IX.1982; «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 6, с. 35—37.

²² «Цзинцзи вэньти таньсо», 1982, № 2, с. 27—29.

Подобные взгляды на общественную собственность встречались некоторыми участниками дискуссии критически. Оппоненты доказывали, что на современном этапе экономического развития Китая государственную собственность следует совершенствовать, укреплять, но отнюдь не ликвидировать; что общенародная собственность представляет основу преимуществ социалистической системы и нуждается в едином экономическом центре, который от имени всего народа должен распоряжаться всеми средствами производства; что на этапе социализма такой формой может быть только государственная собственность. «Сегодняшняя проблема, — писал журнал «Хунци», — заключается не в том, чтобы осуществить переход от коллективной собственности к общенародной, и не в том, чтобы ликвидировать общенародную собственность, а в том, чтобы отрегулировать отношения общенародной и коллективной собственности и дальше укреплять и совершенствовать общенародную и коллективную формы собственности... Истоки имеющихся пороков в экономической системе находятся не в общенародной собственности как таковой, а в недостаточном знании законов развития экономической системы на основе общенародной собственности, в том, что мы действовали не в соответствии с законами общенародного хозяйства»²³.

Сторонники этой точки зрения активно отстаивают преимущества общественной собственности, утверждая, что «производство на основе общенародной собственности при сознательном руководстве со стороны общества и в целях удовлетворения непрерывно растущих потребностей трудящихся в состоянии... развиваться высокими темпами»²⁴. По их мнению, опыт успешного преобразования в КНР частной собственности в социалистическую общенародную собственность в 1955—1956 гг. доказал преимущества социалистической общественной собственности, а последующие отступления преподнесли чрезвычайно важный урок: социалистическая собственность может выявить свои преимущества только при условии, если ее создание и развитие находятся в соответствии с обобществленным процессом производства²⁵. Степень и сфера обобществления средств производства должны соответствовать уровню обобществления процесса производства. Важнейшая и сложная задача, по мнению сторонников этой точки зрения, состоит в том, чтобы все труженники не на словах, а на деле стали хозяевами социалистической общественной собственности, чтобы соединить демократию и централизм, личные и коллективные интересы с интересами общества. Решение этой задачи представляется в виде необходимости совершенствования политической и экономической системы. Важнейшей особенностью и преимуществом социалистической общественной экономики они считают сознательное использование объективных экономических законов.

В связи с фактическим распадом народных коммун и переходом китайской деревни на так называемую «систему производственной ответственности» среди китайских обществоведов начались дискуссии относительно сущности различных форм «производственной ответственности». Особенно привлек внимание так называемый дворový подряд²⁶ — господствующая форма «системы производственной ответственности» в сельском хозяйстве КНР. Дворový, или семейный, подряд — явление само по себе чрезвычайно противоречивое. Факт перехода $\frac{3}{4}$ китайского крестьянства на индивидуальное хозяйствование свидетельствует о его отрицательной реакции на официальную политику в деревне после 1957 г. Он показывает также, насколько внутренне слабой оказалась вся система народных коммун. Понятно, что в некоторых районах (горных и от-

²³ «Хунци», 1980, № 24, с. 24.

²⁴ Там же, № 13, с. 15.

²⁵ См. там же, с. 14; «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 6, 7, 8.

²⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1.

даленных) дворовый подряд действительно необходим. На какое-то время он может оказаться полезным в особо критических условиях при полном развале общественного хозяйства. Инстинкт самосохранения заставляет крестьян усиливать производственную активность, изыскивать новые источники существования. Вместе с тем это крупнейшее событие, происходившее в 1979—1982 гг., захватило и относительно развитые сельские районы, сопровождалось невиданным разгулом частнособственнической стихии в китайской деревне. Хотя земля и оставалась по закону в коллективной собственности бригад, она передавалась в пользование отдельных крестьянских дворов, что, естественно, привело к ее разделу между ними. Причем делились не только неудобные пахотные земли, но и орошаемые и заливные поля с развитыми современными ирригационными системами. Оценивались и распродавались крестьянам сельскохозяйственные машины (кроме крупных тракторов), рабочий и продуктивный скот, производственные помещения. В некоторых районах дело дошло до раздела и разрушения ирригационных сооружений и механизированных колодцев²⁷. В октябре 1981 г. «Жэньминь жибао» в редакционной статье «Защитить коллективное имущество — значит защитить производительные силы» констатировала, что переход на «систему производственной ответственности» и «особенно на дворовый подряд» вызвал «уравнительное распределение имущества», что равноценно «разрушению производительных сил» в деревне. Приводятся примеры, когда крестьяне, сельские кадровые работники небрежливо относятся к коллективному имуществу, портят и растаскивают сельскохозяйственную технику, на выделенных дворах для земледелия участках возводят жилые и хозяйственные постройки²⁸.

Следует заметить, что в настоящее время выступать в печати могут только сторонники дворового подряда. О высказываниях его противников, их доводах можно читать только в критических статьях на эти доводы. Противники перехода на дворовый подряд указывали на многие его пороки и возможные отрицательные последствия, в частности на невозможность успешной борьбы со стихийными бедствиями, полного и рационального использования техники, трудовых ресурсов, земельного фонда, на трудности увеличения общественных накоплений, капитального строительства на полях, планирования производства и управления им, проведения государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. Они предупреждали, что введение дворового подряда неблагоприятно скажется на сохранности общественных фондов (техники, скота, производственных помещений), на управлении ирригационными системами и сельской промышленностью, на защите окружающей среды и борьбе с эрозией и т. п.²⁹ В их выступлениях указывалось, что дворовый подряд «не соответствует главному направлению» развития общества, является «отступлением» от социализма, что после его введения «богатые будут богаче, а бедные — беднее», усилится имущественная дифференциация крестьянства³⁰.

У сторонников дворового подряда нет единства во взглядах. Наиболее горячие и активные из них расценивают дворовый подряд как «объективную необходимость», «историческую неизбежность»³¹, «великий исторический поворот»³² в судьбе китайской деревни, третью по важности реформу (после аграрной в 1949—1952 гг. и кооперирования в 1955—1956 гг.) в истории деревни КНР³³, как «дорогу к изобилию в государст-

²⁷ См.: «Нунъе цзинци вэньти», 1981, № 8, с. 9—10 «Цайу гуншэ», 1981, № 2, с. 13; № 4, с. 9; № 5, с. 25 и др.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 4.X.1981.

²⁹ См.: «Нунцунь гунцзо тунсюнь», 1980, № 12, с. 4.

³⁰ См.: «Цзинци яньцзю», 1981, № 1, с. 67.

³¹ «Жэньминь жибао», 6.X.1981.

³² Там же, 17.X.1982.

³³ См. там же, 5.VI.1981.

ве и у крестьян»³⁴, «великое творение китайского крестьянства в области управления хозяйством», его «вклад в теорию научного социализма»³⁵. Под видом борьбы с «левачеством» пропагандируются большие возможности мелких хозяйств в развитии производительных сил, в обеспечении крестьян жизненными средствами. Высказывается мнение, что дворцовый подряд стал наилучшей формой «непосредственного соединения работника со средствами производства», осуществления закона распределения по труду и повышения производственной активности крестьян.

Как же этим сторонникам дворцового подряда видится настоящее и будущее китайской деревни? Оно представляется им в виде океана мелких крестьянских хозяйств (в настоящее время в Китае насчитывается более 170 млн. крестьянских дворов на 100 млн. га пахотной площади), связанных с государством подрядной системой на принципах «равенства, добровольности и взаимной выгоды»³⁶. В этом договоре, пишет «Жэньминь жибао», «каждая сторона должна признавать экономические интересы противоположной стороны, осуществлять тесное соединение общих интересов с интересами отдельного участника». Такой союз государства и отдельного крестьянина должен обеспечить успешное продвижение китайского крестьянства «по магистральному пути китайского сельского хозяйства»³⁷.

Дворцовый подряд, говорится в другой статье «Жэньминь жибао», — это «своего рода новая семейная экономика, базирующаяся на обобществленной земле»³⁸. В одном официальном документе утверждается необходимость создания в деревне «множества мелкомасштабных экономических и культурных центров», которые должны осуществлять «движение китайской деревни по пути всестороннего развития сельского хозяйства, лесоводства, животноводства, подсобных промыслов, рыболовства, комплексного управления сельским хозяйством, промышленностью, торговлей»³⁹. Только в этом случае китайская деревня, по его словам, сможет «повысить экономическую эффективность», «удовлетворить потребности промышленности и народа», «обеспечить занятость избыточного населения в деревне», «обеспечить крестьянам зажиточную жизнь и «изменить облик деревни», «постепенно сократить различия между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней»⁴⁰.

Сторонники подобных взглядов ставят во главу угла «раскрепощенные» дворцовым подрядом «творческой активности крестьян», «производительных сил» китайской деревни. Фактически они разделяют ту точку зрения, что в коллективных хозяйствах невозможно соединить личные и общественные интересы, в полную силу развить трудовую активность работников, и не видят никакой альтернативы дворцовому подряду.

Чем же оправдывается ими переход большинства бригад на дворцовый подряд? В настоящее время эти сторонники дворцового подряда пытаются подвести под него теоретическую базу. Одним из основных постулатов, на котором они развивают теорию подряда, является утверждение, что для сельского хозяйства вообще, а китайскому в особенности органически и исторически чужда концентрация производства и труда, что оно испокон веков велось мелким семейным хозяйством, что китайский крестьянин привык к этому. Но если раньше, в эпоху феодализма, семейное хозяйство было опутано феодальными узами, то образование КНР освободило его от этих оков, сохранив все преимущества мелкого производства. «Концентрация труда и концентрация управления в особенности не

³⁴ «Жэньминь жибао», 5.VI.1981; 31.X.1982.

³⁵ «Хунци», 1983, № 5, с. 17; «Жэньминь жибао», 7.III.1983; 29.VI.1983 и т. д.

³⁶ «Жэньминь жибао», 5.X.1982.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, 8.III.1983.

³⁹ Там же, 10.IV.1983.

⁴⁰ Там же.

может отвечать специфике сельского хозяйства Китая», — говорится в одной из статей «Хунци»⁴¹.

Из этого утверждения делается далеко идущий практический вывод: китайскому сельскому хозяйству не подходит производственная кооперация (возможность других видов кооперации авторами допускается) с ее концентрацией трудовых ресурсов, централизацией хозяйственной деятельности и распределением по трудовым единицам⁴². По их утверждению, производственные кооперативы «не отвечают условиям Китая, не соответствуют обстановке в сельском хозяйстве, длительное время породили застой в нем, задерживали исторический прогресс превращения натурального и полунатурального производства в товарное обобществленное производство»⁴³. «Концентрация и производственное кооперирование, по их утверждению, ведут к «омертвлению» экономики, отменяют товарно-денежные отношения»⁴⁴.

Свою аргументацию поклонники дворового подряда черпают из негативного опыта народных коммун. Они решительно не находят ничего положительного в кооперативном движении китайской деревни, предшествовавшем созданию народных коммун. Для китайского сельского хозяйства, по их словам, непримлем путь перехода от распыленных сельских хозяйств через мелкие группы к крупным производственным объединениям⁴⁵.

Разумеется, полной противоположностью производственному кооперированию в их интерпретации является дворовый, или семейный, подряд. Как они полагают, дворовый подряд является именно той производственной ячейкой, той формой хозяйствования, которая больше всего соответствует условиям Китая⁴⁶. Мелкому семейному хозяйству приписывается «большая жизнеспособность», «очень высокая оперативность и приспособляемость»⁴⁷. Введение дворового подряда, по их утверждению, окончательно «разбило систему народных коммун», «большой котел» (уравниловку)⁴⁸, «застывшую форму коллективной экономики», «освободило производительные силы в китайской деревне»⁴⁹. Семейный подряд «обладает очевидным преимуществом соответствующей уровню управления хозяйством культуры крестьян, техники».

В годы «большого скачка» и «культурной революции» в КНР принимались отчаянные усилия для того, чтобы вопреки объективным экономическим законам перескочить через целые этапы исторического развития. Тогда считалось, что рай на китайской земле настанет с созданием гигантских народных коммун. Но чудес на свете не бывает. От «единой общенародной собственности» пришлось отказаться. Сейчас многие обществоведы и политики в КНР бросились в другую крайность. Без устали твердя о необходимости руководствоваться объективными экономическими законами, они выдвинули не менее иллюзорную идею — добиться всеобщего благоденствия в Китае путем насаждения 170 млн. микроскопических семейных ферм, игнорируя те самые объективные законы, о которых говорят.

Необходимость именно производственного кооперирования, концентрации трудовых ресурсов, конечно до разумных пределов, вызывается спецификой самого сельского хозяйства в Китае. Что бы делал китай-

⁴¹ «Хунци», 1983, № 5, с. 11.

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 29.VI.1983; «Хунци», 1983, № 5, с. 11.

⁴³ «Жэньминь жибао», 29.VI.1983.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 8.V.1983; «Гуанмин жибао», 27.III.1983 и др.

⁴⁵ См.: «Жэньминь жибао», 5.X.1982.

⁴⁶ См.: «Хунци», 1983, № 5; «Жэньминь жибао», 6.X.1981; 5.X.1982; 10.IV.1983; 7.III.1983; 29.VI.1983 и др.

⁴⁷ «Гуанмин жибао», 27.III.1983.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 29.VI.1983.

ский народ сейчас, если бы им не были возведены гигантские плотины и ирригационные системы? Дворовый же подряд пока эксплуатирует то, что создано было раньше благодаря именно сосредоточению трудовых ресурсов. Концентрации производства настоятельно требует необходимость рационального использования крайне ограниченного в КНР земельного фонда. С массовым введением дворового подряда неминуемо активизировались законы, присущие мелкому производству. Происходит расхищение земельного фонда (на межи, постройки и т. п.), трудовых ресурсов, стало невозможно рационально использовать уже имеющуюся в сельском хозяйстве технику⁵⁰. Как признается теперь многими, в деревне резко сократился объем ирригационного строительства⁵¹, во многих районах ухудшилось управление производством. Сбываются худшие предсказания оппонентов дворового подряда.

Даже среди активных сторонников дворового подряда есть люди, которые не могут не видеть хотя бы некоторые очень сложные проблемы, порожденные им. Так, в одной из редакционных публикаций «Жэньминь жибао»⁵² пишет, что некоторые сторонники дворового подряда «страдают настроением слепого оптимизма», «удовлетворяются современным положением» дел, «не прислушиваются к голосу народа, не видят новых проблем, не замечают новых задач». И самой животрепещущей из них стала «стабилизация дворового подряда, его совершенствование»⁵³. Одна из объективных причин нестабильности — это распределение земельного фонда. Известно, что земля нуждается в постоянном и едином хозяйстве. Поддержание и повышение ее плодородия требует больших трудовых и материальных затрат. Поскольку собственность на землю остается коллективной, то дворовый подряд предполагает периодические (через 2—3 года) ее переделы, связанные с изменением состава семей, наличия рабочей силы. Крестьяне, имеющие худшую землю, естественно, также стремятся получить лучшие участки. Боязнь передела ведет к тому, что крестьяне не хотят делать долгосрочные вложения, «не удобряют землю», ведут хозяйство, истощающее земельные ресурсы⁵⁴.

Целая группа обществоведов и кадровых работников рассматривает дворовый подряд как суровую необходимость, вызванную ошибками в коллективизации, а также низким уровнем производительных сил деревни, господством ручного труда, отсталым управлением и низким культурно-техническим уровнем крестьянства. Они признают за дворовым подрядом достоинства, но и не закрывают глаза на возникшие проблемы. По их мнению, дворовый подряд как наиболее простая и доступная форма хозяйства соответствует именно такому уровню китайского крестьянства и его сознанию, какой существует на современном этапе.

Другие участники дискуссии пытались взглянуть на дворовый подряд под углом зрения его «рациональности» и «ограниченности»⁵⁵. К положительным сторонам они относят ликвидацию уравниловки, развитие производственной активности крестьян, ведущие к росту производства и улучшению их жизненных условий. Ограниченность подряда они усматривают в базировании его на двух формах собственности: коллективной (земля) и индивидуальной (орудия труда, скот, семена и т. п.), в ослаблении связей крестьянского двора с бригадой, в невозможности плановой организации производства, полного использования ресурсов. В перспективе дворовый подряд, по их утверждению, будет тормозить развитие производительных сил. Переход на дворовый подряд привел к опре-

⁵⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 10, с. 46.

⁵¹ См. там же, № 1, с. 37.

⁵² «Жэньминь жибао», 8.V.1983.

⁵³ Там же, 5.II.1982; 27.IV.1982; 18.XII.1982; 7.III.1983 и др.

⁵⁴ Там же, 8.V.1983.

⁵⁵ «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 10, с. 45.

деленным качественным изменениям в отношениях собственности. Они «не может до конца осуществить принцип распределения по труду»⁵⁶.

Сторонники дворового подряда полагают, что эта форма хозяйства не изменила социалистической природы деревни: право собственности на землю остается у бригады, крестьянам предоставляется только право владения и пользования ею; в коллективной собственности бригады остаются ирригационные сооружения (водохранилища, колодцы, каналы и др.), крупные механические средства производства (большие тракторы, техника для обработки сельскохозяйственной продукции и пр.), общественные здания, склады и т. п.⁵⁷ Эти сторонники дворового подряда не считают его вечным уделом китайского крестьянина, будущее которого они видят на путях производственного объединения. Однако этот процесс, по их мнению, не должен искусственно форсироваться массовыми движениями во избежание разрушения производительных сил⁵⁸.

Другие участники дискуссии, соглашаясь с социалистической природой дворового подряда, заявляют, что его распространение ведет к преобразованию не только форм хозяйствования, но и характера строя деревни. По их утверждению, дворовый подряд представляет собой «социалистическое по своей сущности индивидуальное хозяйство», так как часть средств производства (удобрения, семена, простейшие орудия труда) находится в личной собственности и хозяйство ведется индивидуально на коллективной земле и с использованием коллективных крупных орудий труда. Высказывается также мнение, что, хотя номинально право собственности на землю принадлежит бригаде, на практике оно может свестись к пустому звуку в результате длительного использования земли дворами. Поэтому нельзя, по их мнению, приукрашивать дворовый подряд⁵⁹.

Наконец, некоторые ученые считают, что социально-экономическую природу дворового подряда можно установить только путем конкретного анализа реальных экономических отношений, в которые вступает двор в сфере производства, распределения и обращения. Она определяется не только тем, что двор хозяйствует на коллективной земле, выполняет план закупок и отчисляет часть продукции в фонд бригады. В настоящее время экономические отношения в китайской деревне еще не устоялись. Китайская деревня находится как бы на перепутье, и в каком направлении пойдет ее развитие — в сторону социалистического или индивидуально-частного хозяйства, — будет зависеть от того, как государство сумеет управлять «раскрепощенной» инициативой дворов. Переход на дворовый подряд, утверждают они, породил острое противоречие между потребностью в едином управлении сельским хозяйством и гигантской распыленностью индивидуальных хозяйств. Если государству не удастся направить «раскрепощенную» индивидуалистическую инициативу дворов на решение общегосударственных задач, то дворовый подряд приведет к развитию индивидуально-частной экономики⁶⁰.

Большая роль в организации государством социалистического производства в деревне отводится производственной бригаде, которая должна управлять крестьянскими дворами, оказывать им поддержку, ограничивать их негативную хозяйственную деятельность. Сторонники этой точки зрения считают, что государство обладает достаточной административной и экономической силой, чтобы направить деятельность дворов на решение важных общегосударственных задач. Бригада по поручению

⁵⁶ «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 10, с. 46.

⁵⁷ См.: «Цзинцзи вэньти таньсо», 1981, № 1, с. 51.

⁵⁸ См. там же, с. 52; «Жэньминь жибао», 7.11.1983.

⁵⁹ См.: Дискуссии по важнейшим вопросам политэкономии 1949—1980 гг., с. 276.

⁶⁰ См.: «Чжунго цзинцзи вэньти», 1982, № 5, с. 25—26.

государства должна планировать производство и давать задание двору — что и сколько производить. Двор имеет некоторые права в выборе способа производства запланированной продукции. Если двор, взявший подряд, отказывается выполнять план, бригада имеет право изъять у него землю. Прежде, считаят они, крестьянин не имел конкретных обязанностей и наделен правами. Производственные возможности двора ограничены. Сфера распределения также находится под контролем государства: двор должен выполнять принятые обязательства по закупкам и налогу, по отчислению в коллективные фонды бригады. Не подлежит единому распределению только та часть дохода, которая идет на воспроизводство двора. Эта доля рассматривается как наиболее точная мера труда, но она также контролируется.

Большие возможности контроля за процессами, происходящими в деревне, у государства остаются в сфере обращения через закупочные цены, цены на сельскохозяйственные орудия, удобрения, семена, через кредит, а также с помощью административных мер. Считается, что использование всех этих мер может гарантировать социалистическое развитие китайской деревни⁶¹.

Значительный интерес в дискуссиях по проблемам отношений собственности проявляется к кооперативной собственности в городах. Дебатированы объективные основы ее функционирования, ее эволюция, социально-экономическая природа, конкретные формы, проблемы взаимоотношений с другими формами собственности, прежде всего с государственной и др. В ходе обсуждения были отвергнуты прежние «левацкие» представления об этой форме собственности как о «системе крупной (коллективной) частной собственности», которую необходимо всячески ограничивать.

В то же время участники дискуссии не едины в оценке социально-экономической сущности кооперативной собственности на современном этапе. Одни из них, соглашаясь с грубыми извращениями, имевшими место в отношении этой формы собственности в 1958—1976 гг., полагают, что она продолжает оставаться кооперативной и по путям образования, и по способу формирования и распределения фонда заработной платы, и по способу включения в государственный план (часть продукции после выполнения плана кооперативные предприятия могут реализовать по своему усмотрению). Их оппоненты, напротив, считают, что современные кооперативные предприятия в городах и поселках в значительной степени свернули с пути развития кооперативной собственности и превратились в смешанные государственно-кооперативные предприятия. Некоторые из выступающих еще более категоричны в оценках, утверждая, что кооперативные предприятия, в сущности, уже утратили природу кооперативной собственности и превратились в собственность местных органов власти. Для развития подлинно кооперативной собственности в городах некоторые участники предлагают обеспечить им право собственности, право распределения доходов и др.

В последнее время стали обсуждаться вопросы, относящиеся к характеру индивидуального предпринимательства в городах. Число индивидуальных хозяйств стало быстро расти в 1979—1981 гг. Если в 1978 г. насчитывалось 140 тыс., то к концу 1981 г. стало уже 826 тыс., где было занято 1011 тыс. человек⁶². Допущение в экономику индивидуальной предпринимательской деятельности объясняется следующими причинами: слабым и неравномерным развитием производительных сил, наличием огромной массы незанятого населения, малыми капиталовложениями, отсталостью сферы торговли, услуг, транспорта.

⁶¹ См.: «Чжунго цзинцзи вэньпи», 1982, № 5, с. 25, 26, 37.

⁶² См.: «Цзинцзи гуаньли», 1982, № 8, с. 8.

Как и в случае с дворовым подрядом в деревне, разногласия между экономистами возникли относительно социально-экономической сущности единоличных хозяйств в городах. Одни заявляют, что эти хозяйства носят капиталистический характер, поэтому угрожают основам общественной собственности в КНР. Другие, напротив, рассматривают их как «социалистическое вспомогательное хозяйство», поскольку они опираются на основанную на общественной собственности социалистическую экономику. Третьи утверждают, что индивидуальное хозяйство и в условиях социализма остается индивидуальным хозяйством и его не следует прикрывать термином «социализм». Само название «индивидуальное хозяйство» объясняет его индивидуалистическую сущность, внутреннее содержание. Четвертые доказывают, что индивидуальному хозяйству на современном этапе развития КНР присуща двойственная природа. С точки зрения внутренне присущих ему экономических отношений это — частнособственническое хозяйство трудящихся, мелкотоварное хозяйство. Однако оно находится в системе социалистических экономических отношений и взаимосвязей, подчинено социалистической экономике, занимающей господствующее положение в обществе, является дополнением к ней. Поэтому индивидуалистическая деятельность единоличных хозяйств находится под воздействием социалистических производственных отношений и объективных экономических законов.

В ходе дискуссии поднимался вопрос и о возможности перерастания мелкотоварных хозяйств в капиталистические. Поскольку такие условия в единоличном хозяйстве имеются (частная собственность на средства производства и произведенный продукт), то и возможность эта остается. Однако не всякая возможность, как указывали некоторые экономисты, реализуется. Мелкотоварное хозяйство в КНР на современном этапе, по их мнению, существенно отличается от единоличного мелкотоварного хозяйства в докапиталистический и капиталистический периоды, отличается оно и от единоличного хозяйства в период до кооперирования в КНР. Для доказательства невозможности превращения единоличных хозяйств в капиталистические приводятся следующие доводы: 1) единоличное хозяйство в настоящее время может развиваться, только опираясь на существование и развитие общественной собственности; 2) часть прибавочного продукта, создаваемого в индивидуальном хозяйстве, в виде налога поступает государству; 3) хозяйственная деятельность непосредственно или опосредованно подвергается регулирующему воздействию государства, направляется в плановое русло социалистического развития путем заключения различного рода экономических договоров⁶³.

В каком отношении находится практическая экономическая политика к теориям, обсуждаемым китайскими экономистами? Тяжелый опыт социально-экономического развития КНР после 1957 г. показал, какой дорогой ценой приходится расплачиваться за отступление от марксистско-ленинского учения в строительстве социализма. Практическая потребность в подлинно научной теории развития китайского общества в настоящее время чрезвычайно велика. Однако, как свидетельствуют проходящие в КНР дискуссии по проблемам политэкономии, экономическая мысль Китая пока следует за практическими мерами правительства и занята преимущественно подведением под них теоретической базы. После 1978 г. в КНР было принято большое число официальных документов по вопросам «урегулирования» структуры и форм собственности. На XII съезде КПК подчеркивалось ведущее положение государственного сектора в экономике, в то же время заявлялось, что, «поскольку развитие производительных сил в Китае в целом все еще остается относительно низким и весьма неравномерным, придется еще долгое время

⁶³ См.: «Цзинцзи вэньти таньсо», 1981, № 1.

сохранять различные формы хозяйства. Предусматривается, что убыточные мелкие государственные предприятия могут быть переданы рабочим коллективам и отдельным лицам. На V сессии ВСНП в докладе о шестой пятилетке было объявлено о решении правительства в ближайшие три года перевести мелкие государственные предприятия на полную самоокупаемость, передав их в аренду или сдав в подряд отдельным коллективам рабочих и служащих или даже отдельным рабочим и служащим»⁶⁴.

Изменения внесены и в новую Конституцию КНР. Существенной переработке были подвергнуты статьи, относящиеся к собственности народных коммун. Из конституции изъято положение о трехступенчатой собственности — собственности народных коммун, больших производственных бригад и производственных бригад. Статья 8 разрешает крестьянам «в пределах, предусмотренных законом, возделывать земельные и горные участки, отводимые им для личного пользования, заниматься подсобным домашним хозяйством и разводить скот». О дворовом подворье в деревне в конституции ничего не говорится. Только в статье 10 записано, что организациям и отдельным лицам запрещается «присваивать землю, покупать и продавать ее, сдавать в аренду либо незаконно продавать ее в другой форме». В статье 11 содержится правовая основа допущения в экономику индивидуального предпринимательства в городе и деревне, которое рассматривается как дополнение «к социалистическому общественному хозяйству», а статья 18 разрешает иностранным предприятиям, организациям, отдельным лицам «в соответствии с законом КНР вкладывать свой капитал в Китае и осуществлять в различных формах экономическое сотрудничество с китайскими предприятиями или другими хозяйственными организациями».

В 1979—1982 гг. в КНР было принято большое число постановлений, регламентирующих деятельность иностранного капитала, смешанных предприятий, индивидуального предпринимательства. Одним из последних постановлений, касающихся непосредственно собственности, является «Временное постановление по некоторым вопросам политики в отношении коллективной собственности в городах»⁶⁵. В этом постановлении правительства, в частности, говорится, что хозяйства в городах, основанные на коллективной собственности, являются «важной составной частью социалистического общественного хозяйства», соответствующей современному уровню развития производительных сил.

Таким образом, за последние четыре года во взглядах китайских обществоведов на отношения собственности, а также в практике в этой области произошел крутой поворот — от «единой общенародной социалистической собственности», которая безуспешно внедрялась в Китае в течение примерно 20 лет, к многоукладности и «множественности форм собственности». Причем это трактуется как важная черта «китайского специфического социализма». Ситуация, сложившаяся в последние годы в КНР в области экономической мысли, в какой-то мере отражает противоречивость процессов, происходящих как в отношениях собственности, так и в самой экономической мысли в Китае.

⁶⁴ «Жэньминь жибао», 14.XII.1982.

⁶⁵ См. там же, 7.V.1983.

Тенденции и перспективы развития промышленной технологии в Японии

Э. В. Кикабидзе

К началу 80-х годов Япония по ряду основных экономических показателей сократила разрыв с США и опередила страны Западной Европы. Однако, в значительной степени изменив соотношение сил в свою пользу, японский империализм тем не менее уступает двум крупнейшим центрам империалистического противоборства не только по экономическому, но и научно-техническому потенциалу.

Для Японии в силу особенностей ее участия в международном разделении труда проблема наращивания научно-технического потенциала приобретает жизненно важное значение. Если в послевоенный период реконструкция и высокие темпы роста ее экономики основывались главным образом на импортируемой промышленной технологии, то ныне японский государственно-монополистический капитализм форсирует развитие новых направлений наукоёмкой технологии на базе собственных фундаментальных исследований.

Итоги импорта зарубежной технологии к концу 70-х годов

В 50-е годы японский государственно-монополистический капитализм взял курс на активное привлечение иностранной техники и технологии (в форме покупки патентов, лицензий и заключения технических соглашений). При этом основное внимание уделялось творческой доработке и совершенствованию заимствованной техники и технологии с учетом национальных условий, что значительно повышало их эффективность. Проведение собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) осуществлялось параллельно с импортом достижений мировой науки и техники.

До 60-х годов основным фактором, определяющим характер научно-технической политики Японии, была потребность в наращивании производственных мощностей, в увеличении конкурентоспособности продукции ведущих отраслей обрабатывающей промышленности, в частности химической, металлургической и машиностроения (главным образом электромашиностроения, станко- и судостроения). Заимствованная технология носила прикладной характер, и особый интерес к ней питали частные промышленные компании, которые наряду с активным импортом технологии покрывали более 70 % общих затрат на НИОКР. Приобретение зарубежных достижений и опыта в области науки и техники, а также проведение национальных НИОКР осуществлялись прежде всего в интересах приоритетных направлений научно-технического прогресса, сулящих быструю и эффективную отдачу. Роль государства в эти годы проявлялась главным образом в предоставлении займов частным фирмам, действовавшим в базовых отраслях промышленности, а также в ре-

гулировании условий лицензионных соглашений, заключаемых частными монополиями.

В начале 60-х годов государственно-монополистический аппарат начал усиливать воздействие на выработку научно-технической политики, выделив основные направления фундаментальных исследований и возглавив их, а также осуществляя НИОКР в электронике, по созданию новых материалов с заданными свойствами и в некоторых других сферах научно-технического развития. Ускоренные темпы промышленного производства, установившиеся в середине 60-х годов, потребовали еще большего воздействия государственно-монополистического аппарата на национальную научно-техническую политику, особенно в тех областях, которые в то время были признаны важнейшими. Так, с середины 60-х годов 25—30 % всех затрат на НИОКР приходилось на электротехническую и электронную отрасли промышленности¹.

С начала 70-х годов потребности экономического и научно-технического развития выдвинули задачи, с которыми монополии, даже самые крупные, без активного участия государства справиться не могли. В эти годы для Японии, уязвимой с точки зрения наличия природных ресурсов и экологического состояния среды обитания, особую важность приобрели новые проблемы в области сырьевых, энергетических и природных ресурсов, а также охраны и восстановления окружающей среды. Наряду с этим возникла необходимость в разрешении целого ряда социально-экономических проблем. Период 70-х годов характеризовался появлением и развитием отраслей экономики с наукоемкой технологией, таких, как атомная и ракетно-космическая промышленность, освоение ресурсов Мирового океана, промышленное использование лазеров, индустрия борьбы с загрязнением окружающей среды, биотехнология, информационная индустрия, поиски новых источников энергии и методов более эффективного использования традиционных видов сырья и топлива. Решение новых научно-технических задач в указанных выше сферах и связанных с этим проблем требует концентрации усилий как на фундаментальных исследованиях, так и на опытно-конструкторских разработках, что сопряжено с мобилизацией гигантских капиталовложений, зачастую непосильных не только для мощных корпораций, но и для страны в целом. Это предполагает повышение роли общегосударственной научно-технической политики в дальнейшем развитии японской экономики. Значительное место в научно-технической политике Японии по-прежнему будет отводиться промышленным НИОКР, но с акцентом на развитие новых направлений наукоемкой технологии на базе собственных фундаментальных исследований.

Десятилетиями Япония извлекала практическую выгоду из изобретений, сделанных в других промышленно развитых капиталистических странах, особенно в США. Однако на рубеже 80-х годов перед японским государственно-монополистическим капитализмом остро встала проблема укрепления научно-технического потенциала в первую очередь путем мобилизации ресурсов для развития собственной науки и техники в целях повышения темпов роста экономики, решения обостряющихся социально-экономических проблем, расширения внешнеторговой и экономической экспансии. С утратой к этому времени Соединенными Штатами лидерства по ряду направлений промышленной технологии новые тенденции в научно-техническом развитии Японии стали центром внимания и обсуждения на международных симпозиумах по проблемам мировой экономики и научно-технического прогресса. В работах зарубежных и особенно японских специалистов серьезное значение придается анализу причин переориентации японской научно-технической политики главным образом на развитие собственных фундаментальных исследований.

¹ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1982, № 6, с. 64.

Ученые отмечают, что Япония не может больше рассчитывать на преимущества, сопутствовавшие ее предыдущему развитию (возможность эксплуатации зарубежных природных ресурсов при низком уровне мировых цен на сырье, в том числе энергетическое, широкое заимствование научно-технических достижений промышленно развитых стран Запада, отсутствие контроля за состоянием и защитой окружающей среды). В последнее время приобретение японскими фирмами иностранной технологии становится все более трудной задачей. Ухудшаются условия импорта технологии, что естественно при стремительном росте конкурентоспособности японских товаров. Ужесточаются условия лицензионных соглашений, в частности ограничиваются рамки сбыта продукции, производимой на основе иностранных лицензий. Если в 1968 г. подобное ограничение предусматривалось лишь в 10 % соглашений, то к 1976 г. — уже в 39 %². В 1977 г. в 49,4 % случаев экспорт был вообще запрещен. Научно-техническая деятельность и технические нововведения, в частности, стали основной сферой конкурентной борьбы на мировых рынках. В настоящее время более половины (51,8 %) всех процессов японской промышленной технологии являются национальными и разрабатываются большинством частных компаний на основе их собственного опыта³.

За период 1950—1979 гг. Япония закупила и внедрила около 34 тыс. лицензий. Эффективное использование зарубежной технологии позволило в сжатые сроки и со значительной экономией материальных и трудовых ресурсов сократить «технологический разрыв» с Западной Европой и США и повысить уровень проведенных в стране собственных научных исследований и разработок. Так, по абсолютному уровню затрат на НИОКР Япония в конце 70-х годов вышла на второе место в капиталистическом мире после США, однако по доле этих затрат в валовом национальном продукте (ВНП) она все еще уступает основным развитым странам Запада: в 1978 г. доля общих расходов на НИОКР в ВНП составляла в ФРГ — 2,35 %, в США — 2,24, во Франции — 1,76 и в Японии — 1,73 %. В связи с этим одной из центральных задач научно-технической политики Японии на 80-е годы ставится такое увеличение общих затрат на НИОКР, чтобы их доля достигла не менее 3 % в валовом национальном продукте страны. По доле ученых и инженеров, работающих в сфере НИОКР, в расчете на 10 тыс. занятых Япония занимает второе место среди капиталистических стран после США.

Один из важнейших показателей эффективности прикладных изобретений и разработок — патентование изобретений. По степени участия страны в торговле патентами и лицензиями, по балансу их закупок и продаж можно судить об уровне ее научно-технического развития. Таким образом, патентная активность страны служит одним из критериев оценки собственного фонда научных идей, изобретений и открытий страны. Япония и США в отличие от других капиталистических стран имеют положительный «патентный баланс», то есть получают патентов за границей больше, чем выдают иностранцам. «Патентный баланс» между Японией и США улучшается в пользу Японии, о чем свидетельствует наблюдаемое с начала 70-х годов ежегодное увеличение числа японских заявок в США и падение подаваемых американцами заявок в Японии. Все это свидетельствует о постепенном сокращении разрыва в уровнях научно-технического развития Японии и ведущих стран Запада.

По техническому уровню производства Япония догнала во многих отраслях промышленности развитые капиталистические страны и даже превзошла их в некоторых областях. По данным японской экономической статистики, в 1977 г. показатель технического уровня производства

² См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1980, № 2, с. 77.

³ In: "Fortune", August 10, 1981, vol. 104, N 3, p. 63.

(США=100) составил в ФРГ — 56, Японии — 50, Франции — 38⁴. Япония, таким образом, вышла на третье место среди ведущих капиталистических стран. Однако по уровню технических разработок Япония в целом отстает от ведущих капиталистических стран. Уровень технических разработок в среднем по японской промышленности на 0,53 масштабной единицы ниже ее технического уровня⁵.

За последние 10—15 лет изменения произошли и в японской торговле технологией. Несмотря на характерную для всего послевоенного периода тенденцию к росту платежей за импорт технологии, в конце 70-х годов наблюдалось замедление темпов их роста, а также снижение их доли в общенациональных расходах на НИОКР до 6,8 % (1979) по сравнению с 14,1 % (1966). Это свидетельствует о возможности затрачивать более значительные средства для форсирования собственных НИОКР.

Структура импорта технологии изменилась в пользу лицензионных соглашений, касающихся более современной технической информации и отличающихся более высокими технико-экономическими показателями. О том, что японские фирмы все более ориентируются на внедрение самой современной технологии (как отечественной, так и импортной), свидетельствует также возрастание числа лицензионных соглашений со сроком действия менее 5 лет и снижение числа соглашений на более длительные сроки. Получают развитие более совершенные формы лицензионных связей, число которых особенно увеличивается в ключевых отраслях обрабатывающей промышленности. В этих же отраслях промышленности наблюдается рост числа соглашений с зарубежными фирмами о создании смешанных компаний, производящих продукцию по лицензиям зарубежных фирм. Образование смешанных компаний направлено на привлечение новой иностранной технологии, которую трудно получить путем традиционных соглашений.

С середины 60-х годов стали наблюдаться положительные для японских монополий тенденции экспорта отечественной технологии. В 1975 г. впервые отношение суммы поступлений от экспорта отечественной технологии к сумме, выплачиваемой за импорт новинок зарубежной технологии, превысило 20 % и достигло 22,6 %⁶ по сравнению с 2,4 % в 1960 г. Следует отметить, что при значительном преобладании импорта технологии над ее экспортом в последние годы в Японии темпы роста суммы поступлений от экспорта отечественной технологии превышают темпы роста платежей за импорт технологии. Так, по сообщению Управления по науке и технике, в 1981 г. сумма поступлений от экспорта отечественной технологии возросла на 42 %, а сумма платежей за импорт технологии увеличилась лишь на 19 % по сравнению с предыдущим годом⁷.

Положительные тенденции в японской торговле технологией также свидетельствуют о повышении научно-технического уровня страны, однако еще рано утверждать, что Япония преодолела «технологический разрыв» с промышленно развитыми странами Запада. В других странах, за исключением ФРГ, экспорт технологии превышает ее импорт. В США отношение суммы поступлений от технологического экспорта к сумме платежей за импорт технологии является наивысшим среди других промышленно развитых капиталистических стран. В 1979 г. показатель отношения экспорта технологии к ее импорту составлял в США 9,49, во Франции — 1,43, в ФРГ — 0,46 и в Японии — 0,27. Некоторые ключевые отрасли японской промышленности все еще в значительной степени за-

⁴ См.: Хатидзюэндай-но цусансэйсаку бидзэн. Токно, 1980, с. 277.

⁵ См.: М. Моритани. Нихон-но сангё гидзюцу потэнсяру (Промышленно-технический потенциал Японии). — В кн.: Хатидзю эндай-но киси сангё (Промышленная структура в 80-е годы). Токно, 1980, с. 67.

⁶ См.: «Кагаку симбун», 1.X.1976.

⁷ In: "Japan Times", October 19, 1982, p. 2.

висят от импорта технологии из промышленно развитых капиталистических стран.

Широко импортируя научно-технические достижения промышленно развитых стран Запада, а также осуществляя собственные НИОКР, Япония укрепила свой экономический и научно-технический потенциал и продемонстрировала способность не только к освоению зарубежного опыта, но и к проведению оригинальных научных исследований, результаты которых не уступают, а иногда и значительно превосходят иностранные. Особенного успеха Япония добилась в развитии промышленной технологии. К концу 70-х годов по некоторым направлениям наукоемкой технологии страна вышла на передовые рубежи в мире (интегральные схемы микроминиатюрных размеров, промышленные роботы, биотехнология, создание новых материалов с заданными свойствами и т. д.).

Наиболее развитой в технологическом отношении отраслью является электроника, которая, базируясь на новых научных принципах, в то же время требует в основном прикладных технических разработок, непрерывного совершенствования и основана на массовом производстве. В последнее время стремительно развиваются два направления: создание крупногабаритных ЭВМ и микроминиатюрных СБИС (сверхбольших интегральных схем).

Крупные ЭВМ будут использоваться в общегосударственной информационной системе. При разработке новых моделей компьютеров более четко стало проявляться стремление Японии к объединению усилий на межгосударственном уровне. Так, японскому правительству принадлежала инициатива созыва в октябре 1981 г. в Токио совещания представителей пятнадцати американских, европейских и японских компаний для обсуждения проблем развития компьютеров пятого поколения⁸. На совещании в Токио присутствовало более 300 ученых, работающих в области электронно-вычислительной техники, включая 86 иностранных представителей из 14 стран мира⁹. Существуют различные мнения по поводу этой идеи. Японские специалисты считают, что стоимость разработок новых моделей компьютеров слишком велика не только для компании, но даже для страны в целом. Поэтому и возникает необходимость в объединении усилий нескольких государств для облегчения финансовых трудностей, а также для смягчения трений, которые неминуемо возникнут в будущей конкурентной борьбе компаний-производителей.

Широко применяются в различного рода аппаратуре микропроцессоры. Их главные преимущества по сравнению с ранее изготовлявшимися электронными вакуумноламповыми и полупроводниковыми устройствами заключаются в повышенной надежности, малой энергоемкости и низкой стоимости. Исследования в области интегральных схем начали проводиться в Японии с 1965 г. В 1975 г. четыре крупные японские компании начали экспортировать свою продукцию на мировой рынок. Научно-исследовательская деятельность направляется на создание технологии для производства микроминиатюрных сверхбольших интегральных схем. С 1976 г. исследования в этой области стали проводиться в рамках общегосударственных программ.

Создание промышленных роботов в Японии началось в конце 60-х — начале 70-х годов. Учитывая, что первый робот в Японии был разработан в 1967 г., на пять лет позже, чем в США, прогресс в этой области значителен. Если в 1968 г. в Японии было произведено 200 роботов общей стоимостью 0,4 млрд. иен, то в 1979 г. — 14,5 тыс. роботов стоимостью 44,3 млрд. иен¹⁰. Быстрый прогресс был достигнут в области

⁸ In: "Inside R and D", September 23, 1981, vol. 10, N 38, p. 3; "New Scientist", October 15, 1981, p. 149.

⁹ In: "Business Week", December 14, 1981, p. 66.

¹⁰ In: K. S a d a m o t o (ed.). Robots in the Japanese Economy. Facts about Robots and their Significance. Tokyo, 1981, p. 131.

практического применения промышленных роботов: на конец 1979 г. в Японии использовалось 57 тыс. промышленных роботов, 98 % их применяется в различных отраслях обрабатывающей промышленности. Выпущенные в 1979 г. промышленные роботы распределены по отраслям промышленности следующим образом: 38 % — в производство легковых автомобилей, 18 — в электромашиностроение, 11 — в производство пластмасс, 9 % — в металлургию¹¹. В настоящее время японские компании занимают ведущие позиции в области разработки и применения промышленных роботов на основе микропроцессоров. НИОКР по созданию робототехники проводятся по специальным государственным программам, которые координируют исследования университетов, научно-исследовательских институтов и лабораторий частных фирм в данной области. Принимая во внимание высокую стоимость промышленных роботов (в среднем 60 тыс. долл.), ограничивающую область их применения главным образом крупными компаниями, министерство внешней торговли и промышленности Японии одобрило создание специальной организации, занимающейся сдачей роботов в аренду на любой срок. Финансирование ее деятельности осуществляет японский Банк развития. Полагают, что подобного рода практика позволит сравнительно небольшим компаниям внедрять роботы в мелкосерийном производстве¹². Общеизвестно, что широкое использование промышленных роботов явилось одним из главных факторов успеха японских автомобильных монополий на мировом рынке к началу 80-х годов.

Многообещающие результаты получены японскими исследователями в области биотехнологии — одной из важнейших стратегических областей научно-технического прогресса XX в. Биотехнология проникает в сферу ядерной энергетики (использование определенных микроорганизмов типа водорослей и актиномицетов для извлечения урана из морской воды). Делаются многочисленные попытки применить результаты развития биотехнологии в медицине, сельском хозяйстве, химии. Япония лидирует по отдельным направлениям биотехнологии. Успехи в технологии ферментации, являющейся основой биотехнологии, позволили японским фирмам занять ведущие позиции на мировом рынке по производству аминокислот. В 1980 г. Япония вышла на второе место после США в капиталистическом мире по производству новых лекарственных препаратов. В отличие от США, где первые успехи биотехнологии были связаны с деятельностью мелких исследовательских компаний, в Японии развитие биотехнологии уже на ранней стадии находится в руках крупных компаний типа «Адзи-но мото», «Мицубиси кагаку»¹³. Кроме того, налицо тенденция к объединению крупных японских компаний для совместного проведения НИОКР в области биотехнологии. Показательно объединение пяти крупнейших японских компаний: «Асахи касэй», «Мицубиси кагаку», «Сумитомо кагаку», «Мицуи тоацу кагаку», «Кёва хакко когё»¹⁴. В последние годы наряду с широким проведением исследований в области биотехнологии на уровне частных фирм все более активным становится участие государства. Кроме министерства внешней торговли и промышленности, непосредственное содействие развитию биотехнологии оказывают управления по науке и технике и министерство здравоохранения и промышленности.

Правящие круги и частный сектор объединяют усилия для дальнейшего развития технологии производства волоконной оптики, что позволит Японии получить оптическое волокно с длительным сроком службы.

¹¹ In: "Business Week", July 19, 1982, p. 24.

¹² In: "Economist", January 17, 1981, p. 71; «Мировая экономика и международные отношения», 1982, № 4, с. 55—56.

¹³ In: "Chemical Week", December 16, 1981, vol. 129, N 25, p. 38.

¹⁴ In: "CEER", March 1981, vol. 13, N 3, p. 41.

В связи с развитием энергетики, авиакосмических исследований быстро прогрессируют технологические нововведения в области разработки новых материалов, в частности новых видов керамики, которые обладают большей термо- и коррозионной стойкостью, прочностью и многоаспектностью использования по сравнению с металлами. Проводимые в Японии исследования в этой области конкурируют с подобными исследованиями в США и странах Западной Европы. Так, одно из последних достижений научных исследований в этой области исходит из Японии. Ученые Национального института исследований неорганических материалов разработали прозрачную тонкую керамику толщиной 0,6 мм, стойкую к температуре вплоть до 1300 °С. Новый материал, в состав которого входят кремний, алюминий, кислород и азот, выдерживает резкие температурные изменения и обладает широким спектром применения¹⁵. Благодаря превосходной электропроводимости новые типы керамики используются в волоконной оптике и в производстве сверхбольших интегральных схем. По мнению специалистов, в ближайшие годы следует ожидать широкого применения керамики в качестве конструкционного материала при изготовлении газовых турбин и автомобильных двигателей.

В предстоящую декаду нынешнего века развитие перечисленных выше новых направлений наукоемкой технологии, очевидно, будет находиться в фокусе научно-технической деятельности в Японии.

К концу 70-х годов Япония главным образом за счет активного импорта иностранной техники и технологии приблизилась к промышленно развитым странам Запада по уровню научно-технического развития, а по некоторым направлениям наукоемкой технологии вышла на передовые рубежи в мире. Однако по мере дальнейшего сокращения «технологического разрыва» Японии с другими промышленно развитыми капиталистическими державами значение импорта технологии как одного из основных факторов роста японской экономики несколько снижается, хотя и не исключается совсем.

Основные направления развития наукоемкой технологии на базе национальных фундаментальных исследований на 80-е годы

Научно-технический прогресс в капиталистических странах углубляет внутренние противоречия, усиливает неравномерность развития и стимулирует обострение межимпериалистического противоборства.

В обстановке усиливающейся конкуренции между ведущими капиталистическими державами за лидерство в научно-техническом прогрессе, за обладание последними технологическими нововведениями перед Японией встает проблема — как удержаться на уровне одного из основных центров мирового империализма.

В конце 70-х годов Япония по стопам промышленно развитых стран капиталистического мира вступила в новый этап экономического развития, характеризующийся коренной ломкой сложившейся структуры производства и созданием новой производственной структуры, ядром которой будут наукоемкие отрасли, способные оказать влияние на структурные сдвиги в экономике в целом. В качестве главных критериев новой производственной структуры выдвигаются низкая энерго- и материалоемкость. Ставится задача усилить процесс переноса наиболее материало- и энергоемких, а также загрязняющих атмосферу производств за пределы Японии.

¹⁵ In: "Inside R and D", November 18, 1981, vol. 10, N 46, p. 3.

Стремление ускорить научно-технический прогресс именно в тех областях и направлениях, которые могут сформировать зародыш будущей структуры хозяйства, присуще всем промышленно развитым капиталистическим странам. По мере сближения ведущих стран капиталистического мира по ряду традиционных количественных и по некоторым качественным показателям эффективности промышленного производства, а также по наличию природных ресурсов и сырья, в том числе энергетического, центр тяжести соперничества сдвигается в область научно-технического потенциала. Вот почему усилия правительственных органов, формулирующих направления развития научно-технического прогресса в Японии на 80-е годы, направлены на создание базы научно-технического потенциала будущего.

Основополагающим можно считать документ под названием «Перспективы политики министерства внешней торговли и промышленности на 80-е годы»¹⁶, опубликованный в марте 1980 г. В документе особо выделяются три направления: разработка новых материалов; получение альтернативных источников энергии; развитие социальной инфраструктуры.

В связи с этой программой органы, руководящие научно-исследовательской деятельностью в основных министерствах и ведомствах, выдвигают свои, более конкретные программы интенсификации национальных НИОКР в революционных областях (освоение новых источников энергии и развитие энерго- и сырьесберегающей технологии, электроника, новые материалы, биотехнология, индустрия информации).

Указанные области являются магистральными направлениями научно-технического прогресса. Однако если индустрия информации и электроники обеспечивает отдачу и прибыль в короткое время, то разработка альтернативных источников энергии проходит целый ряд стадий от начала исследований до освоения, что занимает десятки лет.

Пяти государственным учреждениям, несмотря на кризис государственных финансов страны, японское правительство предоставило исключительный приоритет в ассигнованиях на НИОКР на 1981 финансовый год. В их число входят: Управление по науке и технике при кабинете премьер-министра (УНТ), МВТП и Управление по промышленной науке и технике (УПНТ), министерство образования, министерство сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, министерство здравоохранения и благосостояния.

В качестве более конкретных перспектив развития рассмотрим некоторые программы, предложенные УНТ, Управлением по промышленной науке и технике и МВТП.

Управление по науке и технике приняло решение ввести в действие научно-исследовательскую программу, направленную на творческое развитие новых направлений наукоемкой технологии посредством сотрудничества ученых различных областей. В соответствии с новой научно-исследовательской программой ученые из университетов, частных компаний и правительственных институтов будут в течение пяти лет работать по общей тематике. Темы исследований были одобрены Советом по научной технологии при кабинете министров. Из 3,35 млрд. нен бюджетных ассигнований на НИОКР в 1981 г. предполагалось на выполнение этой программы ассигновать 500—700 млн. нен¹⁷.

По сообщению Управления по промышленной науке и технике, на 1982 финансовый год намечалось начало осуществления в Японии фундаментальных исследований в области развития роботов для применения в космосе. Основная цель этих исследований — получить технические данные для подготовки к будущему практическому использованию

¹⁶ "News from MITI", March 17, 1980.

¹⁷ In: "Japan Times", January 16, 1981, p. 2.

роботов или манипуляторов при работе в космосе. Небольшой робот, высотой 60 см, сможет собирать объекты в космосе и управлять ими. Предполагается быстрое усовершенствование роботов и снижение их стоимости, скачкообразное развитие современных микрокомпьютеров. 80-е годы будут периодом разработки и распространения роботов второго поколения.

С 1982 финансового года в Японии началась разработка ЭВМ пятого поколения по проекту МВТП, рассчитанному на десятилетие. Важную роль в осуществлении этого проекта будет играть электротехническая лаборатория при УПНТ. Первые три года будут посвящены проведению фундаментальных исследований в этой области. Министерство финансов ассигновало в этих целях 426 млн. иен на 1982 финансовый год¹⁸.

В октябре 1981 г. МВТП приняло программу проведения фундаментальных исследований в области новейшей наукоемкой технологии. В осуществлении этой программы будут принимать участие 67 промышленных компаний. Программа рассчитана на 10 лет и обойдется государству в 104 млрд. иен¹⁹. Ее целью является разработка и внедрение в производственную практику новых материалов (сверхпрочная керамика), развитие биотехнологии и разработка новых типов полупроводниковых элементов. Выполнение программы сопряжено с происходящей структурной перестройкой экономики и будет способствовать развитию электронной промышленности, машиностроения, энергетики, пищевой промышленности и т. д.

МВТП сообщило о вводе в действие с 1982 г. 8-летней национальной программы проведения фундаментальных изысканий в области тонкой керамики. Подобный план систематического исследования в области тонкой керамики принимается впервые в мире. Программа будет выполняться под руководством Управления по промышленной науке и технике объединенными усилиями государственных учреждений, университетов и частных фирм. На ее выполнение будет ассигновано 17 млрд. иен²⁰.

Развитие наукоемкой технологии на базе собственных фундаментальных исследований повышает необходимость централизованного государственного регулирования и увеличения государственных расходов. На протяжении всего послевоенного периода доля государственных ассигнований в общей сумме затрат на НИОКР составляла менее 30 %, то есть была в 1,5—2 раза ниже, чем в других промышленно развитых капиталистических странах.

Так, в 1978 г. доля государственных ассигнований в общих затратах на НИОКР составляла: во Франции — 58,4 %, в США — 49,8, в ФРГ — 46,7 и в Японии — 28 %. Соответственно Япония отстает и по такому показателю, как уровень государственных ассигнований на НИОКР относительно ВВП. В 1978 г. доля государственных ассигнований на НИОКР в ВВП составляла: в США — 1,12 %, в ФРГ — 1,09, во Франции — 1,02 и в Японии — 0,48 %. В «Белой книге по науке и технике» за 1980 финансовый год предлагалось форсировать развитие национальной наукоемкой технологии, опираясь на дальнейшее увеличение расходов на НИОКР, особенно в государственном секторе. К концу 80-х годов в Японии намечено повысить долю государственных расходов в общих расходах на НИОКР как минимум до 40 %. Для финансового обеспечения предлагается использовать государственные займы, а также изыскивать новые финансовые источники. Однако вышеуказанные идеи едва ли отличаются от предложений, уже неоднократно выдвигавшихся в течение ряда лет представителями деловых кругов Японии и правительственными комитетами, проводящими политику в области развития науки и техники.

¹⁸ In: "Japan Times", January 8, 1982, p. 2.

¹⁹ In: "CEER", April 1982, vol. 14, N 4, p. 49.

²⁰ In: "CEER", March 1981, vol. 13, N 3, p. 41.

В присущих научно-техническому развитию Японии условиях сосредоточения большей части финансовых и кадровых ресурсов в частном секторе буржуазное государство разработало целую систему мероприятий по стимулированию действий частного сектора, заинтересованного в более целевом направлении фундаментальных и прикладных исследований. Эта система постоянно совершенствуется. Наряду с практиковавшимися ранее мерами (налоговые льготы, субсидии, правила ускоренной амортизации и др.) в 70-е годы получили распространение новые формы кооперирования с частным бизнесом — контрактные соглашения. Наглядным примером является реализация в современной Японии так называемых программ крупномасштабных национальных проектов. Принимаемые правительством в рамках этой программы различные проекты в области гражданских НИОКР на основе контрактных соглашений передаются на выполнение частным предприятиям. Так, например, Управление по промышленной науке и технике и министерство внешней торговли и промышленности намерены установить контрактную систему для проведения НИОКР в области революционной передовой технологии. Принимаемые УПНТ различные проекты в области разработки передовой технологии будут передаваться на основе контрактов на выполнение частным предприятиям. Таким образом, УПНТ предполагает активизировать деятельность частного сектора по разработке ключевых направлений наукоемкой технологии, которые сформируют основу передовых отраслей с опорой на национальные силы.

Особенно большие надежды на стимулирование контрактных соглашений возлагаются в сфере реализации энергетических программ. Частные фирмы, как показывает практика, предпочитают финансировать из собственных средств те исследования и нововведения, которые представляются им прибыльными. Вкладывая капиталы в НИОКР, фирма должна учитывать необходимость сбыта своего продукта в условиях рыночной конкуренции. Ввиду риска, сопровождающего проведение исследований в области энергетики, частные предприятия предпочитают не разрабатывать самостоятельно новую технологию, а участвовать в осуществлении правительственных проектов — «Солнечный свет» (освоение альтернативных источников энергии), «Лунный свет» (развитие энергосберегающей технологии).

В 80-е годы в Японии будут продолжаться работы по совершенствованию и усложнению существующей технологии (в частности, заимствованной за рубежом) и форсирование новых направлений наукоемкой технологии на базе собственных фундаментальных исследований. Все это, очевидно, приведет к усилению роли государства не только как организатора и координатора, но и как источника финансирования НИОКР, а также к более активному привлечению частного сектора к развитию новых направлений наукоемкой технологии.

* * *

Широко внедряя результаты развития новых направлений наукоемкой технологии в промышленность, японские монополии рассчитывают захватить ведущие позиции в различных сферах наукоемкого производства и гарантировать устойчивое преимущество в конкурентной борьбе на мировом рынке. Использование японским государственно-монополистическим капитализмом новейших достижений научно-технического прогресса подчинено главной цели капиталистического производства — извлечению максимальной прибыли.

Знаменательная годовщина

2 ноября исполняется 35 лет со дня завершения Ляошэньской наступательной операции войск, находившихся под руководством Компартии Китая в Северо-Восточном Китае. Операция сыграла важную роль в освободительной борьбе китайского народа против реакционного гоминьдановского режима, опиравшегося на поддержку американского империализма.

В результате Ляошэньской операции (12 сентября—2 ноября 1948 г.) менее чем за два месяца была практически полностью освобождена Маньчжурия—важнейший промышленный район страны, центр металлургии, угледобычи, машиностроения, электроэнергетики, что создало благоприятные возможности для окончательной победы революционных сил и создания 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Ляошэньская операция началась наступлением крупнейшей группировки войск—Северо-Восточной полевой армии (позже переименованной в 4-ю полевую армию) на город Цзиньчжоу, в результате окружения которого крупные соединения гоминьдановских войск, дислоцированных в районах городов Чанчунь и Мукден (Шэньян), оказались изолированными от чанкайшистских войск в Северном Китае. 5 октября народные войска штурмом овладели городом Цзиньчжоу. 19 октября был освобожден город Чанчунь. Часть чанчуньского гарнизона численностью 26 тыс. человек восстала и перешла на сторону революционных войск. Остальная часть гарнизона численностью 57 тыс. человек капитулировала. При сдаче в плен командующий группировкой просил лишь о том, чтобы по гоминьдановским войскам «для приличия» был открыт огонь холостыми снарядами. Мукденский гарнизон численностью 100 тыс. человек по приказу Чан Кайши попытался прорваться в Северный Китай, но был остановлен в районе Хэйшаня. После этого гоминьдановские войска повернули в сторону порта Инкоу, надеясь спастись морем, но 28 октября были настигнуты и разгромлены, а 87 тыс. человек во главе с командующим взяты в плен. 1 ноября был освобожден крупнейший промышленный центр Северо-Восточного Китая—Мукден, а 2 ноября 1948 г.—Инкоу. Ляошэньская стратегическая операция была успешно завершена. Перед революционными войсками открылся путь для наступления из Маньчжурии на крупнейшую опорную базу гоминьдановской армии в Северном Китае (Пекин—Тяньцзинь—Калганский укрепленный район).

Ляошэньская операция явилась первой из трех крупнейших стратегических операций Народно-освободительной армии (наряду с Хуайхайской и Пекин-Тяньцзиньской), в ходе которых были уничтожены главные силы гоминьдановской армии, насчитывавшие более 1,5 млн. человек. В ходе только Ляошэньской операции были ликвидированы 66 отборных дивизий численностью 470 тыс. человек. Боевой дух гоминьдановской

армии, наиболее боеспособная часть которой была обучена, вооружена и переброшена в Маньчжурию в 1945 г., в канун гражданской войны в Китае, американскими империалистами, был окончательно подорван. Победа, одержанная в ходе Ляошэньской операции, по мнению китайских историков, «вызвала коренной поворот в соотношении сил между гоминьданом и КПК», «подготовила необходимые условия для полного освобождения Северного Китая и всей страны».

Маньчжурская группировка войск, находившаяся под руководством Компартии Китая, успешно осуществившая Ляошэньскую и другие операции стратегического характера, была создана в Северо-Восточном Китае при благоприятных исторических условиях. Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии открыл широкие возможности для завершения революционно-освободительной борьбы китайского народа во главе с Коммунистической партией. Решающими внешнеполитическими факторами победы китайской революции стали коренные изменения, происшедшие в мире в результате второй мировой войны, союз прогрессивных сил Китая с СССР и мировым революционным движением. Этот союз в известной мере компенсировал относительную слабость рабочего класса Китая, способствовал объединению всех антиимпериалистических, антифеодальных сил страны, преграждал путь экспорту контрреволюции со стороны империализма.

Освобожденный Советскими Вооруженными Силами Северо-Восточный Китай стал по существу главной опорной базой китайской революции. В 1945—1949 гг. в Маньчжурии с помощью Советского Союза началась подготовка народных вооруженных сил, кадров, коммуникаций для решительного штурма в борьбе за освобождение Китая от оков империализма и феодализма. Опорой армии был союз рабочего класса и трудового крестьянства при активной руководящей роли партийных организаций КПК. Революционные войска в Маньчжурии были оснащены в достаточном количестве современным по тому времени оружием и боеприпасами, в том числе захваченными советскими войсками в результате разгрома японской Квантунской армии. Большую роль в создании революционных вооруженных сил сыграли командиры, прошедшие военную подготовку в СССР. Немалую помощь в организации учебы высшего командного состава войск оказали советские военные специалисты. В результате поддержки Советской Армией революционные силы вступили в гражданскую войну, развязанную гоминьдановцами, организованными, вооруженными и должным образом обученными. Совершенно закономерен тот факт, что именно маньчжурская группировка оказалась на заключительном этапе революции на острие освободительной борьбы, став стержнем воинских формирований, обеспечивших успешное наступление Народно-освободительной армии на юг.

35-летие победоносного завершения Ляошэньской стратегической операции, положившей начало разгрому чанкайшистских войск и явившейся важным шагом к победе китайской революции. — знаменательное событие в истории революционного движения Китая и вместе с тем яркое проявление исторического значения боевой солидарности советского и китайского народов в совместной борьбе против империализма и реакции.

О. Б. Владимиров

Первые советники из СССР в Китае

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

В 1923 г. Сунь Ятсен, великий китайский патриот, признанный лидер освободительного движения в Китае, буржуазный революционер-демократ, обратился к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи китайскому народу в его революционной борьбе. Одним из наиболее важных направлений советской помощи стала деятельность советских политических и военных советников в Китае, на месте, в самой гуще борьбы. Именно там они были призваны передать китайским революционерам опыт строительства армии и партии, опыт организации и ведения революционной войны.

Практическая деятельность Сунь Ятсена и его сподвижников в годы сотрудничества и дружбы с СССР, годы создания единого национального фронта и революционной базы в Гуандуне, наследие Сунь Ятсена в целом до сих пор является актуальной темой исследований китаеведов и политологов в различных странах мира. Западная буржуазная историография по сей день, искаженно отображая деятельность Сунь Ятсена, пытается предостеречь политических лидеров развивающихся стран от сотрудничества с местными компартиями, с Советским Союзом.

У нас в стране опубликована обширная литература о революционной деятельности и идейно-теоретических воззрениях Сунь Ятсена, о причинах, по которым он, первый из буржуазных деятелей пробуждавшейся в начале века Азии, открыто встал на путь союза и дружбы с социалистической Россией, то есть принял исторические решения, определившие судьбы китайской революции на многие десятилетия.

В трудах академика С. Л. Тихвинского, члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского¹, А. В. Меликсетова, Г. В. Ефимова и многих других советских китаеведов убедительно показано, что в основе указанного явления лежит понимание Сунь Ятсеном реальностей послеоктябрьского мира, роли в нем Советского государства, места Китая. Поиск путей превращения Китая в могущественную державу и привел его к убеждению, что решение коренных проблем китайского общества — объединения страны, достижения национальной независимости, суверенитета, социально-экономического прогресса — маловероятно без содействия дружественно относящихся к Китаю государств. Такой дружественной державой был Советский Союз — морально-политическая, материальная база мирового революционного процесса. Приняв решение о союзе с Советской Россией, Сунь Ятсен принял предложение китайских коммунистов о единстве действий в освободительной борьбе.

Однако, будучи буржуазным революционером, Сунь Ятсен сравнительно долго шел к установившимся впоследствии тесным политическим

¹ С. Л. Тихвинский. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885—1925 гг.). М., 1964; М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.

контактам с СССР. Проявляя острый интерес к опыту Октябрьской революции, личности В. И. Ленина, вопросам строительства армии, Сунь Ятсен, как и другие видные гоминьдановские лидеры, под влиянием антикоммунистической и антисоветской пропаганды вначале несколько настороженно принимал представителей Советской республики, приезжавших в Китай. Опасение, что сближение с Советской Россией может принести в Китай «диктатуру пролетариата», в течение некоторого времени было одним из препятствий к взаимопониманию между руководителями Советского государства и Сунь Ятсеном. Принимая, например, С. А. Далина, вошедшего в контакт с ним по просьбе главы первой советской миссии в Пекине, Сунь Ятсен (беседы проходили в присутствии китайских коммунистов Чжан Тайлэя и Цюй Цюбо в апреле — июне 1922 г.) особое внимание уделил выяснению советской точки зрения на проблемы китайской и русской революции и специфику Китая².

Но и в эти годы выдающийся китайский деятель, заботившийся о судьбах своей страны, самым внимательным образом следил за развитием событий в революционной России, с каждым новым ее успехом укрепляясь во мнении о необходимости изучать опыт большевиков, чтобы решить коренные проблемы китайского общества. Сунь Ятсен начал также прорабатывать варианты возможной помощи Советской России Китаю, попытался определить роль СССР в развитии Китая 20-х годов.

Напомним, что проблема бескорыстной иностранной помощи была одним из важных компонентов суньятсеновского «Промышленного плана» («Программа строительства страны» 1917—1919 гг.). В нем, в частности, отмечается, что «в канун окончания войны в Европе автор данного труда приступил к изучению вопроса о развитии промышленности Китая совместными усилиями разных стран...»³. Понятно, что идея использования иностранного капитализма для строительства социализма в Китае, как показала реальная ситуация, была и остается утопией, но сама мысль о возможной роли иностранных государств в развитии Китая объясняет и его интерес к проблемам иностранной помощи. В последующие годы, развивая эту тему, Сунь Ятсен подчеркивал, что имел в виду помощь дружественных иностранных государств.

В 1922 г. Сунь Ятсен вел длительные переговоры о помощи США. Он уповал и на «общность судеб» Китая и Японии, рассчитывая достичь взаимопонимания с государственными деятелями Японии. Однако это не исключало его внимания к русской проблеме. Сунь Ятсен работал над вопросом развития связей с революционной Россией, укрепляясь в этом мнении по мере упрочения международных позиций Советской России. Советская Россия представляла для Сунь Ятсена интерес как успешный социальный эксперимент осуществления русского варианта «трех народных принципов».

Поэтому представляется несостоятельной версия буржуазного китаеведения о том, что Сунь Ятсен обратился за помощью к СССР, исчерпав возможности получения экономической и политической поддержки от США и других стран капиталистического мира⁴.

Однако определение линии в отношении Советского государства тормозилось нестабильностью положения в Южном Китае. Сунь Ятсен вернулся на пост главы южного правительства только весной 1923 г. Непрерывная борьба за упрочение своих позиций в начале 20-х годов, подготовка к Северному походу и т. п., как сообщали многие советские послан-

² См.: С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, с. 109—115; Chiang Chung Shen (Chiang Kai-Shek). Soviet Russia in China. New York, 1959, p. 17—18.

³ Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 285.

⁴ In: F. G. Chan, T. H. Etzold (ed.). China in the 1920's. Nationalism and Revolution. New York, 1976, p. 16.

цы, встречавшиеся с Сунь Ятсеном, отодвигали решение вопроса об отношениях с Советской республикой⁵.

Определенной вехой в развитии советско-китайских отношений стало коммюнике Сунь Ятсена — А. А. Иоффе (1923). В документе подчеркивалось «полное совпадение взглядов на китайско-русские отношения», особенно по ряду вопросов, в частности в том, что «коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае», что «самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости»⁶.

По поводу данного коммюнике в статье, опубликованной не так давно в «Жэньминь жибао», отмечается, что «Сунь Ятсен еще раз приветствовал помощь СССР Китаю, определил политику союза с Россией»⁷.

В ходе последующих встреч с А. А. Иоффе Сунь Ятсен обратился к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку освободительному движению в Китае. В обращении в Москву, переданном через главу советской дипломатической миссии в Китае, Сунь Ятсен подчеркивал, что «хотел бы воспользоваться советами и помощью в преобразовании гоминьдана, создании революционной армии, организации похода на Север для объединения страны, а также получить финансовую поддержку для всех планируемых начинаний».

1 мая 1923 г. правительство Советского Союза направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением готовности СССР оказать Китаю необходимую поддержку⁸.

Советское правительство исходило из того, что китайскому народу в его освободительной борьбе противостоял лагерь международной и внутренней реакции. В такой ситуации интернациональной задачей Советского государства было оказание поддержки силам, обращавшимся к СССР за помощью. На первом этапе советская поддержка могла объективно содействовать делу объединения сил, выступавших за национальное освобождение Китая, координации деятельности двух ведущих партий китайского народа — КПК и гоминьдана. Советский Союз был призван стать важным фактором в политической жизни Китая, в освободительной борьбе китайского народа.

В этот период Сунь Ятсен выступил активным популяризатором советского опыта, создания позитивного советского стереотипа, подчеркивая постоянно известное сходство основных принципов внутренней и внешней политики СССР с «саньминь чжуи» и вытекающую из этого необходимость творческого использования советского опыта, прежде всего в партийном и военном строительстве. Успехи советского народа означали для него возможность совместной борьбы революционных партий двух стран⁹.

Изучение опыта борьбы и победы советского народа приводит Сунь Ятсена к пониманию того, что, «если опираться только на военную силу, нельзя говорить о настоящем успехе... Если наша партия хочет добиться подлинного успеха, она впредь не должна опираться лишь на войска... почему же мы не знали этого раньше?». Отвечая на вопрос, Сунь Ятсен подчеркивал: «Да потому, что у нас не было примера, на который можно было бы равняться»¹⁰.

⁵ См.: С. А. Далин. Китайские мемуары..., с. 120.

⁶ Советско-китайские отношения. Сб. документов. 1917—1957. М., 1959, с. 65.

⁷ Фан Угуан. Первое сотрудничество гоминьдана и КПК и новое толкование Сунь Ятсеном «саньминь чжуи». — «Жэньминь жибао», 10.VIII.1982.

⁸ В китайской литературе сообщается, что Сунь Ятсен передал просьбу направить в Китай политических и военных советников через военную делегацию, направленную в Москву в августе 1923 г. (см.: «Жэньминь жибао», 10.VIII.1982). Очевидно, это было повторное обращение Сунь Ятсена по данному вопросу.

⁹ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 29.

¹⁰ Там же, с. 366.

Итак, для Сунь Ятсена Советская Россия была примером, достойным изучения и подражания, и он добивался, чтобы эти идеи овладевали и его единомышленниками, широкими массами народа.

В трудах советских китаеведов, в частности академика С. Л. Тихвинского, дан обстоятельный, глубокий анализ влияния идей Великой Октябрьской социалистической революции и практической деятельности Советского правительства на идейно-теоретические воззрения Сунь Ятсена, нашедших воплощение в новой трактовке «трех народных принципов», которые стали реальной программой осуществления коренных задач китайской революции на новом этапе.

Практическая, в том числе популяризаторская, деятельность лидера освободительного движения подтверждает, что курс на сотрудничество и дружбу с СССР был стратегическим курсом гоминьдана суньятсеновского времени.

По согласованию с Сунь Ятсеном и его сподвижниками важнейшей формой помощи стало направление в Южный Китай к Сунь Ятсену группы опытных политических, военных и других деятелей, которые в качестве советников должны были оказывать помощь китайским революционерам. Советское правительство, направляя на юг Китая советников, ставило перед ними задачу, руководствуясь решениями Коминтерна и РКП(б) по вопросам революционного движения в Китае, творчески донести до китайского народа опыт Октябрьской революции и Советского государства в тех вопросах, в которых ощущалась нужда в Китае, то есть в создании революционной армии и партии, в организации революционной войны. Имеющиеся документы, а также многочисленная мемуарная литература, изданная в СССР за последние 20 лет, убедительно свидетельствуют, что советское правительство с большой ответственностью подошло к подбору кандидатур для работы в Китае. В Китай направлялись советские работники, имевшие за плечами опыт революционной партийной борьбы, военачальники, прошедшие школу гражданской войны и учившиеся в советских военных академиях.

Первая небольшая группа советских советников прибыла в Кантон в начале октября 1923 г. Во главе ее был М. М. Бородин, получивший инструкцию руководствоваться прежде всего интересами национально-освободительного движения в Китае¹¹.

Главным военным советником был герой гражданской войны, прославленный советский военачальник В. К. Блюхер¹².

В период 1923—1925 гг. перед советскими советниками была поставлена практическая задача облегчить китайскому народу дело консолидации национальных сил в едином национальном фронте. Одновременно военные специалисты должны были оказывать помощь в создании вооруженных сил единого фронта.

Естественно, что советские советники в своей деятельности руководствовались известными директивами и указаниями Коминтерна по китайской проблеме. Но жизнь, революционная практика миллионов непрерывно ставили перед руководством группы советников в Китае новые проблемы, зачастую в острой, критической форме, не оставлявшей времени для длительных раздумий, и в условиях того времени, в частности из-за отсутствия оперативной связи с Москвой, они вынуждены были действовать в значительной степени самостоятельно, полагаясь на свой опыт партийной и военной работы, глубокие знания, политическое чутье.

Теоретические основы стратегии и тактики национально-освободительного движения были выработаны, как известно, В. И. Лениным.

¹¹ См.: Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 132; Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1963, с. 200.

¹² О М. М. Бородине и В. К. Блюхере см.: Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970, с. 22—40.

В. И. Ленин подчеркивал необходимость помощи международного коммунистического движения национально-освободительному движению, объединения народов колоний и зависимых стран с Советской Россией в борьбе против мирового империализма. В. И. Ленин указывал на необходимость, ввиду известных особенностей освободительного движения на Востоке, союза пролетариата с буржуазной демократией, с широкими массами крестьянства в антиимпериалистической, антифеодальной борьбе¹³.

Основной теоретической и практической проблемой, которую Коминтерну и ВКП(б), а также советским советникам пришлось решать в Китае, была проблема соотношения классовых и национальных интересов в национально-освободительном движении. Однако практическая реализация бесспорно верных ленинских положений натолкнулась на целый ряд трудностей и повлекла за собой необходимость разработки обширного комплекса дополнительных теоретических и политических проблем, выдвигавшихся китайской революционной практикой.

Конкретная китайская действительность, в которую окунулись советские советники в конце 1923 — начале 1924 г., не могла не сказаться на первых шагах их деятельности в Китае. Как отмечалось в отчетах М. М. Бородина, как явствует из опубликованных в 70-х годах воспоминаний А. И. Черепанова и др.¹⁴, социально-политическая обстановка в Южном Китае, как и в стране в целом, оказалась сложнее, чем виделась им из Москвы или даже из Пекина, что потребовало в первую очередь дополнительного изучения китайской реальности, традиций и истории. На месте, в Кантоне, стало ясно, как мало было в окружении Сунь Ятсена тех, кто действительно разделял его позицию союза с СССР, а главное — сотрудничества с китайскими коммунистами. На первых порах китайские коммунисты не могли оказать советникам большой помощи: им не хватало знаний и опыта, к тому же партия была немногочисленна, да и установка на широкий единый национальный фронт в гоминьдановской форме на основе союза пролетариата, крестьянства, городской мелкой и национальной буржуазии встречала сопротивление и в рядах КПК или же требовала дополнительной, длительной разъяснительной работы советских советников, равно как и работников Коминтерна.

С другой стороны, Сунь Ятсен, твердо веря в необходимость опоры на СССР, дружба с СССР, в правильность выбора внешнеполитической ориентации, добивался создания атмосферы доверия к советским специалистам, особенно к своему политическому советнику М. М. Бородину. В выступлениях 1923—1924 гг. Сунь Ятсен неоднократно обращал внимание гоминьдана на крайнюю необходимость заимствования российского опыта партийного и военного строительства, который передавали Китаю представители Советской страны¹⁵. М. М. Бородин был назначен Сунь Ятсеном советником по реорганизации гоминьдана, затем стал политическим советником гоминьдана.

История реорганизации гоминьдана, создания единого фронта достаточно широко освещена в работах советских авторов, воспоминаниях бывших военных советников в Китае. Бесспорным представляется вывод о том, что без непосредственного участия опытных советских партийных деятелей в разработке теоретических и практических мероприятий по подготовке первого съезда гоминьдана и в его работе¹⁶ (съезд организационно оформил блок гоминьдана и КПК) единый фронт не был бы создан в столь короткий исторический период. Сунь Ятсен дал высокую оценку помощи СССР Китаю. По окончании работы первого съезда гоминьдана он писал Л. М. Карахану, что съезд благодарен русскому народу за сочувствие китайцам в их деле борьбы за победу революции. Он выразил уве-

¹³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163—165, 167, 243—244.

¹⁴ См.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976.

¹⁵ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 368 и др.

¹⁶ См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 28—29.

ренность, что «оба народа, китайский и русский, будут сотрудничать на пути свободы и справедливости». Особо отмечалась им деятельность М. М. Бородинна как руководителя группы советников. В официальном письме Г. В. Чичерину в феврале 1924 г. Сунь Ятсен писал: «...Я выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказал нам в реорганизации гоминьдана. Он был неоценим, и его визит является, по-видимому, знаменательным событием»¹⁷.

Другим важнейшим направлением сотрудничества была, как отмечалось, помощь в создании армии единого фронта. С приездом в Китай советских военных советников вопрос стал решаться практически. В 20-х годах революционными силами Китая противостояли милитаристские армии, снабжавшиеся иностранным оружием. Более того, вооруженные отряды империалистических держав в Китае готовы были в любой момент выступить против ширившегося в стране антиимпериалистического движения. Отсутствие собственных вооруженных сил вынуждало Сунь Ятсена опираться в различные периоды борьбы на тех или иных милитаристов, которые, преследуя собственные интересы, нередко шли на блок с Сунь Ятсеном, используя его как знамя в борьбе со своими противниками за власть в Кантоне. Поэтому интерес Сунь Ятсена к советскому опыту военного строительства являлся вполне закономерным. В обращении 1923 г. он писал, что заинтересован прежде всего в создании армии и организации Северного похода. Заслуга Сунь Ятсена перед китайской историей, историей революции состоит в том, что после приезда советских советников он, несмотря на открытое сопротивление многих гоминьдановцев, в основном доверился советскому военному опыту.

Созданная в 20-е годы Национально-революционная армия не только внесла выдающийся вклад в развитие национально-демократической революции 20-х годов, но и стала прообразом Народно-освободительной армии Китая.

В Южном Китае была сформирована южнокитайская группа советских военных советников, возглавлявшаяся вначале одним из героев гражданской войны П. А. Павловым, а с октября 1924 г. — В. К. Блюхером¹⁸. Группа была численно невелика: в 1923 г. она состояла из 5 человек, к июню 1924 г. возросла до 25, а в январе 1926 г. на юге Китая работало 27 советников и 20 технических работников. Однако малочисленность группы компенсировалась опытом советских военачальников, отличившихся в годы гражданской войны, прошедших теоретический курс в советских военных академиях (содержание советников полностью оплачивалось СССР).

В 1923, 1924 и первой половине 1925 г. в центре деятельности советников было создание школы офицерских кадров Вампу (Хуанпу), первых частей армии единого фронта — «партийной армии». Советский Союз предоставил Китаю значительные суммы на организацию учебного процесса и другие нужды, связанные с деятельностью школы. Школа была обеспечена оружием и боеприпасами, доставленными из СССР. Система обучения курсантов, учебные программы были разработаны совместно советскими и китайскими преподавателями с учетом опыта советских военных школ, существовавших в годы гражданской войны в СССР. Естественно, что в условиях готовящейся войны в обучении большое значение придавалось практическим занятиям, полевой выучке, индивидуальной подготовке каждого курсанта. Много внимания уделялось тактической и стрелковой подготовке.

Особое значение имела политическая подготовка курсантов, осуществлявшаяся в основном коммунистами и левыми гоминьдановцами (Чжоу

¹⁷ Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 415, 569—570.

¹⁸ С середины 1925 по март—апрель 1926 г. руководителем южнокитайской группы советников был Н. Куйбышев, известный в литературе под псевдонимом Кисанька.

Эньлай, Юнь Дайин, Ляо Чжункай и др.). К началу Северного похода в Вампу было подготовлено более 6 тыс. офицеров, ставших костяком Национально-революционной армии.

Качественно новый тип создаваемой армии определило введение системы политической работы с учетом опыта Красной Армии. Первая же военная акция армии, создававшейся по рекомендации советников, — «восточный поход» за освобождение Гуандуна от власти милитариста Чэнь Цзюньмина, — показала ее высокие боевые качества. По данным китайской печати 1925 г., именно эти части внесли основной вклад в достижение победы. Все основные операции были разработаны с помощью советских советников, причем, по свидетельству очевидцев и участников наступления, В. К. Блюхер смог тогда даже предсказать продолжительность похода. Когда завершился первый «восточный поход», посол СССР Л. М. Карахан сообщил в Москву 1 марта 1925 г., что «на имя гоминьдановского ЦИК получают телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение и свой восторг нашим комсоставом, и особенно Блюхером».

Дальнейшая работа советских советников в Китае протекала уже после кончины Сунь Ятсена в марте 1925 г.

До последних дней своей жизни Сунь Ятсен оставался последовательным борцом за свободу Китая, путь к которой видел в союзе с СССР. Он завещал своим преемникам довести революцию до конца, «пробудить массы и вести борьбу в союзе с народами мира, строящими отношения с нами на основе равенства». В предсмертном послании Стране Советов Сунь Ятсен выражал надежду, что «настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы»¹⁹.

Как свидетельствует исторический опыт, и в последующие годы, когда над Китаем нависала угроза вторжения извне, он неизменно обращался за помощью и поддержкой к Советскому Союзу. Это еще одно неопровержимое свидетельство совпадения коренных интересов Советского Союза и Китая, к пониманию которого Сунь Ятсен пришел еще в самом начале 20-х годов.

¹⁹ Сунь Ятсен. Избр. произв., с. 555, 556—557.

Юэ Фэй как историческая личность и борьба идей в Китае

*С. Н. Гончаров,
кандидат исторических наук*

Для идейно-политической жизни Китая последней четверти века характерно использование традиционного идеологического материала, взятого из древней и средневековой истории, для внедрения в сознание людей определенных стереотипов понимания политической ситуации в своей стране и за рубежом. Примером такого рода «использования древности ради современности» может служить известная кампания «критики Линь Бяо и Конфуция»¹. В публикациях последних лет китайские авторы разоблачили реакционную, не имеющую ничего общего с исторической наукой сущность этой кампании, показали, как под давлением сверху исторические факты извращались во имя определенных политических целей, как даже маститые ученые были вынуждены идти на заведомое извращение исторической истины.

В качестве примера использования традиционного идеологического материала в политических целях небезынтересно, на наш взгляд, рассмотреть различного рода интерпретации в научной литературе популярнейшего в Китае образа полководца XII в. Юэ Фэя² как исторической личности.

Прежде всего вкратце приведем основные факты биографии Юэ Фэя³, как они излагаются в историографии старого Китая. Юэ Фэй, родившийся в уезде Таньинь (на территории современной провинции Хэнань) в 1103 г., был выходцем из бедной крестьянской семьи. Его молодость и зрелые годы пришлось на период ожесточенных войн китайской империи Сун (960—1279) с чжурчжэньским государством Цзинь (1115—1234). Чжурчжэни нанесли Китаю ряд серьезных поражений. В конце 1126 г. они штурмом захватили столицу сунской империи Кайфэн, а в начале 1127 г. увезли на свою родину, в Маньчжурию, плененных ими сунских императоров Хуэй-цзуна, который отрекся от трона во время нападения чжурчжэней, и его сына Цинь-цзуна, занимавшего престол в момент штурма Кайфэна. Пленение китайских императоров и увоз их в плен вызвали психологический шок у современников и до сих пор оцениваются китайцами как «позорное пятно» в истории страны. В том же 1127 г. девятому сыну Хуэй-цзуна, Гао-цзуну (его личное имя — Чжао Гоу), удалось восстановить власть китайской империи на юге страны (период существования этого государства именуют Южной Сун, 1127—

¹ См.: Л. С. Переломов. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 253—306.

² Мы не станем касаться особенностей изображения образа Юэ Фэя в художественной литературе Китая. Об этом см., например: R. Ruhlmann. Traditional Heroes in the Chinese Popular Fiction. — Confucian Persuasion. Stanford, 1960, p. 154. Об изображении Юэ Фэя в традиционной китайской драматургии см. статьи Фэн Циюна в «Гуанмин жибао», 27.IX, 10.XI, 22.XI.1964.

³ Все биографии Юэ Фэя восходят к жизнеописанию, составленному его внуком Юэ Кэ (1183—после 1240). См.: Юэ Кэ. Представленное на рассмотрение императора собрание документов из Цзиньто в области Э, гл. 1—8. Ханчжоу, 1883.

1279). Постепенно мощь сунских армий стала возрастать, им удавалось сдерживать натиск чжурчжэней в районах между реками Хуайхэ и Янцзы, в среднем течении реки Ханьшуй, а также примерно на границе между современными провинциями Шэньси и Сычуань.

Пожалуй, самым блестящим из плеяды выдающихся китайских полководцев, выдвинувшихся в ту пору, был Юэ Фэй, прошедший путь от рядового воина до одного из крупнейших военачальников империи. Обладавая незаурядными организаторскими способностями и талантом полководца, Юэ Фэй создал дисциплинированную и боеспособную армию, неоднократно наносившую поражения чжурчжэням. В глазах современников главной особенностью этой армии было то, что в отличие от войск прочих сунских военачальников она не грабила и не притесняла мирное население. Однако Юэ Фэй, как и прочие крупнейшие полководцы того времени, не только воевал с чжурчжэнями, но и, повинувшись повелениям императора, подавлял крестьянские восстания, вспыхивавшие на территории Южной Сун. Именно войска Юэ Фэя сыграли решающую роль в подавлении крупного крестьянского восстания под предводительством Чжун Сяна и Ян Яо в 1134—1135 гг.

Наибольших успехов в борьбе с чжурчжэнями Юэ Фэй добился в 1140 г., когда его армия перешла в наступление в провинции Хэнань, продвигаясь в направлении бывшей сунской столицы Кайфэна и громя по пути чжурчжэньские войска. Однако не дойдя до Кайфэна, Юэ Фэй вынужден был отступить на исходные позиции. В традиционной китайской историографии утверждается, что Юэ Фэй отступил, исполняя приказ императора Гао-цзун. Одновременно отмечается, что этот приказ был инспирирован тогдашним могущественным первым министром сунского двора Цинь Гуем (1090—1155), который в большинстве исторических источников и художественных произведений изображается как «чжурчжэньский шпион» и «влиятельный негодяй». Японский ученый Сэндзиро Итимура в статье, вышедшей в 1902 г., убедительно доказал, что армия Юэ Фэя отступила вовсе не по приказу императора (наличие приказа, кстати говоря, весьма сомнительно), а потому, что оказалась отрезанной от основных сунских сил и не имела поддержки с флангов⁴. Выводы Итимуры в определенной степени были восприняты некоторыми китайскими историками⁵, однако в большинстве работ сохраняется более драматическая и эффектная традиционная версия, согласно которой Юэ Фэй заставила отступить накануне решительной победы «подрывная деятельность» Цинь Гуя.

Правящая верхушка Сун опасалась возросшей мощи своих военачальников и возможного их «своеволия», неподчинения приказам двора. В 1141 г. под предлогом вознаграждения за одержанные в боях победы крупнейшие сунские полководцы Хань Шичжун, Чжан Цзюнь и Юэ Фэй были приглашены в столицу Южной Сун город Линьань (современная провинция Чжэцзян, город Ханчжоу). На самом же деле во исполнение плана, разработанного Цинь Гуем, все они были назначены на высокие, но не связанные с реальной властью посты в центральном правительстве и таким образом были изолированы от своих войск. Лишение их военной власти было одним из важнейших шагов на пути к заключению мира с чжурчжэнями, которое подготавливали Гао-цзун и Цинь Гуй: все эти военачальники были противниками замирения со «смертельным врагом». Позднее Хань Шичжун, Чжан Цзюнь и Юэ Фэй были вынуждены подать в отставку и уйти со своих номинальных постов, а против Юэ Фэя — самого твердого и последовательного противника заключения мира — было сострепано судебное дело. Его обвинили «в подготовке бунта», бросили в тюрьму, где он и погиб в самом конце 1141 г. Одновременно велись пе-

⁴ С. Итимура. Исследования по истории Китая. Токио, 1943, с. 421—438.

⁵ См., например: Дэ и Гуанмин. Биография Юэ Фэя. Пекин, 1958, с. 223—228.

переговоры с чжурчжэньской империей. В результате в 1142 г. были окончательно согласованы условия мира: китайский император признавал себя «вассалом» чжурчжэньского императора, обязывался ежегодно выплачивать государству Цзинь крупную дань и признавал его право владеть огромными территориями Китая, включая территории современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Хэнань и Шэньси. В свою очередь чжурчжэни по условиям договора возвратили из плена мать Гао-цзуна (она была наложницей Хуэй-цзуна), а также прах умерших в государстве Цзинь Хуэй-цзуна и двух его жен. В Китае традиционно считается, что этот договор, получивший по девизу правления Гао-цзуна название «мира периода Шао-син», является одним из самых унижительных в истории страны.

Бурные события середины XII в. на протяжении веков привлекали к себе внимание правящих кругов или их оппозиции. В различные эпохи и сам договор 1142 г., и основные действующие лица этого периода в зависимости от политической ситуации в стране получали совершенно разные оценки. Популярность же образа Юэ Фэя неуклонно возрастала от поколения к поколению. Среди трудового народа Юэ Фэй был почитаем прежде всего как герой, защищавший страну от вторжений иноземцев, и военачальник, не позволявший подчиненным обижать население (весьма редкое явление в старом Китае). Правящие классы, используя почтение к Юэ Фэю во всех слоях общества, пропагандировали его «безукоризненную преданность правителю». Маньчжурский император Цянь-лун, например, написал специальное эссе⁶, в котором утверждал, будто Юэ Фэй, получив приказ об отступлении, знал, что его собирается погубить «влиятельный негодяй» Цинь Гуй, но без колебаний отвел войска, а затем покорно отправился в столицу на верную смерть, так как полагал, что повиновение приказу императора выше стремления сохранить собственную жизнь. Цянь-лун превозносит такую «преданность правителю» как великодушный образец, которому должны подражать все верноподданные.

Теперь посмотрим, как изображался Юэ Фэй в новейшее время. При этом мы обратим внимание только на основные тенденции, выявившиеся в ходе дискуссий о Юэ Фэе.

1. «Средневековый милитарист» или «герой, защищавший родину от агрессоров»!

Люй Сымянь в своем учебнике по истории Китая, изданном в 1923 г., восхваляет Цинь Гуя за то, что он сумел лишить власти сунских военачальников, включая и Юэ Фэя. В глазах Люй Сымяня Юэ Фэй был «средневековым милитаристом», который ничем не отличался от китайских милитаристов 20-х годов, и устранение его было лишь на пользу стране⁷. В этой оценке нашло отражение недовольство прогрессивной общественности междуусобными распрями милитаристских клик, ослаблявшими страну. Позднее, в 30-х годах, оценка Юэ Фэя как «милитариста» была использована в совершенно иных целях.

В 1931 г. вышла в свет статья Чэнь Дэнъюаня, посвященная оценке исторической роли Цинь Гуя⁸. В ней были подобраны свидетельства из тех исторических источников, где положительно оценивалось заключение по инициативе Цинь Гуя мира с Цзинь и лишение им власти сунских военачальников. Стремление Цинь Гуя заключить мир с иноземцами оправ-

⁶ См.: Ли Ханьхунь. Биографическая хроника Юэ, удостоенного посмертно титула «Вониственный и мудрый». Тайбэй, 1975, с. 367 (Приложение).

⁷ См.: Люй Сымянь. История родины на разговорном языке для практического самообразования, т. 3. Шанхай, 1923, с. 7—14.

⁸ Чэнь Дэнъюань. Критическая оценка Цинь Гуя. — «Цзиньлин сюэбао» (Нанкин), 1931, т. 1, № 1, с. 28—45.

дывал в своей книге, изданной в 1936 г., и Дэн Чжичэн, который, пожалуй, первым из китайских историков попытался доказать, что в результате замирения с чжурчжэнями и последующего сокращения расходов на содержание войск несколько снизилось налоговое бремя подданных Южной Сун⁹. Историк КНР Шэнь Цивэй отметил, что накануне антияпонской войны некоторые гоминьдановские деятели, готовые пойти на заключение мира с Японией, стремились оправдывать мирную политику Цинь Гуя и принижать боевые подвиги Юэ Фэя¹⁰. Возможно, именно в этом и состояла политическая подоплека появления упомянутых выше работ. Однако эта тенденция немедленно получила отпор со стороны деятелей, стоявших за вооруженное сопротивление японской агрессии. Мю Пэнлинь и Чжу Се в статьях 1936 г.¹¹ стремились опровергнуть мнение о том, что заключение мира с Цзинь было оправданным, принесло Китаю пользу, и доказывали, что Цинь Гуй был «государственным преступником», а Юэ Фэй — не «милитаристом», а «национальным героем».

Еще большую остроту приобрел вопрос об оценке личности Юэ Фэя как символа сопротивления захватчикам и Цинь Гуя как символа капитулянтства и предательства после развертывания с июля 1937 г. широкомасштабной японской агрессии против Китая.

Китайские оценки того времени невозможно рассматривать в отрыве от формулировок японских авторов, которые стали активно использовать образ Цинь Гуя для оправдания и «обоснования» реакционной агрессивной политики своего правительства. В 1937 г. вышла статья Сидзуо Согабэ, в которой весьма положительно оценивалось заключение по инициативе Цинь Гуя мира с чжурчжэнями¹². После захвата в конце 1937 г. японскими войсками Нанкина японцы заявили о своей «готовности заключить мир» с Китаем, стремясь расколоть гоминьдановское правительство, ослабить его волю к сопротивлению и заручиться поддержкой капитулянтских элементов в нем¹³. В этом контексте ясен политический смысл другой статьи Согабэ — о мирной политике Цинь Гуя. Выступая с крайне шовинистических позиций и делая множество оскорбительных выпадов в адрес китайского народа, Согабэ призывал Чан Кайши поучиться «старинной мудрости» у Цинь Гуя, «не ускорять свою гибель» и поскорей заключить мир с Японией¹⁴.

После перехода на сторону Японии группировки Ван Цзинвэя и развертывания ею кампании за заключение мира с агрессорами японцы стали прямо сравнивать Ван Цзинвэя с Цинь Гуем, заявляя о «целесообразности» и «разумности» достигнутого им мира. Так, Гундзи Тояма в своей монографии 1939 г., посвященной переоценке образов Юэ Фэя и Цинь Гуя, прямо уподобляет Ван Цзинвэя сунскому первому министру и весьма положительно оценивает политику последнего. Одновременно он пытается доказать, будто «Юэ Фэй был вовсе не таким уж хорошим», лишение его воинской власти и убийство были вполне оправданными¹⁵. Такие оценки поддержали и прояпонские деятели в Китае. Например, из-

⁹ См.: Дэн Чжичэн. История Китая за 2000 лет, т. 3. Шанхай, 1936, с. 246, 249, 250—252, 256.

¹⁰ См.: Шэнь Цивэй. Очерк истории войн между Сун и Цзинь. Ухань, 1958, с. 130.

¹¹ Мю Пэнлинь. О мирных переговорах сунского Гао-цзуна с чжурчжэнями. — «Гофэн юэкань» (Нанкин), 1936, т. 8, № 2, с. 39—44; Чжу Се. Новый анализ мирных переговоров между Цзинь и Сун. — «Дунфан цзачжи» (Шанхай), 1936, т. 33, № 10, с. 65—74.

¹² С. Согабэ. О политических движениях студентов в Китае. — «Гайко дзихо» (Токио), 1937, т. 83, № 1 (776), с. 261.

¹³ См.: Хуан Мэйчжэнь, Чжан Юнь. Капитуляция врагу группировки Ван Цзинвэя в период антияпонской войны. — «Фудань сюебао» (Шанхай), 1982, № 6, с. 63—67.

¹⁴ См.: С. Согабэ. Китаю следует поучиться у мирных переговоров Цинь Гуя. — «Гайко дзихо» (Токио), 1938, т. 85, № 1 (794), с. 273—286.

¹⁵ См.: Тезисы исследований по эпохе Сун. Токио, 1974, с. 677—678; Лю Цзыцз-

вестный историк и общественный деятель Тао Сишэн, примкнувший в 1939 г. к Ван Цзинвэю, превозносил мирную политику Цинь Гуя, порицая Юэ Фэя за «излишнюю воинственность»¹⁶.

Японцы не только использовали историю Китая для оправдания своей агрессивной, захватнической политики, но и применяли на практике «опыт» прежних завоевателей Китая. В 1943 г. в Японии была издана коллективная анонимная монография, обобщавшая такой «опыт». В ней, в частности, одобряется лишение Юэ Фэя военной власти, дается положительная оценка мирной политике Цинь Гуя¹⁷. В предисловии к этой книге прямо указывается, что цель ее — сделать опыт средневековых завоевателей Китая доступным для лидеров так называемой «великой восточноазиатской сферы совместного процветания» — японцев¹⁸. Авторы книги пришли к выводу, что исходя из исторического опыта наиболее эффективная форма поддержания оккупационного режима на территории Китая состоит в осуществлении курса на «управление китайцами руками самих китайцев при военном контроле со стороны завоевателей»¹⁹. В свете этого представляется небезосновательным суждение американского автора Тао Цзиньшэна о том, что при создании марионеточных режимов на территории Китая японцы до некоторой степени использовали опыт чжурчжэней, организовавших на захваченных землях сунской империи марионеточные государства Чу (1127) и Ци (1130—1137)²⁰.

Идеологическое наступление японцев, использование ими истории Китая для пропаганды своей реакционной захватнической политики не могли не встретить отпор со стороны патриотически настроенных ученых и политических деятелей Китая. Так, например, Ли Цзи писал, что из тяжелых поражений и горького унижения, которые испытал Китай в период Сун, следует вывод о гибельности для страны политики «вымаливания мира» у врагов²¹. Появились работы, в которых опровергалось распространенное в Китае до 1937 г. мнение, насаждавшееся затем японцами и их марионетками, будто Юэ Фэй был всего лишь «средневековым милитаристом», а не национальным героем²². Известный китайский историк Цзянь Боцзань уподобил Лю Юя и Чжан Банчана — «правителей» марионеточных царств, созданных чжурчжэнями, — а также сунского капитулянта Цинь Гуя современному коллаборационисту и капитулянту Ван Цзинвэю. Он подчеркивал настоятельную необходимость борьбы против национального предательства, опасность которого для страны как раз подтверждалась, по мнению Цзянь Боцзаня, историческим опытом сунского периода²³. В другой статье Цзянь Боцзань высоко оценивает деятельность народных ополчений, боровшихся против захватчиков на оккупированных чжурчжэнями территориях. Он подчеркивает, что наибольших побед в борьбе с агрессорами добивались такие военачальники, как Юэ Фэй, поддерживавшие тесную связь с этими партизанскими отря-

зьянь. Юэ Фэй: взгляд с точки зрения историографии и истории идеологии. — В кн.: Собрание исследований по истории Сун, т. 6. Тайбэй, 1971, с. 65. Сходные идеи содержатся и в послевоенной монографии Тоямы, основанной на его статьях 30—40-х годов. — См.: Г. Тояма. Исследования по истории династии Цзинь. Киото, 1964.

¹⁶ Общее руководство к критике реакционной исторической точки зрения Чжоу Гучэна. — «Лиши цзяосюе» (Тяньцзинь), 1964, № 11—12, с. 33.

¹⁷ См.: История господства иноземцев над Китаем [Б. м.], 1943, с. 137—138.

¹⁸ Там же, с. 1—2.

¹⁹ Там же, с. 15—16.

²⁰ Tao Jing-shen. The Jurchen in Twelfth-Century China. A Study of Sincization. Seattle—London, 1976, p. 35.

²¹ См.: Ли Цзи. Урок, следующий из мольбы о мире при двух Сун. — «Дунфан цзачжи» (Шанхай), 1941, т. 39, № 9, с. 26—36.

²² См.: Чэнь Лифу. Необходимо преподавать историю и писать историю во имя того, чтобы творить историю. — «Цзяоюй цзачжи», 1941, т. 31, № 11, с. 3; Цзянь Му. Краткий очерк отечественной истории, т. 2. Шанхай, 1943, с. 434.

²³ См.: Цзянь Боцзань. Сб. статей по истории Китая. Чунцин, 1944, с. 125—137.

дами²⁴. В общем, можно с полным основанием констатировать, что попытки японских авторов и китайцев, сочувствовавших Ван Цзинвэю, опорочить Юэ Фэя и превознести Цинь Гуя не оказали влияния на массы китайского общества. В народе популярность образа Юэ Фэя еще больше возросла²⁵.

Эхо ожесточенных споров и разногласий в оценке Юэ Фэя и Цинь Гуя продолжало звучать и после 1949 г. Цзя Цзиньянь в статье 1951 г. отмечал, что «некоторые люди» требуют развернуть дискуссию о роли Юэ Фэя и Цинь Гуя²⁶. Вскоре этот вопрос действительно попал в поле зрения китайских авторов в связи с критикой трудов Чжоу Гучэна. Дело в том, что в 1939 г. в оккупированном японцами Шанхае была издана «Общая история Китая» Чжоу Гучэна. В этой книге положительно оценивался факт создания чжурчжэнями марионеточных государств Чу и Ци, полностью оправдывалась проводимая Цинь Гуем мирная политика и отстаивалась уже знакомая нам точка зрения, будто Юэ Фэй и прочие военачальники были лишь «милитаристами», которых следовало устранить²⁷. В тогдашней политической ситуации китайские читатели вполне могли усмотреть в таких оценках одобрение курса японцев на создание марионеточных режимов, одобрение политики соглашательства с агрессорами. Эта книга Чжоу Гучэна практически без изменений²⁸ была переиздана в КНР в 1955 и 1957 гг. Возможно, это соответствовало проводившемуся тогда курсу «пусть соперничают сто школ, пусть расцветают сто цветов». Позднее, во время развертывания кампании «критики буржуазных правых элементов», под огнем оказалась и эта работа Чжоу Гучэна. Сначала, в 1958 г., критика велась в достаточно корректном тоне, не выходя за рамки научной дискуссии²⁹. В ходе «второго раунда» критики, в 1964 г., тон ее резко ужесточился. За сочувственное описание Чжоу Гучэном деятельности Цинь Гуя, стремление принизить роль Юэ Фэя и одобрить создание чжурчжэнями марионеточных царств Чу и Ци он был прямо обвинен в том, что его оценки в свое время «лили воду на мельницу японских захватчиков»³⁰. В таком изменении стиля критики, безусловно, отразилось общее обострение обстановки в КНР в преддверии «культурной революции». В хвалебной статье о Чжоу Гучэне, вышедшей в 1981 г., китайские авторы отметили, что инициатором «первого раунда» его критики (конец 50-х годов) был Кан Шэн, в начале 60-х годов главную роль в критике стал играть Яо Вэньюань³¹. Нельзя не обратить

²⁴ См.: Цзянь Боцзань. Сб. статей по истории Китая, с. 106—124.

²⁵ См.: Лю Цзыцзинь. Указ. соч., с. 65.

²⁶ См.: Цзя Цзиньянь. Взгляд на Цинь Гуя по циньским источникам. — «Лиши цзяосюе» (Тяньцзинь), 1951, т. 2, с. 13, № 5.

²⁷ См.: Чжоу Гучэн. Общая история Китая, т. 1. Шанхай, 1941, с. 716, 738—740, 752—753.

²⁸ Изменения, внесенные в переиздание, были такого рода: например, следуя терминологии феодальных историков, в первых изданиях Чжоу Гучэн именовал крестьян-повстанцев разбойниками (цзэй), а в издании 1955 г. это слово лишь взято в кавычки.

²⁹ См.: Цзи Тянь. Критика «Общей истории Китая» Чжоу Гучэна. — «Синь цзяньшэ» (Пекин), 1958, № 7, с. 62—63; Фань Вэньлань. В исторических исследованиях нужно больше уделять внимания современности, меньше — древности. — «Жэньминь жибао», 28.IV.1958; Чжао Цянь. Зачем оправдывать предателей? — «Гуанмин жибао», 30.VIII.1958.

³⁰ Цзинь Инси. Каким образом Чжоу Гучэн обеляет Цинь Гуя, хвалит капитулянтов и порочит сторонников войны. — «Хунци», 1964, № 17—18, с. 21—24; Дин Лилин, Чунь Юй, Пэй Жучэн. Каким образом Чжоу Гучэн пересматривает дела Цинь Гуя и Чжан Банчана. Критика реакционной точки зрения, пропагандирующей национальное предательство в написанной Чжоу «Общей истории Китая». — «Цзефан жибао», 16.X.1964; Гуань Люйшюань. Поговорим о «мирной» ситуации между Сун и Цинь после «мира периода Шаосин». К разоблачению одной из абсурдных теорий Чжоу Гучэна, оправдывавшего преступление Цинь Гуя. — «Лиши цзяосюе» (Тяньцзинь), 1964, № 11—12, с. 27—29.

³¹ См.: К 60-летию преподавательской деятельности Чжоу Гучэна. — «Фудань сюебао» (Шанхай), 1981, № 3, с. 65—70.

внимания на тот факт, что в 1981 г. «Общая история Китая» вновь была переиздана в КНР в неизменном виде. Складывается впечатление, что она является единственной из появившихся в последнее время в КНР работ, где отстаивается мнение, будто Юэ Фэй являлся «милитаристом». Как мы отмечали, известные круги отстаивали это мнение еще в 30—40-е годы.

2. «Феодальный раб, всецело преданный императору» или «патриот, ставящий превыше всего любовь к родине»

С распространением марксизма в Китае и ростом его влияния перед прогрессивными мыслителями этой страны встала задача переоценки с научных, классовых позиций всей ее истории, включая переоценку роли важнейших исторических деятелей и выработку пролетарских принципов идейно-политической работы. Пожалуй, первым, кто правильно, опираясь на революционные принципы, подошел к оценке Юэ Фэя, был великий китайский писатель Лу Синь. В ряде своих статей 1935—1936 гг. он развил мысль о существовании двух типов единого национального антияпонского фронта. При первом (в терминологии Лу Синя — «старый» тип) трудящиеся массы беспрекословно повинуются реакционным правящим классам. Лу Синь уподобляет их покорность «преданности правителю» Юэ Фэя. Такая форма единого фронта могла, по мнению Лу Синя, в конечном счете привести лишь к поражению борьбы, подобно тому как «безупречная преданность» Юэ Фэя погубила его самого, способствовала заключению позорного мира. При втором (или «новом») типе единого фронта, по мнению Лу Синя, «пролетариат держит руководство в своих руках и выступает за независимый, самостоятельный курс». Лишь такой единый фронт способен добиться победы над Японией. Не умаляя положительные черты в образе Юэ Фэя, Лу Синь выступал против не критического восхваления его образа в ту пору гоминьдановскими деятелями (в том числе его «преданности») ³².

Суждения Лу Синя, первым поставившего вопрос о классовой ограниченности и противоречивости сознания Юэ Фэя, заслуживают тем большего уважения, что сделаны они были в период, когда малейшая «нелояльность» в отношении образа Юэ Фэя могла навлечь подозрения в отсутствии патриотизма. Причем принципиально важно то, что, с точки зрения Лу Синя, пролетариат не может ограничиваться в воспитании собственного патриотизма исключительно старым, феодальным идеологическим материалом.

Остро поставил вопрос о противоречивости сознания Юэ Фэя философ, придерживавшийся марксистского направления, Ай Сыци ³³. В книге «Философия для широких народных масс» он пытался, используя понятные любому китайцу примеры из истории и культуры страны, растолковать смысл основных категорий и законов марксистской диалектики. Объясняя закон единства и борьбы противоположностей, Ай Сыци приводит в качестве примера судьбу Юэ Фэя. Философ отмечает, что распространенная точка зрения, будто главной причиной гибели Юэ Фэя были козни предателей и капитулянтов, поверхностна, не отражает всей сложности происшедшего. По мнению Ай Сыци, в душе Юэ Фэя «преданность правителю», побуждавшая его отступить, повинувшись приказу императора, боролась с «любовью к родине», призывавшей наступ-

³² См.: Янь Цзяянь. Исследование интервью Лу Синя газете «Цзюван цинбао». — «Синь вэньсюе шиляо» (Пекин), 1980, № 1, с. 246—247.

³³ О взглядах Ай Сыци см.: В. Г. Буров. Современная китайская философия. М., 1980, с. 72—74, 90—93.

пать вплоть до полного разгрома врагов. Гибель Юэ Фэя предопределялась победой «преданности правителю» над «любовью к родине»³⁴.

Весьма категоричные выводы сделал из этого рассуждения Ай Сыци другой китайский автор — Цинь Вэньси. Он утверждал, что, поскольку в сознании Юэ Фэя ведущую роль играла «идеология феодального раба», он вообще не может считаться национальным героем. Таковыми, по мнению Цинь Вэньси, могут быть лишь предводители крестьянских восстаний, выступавшие против феодального гнета³⁵. Появление подобной точки зрения заставило Ай Сыци выступить с разъяснением своей позиции. Он охарактеризовал мнение, будто представители феодального господствующего класса в принципе не могут являться национальными героями, как упрощенное. Отражение нападения чжурчжэней было, безусловно, большой заслугой Юэ Фэя перед китайским народом. Одновременно Ай Сыци отметил обусловленную исторически и социально ограниченность взглядов Юэ Фэя, их реакционную сторону. Эта реакционность проявилась прежде всего в подавлении Юэ Фэем крестьянского восстания Чжун Сяна и Ян Яо. Однако главной стороной деятельности Юэ Фэя было все же не удушение восстаний, а сопротивление агрессорам, поэтому его с полным основанием можно считать патриотом и национальным героем³⁶.

Вопрос о подавлении Юэ Фэем восстания Чжун Сяна и Ян Яо был самым щекотливым для авторов, стремившихся «отстоять» традиционно высокий авторитет образа полководца. Чжао Лишэн, пытаясь полностью оградить Юэ Фэя от обвинений в «рабской преданности» классу феодалов, изображает его политику в отношении повстанцев как исключительно мягкую, направленную всецело на «умиротворение и привлечение» крестьян, а не на их истребление. Сам факт подавления восстания имел, по Чжао Лишэну, положительное значение, ибо влившиеся в армию Юэ Фэя повстанцы значительно ее усилили, позволив ей тем самым более успешно противостоять чжурчжэням³⁷. Точка зрения Чжао Лишэна была подвергнута справедливой критике. Нин Кэ, например, признавая выдающуюся роль Юэ Фэя в борьбе против Цзинь, утверждал тем не менее, что подавление восстаний никак не может быть сочтено его заслугой³⁸.

Характерной тенденцией в работах 50-х годов было также стремление подчеркнуть теснейшую связь Юэ Фэя с народным движением сопротивления захватчикам³⁹. Тем самым доказывалась полная обоснованность определения Юэ Фэя как подлинно народного, близкого массам героя.

В конечном счете была выработана общепринятая точка зрения на роль Юэ Фэя в истории страны. Достаточно полно она отражена в книге Дэн Гуанмина «Биография Юэ Фэя»⁴⁰. Признавая подавление восстаний ошибкой полководца, этот автор утверждал, что все-таки основная его деятельность была сосредоточена на борьбе против Цзинь. Хотя субъективно Юэ Фэй и сражался во имя «преданности правителю»,

³⁴ Ай Сыци. *Философия для широких народных масс*. Дальний, 1948, с. 153—155.

³⁵ См.: Цинь Вэньси. Считать в конце концов Юэ Фэя национальным героем или нет? — «Лиши цзяосюе» (Тяньцзинь), 1951, т. 1, № 5, с. 17—18.

³⁶ См.: Ай Сыци. Является ли Юэ Фэй патриотом? — «Чжунго циннянь» (Пекин), 1951, № 64, с. 19.

³⁷ См.: Чжао Лишэн. Восстание Чжун Сяна и Ян Яо в начале Южной Сун. — «Лиши цзяосюе» (Тяньцзинь), 1954, № 1, с. 17—18.

³⁸ См.: Нин Кэ. О нескольких проблемах, связанных с оценкой Юэ Фэя. — «Вэнь ши чжэ» (Циндао), 1957, № 5, с. 40—43.

³⁹ См.: Лай Цзяду, Ли Гуанби. Северный поход Юэ Фэя и «отряды преданности и верности долгу» Севера страны. — В кн.: Сб. статей об исторических деятелях Китая. Пекин, 1957, с. 149—168.

⁴⁰ Дэн Гуанмин. Указ. соч., с. 257—267.

объективно его борьба соответствовала интересам трудового народа и активно им поддерживалась.

Написанная выразительным языком и содержащая интересные исследования многих важных фактов, книга Дэн Гуанмина по праву может считаться лучшим из жизнеописаний Юэ Фэя, созданных в КНР. Она оказала заметное влияние на работы Хэ Чжуи и Шэнь Цивэя⁴¹.

До конца 50-х годов дискуссия об оценке Юэ Фэя имела, в общем, академический характер. С конца 50-х годов все возрастающая «политизация» древней и средневековой истории страны затронула и интересующий нас вопрос. В 1964 г., после начала «движения за социалистическое воспитание», проблема оценки «преданности правителю» Юэ Фэя была переведена в идейно-политическое русло. Теперь речь шла уже о том, целесообразно ли современным китайцам перенимать «преданность» Юэ Фэя, его патриотизм или эти его качества должны быть полностью отвергнуты как «реакционное феодальное наследие». Последнюю мысль развивали в своих статьях Ван Сычжи и Лю Вэйхуа⁴². Они утверждали, что «патриотизм» Юэ Фэя полностью сводился к «преданности правителю», является всецело реакционным и должен быть полностью отвергнут китайским народом как бесполезный и даже вредный. В защиту Юэ Фэя выступил Хуа Шань, подчеркнувший, что «патриотизм» Юэ Фэя в силу особенностей эпохи, его классового положения действительно был неразрывно связан с его представлениями о «преданности правителю». Однако «патриотизм» Юэ Фэя объективно не ограничивался одной лишь «преданностью», он питался также любовью к родине широких масс трудового народа Китая, боровшегося против иноземных завоевателей. Именно поэтому образ Юэ Фэя и вдохновлял в последующие времена китайский народ на борьбу с агрессорами, именно поэтому «патриотизм» Юэ Фэя (но не его «преданность правителю») заслуживает «критического восприятия»⁴³. Однако эта точка зрения Хуа Шаня, пытавшегося отстоять оценку Юэ Фэя, выработанную учеными КНР в 50-х годах, не получила поддержки и была вытеснена мнением о «бесполезности» и даже «реакционности» образа полководца.

Советские ученые, как известно, оценили огульное отрицание культурного наследия страны и ее исторического прошлого в процессе «движения за социалистическое воспитание» как одну из форм обработки масс при подготовке «культурной революции». В конечном счете к сходному выводу в последние годы пришли и в Китае, где признается, что в ходе «движения за социалистическое воспитание» «в подходе к интеллигенции, к вопросам просвещения, науки и культуры появился левацкий уклон, который все усиливался и впоследствии послужил «запальным шнуром» «культурной революции»⁴⁴. Обоснованность такой оценки подтверждается, в частности, отношением к образу Юэ Фэя в период «культурной революции». В 1966 г. хунвэйбины разрушили гробницу Юэ Фэя и его храм на берегу озера Сиху в провинции Чжэцзян — один из самых знаменитых исторических памятников Китая. Позднее, в первой половине 70-х годов, Юэ Фэй неоднократно подвергался резким нападкам за то, что «пожертвовал интересами народа» во имя «доходящей до глупости

⁴¹ Хэ Чжуи. Очерк истории борьбы Юэ Фэя против Цзинь. Пекин, 1959; Шэнь Цивэй. Указ. соч., с. 92—130.

⁴² Ван Сычжи. Исходя из трагедии Юэ Фэя, поговорим о «преданности правителю». — «Синь цзяньшэ» (Пекин), 1964, № 1, с. 71—79; Лю Вэйхуа. Конфуцианские социальные и моральные нормы, ритуалы и поучения невозможно наследовать. — «Синь цзяньшэ», 1964, № 7, с. 86—87.

⁴³ Хуа Шань. Правомерно ли критическое наследование патриотизма Юэ Фэя? — «Синь цзяньшэ», 1964, № 7, с. 91—100.

⁴⁴ См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981, с. 31 (на русск. яз.).

преданности императору», и даже был объявлен «преступником»⁴⁵.

Как уже отмечалось, еще Лу Синь выступил против некритического превознесения личности Юэ Фэя, за классовый подход к ее оценке. Лу Синь, однако, никогда не трактовал этот подход односторонне, упрощенно — как необходимость отбросить все историческое наследие страны. Один из аспектов «культурной революции» как раз и представляет собой пример извращения классового подхода к истории. В последние годы многие ученые стремятся возвратиться к научному исследованию истории Китая. Это касается, в частности, и личности Юэ Фэя. Например, известный историк Линь Ганьцюань подчеркнул, что патриотизм Юэ Фэя в конечном счете нельзя сводить всецело к его «преданности правителю», он заслуживает высокой оценки и «критического восприятия» со стороны современников⁴⁶. Такая точка зрения совпадает с мнением Хуа Шаня, который, как мы помним, в середине 60-х годов, во время движения за «социалистическое воспитание», выступал против нигилистического подхода к образу Юэ Фэя.

После падения «четверки» вопрос о «преданности правителю» Юэ Фэя продолжал привлекать внимание китайских ученых, но акценты теперь несколько сместились. Так, Ван Цзиле признает, что ведущей идеологией Юэ Фэя была «преданность правителю». Он согласен с тем, что в феодальном Китае в определенные периоды «преданность» способна была играть положительную роль, цементируя господствующий класс и позволяя, таким образом, сохранять единство страны. Однако в периоды национальных кризисов, войн, когда феодальные правители готовы были пожертвовать интересами государства во имя сохранения собственной власти, «абсолютная преданность» таким правителям становилась негативным, реакционным фактором. С точки зрения Ван Цзиле, трагедия Юэ Фэя состояла в том, что он был «абсолютно преданным» «плохому императору». В том, что Юэ Фэй был погублен этой своей преданностью, Ван Цзиле видит «глубокий исторический урок»⁴⁷.

Большинство современных китайских авторов не разделяют мнения Ван Цзиле, будто «преданность правителю» была основной чертой идеологии Юэ Фэя. С их точки зрения, Юэ Фэй прежде всего был патриотом, считал, что отпор захватчикам важнее, чем сохранение власти правящего императорского клана, поэтому в меру своих возможностей постоянно боролся с капитулянтскими приказами двора, отказывался слепо их выполнять⁴⁸. При таком подходе к образу Юэ Фэя китайские авторы стали критиковать популярный роман Цянь Цая «Сказание о Юэ Фэе» за то, что в нем полководец выведен «преданным верноподданным» императора, почитающим за счастье погибнуть по его приказу, в то время как на самом деле Юэ Фэй всегда выступал против капитулянтской политики Гао-цзуна⁴⁹. Очевидно, образ Юэ Фэя как человека,

⁴⁵ См.: Сюй Вэйпин. О национальном герое Юэ Фэе. — «Гуанмин жибао», 13.II.1979. Храм и гробница Юэ Фэя были реставрированы и в 1979 г. открыты для посещения. См.: Chang Shaowen. Tomb of Yeh Fei, Song Dynasty Hero. — "China Reconstructs", 1980, vol. XXIX, N 3, p. 55—57.

⁴⁶ См.: Линь Ганьцюань. О критическом отношении к историческому культурному наследию. — «Чжунго ши яньцзю» (Пекин), 1983, № 2, с. 18—19.

⁴⁷ Ван Цзиле. Критика идеи преданности Юэ Фэя правителю. — «Цинхай шэхуэй кэсюе», 1980, № 2. (Краткое содержание см.: «Гуанмин жибао», 22. X. 1980).

⁴⁸ См.: Дэн Гуанмин. О нескольких проблемах, связанных с Юэ Фэем. — «Цюй и» (Пекин), 1981, № 5, с. 8—12; его же. Предательская деятельность Цинь Гуя в 8 и 9 годах периода Шао-син (1138—1139) и решительное сопротивление Юэ Фэя. — «Шэхуэй кэсюе цзикань» (Шэньян), 1982, № 4, с. 91—100; Гун Яньмин. Еще раз о критике идеи преданности Юэ Фэя правителю. — «Чжунго ши яньцзю» (Пекин), 1981, № 4, с. 83—91; Чжан Юньсяо. Борьба Юэ Фэя с Чжао Гоу. — «Шэхуэй кэсюе» (Шанхай), 1982, № 6, с. 61—62.

⁴⁹ См.: Ли Чжунжан. Критическая оценка ведущей идеологии «Сказания о Юэ Фэе». — «Шэхуэй кэсюе цзикань», 1982, № 1, с. 146—153; Ван Дуаньлаф. Юэ Фэй в истории и в романе. — «Вэньши чжиши» (Пекин), 1981, № 1, с. 33—38.

который пытался в меру сил бороться с антинародными приказами руководства, отказывался слепо им повиноваться, кажется особенно привлекательным в современном Китае, пережившем «десятилетие великих смут» и на своем опыте ощутившем, во что иной раз обходится слепое повиновение.

3. Кто главный виновник гибели Юэ Фэя!

«Использование древности для современности» дает возможность людям, не разделяющим официальную трактовку тех или иных проблем, в инскапательной форме выражать свою точку зрения. Достаточно отчетливо это проявилось в дискуссии, которая будет описана ниже.

В начале 60-х годов в КНР был опубликован ряд статей, поводом для появления которых послужило обсуждение частного вопроса об интерпретации сообщений источников, повествующих о провозглашении Гао-цзуном официального наследника престола. На самом же деле смысл этих статей состоял в разногласиях по более острому вопросу: кто является главным виновником гибели Юэ Фэя? Одни авторы утверждали, что Юэ Фэй был заточен в тюрьму, а затем там убит с ведома и по приказу императора⁵⁰. Другие же пытались доказать, что «изменник и шпион» Цинь Гуй погубил Юэ Фэя в обход императора, «подделав указ» о его заточении⁵¹. В тогдашней политической обстановке, когда в умах общественности КНР были свежи воспоминания о событиях, связанных со смещением выдающегося полководца маршала Пэн Дэхуая (которого в статьях 50-х годов прямо уподобляли Юэ Фэю), вопрос о том, кто был главным виновником гибели сунского полководца, император или его приспешники, приобретал для китайских читателей вполне определенный актуальный смысл.

Вновь к вопросу о главном виновнике гибели Юэ Фэя китайские авторы возвратились после падения «банды четырех». Ван Цзэнъюй, написавший за последние годы несколько интересных статей о Юэ Фэе, энергично доказывает, что «главным злодеем», сгубившим полководца, безусловно, являлся император. «Тысячелетний феодальный абсолютизм, — пишет он, — накопил много абсурдных, дурных обычаев, которые вызывают ненависть. Например, подданные не имели права критиковать преступления и ошибки императора царствующей династии»⁵². Выступления Юэ Фэя против политики императора и стали причиной его заточения и гибели. Такую же мысль проводит Ван Цзэнъюй и в других своих статьях⁵³.

Хэ Чжунли, не согласный с Ван Цзэнъюем относительно некоторых

⁵⁰ См.: Жо Вэнь. Об одном материале о Юэ Фэе и Чжао Гоу. — «Гуанмин жибао», 6.VI.1961; Чжан Сюаньхао. Точка зрения о наследнике престола. — «Гуанмин жибао», 21 и 25.I.1962.

⁵¹ См.: Дай Буфань. Стихи и проза Юэ Фэя. — «Сницзюй бао» (Пекин), 1960, № 23—24, с. 36; его же. О просьбе Юэ Фэя возвести престолонаследника и прочем. — «Гуанмин жибао», 19 и 21.IX.1961; Дэн Гуанмин. Еще поговорим об одном материале о Юэ Фэе и Чжао Гоу. — «Гуанмин жибао», 8.VII.1961. В 1963 г. Дэн Гуанмин опубликовал статью, где в более жесткой форме развил аргументы, приводившиеся им в ходе дискуссии. См.: Дэн Гуанмин. Несколько проблем борьбы между Южной Сун и Цинь. — «Линши яньцзю» (Пекин), 1963, № 2, с. 21—32.

⁵² См.: Ван Цзэнъюй. Гибель Юэ Фэя. — «Линши яньцзю» (Пекин), 1979, № 12, с. 29—41, 38.

⁵³ Его же. «Военная мощь и организация армии Юэ Фэя» («Вэнь ши», вып. 11. Пекин, 1981, с. 119). «Критическое описание деяний Цинь Гуйя» («Цзянси шэхуэй кэсюе», 1981, № 4. Краткое содержание см.: «Китайский исторический ежегодник», Пекин, 1982, с. 56). «О послании, которое Учжу отправил Цинь Гую, и связанных с этим вопросах» («Нанькай сюебао», 1981, № 5, с. 78—79, 41).

конкретно-исторических фактов, разделяет мнение о том, что главным виновником гибели Юэ Фэя был император⁵⁴.

Ниже мы увидим, что, обращаясь к тем или иным историческим фактам, в частности к личности Юэ Фэя, авторы имеют целью не столько уяснение объективной истины, сколько выражение своей позиции по актуальным проблемам идейно-политической жизни страны. Деятельность эта не ограничивается сферой политической идеологии, но охватывает и область права. Так, например, в 1981 г. вышла в свет книга «Пересмотр и исправление несправедливых судебных приговоров в различные эпохи», подготовленная Институтом права АН КНР. В предисловии к ней не без оснований отмечается, что «несправедливые, фальсифицированные и ошибочные приговоры» являются показателем упадка страны. Как один из классических примеров такого рода приговоров приводится «дело Юэ Фэя». ЦК КПК, отмечают авторы, поставил задачу пересмотреть несправедливые приговоры, вынесенные в период господства «банды четырех». Для этого, считают составители книги, хорошим подспорьем должен послужить опыт прошлого. С этой целью и собраны примеры пересмотра несправедливых приговоров в китайской истории. В книге довольно много места уделено «делу Юэ Фэя», который был реабилитирован лишь посмертно, при наследнике Гао-цзуна — Сяо-цзуне. Любопытно, что в комментариях к тексту источника, в котором, заметим, ничего не говорится о вине императора, составители книги тем не менее специально указывают: Цинь Гуй погубил Юэ Фэя с санкции Гао-цзуна⁵⁵. Цзоу Шэньчэн, также рассматривающий «дело Юэ Фэя» с юридической точки зрения, приходит к аналогичному выводу⁵⁶. Пожалуй, единственным автором, считающим главным виновником гибели Юэ Фэя не императора, а его первого министра Цинь Гуя, остается Дэн Гуанмин⁵⁷. В начале 60-х годов мнения об ответственности Гао-цзуна и Цинь Гуя за гибель Юэ Фэя делились примерно поровну. Теперь же подавляющее большинство авторов утверждают, что «главным злодеем», по приказу которого погиб Юэ Фэй, был император.

Однако, согласно официальной точке зрения, главным виновником гибели Юэ Фэя считается не император, а Цинь Гуй. Так, 12 мая 1983 г. гонконгская газета «Гун шан жибао» воспроизвела текст посвященной Юэ Фэю передачи пекинского радио от 11 мая. В ней, в частности, утверждалось, что «после гибели Юэ Фэя негодяй-министр тайно (подчеркнуто мной. — С. Г.) замыслил погубить всю его семью». Таким образом, слушателя наталкивают на мысль, будто император был в неведении относительно злодейств своего первого министра.

Политический подтекст разногласий относительно роли Гао-цзуна и Цинь Гуя в гибели Юэ Фэя был вскрыт выдающимся китайским писателем Ба Цзинем. Начиная с 1979 г. он стал издавать в тесно связанной с КНР гонконгской газете «Дагун бао» воспоминания, посвященные в основном трагедии, пережитой китайским народом в период «культурной революции», и вытекающим из этого урокам. В 1980 г. часть этих воспоминаний была издана в КНР, где получила чрезвычайно высокую оценку⁵⁸. В одной из глав Ба Цзинь рассказывает, как некий иностранный

⁵⁴ См.: Хэ Чжунли. Разбор версии о «послании, которое Учжу отправил Цинь Гую». — «Ханчжоу дасюе сюебао» (Ханчжоу), 1980, № 1, с. 42—45.

⁵⁵ См.: Пересмотр и исправление несправедливых судебных приговоров на протяжении различных эпох. Пекин, 1981, с. 1—3, 117—122, 119.

⁵⁶ См.: Цзоу Шэньчэн. Замена императорским указом закона при династии Сун и несправедливый приговор Юэ Фэю. — «Хэнань шида сюебао». 1981, № 1 (краткое содержание см.: «Китайский исторический ежегодник», Пекин, 1982, с. 57).

⁵⁷ См.: Дэн Гуанмин. О том, что главным злодеем, погубившим Юэ Фэя, был Цинь Гуй. — «Бэйцзин дасюе сюебао», 1981, № 5, с. 2—9.

⁵⁸ См.: Яо Бэйхуа. Ни в коем случае нельзя допустить повторения исторической трагедии! (Чувства, вызванные чтением «записей размышлений» Ба Цзиня). — «Наньцзин шифань дасюе сюебао» (Нанкин), 1980, № 2, с. 32—34.

гость недоуменно спросил его, каким образом «банда четырех» смогла обрести такую власть и мощь. Ба Цзинь пишет, что он растерялся и ответить на этот вопрос не смог. Подобные ситуации возникали у него в беседах с иностранцами довольно часто. Но однажды, пишет Ба Цзинь, он в Ханчжоу смотрел фильм о достопримечательностях озера Сиху. Жемчужиной этих мест является гробница Юэ Фэя, у которой, как известно, стоят коленапреклоненными Цинь Гуй, его жена Ван, военачальник Чжап Цзюнь и цензор Моци Се, сыгравшие зловещую роль в «деле Юэ Фэя». Следует отметить, что эти четверо злодеев, скорее всего, ассоциируются в умах китайцев с «бандой четырех», ибо в ее состав также входили трое мужчин и женщина. Во время фильма, который смотрел Ба Цзинь, при повествовании о гробнице Юэ Фэя за кадром была сделана следующая авторская ремарка: перед гробницей не хватает коленапреклоненного самого высокопоставленного и самого главного злодея — императора. И вновь перед нами ассоциация, а именно: «четверка» из ближайшего окружения императора времен Юэ Фэя и «банда четырех» и ее покровитель недавнего прошлого. Ба Цзинь тут же понял, как следует отвечать на каверзные вопросы иностранцев. Поэтому, осматривая несколько позднее гробницу Юэ Фэя, он полностью сжился с мыслью, выраженной в последней строке стихотворения Вэнь Чжэнмина — поэта эпохи Мин, — которое высечено на каменной стеле: «Усмехаюсь, на что же мог быть способен в одиночку ничтожный (Цинь) Гуй! (Он лишь) подлаживался под его (императора) желания». В этом и состоял «ответ», найденный Ба Цзинем. «Сейчас этот ответ уже всем известен», — подчеркивает писатель⁵⁹. Думается, что искушенному китайскому читателю нет нужды растолковывать, под чьи желания «подлаживалась» «банда четырех», подобно тому как Цинь Гуй «подлаживался» под желания императора. Только благодаря ему «четверка» приобрела невиданную мощь и погубила множество людей, подобно тому как Цинь Гуй по приказу императора погубил Юэ Фэя.

4. Образ Юэ Фэя и проблема воссоединения Китая

Как известно, на протяжении последних нескольких лет правительства КНР, выражая чаяния всего китайского народа, выступает с предложениями о воссоединении с КНР острова Тайвань. В качестве первого шага КНР предлагает начать торговые, культурные, спортивные и прочие связи с Тайванем. Однако гоминьдановский режим, вооружаемый и поддерживаемый империализмом США, категорически отвергает все предложения КНР. Между тем гоминьдановские власти не могут не видеть, что вопреки их запретам растут контакты жителей Тайваня с КНР, все ярче проявляется их естественный интерес к происходящему на континенте. Так, в конце 1981 г. в одной из тайваньских газет появилась статья писательницы Хоу Жуншэн, побывавшей у гробницы Юэ Фэя. Хоу Жуншэн описывает современный вид храма Юэ Фэя, отмечает большую проделанную работу по его реставрации после хунвэйбиновских погромов. В противоположность официальному тайваньским журналистам она не делает выпадов против КНР⁶⁰. Статья вызвала большой интерес у тайваньских читателей, их многочисленные отклики. Гоминьдановские лидеры, судя по всему, были обеспокоены большим интересом тайваньцев к судьбе гробницы популярнейшего национального героя. В марте 1982 г., в очередную годовщину со дня рождения Юэ Фэя, в гоминьда-

⁵⁹ Ба Цзинь. Записи размышлений (запись № 86). — «Дагун бао», 13.V.1982.

⁶⁰ См.: Хоу Жуншэн. Храм Юэ-вана после отстройки его заставы. — «Чжунго шибао», 15. XI. 1981.

новском офицозе, газете «Чжунъян жибао», была помещена статья Чэнь Лифу. Он прямо указал, что его статья является откликом на статью Хоу Жуншэн. Грубо извращая исторические факты, Чэнь Лифу пытался доказать, будто в КНР до «культурной революции» Юэ Фэя оценивали только отрицательно, как «феодалного раба», и лишь в самое последнее время под влиянием восторженной его оценки на Тайване положительная интерпретация образа сунского полководца стала даваться и в КНР⁶¹. Эти аргументы Чэнь Лифу могут быть убедительными лишь для человека, совершенно не знакомого с историографией КНР.

Гоминьдановские деятели пытаются использовать образ Юэ Фэя и для того, чтобы дискредитировать идею переговоров с КНР. На Тайване появился целый ряд статей, восхваляющих Юэ Фэя за противодействие «губительным» мирным переговорам со «смертельным врагом»⁶². Уже сам напряженный, почти истеричный тон этих статей заставляет предположить, что на самом-то деле «мирные переговоры», в «гибельности» которых пытаются на примере Юэ Фэя убедить жителей Тайваня, совсем не так уж непопулярны среди них.

Одновременно гоминьдановцы пытаются, опять же используя образ Юэ Фэя, дать жителям острова некую позитивную программу действий. В связи с этим Юэ Фэй всячески превозносится как человек, сражавшийся за «отвоевание утраченных земель»⁶³. Особенно интенсивной стала пропаганда его образа в 1983 г., поскольку 880-летие со дня рождения Юэ Фэя совпало с отмечаемым на Тайване 29 марта Днем молодежи⁶⁴. Кроме того, что в это время Юэ Фэя рекламировали как «образец» для молодежи, его образ использовали и для безудержного восхваления существующих на Тайване порядков.

Однако безудержные восхваления опровергаются признаниями, появляющимися на страницах самой тайваньской прессы. Так, например, в разгар шумихи, поднятой на Тайване в связи с 880-летием Юэ Фэя, в «Чжунъян жибао» была опубликована статья учителя И Гэна — человека, надо полагать, хорошо разбирающегося в настроениях тайваньской молодежи. Он пишет, что хотел бы видеть ее похожей на Юэ Фэя. Но, отмечает И Гэн, молодежь не стремится походить на Юэ Фэя, она «погрязла в мирной жизни и удовольствиях», не желает жертвовать собой во имя «отвоевания континента». Подобные настроения, по мнению И Гэна, распространены отнюдь не только среди молодежи⁶⁵. Из этой статьи становится понятным, что образ Юэ Фэя как «человека, отдавшего жизнь ради возвращения утраченных земель», навязываемый гоминьдановскими властями жителям Тайваня в качестве «образца для подражания», не находит у них особого отклика, ибо нежизненным, нереальным является сам лозунг гоминьдана об «отвоевании земель континента».

⁶¹ См.: Чэнь Лифу. Описываю чувства в связи с 879-й годовщиной со дня рождения Юэ Фэя. — «Чжунъян жибао», 10.III.1982. Годом позже статья сходного содержания была написана Ли Анем — земляком Юэ Фэя, автором множества статей о нем. См.: Ли Ань. О том, как в КНР Юэ Фэя сначала принижали, а потом стали превозносить. — «Чжунъян жибао», 26 и 27.V.1983.

⁶² Ли Ань. Признаем значение духа Юэ Фэя «безукоризненной преданностью отблагодарить государство» и его заслуги в отвоевании земель государства. — «Цзиньжи Чжунго» (Тайбэй), 1982, № 125, с. 53; его же. Возвращение Юэ Фэем сунских земель и его мнение о тогдашних мирных переговорах, вводящих в заблуждение государство. — «Цзиньжи Чжунго», 1982, № 130, с. 71—79. Статьи такого же содержания см. в «Чжунъян жибао» за 21, 27 и 30 марта и 1—3 апреля 1983 г.

⁶³ См.: Ли Ань. Историческое место и слава Юэ Фэя при Южной Сун. — Собрание исследований по эпохе Сун, т. 6. Тайбэй, 1971, с. 125.

⁶⁴ См.: «Чжунъян жибао», 22, 29 и 31.III.1983; «Цзыли ваньбао», 29 и 30.III.1983.

⁶⁵ См.: И Гэн. Сокровенные мысли (о случившемся) 800 лет назад. Предав (письмо) огню, отправляю его усопшему Юэ, князю владения Э, удостоенному посмертно титула «Воинственный и мудрый». — «Чжунъян жибао», 29.III.1983.

Автор отнюдь не ставил своей целью проследить все существующие в Китае тенденции в интерпретации образа Юэ Фэя⁶⁶, проанализировать все работы по этому вопросу. Но даже из того ограниченного материала, который был привлечен, следует, что в Китае с конца 50-х годов, особенно в период «культурной революции» и последующие годы, идеологическая деятельность сознательно строилась на использовании идеологического материала из древней и средневековой истории. В этих условиях общественная и научная мысль выводилась из сферы революционных традиций борьбы китайского народа и международного пролетариата и формировалась на основе беззастенчивой фальсификации китайской и всемирной истории.

В последние годы многие крупные китайские ученые подчеркивают, что такого рода идеологическая деятельность служила для оправдания политики, находившейся в вопиющем противоречии с объективными потребностями общественного развития Китая в целом и с интересами развития исторической науки в частности⁶⁷. Некоторые китайские ученые предпринимают попытки преодолеть подобный тенденциозный подход к истории. Однако нельзя говорить о том, что, например, дискуссии об оценке исторической личности Юэ Фэя, проходившие в 80-е годы, носили чисто академический характер. В интерпретации образа Юэ Фэя нашли отражение актуальные для современного Китая проблемы.

⁶⁶ Так, не была рассмотрена трактовка образа в свете концепции «извечного, единого, многонационального Китая». Подробнее об этом см.: Л. С. Переломов, С. Н. Гончаров, Э. В. Никогосов. Великоханьская сущность концепции «извечного, единого, многонационального Китая». — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 4, с. 41—55. О некоторых новых моментах в подходе к этой проблеме см.: Дэн Гуанмин, Чжан Сицин. О патриотизме и национальных героях. — «Жэньминь жибао», 8.XII.1981; Резюме обсуждения проблемы патриотизма в истории. — «Синьхуа вэньчжай» (Пекин), 1982, № 11, с. 67—69.

⁶⁷ См.: Ли Шу. Марксизм и китайская историческая наука. — «Лиши яньцзю» (Пекин), 1983, № 2, с. 12.

Современная синология США об американско-китайских отношениях

М. В. Коваль,
кандидат исторических наук

В последние годы в США заметно увеличилось число работ по истории Китая и истории китайско-американских отношений в гоминьдановский период. Активизация научной деятельности в этой области не случайна: она есть следствие развития особых отношений между США и КНР с начала 70-х годов.

Довольно быстро откликнулись на происходящие перемены в отношениях Китая с США и другими капиталистическими странами ученые-либералы так называемой «гарвардской школы» в США, а также историки, примыкающие к ним по своим политическим установкам и научному подходу. Уже в начале 70-х годов ученые этого направления стали подвергать критическому анализу доктрины и концепции, лежавшие в основе китайской политики США в период второй мировой войны и в 50-е годы. К концу 70-х — началу 80-х годов в этой критике появились новые аспекты и оценки: она стала более масштабной и охватывала всю политику США в Восточной и Юго-Восточной Азии. Сущность пересмотра стратегии и тактики Вашингтона в Китае в 40-е годы сводится к тому, что внешняя политика США могла быть гораздо более эффективной, если бы не делалась ставка на режим Чан Кайши, а проводился более гибкий курс в отношении КПК. Эта идея приобрела в 70—80-е годы острое современное звучание и получила широкое распространение в научных кругах США.

В 1979 г. в Нью-Йорке вышли в свет две книги молодого американского китаевода Майкла Шэллера (адъюнкт-профессора истории университета Аризоны), получившие хвалебные отзывы ведущего, наиболее авторитетного сиолога США, старейшины «гарвардской школы» Дж. Фэрбенка. Шэллер в 1974 г. защитил в Мичиганском университете докторскую диссертацию об американской политике в Китае в 40-е годы. Его книга «Крестовый поход США в Китае»¹, написанная на базе этой диссертации, представляет собой довольно серьезное критическое исследование американско-китайских отношений в годы второй мировой войны.

Шэллер анализирует внутриполитическую обстановку в Китае, акцентируя внимание на негативных сторонах политики и деятельности чанкайшистского режима, остро критикует несостоятельность политики США на продажное гоминьдановское правительство, противопоставляет гоминьдану динамичную политику китайских коммунистов, возросшую в ходе войны силу КПК. Шэллер поднимает и заново оценивает ряд документов и материалов, которые были «похоронены» в политических ведомствах США в период расследования «дела Америкэша», в годы маккартизма и «холодной войны», привлекает работы тех американцев (дипломатов, ученых, журналистов — Э. Сноу, О. Клабба,

¹ M. Schaller. The U. S. Crusade in China, 1938—1945. New York, 1979.

Дж. Сервиса, Дж. Дэвиса и др.), которые еще в 30-х — начале 40-х годов высказались за сотрудничество с китайскими коммунистами, считая именно их истинной, наиболее действенной и перспективной националистической силой китайского общества.

Представляя эту книгу читателям, Фэрбэнк назвал ее «классическим анализом» американской политики в период второй мировой войны, который произвел «освежающий эффект Уотергейта» в американской науке.

Вторая работа Шэллера — «США и Китай в XX веке» — несколько шире хронологически. Она представляет собой обзор различных направлений китайско-американских отношений, включая период КНР. Своё повествование автор доводит до визита президента Никсона в Китай в 1972 г.²

Главная цель автора здесь состоит в освещении основных направлений американской политики, в результате которой США были втянуты в войну в Корее, а затем и во Вьетнаме, направлений, сформулированных и проводившихся в жизнь еще во время второй мировой войны, когда США, по словам Фэрбэнка, «противостояли китайской коммунистической революции». Именно в этот период, отмечает Шэллер, политика США «в отношении китайского национализма и коммунизма стала своего рода моделью для американской стратегии в других странах, что и привело США к кровавым конфликтам в Корее и Вьетнаме»³. Шэллер фиксирует внимание на неудаче США в Китае в 40-е годы и подчеркивает необходимость учета «горького опыта прошлых лет» в деле «расчистки завалов», преодоления трудностей в сегодняшних китайско-американских отношениях и «установления дальнейшего взаимопонимания» между КНР и США.

Книги Шэллера — наиболее заметный в 70-е годы вклад в буржуазно-либеральное направление науки США по переоценке принципов «холодной войны» в Азии, всей стратегии США в период второй мировой войны и в послевоенное время. Такого рода работы в концептуальном плане продолжают развивать и углублять критическую линию в американской историографии, столь ярко выявившуюся во второй половине 60-х и начале 70-х годов в трудах О. Латтимора, Дж. Сервиса, Дж. Дэвиса и многих других «жертв» маккартистского периода, обвиненных в организации в 40-е годы «коммунистического заговора» в научных и правительственных кругах США⁴.

Шэллер проводит единую концепцию в обеих книгах, сосредоточивая внимание на ошибочности политики США в отношении гоминьдановского Китая, на недооценке сил и роли КПК, исходя из «ложного представления» о том, будто китайские коммунисты являются «орудием Кремля», составляют часть «ортодоксального мирового коммунизма» просоветского толка. И в той и в другой работе автор совершенно определенно рассматривает влиятельную группу в руководстве КПК как «правоверных националистов», идущих своим собственным, специфически китайским путем и выражавших готовность тесно сотрудничать с США уже с конца 30-х годов.

Впервые такого рода оценки давались Э. Сноу еще в 30-е годы. Китайские коммунисты представлены у него как мелкобуржуазные «аг-

² M. Schaller. The United States and China in the Twentieth Century. New York, 1979.

³ Ibid., p. VII.

⁴ In: O. Lattimore. History and Revolution in China. Lund, 1970; J. S. Service. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of U. S. — China Relations. Berkeley, Univ. of California, 1971; U. S. Policy with Respect to Mainland China. Hearings before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 89 Congress, 2 Session. Washington, 1966; J. P. Davies. Dragon by the Tail. New York, 1972.

рарные реформаторы»⁵. В дальнейшем такие взгляды развивались в работах Дж. Сервиса и ряда других авторов.

Именно этой концепции придерживались и придерживаются ученые «гарвардской школы», постоянно подчеркивая «специфику» китайского коммунизма. В связи с этим, полагают они, в 40-е годы следовало проводить политику опоры США не на гоминьдан, а на КПК, а в дальнейшем — твердый курс на сближение США с коммунистическим Китаем, с тем чтобы, используя национализм лидеров КНР, вернуть ее развитие в русло буржуазной демократии.

Шэллер полностью разделяет взгляды этой школы и, ссылаясь на мнение бывших американских дипломатов и военных, тесно общавшихся с китайскими коммунистами в 40-е годы, приходит к выводу, что Китай во время второй мировой войны стал фактически «лабораторией» для разработки политики США в отношении всех будущих революций в Азии⁶. Автор подчеркивает, что главной причиной, по которой некоторые политические деятели США 40-х годов настаивали на поддержке Америкой китайских коммунистов, был взгляд на Китай как на силу, сдерживающую советское влияние в Азии⁷.

Именно стремясь не допустить усиления советского влияния на Китай, на китайских коммунистов, правительство США посылало в 40-е годы своих представителей в Яньань для установления прямого диалога с руководством КПК (миссии «Дикси», Хэрли, Маршалла).

Шэллер пишет, что китайские коммунисты в тот период охотно принимали все предложения американцев и союз с КПК зависел тогда только от позиции Америки⁸. Автор обвиняет политических деятелей США того периода в «потере Китая», говорит, что стратегия и тактика Вашингтона в 30—40-е годы была «нереалистичной» и «порочной» и что сама Америка содействовала китайско-советскому сближению и сотрудничеству в конце 40-х годов. Шэллер рассматривает «потерю Китая» как «трагический момент», как «тяжелый исторический урок» для американских политиков. Политику опоры на гоминьдан, пишет Шэллер, еще можно было морально оправдать до Пёрл-Харбора, но после вовлечения США в войну на Тихом океане «природа ответственности США кардинально изменилась», а правящие круги Вашингтона этого будто бы вовремя не поняли. Это и привело США к краху сначала в Китае, а затем, несмотря на прямую американскую интервенцию, и в Корею в 1950 г., где американские стратеги пытались создать «марионеточный азиатский национализм», который должен был «остановить социальную революцию в Азии»⁹.

Идеи, намеченные в работах Шэллера, получили широкое развитие в монографии трех американских буржуазных авторов — Дж. Томсона, П. Стэнли и Дж. Перри — «Сентиментальные империалисты. Американский опыт в Восточной Азии», изданной в США в 1981 г.

Авторы, историки-международники, специалисты по проблемам Китая, Японии и других стран Азии, связаны с Гарвардским университетом (учились, преподавали или преподают там) и претендуют на то, что их работа — первая после серьезных событий 70-х годов (то есть после завершения американо-вьетнамской войны, официального признания КНР со стороны США и т. д.) — дает широкую интерпретацию отношений США с восточноазиатскими цивилизациями, включая Китай, Японию, Филиппины, Корею, Вьетнам.

⁵ E. Snow. Red Star over China. London, 1937, p. 443—448.

⁶ In: M. Schaller. The U. S. Crusade..., p. 139.

⁷ Ibid., p. 157.

⁸ Ibid., p. 193; J. S. Service. Lost Chance in China. The World War II. New York, 1974, p. 291—295; 372—373; J. P. Davies. Dragon by the Tail, p. 342—343, 345, 321.

⁹ M. Schaller. The U. S. Crusade..., p. 303—304.

Цель авторов — вскрыть причины постоянной «вовлеченности США в дела региона», определить характер и мотивы американской политики в Восточной Азии в прошлом и в перспективе¹⁰.

Политика США в отношении Китая, изложенная учеником Фэрбенка, историком-китаеведом, ассистент-профессором Восточноазиатского института при Гарвардском университете Дж. Томсоном, занимает центральное место в названной книге, причем определяющую роль в оценке этой политики играет анализ китайско-американских отношений в годы второй мировой войны. Концепция и оценки этого периода китайско-американских отношений совпадают с позицией Шэллера. Томсон также подвергает резкой критике политику США в Восточной Азии, осуждает руководителей США за непонимание «азиатского национализма» и за неумение использовать его в интересах США. Дж. Фэрбэнк, написавший предисловие к книге, также отмечает недооценку американскими политиками и учеными, как он выражается, вьетнамского «национального коммунизма», который фактически и нанес удар США¹¹.

Оценки Фэрбенка заслуживают внимания, поскольку он, в сущности, признает силу и эффективность национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Азии, хотя и называет это движение только «националистическим». Пренебрежительное отношение американских политиков к тому, что они именуют «вьетнамским национальным коммунизмом», так же как ранее к «китайскому коммунизму», который США «проглядели в Китае», подчеркивает ученый, и «привело США к поражению и в Китае и во Вьетнаме»¹². Оценки Фэрбенка, высказанные в предисловии к данной работе, перекликаются с его мыслями, изложенными в книге мемуаров о Китае за 50 лет научной деятельности. Примечателен вывод Фэрбенка о том, что «дух холодной войны не может заменить реальных знаний». Следует отметить также, что Фэрбэнк, как серьезный ученый, весьма реалистично оценивает напряженную международную ситуацию последних лет и опасность, нависшую над человечеством, и призывает к объединению усилий всех народов, к установлению более тесного взаимопонимания¹³. Следует, однако, отметить, что пути и методы, которые предлагает Фэрбэнк для достижения «взаимопонимания» между народами, свидетельствуют о недооценке им социально-политических моментов и абсолютизации «знания», то есть «изучения истории и жизни других народов и стран». Знание друг друга, утверждает ученый, может «избавить народы и государства от внешних и внутренних бед». Фэрбэнк прямо связывает задачи изучения Китая и других стран со сложной ситуацией, сложившейся в Восточной Азии. Если бы в США, говорит он, больше уделялось внимания исследовательской работе то, «возможно, удалось бы предотвратить американо-вьетнамскую и американо-корейскую войны»¹⁴.

Не исключено, что подобные высказывания ведущего синолога США отражают недовольство тем, что правящие круги Вашингтона в настоящее время недостаточно привлекают либерально настроенных ученых, в частности гарвардцев, к процессу формирования политики США, что правительство не прислушивается к мнению ученых данного направления. По существу же рассуждения Фэрбенка достаточно идеалистичны. Исследовательская работа, как бы глубока она ни была,

¹⁰ In: J. C. Thomson (Jr.), P. W. Stanley, J. C. Perry, Sentimental Imperialists. The American Experience in East Asia. New York, 1981, p. IX.

¹¹ Ibid., p. XI.

¹² Ibid.

¹³ In: J. K. Fairbank. Chinabond: A Fifty-Year Memoir. New York, 1982, p. 395—396.

¹⁴ Sentimental Imperialists..., p. XI.

сама по себе не может, конечно, изменить характер империалистической политики США. Свидетельств тому немало. Но Фэрбэнк хочет обосновать свою мысль и, представляя авторов данной книги — Томсона, Стэйли и Перри, называет их «первоклассными специалистами по Восточной Азии», говорит, что только они могут «по-настоящему разобраться в отношениях Америки со странами Восточной Азии»¹⁵. Именно их знания, их концепцию рекомендует Фэрбэнк, причем особо выделяет Китаевода Дж. Томсона, который с детства жил в Китае, выучил там китайский язык, хорошо знает страну, учился в Гарварде, а теперь сам преподает там. В 60-е годы Дж. Томсон пять лет работал в госдепартаменте США и получил, как пишет Фэрбэнк, «бесценный опыт формирования политики страны из первых рук»¹⁶. В 1969 г. Томсон опубликовал книгу о Китае¹⁷.

Авторы книги «Сентиментальные империалисты», пытаясь разобраться в политике США в Восточной Азии почти за целое столетие (1890—1980), в комплексе проблем поднимают главный вопрос, или, как они говорят, вопрос «космического плана», а именно: «была ли американская политика в целом империалистической», в частности были ли «американцы империалистами непосредственно в Восточной Азии?»¹⁸. Такая постановка вопроса уже сама по себе показательна, если учесть название работы. Вопрос звучит чисто риторически, ибо ответ на него уже предрешен. И действительно, в конце работы сами авторы «поясняют», что если американцы и были империалистами, то их действиями руководили «чувства», «эмоции», что в политике США в Азии якобы всегда было «больше сердца, чем разума», то есть преобладали моменты «сентиментального» характера. И лишь некоторых американцев, которые хотели «прямых территориальных приобретений», можно, по мнению авторов, без оговорок назвать империалистами¹⁹.

Выводы авторов так далеки от реальности и настолько извращают агрессивную сущность гегемонистского внешнеполитического курса США, что трудно их принимать всерьез. Фактически и сами авторы, излагая и комментируя политику США с конца XIX в. и вплоть до начала 80-х годов нашего столетия, как бы вступают в противоречие с собственными выводами. Оценивая американскую политику за указанный период, ученые ни разу не упоминают ни о каком «сентиментализме», политика США в их изложении предстает как чисто империалистическая. Так, авторы не скрывают, что США неоднократно применяли силу в своей дальневосточной политике — против Филиппин, Японии, Китая, Кореи, Вьетнама. Они критикуют традиционную американскую концепцию о том, что США в Азии проводили якобы исключительно «экономическую дипломатию», руководствовались только «коммерческими и культурными интересами». Авторы ставят под сомнение также «гуманные начала» деятельности американских миссионеров. Томсон, например, сравнивает цели американских миссионеров в Китае с целями, которые позднее, после второй мировой войны, преследовал «Корпус мира» США в развивающихся странах, или с теми, которые были отражены в «четвертом пункте» президента Трумэна об оказании «помощи» слаборазвитым государствам (а фактически о неоколониалистском закабалении этих стран посредством подобной «помощи»). Томсон отмечает, что опыт американских миссионеров в Китае используется современными политиками США как «модель» в раз-

¹⁵ Ibid., p. XIII.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ J. Thomson (Jr). *While China Faced West? American Reformers in Nationalist China. 1928—1937*. Cambridge, Mass., 1969.

¹⁸ *Sentimental Imperialists...*, p. 2—3.

¹⁹ Ibid., p. 311.

вивающихся странах — для изменения «направления их развития», то есть в подрывных целях.

Политику «открытых дверей», проводившуюся США и в Китае, и во всей Азии, авторы называют «экономической экспансией», не скрывая ее прямых колониалистских целей и намерения, используя эту политику, превратить США «в ключевую силу в международном балансе сил».

Несомненно, подобный подход к пониманию движущих сил политики США и к сути разработанных американскими учеными еще в начале века концепций оправдания политики грабежа и насилия под флагом «открытых дверей» ретроспективно вполне объективен. Авторы книги весьма критически оценивают также ставший в США традиционным миф о том, что Америка якобы «взяла на себя обязательство защищать территориальную целостность Китая», стала выдавать себя за «особого друга» и «защитника» Китая²⁰, то есть концепцию «благожелательности», «патернализма» США в отношении народов Китая и Азии в целом. Именно эта концепция была теоретическим фундаментом и важной составной частью политики «открытых дверей», которую авторы вполне обоснованно именуют «империализмом свободной торговли». Как известно, данная концепция была традиционной в американской историографии и действовала до 70-х годов включительно, несмотря на политическую борьбу и ожесточенные теоретические споры американских историков и политологов после второй мировой войны, независимо от критики со стороны ученых-«ревизионистов», от усиления позиций ученых-«интервенционистов», открыто требовавших проведения активного агрессивного курса США в мире и соответственно ослабления позиций ученых-«изоляционистов», ратовавших за «невмешательство» США в какие бы то ни было конфликтные ситуации (что на деле почти всегда приводило к поощрению и поддержке агрессивных сил).

После второй мировой войны Америка достигла, как пишут авторы, наибольшей силы, ее «идеал благожелательности» стал подогреваться теперь милитаристской мощью и «существованием реальных или воображаемых серьезных соперников, особенно коммунизма»²¹. Авторы ясно дают понять, против кого направляется теперь «милитаристская мощь» США, по-прежнему прикрываемая рассуждениями о «благожелательности».

По мере обострения идейного противоборства двух социальных систем, углубления политического кризиса империализма, расширения процесса распространения идей социализма в мире американские монополии и правящие круги прилагают все большие усилия, чтобы обелить реакционный, грабительский характер деятельности империализма США в Азии, Африке и Латинской Америке, выдать ее за «защиту прав человека», идеалов «демократизма», противопоставить мифической «советской угрозе». На практике правящие круги США проводили политику «сдерживания», а затем «отбрасывания» коммунизма, жестоко подавляли национально-освободительную борьбу народов. В этой связи можно вспомнить послевоенную агрессию США в Корею, вторжение в Ливан и Иорданию, попытку вторжения на Кубу в 1961 г., интервенцию в Доминиканскую Республику в 1965 г., «грязную войну» во Вьетнаме, поддержку агрессии Израиля на Ближнем Востоке, интервенционистские действия в Никарагуа, наконец преступную вооруженную агрессию против Гренады в октябре 1983 г.

Даже по свидетельству американского журнала, вооруженные силы США после второй мировой войны «использовались во внешнеполити-

²⁰ Ibid., p. 131.

²¹ Ibid., p. 310.

ческих целях не менее 262 раз»²². Известно также, что в 1980 г. началось формирование 200-тысячного «корпуса быстрого развертывания», то есть создание отборных ударных вооруженных сил США, предназначенных для переброски в любой «беспокойный» район мира, что в ряде случаев в кризисных ситуациях локального характера правящие круги США были готовы пойти на крайние меры, то есть на использование ядерного оружия (причем в четырех случаях планировалось использовать его прямо против СССР)²³.

Однако Томсон и его соавторы совсем не за это осуждают творцов американской политики в Азии. Представление об американской «исключительности», об «особой роли США в Азии», пишут они, существовало и в предвоенный и послевоенный периоды, пока «шок поражения во Вьетнаме не потряс до основания всю нацию». Именно «вьетнамская травма», шок поражения США во Вьетнаме привел наиболее дальновидных американских политиков и ученых к осознанию того факта, что прежние внешнеполитические концепции США неэффективны в условиях новых реальностей на мировой арене.

Поэтому-то позиция авторов книги, и в частности Томсона, только внешне кажется противоречивой. Томсон достаточно объективно оценивает политику США, говоря, что после победы китайского народа в 1949 г. отношения Америки со странами Восточной Азии заметно изменились, что «потеря» Китая негативно повлияла на политику США в данном регионе, поэтому США, «как никогда ранее, стали играть роль жандарма в Тихом океане»²⁴. Однако оговорка «как никогда ранее» в цитируемой фразе отнюдь не случайна. Томсон считает, что процесс развертывания «холодной войны», происшедший в то время в США, дал нежелательные результаты внутри страны и привел к тому, что США заняли «непривычную» для них милитаристскую позицию в Тихом океане и Восточной Азии с целью «сдержать и изолировать красный Китай».

Таким образом, оправдывая по существу американскую внешнеполитическую концепцию «сдерживания коммунизма», Томсон пытается убедить читателя в том, что жесткая милитаристская позиция и политика Вашингтона отнюдь не свойственна США, что она якобы явилась результатом поражения Чан Кайши и «потери» американцами Китая.

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Американские авторы смотрят на внешнюю политику США в Азии с позиций крупной империалистической державы и в своей работе, безусловно, защищают глобальную стратегию американского монополистического капитала и общее направление и цели политики Вашингтона, интересы американского правящего класса. Но они озабочены тем, что тактический арсенал внешнеполитических стратегов США столь несовершенен, что антикоммунистические «эмоции» очень часто берут верх над «рациональностью» и США терпят провал за провалом. Ученые-либералы «гарвардской школы» критикуют американскую администрацию не за какую-то «сентиментальность» в прямом смысле слова, а за упрощенный подход к сложным процессам, происходящим в современном мире, за «слепую» ненависть к коммунизму, то есть за ее оголтелый антикоммунизм и антисоветизм, за приверженность чисто «силовым» методам во внешней политике. Такой внешнеполитический курс, когда политики поддаются ненужным «сентиментам», то есть откровенно антикоммунистическим «эмоциям», и действуют в ущерб «разумной» политике, и привел США, по мнению ученых, к негативным результатам в Азии.

²² "US News and World Report", April 11, 1983.

²³ См.: «Проблемы мира и социализма», 1983, № 7, с. 26.

²⁴ Sentimental Imperialists... p. 217—218.

Поэтому ученые буржуазно-либерального направления, возглавляемые Дж. Фэрбэнком, критикуя «грубый» антикоммунизм стратегов Вашингтона, ведут поиски альтернативного курса — более гибкого, «реалистичного», который больше учитывал бы национальные особенности азиатских стран и более умело, более тонко использовал бы идеологию национализма в этих странах в своих глобальных целях.

Возвращаясь к вопросу о неудаче США в Китае, Томсон, как и Шэллер, ищет ответа в «сложном переплетении событий в Китае во время войны», в консервативности и слабости китайских националистов, в «ползучей деморализации» режима Чан Кайши. Но главное, что привлекло американцев к шоку, улавливается у Томсона между строк — автор сводит все к поражению Японии в Китае и к «неожиданному усилению» позиции КПК. Не случайно Томсон приводит слова Фэрбенка, который, рассуждая о значении поражения Японии, отмечал: «Это был момент, когда американский народ был меньше всего подготовлен, эмоционально и интеллектуально, к китайскому кризису. Мы не собирались зимой 1945/46 г. вести новую войну в Восточной Азии»²⁵. Опираясь на мнение Фэрбенка, Томсон пытается доказать, что США стремились якобы проводить в 1945—1946 гг. миролюбивую политику, но попытки эти, помимо воли США, были неудачны.

Иными словами, Томсон вслед за Фэрбэнком пытается оправдать политику США, оправдать американскую агрессию в Китае после поражения Японии. Фактически Томсон солидаризируется с известными выводами, содержащимися в Белой книге, изданной в США в 1949 г.: Китай-де «попал в руки коммунистов» лишь благодаря ошибкам, многочисленным порокам и упущениям национального руководства гоминьдана.

Подобный тезис сам по себе не нов. Взваливая всю вину за поражение в Китае на гоминьдан, американские ученые тем самым как бы принижают значение революционной борьбы китайского народа, а заодно пытаются опорочить роль и значение Советского Союза и других революционных сил в поддержке китайской революции и создании благоприятных условий для ее победы.

Особенно решительно осуждают авторы все, что произошло в США после полного поражения Чан Кайши. Республиканская партия США, 20 лет бывшая не у власти, жаждала реванша и активно искала виновных в «потере» Китая — огромной страны, которая-де «была отдана коммунизму»²⁶.

Поиски виновных подогревались внушительной группой американцев — сторонников националистического Китая — политиков, дельцов, журналистов, миссионеров, военных и других деятелей — так называемым «китайским лобби». В эту группу, пишет Томсон, входили известный издатель Г. Люс, крупный политик и бизнесмен А. Кольберг, нажившийся на импорте китайского текстиля, сенаторы В. Ноулэнд, Д. Маккарти, П. Маккарэн и др.

Томсон критически изображает весь процесс «охоты за виновными», который прошел три стадии — сначала под руководством сенатора Маккарти, затем — П. Маккарэна, а с 1952 г. — Дж. Ф. Даллеса. Маккарти в 1950 г., пишет Томсон, искал коммунистов в госдепартаменте США, но нашел там только одного «агента Москвы № 1» О. Латтимора, известного профессора-китаеведа, директора Школы международных отношений Университета Джона Гопкинса, бывшего консультанта в правительстве США по китайским проблемам, политического советника Чан Кайши в 1941—1942 гг., редактора научного журнала

²⁵ Sentimental Imperialists..., p. 224.

²⁶ Ibid., p. 226—228.

«Пасифик афферс» при Институте тихоокеанских отношений, члена правления журнала «Амерэйша».

Разумеется, Латтимор отнюдь не был коммунистом, он лишь выступал за осуществление правительством США более гибкого внешне-политического курса в Азии, был против решения китайской проблемы путем превентивной войны, делал упор на использование азиатского национализма, с тем чтобы избежать, не допустить революционного пути при решении проблем Азии. Позднее все обвинения с Латтимора были сняты, но он в 1955 г. уехал из США и на долгие годы обосновался в Лидсе (Англия).

В 1951—1952 гг. сенатор Маккарэн развил широкое наступление на специалистов по Азии, особенно на экспертов по Китаю, работавших в Институте тихоокеанских отношений. Все они были обвинены в «пособничестве китайским коммунистам», многие лишились работы. Уцелели лишь некоторые. Так, сравнительно благополучно пережил период маккартизма Дж. Фэрбэнк, хотя и его обвиняли, что он был «умышленным или неумышленным агентом сталинского заговора», в течение последующих 10 лет он не пользовался доверием правительства, его не приглашали для консультаций по проблемам Азии, не привлекали к рецензированию книг в «Нью-Йорк таймс».

После прихода в 1953 г. к власти республиканской администрации Эйзенхауэра госсекретарь Дж. Ф. Даллес усилил «охоту за ведьмами» и «вычистил» из правительства всех экспертов по Китаю, всех, кто хоть как-то «сочувствовал китайским коммунистам». В течение 1953—1957 гг., говорит Томсон, целое поколение американских специалистов по Китаю, «отлично подготовленных, хорошо знающих Китай и очень ценных, было выброшено с работы или вообще исчезло». В результате американская политика в отношении Китая попала целиком в руки людей, не понимавших проблем китайской революции и сложностей гражданской войны, то есть «ничего не смысливших в Китае». Именно по этой причине, утверждает Томсон, политика США в Азии «была искажена», в ней обнаружился «сильный перекос», из-за которого-де и возникли две войны — в Корее и Индокитае²⁷.

Жесткую антикоммунистическую политику администрации США в этот период Томсон объясняет отсутствием в правительстве знающих специалистов-китаеведов, а также антикоммунистической истерией правящих кругов США. Томсон напирает на «чувства», говорит о «страхе и ненависти США перед коммунистическим Китаем», отражавших общую ненависть американского правительства к Советскому Союзу, общую «антикоммунистическую панику», подчеркивает «фатальный фанатизм» политиков США того периода. Томсон соглашается с общей антикоммунистической направленностью политики США, но сожалеет, что «китайская травма превысила все нормы рассудка». Ненависть к Китаю в США, вспоминает Томсон, доходила до того, что Маккарти предлагал сбросить на Маньчжурию 20—30 ядерных бомб и создать «выжженную радиоактивную зону вдоль реки Ялу»²⁸.

Та же ненависть толкнула политических деятелей США на авантюру в Индокитае, на признание марионеточного правительства Бао Дая и вмешательство в гражданскую войну во Вьетнаме на стороне реакционных сил, что сразу сделало США «врагом ДРВ, врагом коммунистических сил во главе с Хо Ши Мином».

Осуждая подобное антикоммунистическое ослепление правящих кругов США, Томсон и его соавторы одновременно пытаются обелить в целом политику США во Вьетнаме, говорят, что последующие американские действия и политикой-то называть нельзя, что проблема для

²⁷ In: Sentimental Imperialists..., p. 234.

²⁸ Ibid., p. 246.

США в течение 25 лет заключалась в том, чтобы «выпутаться», вы свободиться из Индокитая. Они называют даже действия правительства США в Индокитае «неожиданными», их будто бы никто и не мог предвидеть, ибо Юго-Восточная Азия «никогда не имела первостепенного значения для США», а служила «фокусом интересов и соперничества других европейских держав».

Показательно также, что главную причину американской интервенции в Индокитае после второй мировой войны авторы видят в «исторической динамике конфликтов на полуострове», то есть пытаются свести дело к национальной розни народов Индокитая.

Поэтому сама победа вьетнамского народа выглядит по схеме авторов как случайность, не подчиненная никакой исторической закономерности, не вытекающая из неизбежности победы национально-освободительного движения народов Индокитая. Просто дело в том, что американские политики совершили слишком много «ошибок», а главное, «просмотрели» силу «азиатского национализма».

Авторы вынуждены в дальнейшем сказать об американской доктрине «сдерживания коммунизма» во всем мире, особенно в Азии в тот период, а также о том, что на базе идеи «сдерживания» в США в 60-е годы родилась концепция, согласно которой Юго-Восточная Азия является «жизненно важным районом для национальной безопасности США», и о появлении в это же время теории «домино». Но критически оценивается ими только теория «домино», которую они называют «опасным упрощением», говорят, что она «ввела в заблуждение целое поколение американцев». Но их критика, по сути, вызвана тем, что теория «домино» игнорирует «силу и живучесть азиатского национализма»²⁹.

В американской буржуазной историографии, среди политиков, журналистов, ученых появился во второй половине 70-х годов ряд теорий и концепций по поводу причин поражения США во Вьетнаме, объяснений, каким образом американская политика, проводившаяся в жизнь при шести президентах США от обеих политических партий в течение 30 лет (с 1945 по 1975 г.), могла «оказаться столь катастрофической». Ответы на этот вопрос имеют различный, иногда прямо противоположный характер: от «небрежности», «недосмотра» президента США (концепция «болота») до чрезмерного внимания президентов к данной проблеме; от «левой» критики «экономического империализма» США до крайне правых нападок на правительство, якобы удерживавшее американских военных от использования «всего арсенала оружия», имевшегося в их распоряжении, то есть от использования ядерного оружия, применив которое, они хотели «вернуть Северный Вьетнам к каменному веку» (именно с таким призывом выступали американские «ястребы»).

Сами авторы видят причину вьетнамской катастрофы США в наслідии 50-х годов, прежде всего в «потере Китая», в неудаче корейской войны, во всей слишком грубой, прямолинейной, «восточноазиатской политике государственного секретаря Даллеса». Кроме того, в 60-е годы, говорят авторы, в правительственных учреждениях США, занимавшихся Восточной Азией, и особенно в госдепартаменте, «не было знающих специалистов по Китаю и объективных политиков», не было также квалифицированных экспертов по Вьетнаму и Юго-Восточной Азии. Американские дипломаты во Вьетнаме в 60-е годы, памятуя о печальном опыте дипломатов в Китае во время второй мировой войны, не сообщали правительству правду об истинном положе-

²⁹ Ibid., p. 261.

нии вещей во Вьетнаме и присылали в Вашингтон «слишком оптимистическую», то есть заведомо ложную, информацию.

Таким образом, Томсон и его соавторы пытаются свести все дело к частностям — к отсутствию подготовленных кадров, к личной вине госсекретаря Даллеса и т. д. Политику «с позиции силы», проводимую США в Юго-Восточной Азии, они пытаются оправдать и объяснить «психозом холодной войны», нагнетанием «угрозы коммунистического наступления» на Америку. Но больше всего деятели Вашингтона виноваты в том, говорят авторы, что они «просмотрели главное» — конкретные особенности каждой страны, и в первую очередь «конкурирующий национализм» народов Юго-Восточной Азии³⁰.

Что конкретно имеют в виду авторы под термином «конкурирующий национализм», они растолковывают ниже, когда переходят к оценке того, что именуют расколом «китайско-советского блока».

«Историческая сила конкурирующих национализмов,— пишут авторы,— особенно китайского против русского... становилась новым фактором в международной политике как в Азии, так и повсюду»³¹. Именно этот фактор они и предлагают использовать как можно шире.

Американские ученые не сомневаются, что поворот в развитии китайско-американских отношений в начале 70-х годов объясняется «полным разрывом советско-китайских отношений», тем, что Советский Союз стал для Китая «опасным соседом и соперником в марксизме, источником реальной опасности». Стремление американской администрации разыграть «китайскую карту» для «воздействия на Москву» также полностью одобряется ими. Авторы утверждают даже, что такая политика Вашингтона уже принесла положительные результаты: якобы под ее влиянием Советский Союз пошел на переговоры с США об ОСВ-1, на урегулирование положения в Берлине³².

В данном случае авторы не только ставят все с ног на голову, но и выступают как прямые защитники агрессивного внешнеполитического курса США в Азии и других регионах мира, полностью и открыто одобряя политику антисоветизма и антикоммунизма, проводимую администрацией Вашингтона. Они поддерживают также современную внешнеполитическую концепцию защиты «национальных интересов» США в самых различных районах мира, служащую идее удержания американского лидерства в капиталистическом мире, реализации плана достижения Соединенными Штатами мирового господства.

Таким образом, позиция ученых-гарвардцев, изложенная в данной работе, вполне логична и последовательна, они поставили наконец все точки над «i». Да, они критикуют политику правящих кругов США, иногда остро и решительно, критикуют за ее неудачи и катастрофические провалы в Азии, начало которым положили, как они полагают, события в Китае в ходе и после второй мировой войны. Американские ученые осознают банкротство стратегии США «с позиции силы» и пытаются искать новые пути, конструируют новые схемы и концепции, чтобы сообразовать внешнеполитический курс американской администрации с реальными возможностями страны. Они хотят как-то исправить неблагоприятное впечатление об американских целях и роли США во всем мире, и в частности в Китае и в Восточной Азии. Только в этом плане можно рассматривать страшную версию о «сентиментальных империалистах», представленную в книге Томсона, Стэйли и Перри.

Но у всех ученых буржуазно-либерального направления, в том числе и у сиологов-гарвардцев, есть один серьезный недостаток, который им крайне мешает,— они находятся в плену антисоветизма и не могут

³⁰ Sentimental Imperialists..., p. 276—277.

³¹ Ibid., p. 281.

³² Ibid., p. 285, 287—288.

в силу своей классовой мировоззренческой позиции преодолеть этот «порог». Не случайно вся их критика нацелена в прошлое, на старые, уже прошедшие события. Американские авторы почему-то умалчивают о возвращении сегодняшней внешней политики США к методам «холодной войны», которую они так осуждали, толкуя о событиях 50-х годов. Не упоминают они и о все нарастающем в последние два-три года антисоветском психозе нынешней рейгановской администрации, об объявлении Рейганом настоящего «крестового похода» против коммунизма. Они не критикуют Вашингтон за безудержное раздувание гонки вооружений, за активное наращивание вооруженного вмешательства в дела стран не только Азии, но и Африки, и Центральной Америки, за то, что администрация США «очертя голову сползает в болото нового Вьетнама», как пишет итальянская газета «Република»³³.

Напротив, они пытаются создать идиллическую картину полного «мира и спокойствия» в Азии в 80-е годы. Никогда в течение последнего столетия, пишут авторы книги в эпилоге, Китай, Япония и США «не находились такой длительный период в состоянии мира и сотрудничества друг с другом». Авторы утверждают, что главный момент, который объединяет и даже связывает эти три столь различные по культуре, социально-экономической системе и уровню развития нации и который гораздо важнее, чем то, что их разделяет, — это «страх или крайней мере глубокая подозрительность в отношении политики Советского Союза». Причем этот фактор авторы считают постоянным, утверждая, что он «существенно не изменится в обозримом будущем». И даже если бы у Вашингтона, Токио и Пекина, подчеркивают авторы, не было других причин для сближения, то вполне достаточно было бы одного только «существования Советского Союза»³⁴.

Итак, конфронтация с Советским Союзом, пресловутый антисоветизм — вот основа союза США, Японии и Китая, который пытаются создать вашингтонские политики и который полностью одобряют американские политологи и синологи. Примечательно, что авторы забывают здесь о своих предупреждениях насчет сдерживания антикоммунистических «сантиментов». Напротив, оперируя измышлениями о «советской угрозе», они пытаются поддержать стремление администрации Вашингтона втянуть КНР в антисоветский военно-политический альянс, создаваемый США и Японией в Восточной Азии, они подталкивают страны АСЕАН к сосредоточению усилий совместно с Пекином на борьбе против их «небольшого соседа, коммунистического Вьетнама»³⁵.

Иными словами, несмотря на критическое в целом содержание работ Шэллера, Томсона, Стэнли и Перри, горячо одобренных и поддержанных главой «гарвардской школы» Дж. Фэрбэнком, авторы подходят к политике правительства США в Китае и в Тихоокеанском регионе с буржуазных, узкоклассовых позиций, выступая как верные защитники имперских амбиций США, защитники агрессивного внешнеполитического курса правящей группировки американского монополистического капитала.

Характерной чертой синологов-гарвардцев, по сути, всегда было оправдание колониализма, отрицание роли передовых интернационалистских элементов в развитии Китая. Теперь с Китая эти оценки переносятся современными американскими авторами на Индокитай и всю Восточную Азию. Именно гарвардцы в свое время открыли Мао Цзэдуна как воплощение китайского национализма (по их словам — «китайского коммунизма»), когда они призывали США опираться на этот маоистский (а не на гоминьдановский) национализм. А в 70—80-е го-

³³ Цит. по: «Правда», 7.VIII.1983.

³⁴ Sentimental Imperialists..., p. 306—307.

³⁵ Ibid., p. 308.

ды работы ученых этого направления пронизывает единая концепция опоры на «азиатский национализм», который рассматривается как главная сила в Азии, противостоящая «советской угрозе», коммунизму и интернационализму в целом. Не случайно ученые этой школы так настойчиво толкуют о «разлагающем действии конкурирующих национализмов на коммунизм», упорно подчеркивают «силу и живучесть азиатского национализма», ставят национализм выше любой другой идеологии.

Нет сомнения, что под «азиатским национализмом» при этом имеются в виду ревизионистские реакционные элементы в национально-освободительном движении, которые можно поставить на службу США, чтобы через них укрепить позиции американского империализма, воспрепятствовать победе и укреплению сил социализма в данном регионе, например, подготовить условия для «размывания» основ социалистического строя в Социалистической Республике Вьетнам, в Кампучии и других странах.

Проанализированные работы свидетельствуют о том, что американская наука ведет в настоящее время поиски «новых параметров» обеспечения американского главенства в мире, она озабочена поисками новых «рациональных» путей обеспечения защиты «жизненно важных интересов» США в Азии, и представители школы «политического реализма», к которой относится большинство ученых-гарвардцев, развивая критическую линию западной историографии, на деле объективно и весьма целеустремленно помогают осуществлению воинственно агрессивных замыслов Вашингтона, имеющих целью установление американского лидерства в мире.

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

Некоторые аспекты истории Киргизии и ее освещение в КНР*

Многовековая история киргизского народа представляет собой непрерывную цепь событий неутраченной борьбы за сохранение этнической целостности, национальной независимости и социальное освобождение. Такой она предстает в исторических хрониках и других источниках, в исследованиях непредубежденных и объективных историков, да и в самой памяти народной, отраженной в необычайно развитых эпических формах и сказаниях.

Но только после победы Великого Октября в братской семье всех советских наций и народностей киргизский народ, обреченный прежде на вековую отсталость, уверенно шагнул в социалистическое будущее, минуя капитализм, достиг небывалых высот прогресса во всех сферах жизни. Советский Киргизстан, озаренный немеркнущим светом Великого Октября, превратился в равную среди равных республику с современной высокоразвитой индустрией, многоотраслевым сельским хозяйством, передовой наукой и культурой, с постоянно растущим уровнем жизни населения. Этот невиданный взлет от патриархальщины к вершинам современного прогресса явился результатом огромной повседневной заботы ленинской партии, Советского государства, самоотверженного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, всех трудящихся республики, братской дружбы советских народов, бескорыстной и всеобъемлющей помощи великого русского народа.

«Сегодня, — подчеркивал первый секретарь ЦК Компартии Киргизии товарищ Т. У. Усубалиев, — мы вновь и вновь с чувством искренней благодарности отмечаем историческую роль, которую сыграли русский народ, его славный рабочий класс в создании единого братского союза советских народов, в преодолении экономической, социальной и культурной отсталости народов национальных окраин, в том числе и киргизского народа»¹. Начало этому братскому союзу было заложено более века тому назад добровольным вхождением Киргизии в состав России. Киргизский народ прорвал изоляцию от внешнего мира, преодолел барьер родоплеменной розни и вместе с другими народами России разделил впоследствии с русским народом его славную историческую судьбу.

«Вхождение Киргизии в состав России, — подчеркивалось в приветствии ЦК Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю 100-летнего юбилея добровольного вхождения Киргизии в состав России, — положило начало объединению киргизского народа, имело важное прогрессивное значение для его дальнейшего социального и культурного развития. Изнывавший под деспотической властью местной феодальной байманаской верхушки и Кокандского ханства, постоянно подвергавшийся опасности иноземного порабощения, киргизский народ нашел в лице великого русского народа родного брата и своего надежного защитника»².

Киргизский народ, не имевший ранее национальной письменности, не сумел до Октябрьской революции воплотить должным образом в письменной форме свою предшествующую историю.

Лишь на основе достижений советской исторической науки в целом и киргизской историографии в частности в научный оборот введен и использован в значительной части археолого-этнографический и исторический материал, позволивший осветить историю древних кочевников, проблему этногенеза киргизов, добровольное вхождение киргизских племенных объединений в состав России.

Историческая наука, изучающая процессы общественного развития, приобретает в современных условиях всевозрастающую научную, практическую и политическую значимость. Подчеркивая значение истории как науки, В. И. Ленин указывал, что марксизм ставит все кардинальные вопросы общественного развития на «...историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле

* Статья опубликована в «Известиях Академии наук Киргизской ССР», 1983, № 3.

¹ «Советская Киргизия», 20.V.1983.

² Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1964, с. 7.

безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»³.

Обобщая опыт, накопленный человечеством в своем поступательном развитии, анализируя прошлое, извлекая из него необходимые уроки, историческая наука обращает свои выводы к настоящему и будущему: в нашей стране она служит благодарному делу строительства коммунизма, а в странах империализма используется для искажения исторических процессов и прямой их фальсификации в процессе политической и идеологической борьбы.

Как отмечалось в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, современный этап международного развития «отмечен небывалым за весь послевоенный период по своей интенсивности и остроте противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы»⁴.

Советским ученым нередко приходится сталкиваться с грубым искажением исторических фактов. Нельзя пройти и мимо того, что сегодня некоторые китайские ученые, пытаясь найти «обоснование» для территориальных притязаний, вносят раскол в монолитное единство советского народа, спровоцировать национальную рознь в нашей стране, идут на откровенную фальсификацию истории взаимоотношений Китая с соседними странами и народами.

Некритично воспринимая китаецентристскую, экспансионистскую доктрину многих правящих династий Китая, наложившую свой отпечаток на китайские летописи и хроники прошлого, а также чанкайшистскую историографию, китайские авторы многих исследований на «исторические» темы извращают историю взаимоотношений России и Китая, тенденциозно освещают роль киргизов в этих отношениях. Вывод последних «исторических» изысканий китайских ученых в этом плане сводится к следующему: киргизы будто бы всегда были и должны считаться одной из малых народностей Китая; киргизы якобы были активными защитниками китайских рубежей от посягательства со стороны России; под давлением агрессивной политики царизма они, мол, вынуждены были бежать с Енисея на Тянь-Шань, а затем с Тянь-Шаня в Восточный Туркестан, то есть Синьцзян; следовательно, никакой-де и речи не может быть о добровольном вхождении Киргизии в состав России.

В 1979 г. в КНР был издан объемистый труд с претенциозным заглавием «История агрессии царской России на северо-западных границах Китая», а в 1983 г. на страницах вестника Института национальностей появилась идентичная по духу статья Ду Жункуня «Агрессия царской России и борьба сопротивления киргизского народа»⁵. Автор, по-своему препарируя исторические факты, фальсифицируя историю, пытается «доказать», что «царская Россия являлась страной, которая захватила наибольшее количество китайской территории», а киргизы, мол, были на передовых рубежах «сопротивления царской России» и наряду с другими «национальностями северо-запада Китая» внесли свой вклад «в дело освоения и защиты границ родины (то есть Китая. — Авт.), для укрепления национального единства».

Для «обоснования» этих тезисов Ду Жункунь тенденциозно освещает историю киргизов и их взаимоотношения с Россией хронологически, начиная с XVII столетия, в трех географических регионах: на Енисее, на Тянь-Шане, на Памире.

Советская историография давно доказала антинаучность и беспочвенность тенденциозного, великодержавного подхода к истории отношений России и Китая⁶.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 7.

⁵ «Вестник Центрального института национальностей» (Пекин), 1983, № 2.

⁶ См.: А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956; Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I. Душанбе, 1962; Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; В. М. Плоских. Первые киргизско-русские посольские связи. (1784—1827). Фрунзе, 1970; Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. I. (1608—1683). М., 1969; т. II (1686—1691). М., 1972; Историческая наука в КНР. М., 1981; Новая история Китая. М., 1972; В. М. Плоских. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976; М. И. Сладковский. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978; М. С. Капица. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979; Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979; Китай в новое и новейшее время. М., 1981; Против маоистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе, 1981; В. С. Кузнецов. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.

Учитывая появление в свет указанного выше нового «исторического» исследования в Китае, рассмотрим в этой же последовательности позиции автора и покажем, как же на самом деле проходили эти исторические процессы.

1

Намеренно игнорирует китайский историк Ду Жункунь историографию нашей страны или же расписывается в своем невежестве, когда пишет, что «в начале XVII века киргизы Китая (!) большей частью проживали в среднем и верхнем течении рек Енисея и Оби» (!). Утверждение Ду Жункуня о том, что киргизы как уже сложившаяся в XVII в. народность, якобы теснимые русскими войсками, переселились на Тянь-Шань, не выдерживает научной критики. Теория этногенеза, разработанная советскими учеными, убедительно доказывает, что формирование этноса подвержено воздействию многих сложных внешних и внутренних факторов и отнюдь не сводится к простым механическим миграционным процессам, к которым пытаются все свести некоторые китайские историки. Поэтому такого рода концепция переселения енисейских киргизов на Тянь-Шань давно отвергнута всеми серьезными исследователями и в нашей стране, и за рубежом.

Специальная сессия по этногенезу киргизского народа (Фрунзе, 1956), в которой приняли участие все ведущие ученые-киргизоведы Советского Союза, вынесла общее заключение, что формирование киргизов как народности на территории Тянь-Шаня относится к XVI столетию и что сложилась она из двух основных компонентов: автохтонного населения и переселившихся сюда тюркоязычных племен центральноазиатского происхождения⁷. Местный субстрат, ставший основой киргизского народа, начал складываться на Тянь-Шане еще в эпоху бронзы и ранних кочевников. В VI—VII вв. сюда переселяются крупные центральноазиатские тюркские племена. В результате длительных и сложных этнических взаимодействий на Тянь-Шане в X—XII вв. сложились предпосылки для формирования на многоплеменной основе единой тюркоязычной народности, однако монгольское нашествие прервало этот процесс, переведя его в новую фазу⁸.

Дальнейшие исследования в Южной Сибири, Восточном Казахстане и на Тянь-Шане показали, что под вторым (миграционным) компонентом ни в коем случае нельзя подразумевать енисейских киргизов вообще. Центральноазиатский компонент в составе киргизской народности на Тянь-Шане был представлен другими племенами, а с Енисея «переселился» практически только термин «киргиз».

Впервые этноним «киргиз» зафиксирован в «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня от 201 г. до н. э. Рунические тексты Таласской долины (VI—VIII вв.) донесли отголоски названий отдельных киргизских племен, которые позже встречались и в составе киргизской народности. В VIII—X вв. енисейские киргизы — конгломерат тюркских племен — создали свое государство. С IX в. они начали свои завоевательные походы, в которых на западе доходили до Иртыша и Восточного Тянь-Шаня.

В этих регионах енисейские киргизы встретили противодействие сильного государства кимаков, центр которого был на реке Иртыш. Однако в начале X в. положение на кимакско-киргизских рубежах существенно изменилось. Натиск новых тюркских племен из Центральной Азии ослабил государство кимаков, а енисейские киргизы распространили свою власть на Алтай и Прииртышье.

Появление сравнительно небольших групп енисейских киргизов в зоне расселения кимакско-кыпчакских племен на Алтае и в Прииртышье хорошо документировано археологически. Только здесь отмечена хронологическая синхронность курганов кимаков, представляющих собой погребения в грунтовых ямах и подбоях в полном вооружении и с конем, а также погребальные сооружения с трупосожжением киргизских воинов, выполненные по древнему енисейскому обряду⁹.

Вскоре в результате интенсивных этнических процессов енисейские киргизы междуречья Оби — Иртыша стали ассимилироваться с кимакско-кыпчакскими племенами, что выразилось в общности материальной культуры и изменении киргизами погребального обряда.

Последнее обстоятельство свидетельствует, что численное соотношение кимакско-кыпчакских и киргизских групп населения было здесь не в пользу последних. Тем не менее племена Алтая, Черного Иртыша и Восточного Казахстана некоторыми арабо-персидскими источниками уже в X в. и позже продолжают именоваться киргизами. Сохранение наименования «киргиз» в уже некиргизской, а скорее кимакско-кыпчакской по своему этническому составу среде населения объясняется старыми степными традициями, когда разрозненные кочевые группы, сохраняя назва-

⁷ См.: Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959, с. 233.

⁸ См.: С. Г. Кляшторный. Эпоха «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, с. 86.

⁹ См.: Д. Г. Савинов. Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 96—97.

ния своих племен, при объединении принимают общее для всех название племени-гегемона.

Этноним в таком случае имел политическое значение. Так было при образовании степных государств гуннов, тюрков, монголов. Так могло быть и при образовании в середине IX в. государства киргизов.

Таким образом, к началу VIII в. на Горном Алтае и в прилегающих степях междуречья Оби и Иртыша уже более 200 лет существовала группа кимакско-кыпчакских племен с общим самоназванием «киргиз». Этнически оно не имело ничего общего с енисейскими киргизами, продолжавшими развивать свою самобытную культуру, преемственность которой археологически прослежена с VI в. до XVIII в. Енисейские киргизы стали предками современного хакасского народа¹⁰. Дальнейшая история «алтайской» группы киргизов связана с историей Моголистана — государства, образовавшегося в XIV в. с центром на Тянь-Шане.

В течение долгого времени киргизы занимали периферийное положение в Моголистане. Ослабление и распад Моголистана в конце XV в. позволили этой группе киргизских племен распространиться по всему Тянь-Шаню, где они объединили местные тюркские и монгольские племена, дав им новый общий этноним — «кыргыз». Именно на Тянь-Шане была создана дуальная этнополитическая организация — «он канат» («правое крыло») и «сол канат» («левое крыло»), с образованием которой можно говорить о переходе этнической истории киргизских родоплеменных объединений в новую фазу — фазу сложения киргизской народности.

В это время киргизы еще никаких контактов с Россией не имели, и утверждения некоторых китайских историков, что киргизы Енисея «вынуждены» были переселиться на Тянь-Шань из-за невозможности противодействия русским, не имеют никаких оснований. Зато история знает примеры вторжения китайских войск на территорию Средней Азии, в том числе и Киргизстана.

Еще в конце II в. до н. э. китайские войска напали на Фергану. Совместными усилиями ферганцев, кангюйцев (Ташкент — Талас), усуней (Семиречье и Тянь-Шань) агрессор надолго был отброшен от Ферганы. В середине VIII в. китайцы вторглись в Северную Киргизию и дошли до реки Талас. Однако местные тюркские племена, вошедшие позже в состав киргизской народности, совместно с арабскими войсками, в состав которых входили и среднеазиатские народы, нанесли сокрушительное поражение китайским захватчикам в битве на реке Талас в 751 г. Историческое значение этого сражения заключается в том, что оно со всей определенностью решило, какой культуре развиваться в Средней Азии. После битвы на реке Талас войска под китайскими знаменами не появлялись в пределах Киргизии более тысячи лет¹¹.

Следует отметить, что авторы древних и средневековых хроник Китая в отличие от современных китайских историков никогда не рассматривали ни народы, населявшие современную им Киргизию, ни самих киргизов как малые народности собственно Китая. Они рассматривали их как этническое объединение, чуждое, враждебное Китаю и его культуре. Археологические работы на территории Киргизстана подтвердили, что с древнейших времен здесь самостоятельно развивалась кочевая и оседло-земледельческая городская культура, имевшая глубинные связи с культурой соседних народов, и прежде всего Средней Азии и Южной Сибири. Эти народы говорили на древнетюркском языке, обладали собственной системой рунической письменности, которую в X в. вытеснила арабская графика. Они дали миру крупных литераторов, ученых, законодателей. Значительными литературными памятниками признаны «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и своеобразная энциклопедия тюркского мира «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.). Оба произведения, созданные в Караханидском государстве, центр которого включал весь Киргизстан, являются древнейшим вкладом наших отдаленных предков в сокровищницу мировой культуры. Эта высокая культура в начале XIII в. была разрушена ордами Чингисхана¹².

Описывая енисейских киргизов XVII—XVIII вв., китайские ученые как бы не замечают, что имеют дело уже не с киргизской народностью, двумя веками ранее сложившейся на Тянь-Шане, а с предками современных хакасов. Мало того, тенденциозно тасуют факты, взятые из книги советского историка И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства (1635—1758)», Ду Жункунь выдает их за «борьбу с агрессорами». Но ведь даже имевшие место конфликты, происходившие между Российской империей и Джунгарским ханством, не имели никакого отношения к Китаю.

В течение длительного времени цинские войска вели захватнические войны против своих западных соседей джунгаров и в 1757 г. заняли Или. «Эта победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгара. В период расцвета в Джунгаре жило более 200 тысяч семейств, или свыше 600 тысяч человек; после военного разгрома три десятка населения было

¹⁰ См.: Л. Р. Кызласов. История Тувы в середине века. М., 1969.

¹¹ См.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, с. 187; О. Е. Болышаков. К истории Таласской битвы (751 г.). — «Страны и народы Востока», вып. XXII. М., 1980, с. 132—135.

¹² См.: «Советская тюркология», 1970, № 1, с. 3—12; 1972, № 1, с. 3—17.

истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России»¹³. Именно так происходили события, погибли сотни тысяч людей, а Ду Жункунь, ничтоже сумняшеся, пишет об «объединении северо-запада».

В Китае сегодня многие историки предпочитают не вспоминать о зверствах цинских войск над соседними неханьскими народами, зато пытаются обелить цинов и представить их «спасителями» и «благотетелями» сопредельных стран и народов. Деяния цинских правителей навсегда останутся позорной страницей в истории Китая.

Таковы факты из истории и этногенеза киргизского народа. А то, что Ду Жункунь значительную часть своей статьи посвятил судьбам енисейских киргизов и «борьбе сопротивления киргизского народа» против «агрессии царской России», обнаруживает полную неосведомленность автора в вопросах этногенеза коренного населения южной Сибири и Киргизии. Наукой уже твердо установлено, что енисейские киргизы являются предками современных хакасов, а киргизская народность как этническая общность сложилась на Тянь-Шане задолго до описываемых Ду Жункунем событий.

2

Обращаясь далее к Тянь-Шаньскому региону, Ду Жункунь пытается и здесь представить Россию агрессором, а местное киргизское население — жертвой агрессии. После того как киргизы с верховьев реки Енисей пришли в Западный Тянь-Шань, говорится в его статье, они смешались с киргизами, которые переселились сюда в исторически более раннюю эпоху и расселились в районе к западу от озера Иссык-Куль до бассейнов рек Чу и Талас. Впоследствии из-за гнета феодалов они «ушли» в горные районы Ташкента, Ферганы и др., а часть — на Памир, Гиндукуш и Кара-Куньлунь. И лишь в середине XVIII в., «объединив северо-запад», цинское правительство «унаследовало пограничные с царской Россией бывшие джунгарские земли» и соответственно подданство киргизов. А о том, что это «объединение» повлекло за собой уничтожение почти целого народа, — ни слова. Как же обстояло все на самом деле?

Обратимся к источникам и цитируемому Ду Жункунем труду И. Я. Златкина. «Гибель Джунгарского ханства, — пишет И. Я. Златкин, — опрокинула сложившееся в Центральной Азии равновесие сил и вызвала ряд серьезных международных осложнений. Овладев в 1758 г. Джунгарией и в 1759 г. Восточным Туркестаном, Цинская империя продвинула свои рубежи вплотную к границам России и ханств Средней Азии»¹⁴. Заметим — не Россия продвинулась к границам Цинской империи, а, наоборот, цины расширили свои границы в направлении Средней Азии и России, создав на завоеванных землях имперское наместничество — новую провинцию Синь-цзян (что в переводе и означает «Новая граница»).

Никаких столкновений с Россией в то время вообще не было.

Действительно, во второй половине XVII — середине XVIII в. киргизам Тянь-Шаня приходилось неоднократно отражать нападения, но не России, а джунгарских феодалов, грабивших и разорявших киргизские племена, угрожавших самому существованию народа. Были и вынужденные временные откочевки большинства племен, например с Тянь-Шаня в Фергану. Именно в связи с непрекращающейся борьбой киргизского народа против Джунгарии китайские источники отмечали, что «даже джунгары во время своего могущества не могли подчинить бурутов (то есть киргизов)»¹⁵.

С падением Джунгарского ханства киргизы сразу же возвратились в места прежних своих кочевок, на свои исконные земли. При этом впервые им пришлось стать объектом маньчжуро-китайской агрессии. Дело в том, что после разгрома Джунгарского ханства цинские правители, объявив себя правопреемниками всех бывших владений джунгар, занесли в реестр вновь приобретенных земель не только завоеванную территорию Джунгарии и Восточного Туркестана, но и земли, некогда временно занятые джунгарами в ходе завоеваний.

Как же к этому отнеслись местные народы, в том числе и киргизы?

Даже китайские источники того времени показывают, что все происходило не так, как хотелось бы маньчжурским правителям. Когда летом 1758 г. маньчжуро-китайские отряды, пытаясь с севера проникнуть в Восточный Туркестан, прошли в район Прииссыккулья, здесь произошла отнюдь не мирная встреча, а вооруженное столкновение киргизов с захватчиками¹⁶. И все последующие попытки цинских войск закрепиться на территории Киргизии, расставить свои караулы в окрестностях озера Иссык-Куль, в долинах рек Чу и Талас не увенчались успехом. Цин-

¹³ Очерки истории Китая. Под ред. Шан Юэ. М., 1959, с. 549.

¹⁴ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, с. 467.

¹⁵ Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае». Пер. с кит. А. А. Кондратьева. — Рукоп. фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР.

¹⁶ См.: Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в., с. 162.

ским властям пришлось признать, что районы проживания киргизов — неподвластная им территория. «Когда Джунгар покорили, — признается в одном из официальных цинских уложений, — [киргизы] получили обратно свои кочевья»¹⁷. Цинский генерал Чжао Хой во время так называемых «инспекционных» поездок в киргизские кочевья Нарына, Джумгала и Таласа зачитывал там следующий манифест императора Цяньлуна: «...Ныне джунгары полностью покорены и ваши земли стали смежны с нашей границей. Если вы... тяготя к [нашей] цивилизации, приедете, чтобы подчиниться, я позволю вам жить по-прежнему, не менять одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако если пришлете посланика с просьбой, то я увеличу милости и награды. Ваши иноземные обычаи отличаются от обычаев Среднего государства, поэтому, вероятно, не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться, это ваше дело. Но следует обуздать подвластные [вам] племена, чтобы всегда держались границ...»¹⁸ Это ли не самое убедительное свидетельство неподвластности киргизов Цинской империи? Причем свидетельство, зафиксированное в документе, исходящем от самого императора.

Завоевание Восточного Туркестана Ду Жункунь преподносит как «объединение северо-запада». В действительности же эти земли исторически никогда китайскими не были. Само название страны «Туркестан» — «страна тюрков» — прямое свидетельство этого. Здесь издревле проживало тюркское население — уйгуры, казахи, киргизы, которые после завоевания края Цинской империей неоднократно поднимали на борьбу с цинами. До сих пор топонимика Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (то есть Восточного Туркестана и Джунгарии) изобилует тюркскими названиями: города и реки Аксу и Яркенд, города Карашар, Кара-Май, Улугмузтаг, хребет Алтынтаг, наконец, город и река Манас — по имени великого героя киргизского народного эпоса — и многие-многие другие.

В XV — первой половине XVI вв. весь Восточный Туркестан входил в состав тюркского государства, называвшегося современниками Моголистаном. Он состоял из нескольких удельных владений тюркских племен, называемых в китайских источниках «княжествами». В летописи «Мин ши» («История династии Мин») приводится описание именно тюркских, а не китайских княжеств Хами, Турфан и др. Представитель могущественного тюркского рода Восточного Туркестана первой половины XVI в. Мухаммед Мирза Хайдар посвятил Моголистану широко известное двухтомное сочинение «Тарих-и-Рашиди» («Рашидова история») ¹⁹. В этой авторитетной летописи истории тюркских государств Средней Азии и Восточного Туркестана XIV — XV вв. нигде нет упоминаний о присутствии китайцев в Восточном Туркестане, не говоря уже о каком-либо китайском владении. Киргизы же в это время, да и позже принимали активное участие в его политической жизни. Во главе со своим предводителем Мухаммедом они оставили яркий след в истории Хотана и Яркенда XVI в. Многие города Восточного Туркестана в первой половине XVIII в. находились во владении киргизских феодалов. В частности, крупнейшей областью Кашгара правил киргиз Койсарыбий, которого сменил Арзу Мухаммед. Этот киргизский феодал был фактически независимым правителем большей части Восточного Туркестана, включая области Яркенда, Хотана и др. Благодаря «Жизнеописанию ходжей» Мухаммед-Садька Кашгари ²⁰, мы имеем полное представление о событиях, отразивших период агонии Джунгарского ханства и политической активности киргизов в Восточном Туркестане накануне его захвата Цинской империей. И даже после завоевания цинскими агрессорами Восточного Туркестана киргизы неоднократно выступали совместно с казахами в поддержку восстаний насильственно покоренных народов.

В ходе восстаний коренного уйгурского, киргизского, казахского и других тюркских народов Восточного Туркестана китайцы неоднократно изгонялись из Синьцзяна. Объективным результатом антицинских восстаний неких тайских народов в 70-х годах XIX в. явилось и создание на территории Восточного Туркестана независимого государства местных тюркских народов Йэтышар (или Джетишар, буквально — Семиградье) во главе с кашгарским бадаулетом Якуб-беком.

В Тянь-Шанском же регионе киргизы продолжали выступать и во второй половине XVIII столетия вполне независимо как от Китая, так и от Коканда, с последним же, кстати сказать, вели себя на равных ²¹. С Китаем имели место посольские сношения. Обмен подарками был распространенным явлением в практике дипломатических отношений того времени. В официальных цинских уложениях XVIII — начала XIX вв. киргизы именуются «внешней оградой» империи, из чего следует, что так на-

¹⁷ В. С. Кузнецов. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, с. 48.

¹⁸ Пиндин чжуньгээр фанлюе (Описание умиротворения Джунгарии), чжэньбянь (основная часть). [Б. м.] 1772, цз. 49, с. 25а—26б.

¹⁹ См.: Материалы по истории казахских ханств XV — XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 185—232.

²⁰ См.: М. А. Салахетдинова. Сочинение Мухаммед-Садька Кашгари «Тазкира-и-хаджаган» как источник по истории киргизов. — «Известия АН Киргиз. ССР», т. I, вып. I (История). Фрунзе, 1959, с. 103—124.

²¹ См.: В. М. Плоских. Киргизы и Кокандское ханство, с. 77, 88.

зываемые «инспекционные» наезды фактически являлись вооруженными грабительскими набегами на неподвластную империи Цин территорию²².

Попытки же китайской историографии выдавать эти отношения за «вассальную» зависимость, прибытие послов изображать как приезд «подданных», а их подарки — как «дань» совершенно несостоятельны.

Практически граница между киргизскими владениями и пределами империи Цин определялась размещением постоянных цинских караулов (которых на территории Киргизстана не было), а отдельные территориальные посягательства на киргизские земли со стороны Китая неизменно встречали отпор. Красочное свидетельство упорной и безуспешной борьбы киргизского народа против китайских завоевателей — величайший историко-эпический памятник устно-поэтического творчества киргизов «Манас». Монументальный киргизский героический эпос объемом почти в миллион стихотворных строк, являющийся, по образному выражению Чокана Валиханова, энциклопедией киргизской жизни, донес до наших дней исторические эпизоды борьбы киргизского народа с агрессорами на территории Восточного Туркестана.

Совсем иначе сложилась история взаимоотношений киргизов с Россией. Вопреки фальсификаторским попыткам Ду Жункуня представить их враждебными, они с самого начала носили мирный характер и отражали стремление киргизского народа добровольно войти в состав России, чтобы обрести тем самым надежную опору и защиту от посягательств на земли Киргизии со стороны Китая и Кокандского ханства. Исторические документы — самые убедительные свидетельства этого. А они говорят о следующем. 23 августа 1758 г. полномочные посланцы киргизского народа Абдрахман Кучаков и Шергазы с берегов Чу впервые прибыли в пограничную крепость Омск и были препровождены в столицу России Санкт-Петербург. В письмах, адресованных Екатерине II и местным сибирским властям, киргизский бий Атаке пытался выяснить, может ли он рассчитывать на покровительство России, предлагая со своей стороны помощь торговым караванам, проходящим из России в Восточный Туркестан и Индию²³.

В Петербурге киргизские посланцы были тепло встречены, их богато одарили и заверили в благожелательном отношении России к киргизам²⁴. Установлению политических связей с Киргизией придавалось важное значение, хотя развитие их было затруднено в силу слишком большой удаленности киргизских кочевий от России. Несмотря на это, среди киргизского народа, раздираемого внутренними междоусобицами, тяготение к усилению контактов с русскими все возрастало. И хотя непосредственной военной помощи и российского покровительства киргизы еще не получали, во внешнеполитических делах и торговле Россия уже рассчитывала на содействие дружественных киргизов, чего не могли не учитывать маньчжурские власти и кокандские ханы.

Путь к взаимопониманию был открыт. В 1814 г. на сибирскую пограничную линию уже с берегов Иссык-Куля прибывает очередное киргизское посольство во главе с Кычыбеком и Джакыпом. Киргизские посланцы «изустно изъявили желание производить торговлю и... настаивали, чтобы их отправили в Санкт-Петербург для принесения государю императору покорности от себя и своего народа»²⁵. В 1825 г. киргизские родоначальники, собравшиеся на курултай у реки Джергалан по случаю прибытия сюда русского посольства во главе с Т. В. Нюхаловым и Ф. К. Зибберштейном, вынесли решение отвергнуть посягательства кокандцев и просить подданства России. Как писал в своем путевом дневнике Зибберштейн, уверенные в той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства, бии Улджебай и Джапалак впервые отторгли всякую мысль о Кокандии и примером доброго своего отношения к Российской державе увлекли за собой и всех прочих родоначальников²⁶. Завоевательные походы кокандских войск на время затормозили процесс вхождения киргизов в состав России.

В 1844 г. от имени иссыккульских киргизов к западносибирским властям обратился бугинский манап Боромбай Бекмуратов. Сообщая о племенных междоусобицах в киргизском обществе, он просил «высокого покровительства России» и принятия его в подданство, чтобы обрести «спокойствие и благоденствие». Боромбай просил допустить его делегатов в Санкт-Петербург для принесения присяги²⁷. Однако генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков вынужден был ответить отказом на испрашиваемое покровительство, во-первых, из-за удаленности столицы, во-вторых, из-за отсутствия в Сибири достаточного количества войск, чтобы поддерживать в Киргизии надлежащий порядок и защищать от междоусобиц, кокандцев и китайцев.

Через три года (1847 г.) к русским властям обратились представители других крупнейших киргизских племен. В 1848 г. Боромбай вновь направляет

²² См.: В. С. Кузнецов. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, с. 50—51.

²³ См.: ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 237, л. 154, 157.

²⁴ См.: ЦГАДА, ф. 15, л. 2, ч. IV, л. 286—487.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 455—456; д. 59, л. 236; ГАОО, ф. 3, оп. 1, л. 425, л. 4—5.

²⁶ Исторический архив, I, М., 1936, с. 249.

²⁷ См.: АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1844—1862, д. 1, л. 1—2.

письмо западносибирскому генерал-губернатору с настойчивой просьбой о покровительстве. В январе 1855 г. представитель иссыккульских киргизов манап Кычыбек Шералин в Омске от имени своего народа принес присягу на «вечное подданство России». Как «доверенный рода бугу орды дикокаменных киргизов, не подведомственных никакому правительству», Кычыбек давал обязательство «верным, добрым, послушным и вечно подданным быть», никуда «в чужестранную службу не вступать, также с неприятелями вредительской откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российской империи содержать и никаким образом противу должности не поступать» и все «силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и в предь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в подобном случае не щадить, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может». Присяга заканчивалась следующими словами: «Сие должен и хочет род бугу верно содержать»²⁸. Так свершился первый этап добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Цинская империя стремилась помешать завершению процесса присоединения к России Казахстана и Киргизии. Она время от времени засылает в казахские и киргизские степи, за линию своих постоянных пикетов, эмиссаров и военные отряды, заигрывает с отдельными представителями местной феодальной знати и даже предъявляет русским властям необоснованные территориальные притязания на ряд районов Южного Казахстана и Северной Киргизии, находившихся уже в составе России. В то же время в приграничных киргизских и казахских аялах продолжают бесчинства маньчжурских солдат.

В 1862 г. большая группа видных манапов из рода бугу была вынуждена обратиться к русским властям с просьбой об оказании помощи. Они писали: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить свободными и освобожденными от притеснений китайцев, но они донныне обижают нас, отнимают у нас стойбища на Текесу, Музарту и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь сделались даже царской собственностью, как народа, подданного России»²⁹.

С падением Кокандского ханства завершается процесс вхождения Киргизии в состав России. Причем он не был ни завоевательным, ни насильственным со стороны России. И, представляя дело таким образом, будто «царская Россия не только захватила обширные районы у озера Иссык-Куль, в бассейнах рек Чу, Талас, Нарын и т. д., но и поглотила проживающие в этих бассейнах и исконно подчинявшиеся Китаю (?) племена киргизов и казахов», Ду Жункунь сознательно искажает историю киргизского народа, историю взаимоотношений России и Китая во второй половине прошлого века.

Добровольное вхождение Киргизии в состав России имело огромное прогрессивное значение для судеб киргизского народа. Киргизы избавились от жестокого кокандского ига, от опасности порабощения Цинской империей, избежали закабаления английским империализмом. Прекращение междоусобных войн и преодоление родоплеменной обособленности создали определенные условия для консолидации киргизского народа.

Под влиянием русских крестьян-переселенцев в крае происходят большие изменения в экономической жизни и быте киргизского населения, начинается оседание кочевников, появляются промышленные предприятия и рабочие.

Общаясь с передовыми представителями русского пролетариата, трудовые массы киргизского народа становятся под знамя революционно-освободительного движения трудящихся.

С победой Великого Октября братская дружба, всестороннее сотрудничество и взаимопомощь ускорили переход ранее отсталых народов, в том числе и киргизов, к социализму, минуя мучительную капиталистическую стадию развития. О торжестве этого ленинского курса нашей партии, Советского государства ярко и убедительно свидетельствуют успехи Советского Киргизстана на этапе зрелого социализма³⁰.

3

Часть своей статьи Ду Жункунь посвящает «обоснованию» территориальных притязаний на Памир. Прибегая к уже использованному ранее методу фальсификации фактов, он заявляет, что будто бы «испокоен веков (?) район Памира являлся неотъемлемой частью исторически сложившейся территории Китая», которую Россия впоследствии якобы оккупировала. При этом автор полностью игнорирует историче-

²⁸ АВПР, ф. Главный архив, 1—7, д. 2, л. 12—14.

²⁹ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1862, оп. 8, л. 24, ч. 1, л. 453—454.

³⁰ См.: Т. У. Усубалиев. Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974; А. А. Алтмышбаев. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). Фрунзе, 1967; Б. Д. Джамгерчинов. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.

ские факты. Коренных жителей Памира, в том числе памирских киргизов, он без каких-либо оснований называет «цинскими подданными», ссылаясь на «высочайшее повеление императора и географическое описание Западного края», составленное придворными чиновниками. Между тем общеизвестно, что «высочайшее повеление» в Китае было законом для чиновников и писали они географию так, как хотел того император, мало обращая внимания на действительность, особенно в вопросах принадлежности народов Китаю. Действительность же мало чем была похожа на канцелярские описания. Исторические источники свидетельствуют о многовековом проживании киргизов на Памире. Исторически они имели традиционные связи с Сарыколом, Бадахшаном, Кокандом, в первой половине XIX в. вошли в состав Кокандского ханства, а позже — в состав России. Архивы сохранили немало документов, свидетельствующих о том, что памирские киргизы обращались с просьбами принять их в российское подданство. Это как записки и отчеты путешественников и представителей туркестанской администрации, так и письма-обращения самих киргизов.

В одном из донесений начальника памирского отряда туркестанскому генерал-губернатору читаем: «Слухи о моем приезде на Ранг-Куль разнеслись очень быстро... в отряд приезжают киргизы со всех концов. К сегодняшнему дню их уже около ста человек... Все они жалуются на притеснения со стороны китайцев, просят защиты»³¹.

С неоднократными прошениями обращались к русским киргизы Восточного Памира. В одном из своих писем весной 1892 г. они писали: «Если Вы теперь не придете и не защитите нас, то на чьи головы падет гибель наша? Дела наши сделались очень плохи»³².

В апреле 1894 г. между Россией и Китаем состоялся обмен нотами, в которых обе стороны обязались не нарушать создавшегося на Памире положения (статус-кво по Сарыкольскому хребту).

В этот же период начались переговоры с Англией об установлении южной и западной границ Памира. Описание Российской государственной границы на Памире от озера Зор-Куль до пределов китайской империи, приведенное смешанной международной комиссией³³, было утверждено русским правительством в январе 1896 г.

Положение на границе было определено не в результате насильственных вооруженных мер, как пытается представить дело Ду Жункунь, а мирным путем. И в последующем многие десятилетия граница не вызывала никаких споров в памирском районе ни с Афганистаном, ни с Китаем.

В результате победы Великого Октября народы Советского Памира, в том числе киргизы, свободным волеизъявлением вошли в состав Таджикской Советской Социалистической Республики и активно участвуют вместе со всем советским народом в строительстве коммунистического общества.

Абсолютно необоснованные сентенции — обычный метод Ду Жункуня. Чего стоит, например, следующее заявление: «После того как царская Россия военным путем захватила некоторые районы нашей страны к востоку и к югу от озера Балхаш (!), она затем попыталась прибрать к своим рукам главный город на юго-западной границе Синьцзяна Кашгар». Автор не приводит ни одной ссылки даже из китайских хроник, подтверждающей такого рода намерения. Априорность, полная бездоказательность выдвинутых положений — характерный метод фальсификаторов.

Ду Жункунь вскользь коснулся и восстания народов Средней Азии и Казахстана 1916 г. Данная проблема давно решена советской историографией, в том числе и киргизскими историками³⁴. Китайский автор отмечает, что в результате восстания 1916 г. в Синьцзяне перешло «значительное» число киргизов и казахов. Ду Жункуню должно быть известно, что почти все перешедшие в 1916 г. в Китай киргизы и казахи после Великой Октябрьской социалистической революции вернулись на свои родные земли. Об этом китайский автор полностью умалчивает. Но он должен был бы знать, что киргизы Синьцзяна составляют ныне всего около 100 тыс. человек³⁵ — это потому, что тех извечно проживавших в Восточном Туркестане киргизов, которые вели начиная с XVIII в. неустанную борьбу против агрессии маньчжуро-китайских завоевателей.

В то же время, по переписи населения 1979 г., известно, что в Советском Союзе проживают 1906 тыс. киргизов, а в Киргизской Советской Социалистической Республике — 1687 тыс.³⁶ Разве можно при этом серьезно говорить о значительном числе киргизского населения в Синьцзяне? Причем автор умалчивает о том, что киргизы в Советском Союзе в отличие от киргизов Синьцзяна имеют свою национальную государственность.

³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 3342, л. 305.

³² Там же, л. 205.

³³ См.: Описание Российской государственной границы на Памирах от оз. Виктория (Зор-Куль) до пределов Китайской империи, приведенное смешанной международной комиссией. Копия — ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 4546, л. 45.

³⁴ См.: История Киргизской ССР, т. I, Фрунзе, 1968, с. 668—686.

³⁵ См.: «Китай», 1981, № 1.

³⁶ См.: Население СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 24, 30.

После Великой Октябрьской социалистической революции народы, населявшие Россию, на основе добровольного волеизъявления объединились в Союз Советских Социалистических Республик, вошли в него с той территорией, на которой испокон веков жили.

В результате добровольного вхождения Киргизии в состав России перед киргизским народом открылись более широкие перспективы исторического развития как в области социально-экономических отношений, так и в сфере политической и культурной жизни. Таковы факты, и никакими фальсификаторскими манипуляциями их не затушевать.

Исторический опыт народов СССР, в том числе и киргизского народа,— это опыт возникновения и развития первой страны социализма, созданной в результате Великой Октябрьской социалистической революции, это история перехода к социализму десятков народов, миновавших мучительный и длительный период капиталистического развития, это история образования и укрепления новой социальной и интернациональной общности — советского народа, формирования коммунистического мировоззрения и морали, построения коммунистического общества.

«История, пожалуй, не знает столь стремительного взлета, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 декабря 1982 г.— от состояния отсталости, бедствий и разрухи к могуществу современной великой державы с высочайшим уровнем культуры и постоянно растущим благосостоянием народа»³⁷. В этом аспекте опыт киргизского народа, как и других братских народов СССР, суммированный в их истории, имеет огромное международное значение.

В результате многогранной созидательной деятельности трудящихся Киргизстана под руководством Коммунистической партии и при постоянной помощи советских народов, прежде всего великого русского народа, в республике была создана современная, динамично развивающаяся экономика, являющаяся неразрывной составной частью народнохозяйственного комплекса всей страны. Ныне Киргизская ССР — это одна из индустриально-аграрных республик Советского Востока, ведущей отраслью народного хозяйства которой является высокоразвитая промышленность, дающая более половины совокупного общественного продукта республики.

Индустриальный сектор народного хозяйства республики составляют более 130 отраслей, вырабатывающих свыше 4 тыс. наименований продукции. Индустриальный облик Советского Киргизстана определяют современное станкостроение, приборостроение, электроника, гидроэнергетика, горнорудная промышленность, цветная металлургия. Это один из результатов последовательного осуществления ленинской политики КПСС по выравниванию уровней экономического развития всех союзных республик страны.

Мощное развитие получила электроэнергетика. Если до Октябрьской революции в Киргизии электроэнергия вообще не вырабатывалась, то в настоящее время мощность действующих в республике электростанций составляет 2,4 млн. кВт. Освоение энергетических мощностей реки Нарын уже дало стране свыше 31 млрд. кВт·ч дешевой электроэнергии.

Продолжающееся строительство Нарынского каскада гидроэлектростанций имеет важное значение не только для дальнейшего развития экономики республики, но и для всего Среднеазиатского региона. Ток Токтогульской ГЭС мощностью 1200 тыс. кВт поступает в Объединенную среднеазиатскую энергосистему, а накапливаемая в огромном водохранилище вода орошает поля не только Киргизии, но и соседних республик.

Расширяются ассортимент, объем и география поставок промышленности Киргизстана почти во все экономические районы страны и за рубежи СССР — в страны Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Это важный показатель высокого технического уровня промышленности республики, достижений в научно-техническом прогрессе.

И этого не замечать нельзя.

Коренные преобразования произошли в сельском хозяйстве республики.

Современная сельскохозяйственная техника, ирригационные сооружения, вдохновенный труд сельских тружеников неузнаваемо изменили культуру земледелия и животноводства, превратили сельскохозяйственное производство в высокодоходную отрасль. За последние 60 лет валовое производство зерна увеличилось в 7,2 раза, поголовье овец выросло почти в 5 раз, крупного рогатого скота — в 3 раза. Производство мяса за это время увеличилось в 8,5 раза, молока — в 13,6 раза, яиц — в 48 раз, шерсти — почти в 12 раз.

Осуществление ленинской культурной революции позволило в короткий исторический срок — в течение жизни одного поколения — ликвидировать почти сплошную неграмотность населения Киргизстана, создать разветвленную сеть средних специальных и высших учебных заведений. О стремительном росте общеобразователь-

³⁷ Ю. В. Андропов. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 7.

ного и культурного уровня трудящихся республики свидетельствуют следующие примечательные факты: каждый ее третий житель обучается в учебных заведениях или на курсах; на каждые десять тысяч жителей республики приходится студентов в полтора раза больше, чем в Англии или в ФРГ, и в два раза больше, чем в Испании или Турции.

За годы Советской власти в республике создана широкая сеть научных учреждений во главе с Академией наук. Ученые успешно решают сложные научно-технические проблемы развития народного хозяйства республики, вносят свой вклад в умножение ее экономического и духовного потенциала.

Под благотворным воздействием ленинской национальной политики мощное развитие получила культура киргизского народа. И ныне народ, для которого вся духовная культура до революции была сфокусирована в устно-поэтическом творчестве с его могучей вершиной — эпической трилогией «Манас», своеобразной энциклопедией народной жизни, — гордится своим духовным взлетом за годы Советской власти — от букваря до шеститомной национальной энциклопедии. Признание взыскательного советского зрителя и читателя получили многие музыкально-театральные коллективы и мастера киргизского искусства, талантливые деятели литературы. Это ли не наилучшее доказательство подлинного расцвета национальной культуры киргизского народа и лживости домыслов зарубежных фальсификаторов о его «русификации»?

Истоком успехов этих титанических преобразований явилась ленинская дружба народов. Выражая мысли и чувства всего киргизского народа, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев в своей речи на торжествах в Кремле по случаю 60-летия СССР подчеркнул: «Киргизский народ безмерно гордится и дорожит своей принадлежностью к Союзу ССР, к новой исторической общности — советскому народу. Неизменные чувства глубочайшей признательности киргизов к русскому народу, ко всем братским народам будут жить в веках»³⁸.

Тенденциозное освещение в китайской печати некоторых аспектов истории киргизского народа, фальсификация русско-киргизских отношений в прошлом представляют собой безуспешную попытку исказить саму проблему нормализации советско-китайских отношений, бросить тень на политику СССР в отношении Китая, которому Советский Союз никогда не угрожал и не угрожает.

Публикации в Китае «трудов» ярко выраженной антисоветской направленности ничего общего не имеют с наукой и не соответствуют заявлениям о стремлении установить нормальные и дружественные отношения между народами наших стран.

Как подчеркнул товарищ Ю. В. Андропов в ответах на вопросы газеты «Правда», оздоровление отношений между СССР и КНР приобретает особую важность и актуальность в условиях нынешнего обострения международной обстановки. Мы уверены, что объективно интересы советского и китайского народов не расходятся в том, что касается устранения военной опасности и упрочения мира».

*А. К. Карынкулов,
М. Я. Сушанло*

³⁸ 60 лет образования Союза Советских Социалистических Республик. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР 21—22 декабря 1982 года. Стенографический отчет. М., 1983, с. 93.

Цюй Юань: гипотезы и бесспорные факты*

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

Рассматривая проблему о том, является ли Цюй Юань личностью исторической, мы исходили не из предположений и гипотез, но из ряда бесспорных фактов, содержащихся в литературных и исторических источниках, прежде всего в труде родоначальника китайской историографии Сыма Цяня. Мы имеем в виду биографический раздел о Цюй Юане в его «Исторических записках». Сыма Цянь рисует достаточно подробную картину жизненного пути Цюй Юаня, обстановку, в которой ему приходилось бороться, его деятельность в царстве Чу и драматический конфликт между поэтом и правящими кругами. «Цюй Юань, — отмечал Сыма Цянь, — писал стихи, с помощью которых надеялся исправить зло. В поэме «Лисао» он собрал примеры, классифицировал людей и события, стремясь добиться справедливости»¹.

Интересные сведения о Цюй Юане встречаются и у других писателей и комментаторов китайской классики, в той или иной степени затрагивавших цюйюаньскую тему. Источники эти, разумеется, должны быть в полной мере учтены при изучении вопроса об исторической достоверности личности Цюй Юаня как элементы конкретного анализа на широком историко-литературном фоне.

Таким образом, «Исторические записки» Сыма Цяня — памятник, из которого мы черпаем достоверные сведения о Цюй Юане и его творчестве, — представляют собой основной, но не единственный и даже не самый ранний источник наших сведений о Цюй Юане и о подлинности его авторства.

Имя Цюй Юаня упоминается еще у предшественников Сыма Цяня. Раньше всего — у Цзя И², бывшего тайфу³, у Чанша-вана⁴ и Лю Аня⁵, известного в истории как строитель старой столицы в местности Шоусянь в последние годы чуского периода, — они являются первыми историческими личностями Китая, отметившими в своих литературных произведениях имя Цюй Юаня. Перу Цзя И принадлежит прославленная ода «Плач о Цюй Юане», написанная на смерть Цюй Юаня (она включена Сыма Цянем в биографии Цюй Юаня и Цзя Шэна). Ода Цзя И создана в подражание «Чуским строфам» и содержит ряд цитат из поэмы «Скорбь изгнанника» Цюй Юаня. Подлинный текст оды Цзя И, посвященной Цюй Юаню, содержится в «Ханьшу» («История династии Хань») и в «Исторических записках» Сыма Цяня. В этом проникновенном поэтическом произведении Цзя И нашли воплощение философско-эстетические воззрения автора, его раздумья, его надежды. Примечательно, что в поэме отображен тот

* Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1, 3.

¹ Сыма Цянь. Избранное. Пер. с кит. М., 1956, с. 49.

² Цзя И (Цзя Шэн) — выдающийся ханьский поэт и мыслитель. Он был убежден, что посредством поэзии прежде всего поясняются принципы морали и нравственности. Согласно «Саньсю иняньлу», Цзя И родился в 201 и умер в 169 г. до н. э. В «Лидай миньжэнь няньпу», «Ванчжун цзя чанша няньбяо» и др. говорится, что Цзя И родился на седьмом году правления Гао Цзу (206—195 гг. до н. э.), то есть в 200 г. до н. э., и умер на двенадцатом году правления Вэньди (179—157 гг. до н. э.), то есть в 168 г. до н. э.

³ Тайфу — наставник государя или князя, самое высокое почетное звание периода «Борющихся царств».

⁴ Чанша-ван — один из удельных князей чуского периода, имя которого известно по месту Чанша, главному городу его обширного владения.

⁵ Лю Ань — Хуайнань-цзы (178—122 гг. до н. э.), философ и поэт, автор трактата «Хуайнань-цзы», относящегося ко II в. до н. э. В разделе «Хуайнань-ван ань лечжуань» «Истории династии Хань» («Ханьшу») содержатся достаточно полные сведения о Лю Ане и его творчестве. В литературном памятнике ханьской династии «Ханьшу ивэньчжи» перечислены следующие его произведения: «Хуайнань нэй», «Хуайнаньвай» и «Хуайнань ванфу». Сохранилось до нашего времени лишь произведение «Хуайнань нэй». В сборник «Чуские строфы» иногда включается сочинение «Хуайнань сяошань чжаоиньши», которое приписывается одному из приближенных Лю Аня.

способный стиль художественного творчества, который образовал целую полосу в литературном движении древнего Китая. Существенно, что это произведение содер- жит фрагменты, стилистически родственные элегии «Скорбь изгнанника» Цюй Юаня.

Примечательно и то, что Цзя И и Цюй Юаня сближает и элегичность восприя- тия китайской природы, и эмоциональный характер лиризма. Роднит их также глу- бина ощущения трагического в жизни. В творчестве обоих проявилось то счастли- вое сочетание личного и общего, которым отмечено каждое значительное произведе- ние искусства в любую эпоху.

Цзя И в своей оде «Плач о Цюй Юане» стремился послужить благородному делу, воспеть человека великой души, прославить память поэта. Обращаясь к реке Сяншуй (Мило), которая навсегда приняла в «обитель Пана» измученную душу Цюй Юаня, Цзя И произнес:

Тебе, река Сяншуй, вверю
Мой горестный, мой гневный стих.
Мудрец попал в коварства сети
И умер, задохнувшись в них⁶.

Таким образом, и в этой поэме Цзя И мы находим неоспоримое свидетельство существования Цюй Юаня и трагической его судьбы:

Я прежде был приближен к трону,
Теперь изгнанье — жребий мой.
Здесь Цюй Юань свой путь преславный
Окончил в глубине речной.

Свою оду Цзя И написал в древнем поселении Чанша, на берегу печальной реки Мило, то есть именно там, где провел последние скорбные свои дни Цюй Юань. Вне всякого сомнения, память об опальном поэте здесь была особенно свежа. И допусти- мо предположение, что Цзя И мог быть знаком с потомками Цюй Юаня, мог еще видеть кое-какие реликвии, связанные с именем опального певца.

Обращает на себя внимание, сколь остро обличительно звучат строки Цзя И, написанные свыше двух тысяч лет назад:

Увы, глупец прославлен ныне,
Бесчестной властью наделен.
Вступивший в бой со злом и ложью,
Мудрец на гибель обречен.

Ода Цзя И и говорит нам, что на своем жизненном пути Цюй Юань прошел через многие потрясения, что поэт предпочел правду личному благополучию и карье- ре царедворца.

В глазах Цзя И Цюй Юань являлся подлинным героем, искателем истины. Пониманием этого и были продиктованы строки Цзя И:

Вотще погиб учитель мудрый,
Как не грустить, не плакать мне?
Нет больше золотых сосудов,
А глина грубая в цене...
Я говорю:
Нет княжества его, и он меня не знает,
Но я о нем грущу, я скорбью угнетен⁷.

Цзя И хорошо понимал, что Цюй Юаню первому удалось высветить нравствен- ную основу любви к родному краю, глубинную ее природу, ее философию. Ибо поэт раскрыл то, что человек, проявляя свою искреннюю приязнь к родине и народу, выражает высшее самосознание личности, неповторимость своего предназначения в жизни, на земле.

Именно этим обусловлено то, что Цюй Юань как явление китайской культуры стал жить как бы в двух измерениях — в творчестве его последователей и в толко- ваниях критиков.

Полны глубокого значения строки оды Цзя И, в которых порицается образ дей- ствия опального поэта:

И все же Цюй Юань виновен в том, что медлил
Расстаться с князем Чу, от козней злых уйти, —
Покинуть бы ему любимую столицу
И, странником бродя, иной приют найти.
С высот заоблачных могучий феникс, видя

⁶ Цит. по: Сыма Цянь. Избранное, с. 182.

⁷ Сыма Цянь. Избранное, с. 183.

Всех добродетельных, слетает им помочь,
Но если зло и ложь скрывает добродетель,
Он вновь взмывает ввысь и улетает прочь.

Важным для нас представляется здесь восприятие вещей и воззрения в контексте эпохи Цзя И, который как бы говорит о своего рода исторической ограниченности мировосприятия Цюй Юаня. Цзя И выражает здесь свои морально-этические критерии, влекущие за собой широкий контекст ассоциаций. Не все здесь бесспорно, разумеется. Нельзя, однако, в поэтических строках оды Цзя И не видеть не просто обращенность к миру человеческого разума и чувств.

Цюй Юань был человеком государственным не в смысле официальной государственности, а по собственному пониманию долга перед родной землей, своим народом, патриотической верности художника. Страсти, унижающие человека, алчность, властолюбие, тщеславие противопоставляются в поэзии Цюй Юаня мечтам о совершенной личности, о гармонии духа. И потому надежды Цюй Юаня были обращены к образу мудрого правителя, который бы стремился перестроить жизнь Чуского царства на началах справедливости и гуманности. Тщетны были эти надежды.

Цюй Юань погиб в зрелом возрасте, сумев поэтически исследовать все состояния человеческого духа — от великих надежд до великих разочарований, от взлета до трагического финала, от низкой зависти придворных вельмож до творческих высот «Скорби изгнанника». Именно об этом красноречиво говорит ода древнего поэта и мудреца Цзя И.

Известно, что Цзя И жил спустя всего лишь сто с лишним лет после Цюй Юаня. И мы имеем дело с вполне достоверной личностью — ученым и поэтом, который свидетельствует о подлинности исторического существования Цюй Юаня. При этом у Цзя И не возникло никаких сомнений в достоверности существования и деятельности Цюй Юаня.

С другой стороны, существует литературный памятник, оставленный Лю Анем, — «Лисао фу» («Ода Лисао»). К сожалению, эта ода не полностью дошла до наших дней, сохранились лишь отдельные фрагменты в биографиях Цюй Юаня и Цзя И в «Исторических записках» Сыма Цяня. Вот как, между прочим, Лю Ань оценивает оду «Скорбь изгнанника»:

«В «Гофын»⁸ воспевается любовь, а не похоть; в «Сяо я»⁹ говорится об обиде, вызванной наветами, но без смутьянства «Гофын» и «Сяо я». В поэме «Лисао», можно сказать, сочетаются все достоинства «Гофын» и «Сяо я».

В начале поэмы восхваляется Чжуань¹⁰, в конце говорится о циском правителе Хуань-гуне, а в середине — о Чэнь Тане¹¹ и У-ване¹². В поэме едко высмеиваются современники поэта, Цюй Юань ясно понимал величие дао [Великий путь]¹³ и дэ [добродетель], уставные порядки того времени...

Письмо поэмы лаконично. Строфы утонченны. Стремления чисты. Деяния бескорыстны. В нескольких иероглифах заключен огромный смысл. Называемые вещи кажутся близкими, а значение их велико. Стремления Цюй Юаня чисты, поэтому вещи эти благоухают. Его действия бескорыстны, поэтому он до самой смерти оставался

⁸ «Гофын» — «Нравы царств», один из разделов «Шичзи» («Книга песен»), в котором сосредоточены главным образом народные песни различных царств.

⁹ «Сяо я» — «Малые воды», раздел «Шичзи», в котором собрана в основном фольклорная песенная поэзия.

¹⁰ Ч жу а н ь, или Ч жу а н ь - с ю й (2513—2435 гг. до н. э.), — герой китайской мифологии, один из государей древности, по преданию, правнук легендарного правителя Хуан-ди, якобы правившего Китаем в XXV—XXIV вв. до н. э. Традицией считается предком царского рода Чу, к которому принадлежал и сам Цюй Юань. Чжуань-сюй упоминается в ряде древних сочинений: «Мо-цзы», «Цзо чжуань», «Шань Хай цзин» и др.

¹¹ Чэнь Тан (1783—1753 гг. до н. э.) — основатель династии Инь (1154—1122 гг. до н. э.), сверг последнего правителя династии Ся (2205—1783 гг. до н. э.) Цзе-вана, отличавшегося свирепым характером и жестокостью. Своими бесчинствами и тиранией Цзе-ван восстановил против себя народ и владетельных князей. Чэнь Тан пытался образумить Цзе-вана, но он оставался глух к его советам. Тогда Чэнь Тан возглавил восстание и в 1784 г. до н. э. сверг Цзе-вана с престола. В 1766 гг. до н. э. Цзе-ван покончил с собой.

¹² У - в а н — основатель династии Чжоу (1122—246 гг. до н. э.). Считался образцом мудрости и доброты в конфуцианском толковании. У-ван поднял восстание против последнего правителя династии Инь (Шан) — Чжоу-вана, имя которого стало синонимом жестокого тирана. Однажды в припадке гнева Чжоу-ван приказал казнить своих преданных сановников и приготовить из них кровавый соус. В 1122 г. до н. э. У-ван разгромил иньские войска в битве при Мус, и Чжоу-ван покончил с собой, бросившись в огонь.

¹³ Да о — основная категория древнекитайских философских учений. Дао в конфуцианском смысле есть путь нравственного самоусовершенствования, некий всеобщий закон, регламентирующий взаимосвязь явлений в природе и обществе.

выдержанным и строгим... Он был движим стремлениями, которые способны соперничать с сиянием солнца и луны».

Весьма существенно, что Лю Ань, как и Цзя И, говорит в своих поэмах о Цюй Юане и его творчестве без малейшего сомнения в их исторической подлинности. Происходило это именно потому, что факты жизни и деятельности Цюй Юаня были хорошо известны во время Цзя И и Лю Аня, поэтическое наследие поэта воспринималось как его завещание. Дистанция времени не имела для них такого значения, как для тех, кто воспринимает Цюй Юаня через десятки веков. За всеми поступками и действиями Цюй Юаня угадываются большие, сложные, трагические переживания и события, которые не могли не воздействовать на поэта и его творчество.

Всего существовавшее то, что судьба родины прозревалась Цюй Юанем в историческом движении, в перспективе политических преобразований. Впервые государственность и поэзия были сближены, поставлены рядом. Закономерное это соединение получило в дальнейшем свое развитие в китайском словесно-речевом искусстве.

Упоминание и ссылки на оду Лю Аня встречаем кроме «Исторических записок» Сыма Цяня, у поэта и историка первого века Бань Гу¹⁴ в «Лисао сюй» и в «Вэньсинь дяолун». О самом Лю Ане находим запись в «Ханьшу»: «Именно во время У-ди литература получила свое признание и любовь. У-ди, считавший Лю Аня своим дядей, весьма его ценил за большую эрудицию, красноречие и литературный талант... Однажды он высочайше попросил Лю Аня написать «Лисао фу». Лю Ань утром принялся за работу, и ода была представлена». (Заметим, что знак «чжуань» (биография), фигурирующий в оригинале, очевидно, был написан ошибочно. Похоже, что ранее был знак «фу» (ода), который имел равное хождение с другим иероглифическим обозначением оды — фу.) Ван Нянсунь считает, что знак «чжуань» должен быть знаком «фу», который в древности имел равное хождение с другим иероглифом (одинакового звучания), но разного начертания изображения¹⁵. Аналогичное указание находим у Ю Гоэня: «Знак «чжуань» является искаженным начертанием знака «фу», который в свою очередь должен быть заменен другим знаком «фу»¹⁶.

Как известно, Лю Ань жил в старой столице царства Чу¹⁷, был окружен учеными и литераторами, занимался литературным творчеством. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что он располагал достаточными данными для того, чтобы написать оду, посвященную «Лисао» Цюй Юаня.

Кроме того, произведения «Предсказатель» и «Отец-рыбак», написанные, как это доказано, учениками Цюй Юаня — Сун Юем, Тан Лэ и Цзин Ча — и посвященные Цюй Юаню, также представляют собой доказательство того, что Цюй Юань — личность не вымышленная, а историческая.

Наконец, у Сыма Цяня в разделе его «Исторических записок» «Биографии Цюй Юаня и Цзя И» находим ценнейшие сведения о Цюй Юане. Приведем главные выдержки из названного раздела:

«Цюй Юань, носивший также имя Цюй Пин, происходил из той же фамилии, что и правители царства Чу, и был одним из приближенных сановников чуского царя Хуай-вана.

Обладая обширными познаниями и неограниченной волей, Цюй Юань прекрасно разбирался в делах управления государством и в совершенстве владел искусством составления указов.

Во дворце он вместе с правителем обсуждал и решал государственные дела и писал указы. Вне дворца он встречал и принимал чужеземных гостей и вел различные переговоры с владетельными князьями.

Хуай-ван безгранично доверял Цюй Юаню.

Но высший сановник Цзинь Шан завидовал Цюй Юаню, старался его погубить и добиться расположения правителя.

Однажды Хуай-ван поручил Цюй Юаню составить свод государственных законов. Цюй Юань набросал черновик, но еще не успел обработать его, когда об этом узнал Цзинь Шан. Он хотел его взять, но Цюй Юань ему не разрешил.

Тогда, чтобы оклеветать Цюй Юаня, Цзинь Шан сказал правителю:

— Когда вы, ван, поручаете Цюй Юаню составлять указы, все в народе об этом узнают. И всякий раз, когда указ выходит, Цюй Юань целиком приписывает заслугу себе и даже говорит: «Кроме меня, никто не сумеет составить такой указ».

Хуай-ван разгневался и удалил Цюй Юаня от себя.

Цюй Юаню было обидно, что правитель прислушивается к советам глупцов, что льстецы и клеветники затмевают мудрых людей, что зло и неправда торжествуют над справедливостью, что честных и справедливых сановников не терпят при дворе, и он в глубокой тоске и печали написал «Лисао». Ничто нельзя считать конечным для того, кто жив, кто исполнен волей и сознанием высшей справедливости».

¹⁴ Бань Гу (32—92 гг.) — составитель истории ранней Ханьской династии «Цянь Ханьшу», в которой даны яркие литературные портреты и биографии.

¹⁵ См.: Го Можо. Цюй Юань яньцзю. Шанхай, 1953, с. 8.

¹⁶ Ю Гоэнь. Чуцы гайлунь. Шанхай, 1933, с. 278.

¹⁷ Чу — древнее царство, существовавшее на территории современных провинций Хунань, Хубэй, Аньхой, Цзянси, Чжэцзян и южной части Хэнани.

Потрясение Цюй Юаня не осталось безмолвным. Он предвидел бедствие для своей родины. А предвидение и ожидание бедствия нередко бывают невыносимее самого бедствия.

«Цюй Юань, — отмечает далее Сыма Цянь, — шел путем справедливости и всю свою преданность, весь свой ум отдавал служению государю. Но клеветники возвели ложь на него. Можно сказать, что это и довело Цюй Юаня до отчаяния».

Верить кому-нибудь и встречать в ответ подозрение, быть преданным и страдать от клеветы — может ли это не нанести обиду? Обида Цюй Юаня и послужила поводом для создания «Лисао».

Причины интриг и клеветы сановника Цзинь Шана на Цюй Юаня, как это очевидно из приводимого выше отрывка «Исторических записок» Сыма Цяня, имели свои глубокие корни.

После отстранения Цюй Юаня от должности царство Цинь¹⁸ решило объявить войну царству Ци. Но Ци находилось в союзе с Чу.

Озабоченный этим обстоятельством, циньский правитель Хуэй-ван отправил в княжество Чу своего доверенного сановника Чжан И¹⁹, который с помощью щедрых даров вошел в доверие к чускому правителю и сказал ему:

«— Циньский правитель больше всего ненавидит княжество Ци. Но Ци находится в союзе с Чу. Если вы, ван, порвете отношения с Ци, циньский правитель готов отдать вам шестьсот квадратных ли земель в Шаньюй.

Чуский Хуай-ван был жаден, он поверил Чжан И и порвал союз с Ци. А после этого он отправил в Цинь своего посла, чтобы получить обещанные земли.

Однако Чжан И притворился ничего не знающим и сказал послу:

— Я договаривался с вашим ваном о шести квадратных ли и ничего не слышал о шестистах!

Чуский посол, разгневанный, уехал и доложил обо всем Хуай-вану, который объявил войну царству Цинь.

Сражение произошло между реками Даньшуй и Чжэшуй. Войска царства Чу понесли огромный по тому времени урон — погибло восемьдесят тысяч воинов. В плен попал чуский полководец Цюй Гай²⁰. Царству Цинь достались все ханьчжунские земли, прежде принадлежавшие царству Чу.

Вскоре Хуай-ван собрал все имевшиеся у него войска и вторгся в пределы царства Цинь. Произошла битва при Ланьтяне. В это время царство Вэй неожиданно напало на Чу и его войска подступили к Дэнчэну. Это навело страх на чуское войско, и оно начало поспешный отход с территории царства Цинь.

Правитель царства Ци, все еще недовольный Хуай-ваном, отказал ему в помощи. Положение Чу оказалось крайне тяжелым.

На следующий год²¹ циньский правитель согласился частично возвратить захваченные у Чу ханьчжунские земли и предложил заключить мир.

— Мне ханьчжунские земли не нужны! — заявил чуский Хуай-ван. — Выдайте мне Чжан И, и я удовлетворюсь!

Когда об этом узнал Чжан И, он сказал циньскому вану:

— За меня одного вам уступают ханьчжунские земли! Разрешите мне поехать в Чу. Он прибыл в Чу. Хитростью, а также путем подкупа сановника Цзинь Шана, оказывавшего огромное влияние на правителя, он сумел снискать благосклонность любимой наложницы Хуай-вана, по имени Чжэн Сю.

Хуай-ван, во всем беспрекословно слушавшийся Чжэн Сю, отпустил Чжан И. Именно в это время Цюй Юань был удален от царя и отправлен послом в Ци. Возвратившись из Ци, он стал укорять Хуай-вана:

— Почему мы не казнили Чжан И?

Хуай-ван пожалел, что отпустил Чжан И, и послал за ним погоню. Но было уже поздно.

Вскоре после этого владетельные князья сообца напали на царство Чу и нанесли ему жестокое поражение. В боях пал чуский полководец Тан Мэй».

Приведенные фрагменты ведут нас к выводу, что Цюй Юань был весьма незаурядной личностью в Чуском царстве, одним из тех, кто понимал, что происходит в лагере противников Чу, верно оценивал действия правителей «Борющихся царств» и, несомненно, стоял на голову выше чуских царей Хуай-вана и Сян-вана.

Наконец, если допустить, что Цюй Юань — вымышленная, а не историческая личность, как утверждает Ху Ши, то правомерен вопрос, зачем понадобилось Сыма Цяню фальсифицировать историю, создавать такую личность, как Цюй Юань, выде-

¹⁸ Цинь — в V—III вв. до н. э. одно из самых сильных царств на северо-западе Китая.

¹⁹ Чжан И — древний китайский дипломат, ученик Гуй гуцзы, был впервые отправлен в царство Чу циньским послом в 313 г. до н. э. Должность сяна (министра) в царстве Цинь получил в 328 г. до н. э. Умер в княжестве Вэй в 310 или 309 г. до н. э. В хронологических таблицах Сыма Цяня приводятся обе эти даты. В других главах «Исторических записок» указывается лишь 309 г. до н. э.

²⁰ Поражение чуских войск и захват Цюй Гая относится к 312 г. до н. э.

²¹ 311 г. до н. э.

лявшуюся смелостью своих суждений и поведения, выдумывать человека, отличающегося твердостью и последовательностью взглядов.

Едва ли у фальсификатора могла получиться такая стройная и правдивая историческая концепция, какую мы встречаем на страницах «Исторических записок» Сыма Цяня.

Далее Сыма Цянь отмечает, что в ту пору циньский правитель Чжао-ван породнился с правящим домом Чу и предложил царю Хуай-вану встретиться. Хуай-ван собрался в отъезд, но Цюй Юань упреждал его:

«— Цинь — страна волков и тигров, и верить ей нельзя. Лучше не ездить туда.

Однако младший сын Хуай-вана по имени Цзылань настаивал на поездке отца в Цинь — зачем, мол раздражать и лишать удовольствия циньского правителя?

Хуай-ван отправился в Цинь. Когда он прибыл в Угуань, циньские войска отрезали ему путь возвращения домой и циньский правитель потребовал у него земли, принадлежавшие княжеству Чу. Возмущенный Хуай-ван ответил отказом и бежал в княжество Чжао. Однако Чжао не предоставило ему убежища и выдало циньскому правителю. Хуай-ван умер в Цинь. Прах его был перевезен в Чу».

Гибель чуского правителя Хуай-вана явилась возмездием за бессмысленную растрату национальных сил, политическую слепоту и узость мышления, мстью за отказ служить высшим целям во благо государства.

Крайне серьезна была ситуация и для самого Цюй Юаня. Перед Чуским царством стоял выбор: сделаться вечным ленником Циньского владычества или добиваться своей самостоятельности, заключив с соседними царствами союз против посягательств со стороны циньских завоевателей.

Поднебесная, писал Сыма Цянь, страдала от политики «хэн», царство Цинь было ненасытным. Коалиция «хэн» — «Союз по горизонтали», то есть «Союз царств, расположенных с востока на запад», — была предложена Чжан И, древним стратегом и дипломатом. Осуществляя политику коалиции «хэн», царство Цинь замышляло захват и подчинение остальных борющихся царств.

Коалиции «хэн» противостоял союз «цзун», или «хэцзун», — «Союз по вертикали», то есть «Союз север — юг», выдвинутой известным государственным деятелем Су Цинем в 334 г. до н. э. Союз «цзун» объединял шесть царств, расположенных с севера на юг: Янь, Хань, Вэй, Ци, Чу и Чжао. Его сторонником выступал Цюй Юань: этот союз, обращенный против захватнической политики царства Цинь, должен был образовать заслон и остановить продвижение Цинь на восток.

Оправдались худшие предвидения Цюй Юаня: Хуай-ван сделал неверный выбор и пал жертвой обмана со стороны своих врагов.

Изгнанный Цюй Юань беспокоился за судьбу своей родины. Он надеялся, что Хуай-ван вернется из Цинь в царство Чу, прозреет, а чиновники изменят свои взгляды. Он мечтал о том, чтобы Чуское государство процветало. В сочинениях его неоднократно выражалась эта мысль. Но что он мог поделать? До самой кончины Хуай-ван так и не прозрел.

Далее в «Исторических записках» Сыма Цяня читаем следующее:

«Даже если правитель глуп, он стремится окружить себя преданными людьми и выбирает себе в помощники мудрых людей. Но когда государство гибнет, когда на него одно за другим обрушиваются несчастья и при этом не находится мудрого правителя, способного навести порядок в стране, тогда людей преданных называют изменниками, людей достойных — глупцами, Хуай-ван не сумел найти себе верных слуг, наложница Чжэн Сю и Чжан И его обманули. Поверив клевете Цзинь Шана и Цзылани, он удалил от себя Цюй Юаня. В результате войска его оказались разгромленными и враг отторг от Чуского царства шесть областей. Сам же Хуай-ван умер на чужбине пленником, сделавшись посмешищем всей Поднебесной. Вот к какой беде приводит неумение разбираться в людях!

— В «Ицзин»²² сказано: «Если колодец загрязнился, из него пить нельзя. Но стоит позаботиться, чтобы его своевременно вычистили, и из него смогут черпать воду все». Так и правитель. Если вовремя не образумится, разве будет счастлив народ? — с горечью говорил Цюй Юань.

Такие рассуждения Цюй Юаня не нравились Цзыланю. По его наущению Цзинь Шан вновь очернил Цюй Юаня перед Сян-ваном. Правитель разгневался и отдалил от себя Цюй Юаня»²³.

Чусцы осуждали Цзылани за то, что он склонил Хуай-вана отправиться в Циньское царство, откуда он более не вернулся. Глубоко разочаровался в Цзылане и Цюй Юань, который, хотя и был удален из столицы, не мог не испытывать озабоченности трагическим развитием обстановки.

В литературных источниках отмечается, что Цюй Юаня видели блуждающим у реки и сочинявшим стихи, с распущенными волосами, мертвенно бледным, крайне истощенным, осунувшимся.

²² «Ицзин» — «Книга перемен», древнейший натурфилософский трактат и собрание изречений оракулов. Первоначальный его текст возник предположительно в IX—VII вв. до н. э., но в дальнейшем подвергался переработкам и дополнениям. Традицией считается одной из канонических книг Китая.

²³ Сыма Цянь. Избранное, с. 175—177.

Изложенное помогает понять, что Цюй Юань был сослан в чуждую ему обстановку, подальше от столицы царства Чу, от двора.

Об этом периоде жизни Цюй Юаня рассказывается в двух произведениях — «Олеп-рыбак» и «Предсказатель», которые обычно включаются в число «Чуских строф». Судя по содержанию этих произведений, они написаны, скорее всего, не Цюй Юанем, а его последователями или учениками, возможно Сун Юем, Тан Лэ или Цзин Ча. К такому выводу все более склоняются некоторые китайские исследователи творчества Цюй Юаня. Оба эти произведения посвящены Цюй Юаню, что существенно как еще одно доказательство существования Цюй Юаня.

Приведем небольшой отрывок из «Отца-рыбака»:

«Вы, сударь, — спросил рыбак Цюй Юаня, — не тот ли самый сановник дворцовых родов? Как же вы дошли до этого?» Цюй Юань сказал: «Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я... Вот почему я подвергся изгнанию»²⁴.

Не менее важны для нас сведения, содержащиеся в «Предсказателе». И здесь мы убеждаемся, что годы изгнания были для Цюй Юаня не просто личным его испытанием, но временем глубоких переживаний за судьбу своей родины, трагическую участь чуского народа.

К периоду изгнания поэта относится и создание Цюй Юанем оды «С камнем в объятиях». Согласно «Историческим запискам», это последнее произведение поэта. Написав его, отмечает историк, Цюй Юань бросился в реку:

Все беспредельно густо предо мною,
Все тишиной глубокою укрыто.
Тоскливые меня терзают мысли,
И скорбь изгнания угнетает душу...

Жить стало невыносимо. Угнетало тягостное одиночество. Тот, кого он считал способным на высокое чувство, оказался бессердечным, в том, чей дух воспринимал как достойный, не нашел души. Тот, чей разум почитал за дар свыше, не обладал даже трезвым рассудком. Прежнее признание его достоинств, которое он воспринимал как понимание и поддержку, как выражение согласия просвещенности и веры, оказалось знаком коварства, ядом вероломства. Те, кто казался поэту носителем высоких стремлений, оказались низкими интриганам.

Богатство духа, прямоту и честность —
Вот что великие ценнили люди.
И если б Чуй²⁵ искусный не работал,
То кто бы знал, как мудр он и способен...

Гражданская, человеческая позиция Цюй Юаня складывалась в споре между жизнью и смертью, разочарованием и оптимизмом. Это позиция поэта, испытавшего муки унижительного изгнания и опалы.

Поэт поднял свой голос в защиту высших человеческих ценностей, во имя того, чтобы они остались с современниками и теми, кому суждено прийти после них. Цюй Юань искал мира, где не было бы отлученных и преследуемых, где царил бы человеческое целомудрие и нравственная чистота. Тщетными оказались эти поиски. Не суждено ему было добиться правды.

Тревога певца древности может быть понята: не чтящие предков сами лишаются памяти потомства. И мы знаем, что Цюй Юань, подвижническая его жизнь и творчество приобрели для потомства значение высшего примера и недостижимого образца, он стал символом совести, вошел в китайскую летопись как мужественный певец благодаря стойкости, мудрости, бесстрашию.

Случается, художник стремится пронзить мысленным своим взглядом даль грядущих времен и словно бы оттуда узреть творения рук и ума своего. И мы видим, что Цюй Юань, создавая свои поэмы, не заглядывал в грядущие столетия с надеждой увидеть там свое имя. Поэт был лишь движим стремлением поведать современникам о событиях, которые «черной полосой» прошли по небу его родины.

Вскоре после кончины Цюй Юаня появляется плеяда первоклассных поэтов, оставивших после себя значительное поэтическое наследие и находившихся под огромным и очевидным влиянием Цюй Юаня.

В «Исторических записках» находим такие сведения о последователях Цюй Юаня, что также, смеем заверить, следует рассматривать в качестве доказательства того, что поэт личность историческая:

«После смерти Цюй Юаня в Чу жили поэты Сун Юй, Тан Лэ, Цзин Ча. Все они унаследовали свободную поэтическую форму, созданную Цюй Юанем, и прославились своими замечательными стихами. Однако никто из них не осмеливался так открыто

²⁴ Цюй Юань. Стихи. Пер. с кит. М., 1954, с. 125.

²⁵ Чуй — имя искусного мастера, жившего во времена легендарного императора Яо, который относится китайской традицией к XXIV в. до н. э.

поучать своего правителя, как это делал Цюй Юань»²⁶. Этого не могли забыть поэты и те поэты, которые отстаивали принципы гуманизма и справедливости, не склонявшие голову перед тиранией и произволом.

Хотя в китайских исторических и литературных источниках об этих поэтах сохранилось крайне мало сведений, тем не менее достоверность их не вызывает сомнений. Среди названных имен выдающееся место принадлежит крупнейшему поэту послецзюйюаньского периода Сун Юю, жившему приблизительно между 290 и 223 гг. до н. э. Сун Юй (второе имя — Цзыюань) происходил из Сяняна, жил в период правления Ле-вана (262—238 гг. до н. э.). Из его произведений известно, что был он бедным ученым в Чуском царстве, занимал пост мелкого чиновника, но скоро лишился службы и после этого не встречал удачи. Сун Юю принадлежит более десяти од жанра «фу», которые частично сохранились в «Записках об искусстве и литературе», в «Истории династии Хань» и в других источниках. Так, в поэме «Цюй бян» Сун Юем описываются переживания и обиды бедного литератора, терпящего голод и невзгоды. Стиль письма Сун Юя ясно указывает на прямое влияние на его творчество поэзии Цюй Юаня. Сун Юю приписывают также поэмы «Тао Тан фу», «Шэнь нюй фу», «Дэн туцзихао сы фу».

Следует сказать, что в творческом облике Сун Юя столь многочисленны общие для него и Цюй Юаня черты, что некоторые китайские исследователи склонны, например, приписать Сун Юю поэму «Чжао хунь» — «Призывание души», в которой, по их мнению, призывается душа Цюй Юаня возвратиться в жизнь. Как бы там ни было, несомненно большое сходство стилей Цюй Юаня и Сун Юя. Можно утверждать, что все творчество Сун Юя находилось под огромным влиянием Цюй Юаня, хотя по своему миропониманию они, быть может, были далеки друг от друга.

Современником Сун Юя был поэт Цзин Ча, создавший в числе других произведений оду «Дачжао», вошедшую в сборник «Чуских строф». Ода эта написана явно в подражательном духе и напоминает поэму «Призывание души».

К этой же группе крупных поэтов Чуского царства, продолживших традицию индивидуального творчества, начатую Цюй Юанем, относится Тан Лэ, который, как об этом сказано в ханьских «Записках об искусстве и литературе», написал несколько од в жанре «фу».

Сун Юй, Цзин Ча, Тан Лэ и жившие несколько позже них Цзя И и Лю Ань образуют плеяду талантливых мастеров жанра «цы» — поэтических строф, жанра, созданного Цюй Юанем.

При рассмотрении цзюйюаньской проблемы особого внимания заслуживает процесс влияния творчества Цюй Юаня, его стиля и манеры письма, его художественных приемов и образов на творческое формирование многочисленных выдающихся китайских поэтов различных эпох. Процесс этот представляет для нас двойную ценность. С одной стороны, он свидетельствует о самобытности творчества Цюй Юаня, о его способности воздействовать силой своих произведений на других и вызывать творческое подражание многих поэтов — подражание, которое превратилось постепенно в характерную черту последующего развития китайской литературной мысли. Подобное явление едва ли могло быть вызвано анонимным творчеством несуществующего автора.

С другой стороны, под влиянием творчества Цюй Юаня находился целый ряд известных художников слова, которые являются объективными свидетелями, подтверждающими факт существования поэта и достоверность его авторства (не говоря уже о том, что творчество Цюй Юаня вдохновляло выдающихся художников многих поколений на протяжении столетий). В их творениях мы находим прямые упоминания фактов его жизни. Весьма важно и то, что в их произведениях мы видим сознательное усвоение оригинальной формы и образов, характерных для письма и поэтических обобщений Цюй Юаня.

Таковы основные данные о Цюй Юане, которые мы черпаем из «Исторических записок» Сыма Цяня. Возможно даже, что произведения Цюй Юаня Сыма Цянь читал в рукописном оригинале. При написании биографии поэта Сыма Цянь, безусловно, располагал различными материалами (например, рассказами Цзя Цзя, внука поэта Цзя И), достоверность которых не могла вызывать у него сомнений. Наконец, во времена Сыма Цяня была еще весьма сильна изустная традиция истории, которая подкрепляла свидетельства памятников. Немногие неточности, которые встречаются в биографиях Цюй Юаня и Цзя Шэна «Исторических записок», отнюдь не могут служить основанием для того, чтобы ставить под сомнение историческую достоверность этого памятника, поскольку они касаются лишь частных и нередко являются позднейшими вставками в тексте Сыма Цяня.

Изложенное ведет нас к заключению: если допустить, что Цюй Юань — вымышленная, а не историческая личность, то, естественно, возникает вопрос, зачем понадобилось Сыма Цяню сочинять столь сложную историю вымышленного лица, Цюй Юаня, сыгравшего выдающуюся роль в реальных событиях и связанного с многими действительно существовавшими и хорошо известными лицами. Да и нелегко создать исторически столь стройную и правдивую легенду, как та, которую мы находим в «Исторических записках».

²⁶ Сыма Цянь. Избранное, с. 180—181.

Помимо приведенных нами свидетельств о Цюй Юане, существуют еще, так сказать, внутренние доказательства, которые содержатся в поэтических произведениях Цюй Юаня. Поэт, к нашему счастью, сам оставил в созданных им поэмах ценнейшие сведения о своей родословной, которые дают нам возможность установить год, месяц и день его рождения. Случай едва ли не беспримерный среди художников слова китайской древности.

В этой связи можно сказать, что поэзия Цюй Юаня — это не просто память прошлого. Она еще верный источник подвижнической жизни самого автора.

Поэтическое творчество Цюй Юаня во многом автобиографично. Оно представляет собой откровенное, своеобразное исповедь певца древности. Разумеется, много в изучении творчества Цюй Юаня предстало бы в ином свете, если бы мы располагали рукописными оригиналами сочинений поэта. Но рукописных материалов Цюй Юаня не сохранилось. Во всяком случае, пока не обнаружен ни один его подлинник, ни одна его строка. Не исключено, однако, что науке еще удастся обнаружить какие-либо рукописные следы Цюй Юаня, как были обнаружены, например, гадательные кости с иероглифическими надписями иньской эпохи, относящиеся к более раннему этапу китайской истории.

Ограниченность документальных данных о Цюй Юане отчасти объясняет сложность подлинно научного осмысления противоречивых аспектов жизни и творчества поэта. Это тем более обязывает к тому, чтобы исследование велось с объективных методологических позиций, помогающих находить верные критерии и пути решения возникающих проблем. Трудно, разумеется, войти во все обстоятельства жизни и творчества Цюй Юаня. Важно очертить, однако, наиболее существенные грани.

Именно творчество самого Цюй Юаня, которое мы вправе рассматривать и как выражение личности, может служить нам исходным источником, даст нам достоверный материал для его жизнеописания. Наиболее ценные сведения о родословной поэта мы находим в его поэме «Скорбь изгнанника» — подлинной исповеди Цюй Юаня, шедевре китайской поэзии. Здесь требуется лишь, чтобы при исследовании поэтического текста была проявлена щепетильная верность фактам, строгое следование принципам филологического анализа и историзма.

«Скорбь изгнанника», в сущности, заключает в себе поэму о поэте, излагающем свою родословную, жизненный путь. Уже в первых строках поэмы Цюй Юань говорит о своем происхождении, фамильных корнях. Заметим, кстати, что такой зачин в дальнейшем приобретает в китайской поэзии в известном смысле значение нормы.

Покойный мой отец Боюном звался,
Чжуань, сын неба, — славный предок мой.

Иными словами, Цюй Юань ясно говорит нам, что он принадлежал к царскому роду Чу, предком которого считался легендарный китайский император Чжуань (2513—2435 гг. до н. э.).

В «Предисловии автора» к «Историческим запискам» Сыма Цянь пишет: «В стародавние времена император Чжуань-ской повелел Чжуну заниматься делами Неба на юге, а Ли — делами Земли на севере»²⁷. А в главе, где дано жизнеописание Цюй Юаня и Цзя И, Сыма Цянь отмечает, что «в самом начале поэмы («Скорбь изгнанника») Цюй Юань восхваляет императора Ди-ку, в конце говорит о циском правителе Хуань-гуне, а в середине — о Чзи Тане и У-ване»²⁸.

В том же первом четверостишии поэмы читаем:

В первом месяце шэти
В день гэннинь был рожден я.

Это значит в переводе на европейское летоисчисление, что Цюй Юань родился 7 января 340 г. до н. э. Что касается времени смерти поэта, то оно падает на 278 г. до н. э., что соответствует двадцать первому году правления чжуского Сян-вана (тридцать седьмой год правления чжоуского нань-вана)²⁹. Предание гласит, что Цюй Юань бросился в реку Милло и утонул 5 мая. Таким образом, Цюй Юань прожил 62 года. Впрочем, по слову поэта, день рождения гения известен, но нет для него дня смерти. Уже при жизни у Цюй Юаня не было возраста. Нет у него возраста и ныне.

В другом произведении Цюй Юаня — «Плачу по столице Ину», которое было написано в годы правления Сян-вана, когда Чжуское царство потерпело крупное поражение, находим описание дум и воспоминаний поэта о столице царства Чу. Здесь также упоминается срок изгнания поэта:

Нет, не хочется верить,
Что ушел я из дома,

²⁷ Сыма Цянь. Избранное, с. 33.

²⁸ Там же, с. 174.

²⁹ См.: Го Можо. Изучение Цюй Юаня. Шанхай, 1953, с. 11 (на кит. яз.).

Десять лет миновало,
Как томлюсь на чужбине ³⁰.

Примечательно, что указанные «десять лет» не следует понимать буквально. Древние китайцы считали цифру «десять» крайним числом. На самом деле изгнание Цюй Юаня продолжалось с десятого до двадцать первого года правления Сянвана, то есть 11 лет.

Заметим попутно, что «десять» имеет в китайской традиции философское и эпическое значение. «Десять», «девятка» — это название верхней черты в гексаграммах «Ицзина» — «Книге перемен», древнейшего натурфилософского трактата и собрания изречений оракулов, где вся жизнь и развитие в природе происходят на основе борьбы противоположных сил «инь» (мрак) и «ян» (свет). Это полюс, предел ицзинновского движения чисел, высший пункт нарастания, которое переходит затем в исходное положение, с тем чтобы опять путем нарастания достигнуть своего предела — «девятки» и снова вернуться к началу, но уже в новой форме. Это и есть «перемены» «Ицзина», вечные изменения явлений, вечный переход из одного состояния в другое. Таким образом, в контексте с понятием «изменения» число «десять» получает совершенно особое значение — предела, кульминационного пункта. Следовательно, «десять изменений» — это высший предел процесса изменений, а в более общем, неспециальном языке — вообще бесчисленные и бесконечные изменения ³¹.

В произведениях Цюй Юаня число «десять» встречается многократно. Так, например, цикл стихотворений «Десять напевов» состоит в действительности из одиннадцати стихотворений. Другой цикл стихотворений назван «Десять элегий», где основным мотивом служат раздумья поэта о родине. В «Книге истории» («Шаншу» ³²) упоминается выражение «десять призывов» — «цзю чжао»: «Когда на флейте исполняли мелодию шао девять раз, на церемонию являлись фениксы». «Десятью царствами» называет поэт «Поднебесную», то есть Китай, в поэме «Скорбь изгнанника». Предание гласит, что в глубокой древности Китай был разделен на девять областей, будто бы по числу цифр, обозначенных на спине священной черепахи. В этой же элегии поэт говорит о «священных девяти песнях» — старинных обрядовых песнях времен династии Ся (2205—1783 гг. до н. э.), когда страной правил ее основатель, легендарный древнекитайский император Юй (2205—2197 гг. до н. э.). К этому времени восходит предание о том, как из реки Лошуй вышла чудесная черепаха, на панцире которой были начертаны девять магических цифр. Впоследствии были будто бы созданы особые гадальные книги — «Драконов чертеж» («Лун ту») и «Черепашье гадание» («Гуй цзэ»), которые упоминаются в различных китайских источниках.

Мистика чисел? Нам, разумеется, она чужда. Речь идет об эпическом и этническом значении цифр в Китае.

В «Критических рассуждениях» ханьского философа Ван Чэна (27 — около 97 гг. до н. э.), говорится, что у мудрых и доброжелательных людей их поступки проверяются по девяти добродетелям, а слова — по результатам их деятельности. Если поступки не соответствуют девяти добродетелям, а слова не подтверждаются результатами их труда, то такой человек не добродетелен, а коварен. Девять качеств в их парном противопоставлении и являются чертами человека, обладающего девятью добродетелями. О Цюй Юане, как личности в высшей степени одаренной, часто говорится в китайских литературных источниках, что он обладал всеми качествами поэта, человека и гражданина, которые всегда остаются особенно дороги.

В литературных источниках нередко встречаются и фразеологические выражения: «жаловать девятью регалиями». Девятью регалиями жаловали удельных князей: колесница с конями; парадное платье; музыканты; ворота, крытые красным лаком; парадное крыльцо; телохранители; лук со стрелами; топор с секирой; жертвенные сосуды.

Выражение «десять поколений» означает девять колен родства от прадеда (гаозу) до правнука (шаньсунь), а «спасти жизнь от девяти смертей» — избежать серьезной опасности. Говорят: «дух был готов укрыться за девятое небо», то есть, по старым китайским представлениям, у человека наряду с душой существует бесплотный дух, переселяющийся после смерти на небеса.

В поэме «Скорбь изгнанника» встречается такое четверостишие:

Пусть мой венок из шпажника разорван,
Из орхидей сплету другой венок.

³⁰ Цюй Юань. Стихи, с. 93.

³¹ См. Н. И. Конрад. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.—Л., 1950, с. 206.

³² «Шаншу», или «Шуцзин» («Чжоушу»), — памятник классической конфуцианской литературы, дата составления неизвестна. Книга уже существовала при Конфуции, но до нас дошла в более поздней редакции. Некоторые ее главы были написаны в V—III вв. до н. э. Охватывает эпохи первобытнообщинного строя и рабовладельческого общества в Китае.

За то, что сердцу моему любезно,
Хоть девять раз я умереть готов³³.

В китайских литературных источниках упоминается ныне утраченное сочинение «Девять холмов», представлявшее собой геомантический трактат, содержавший гадания по особенностям рельефа местности. В нем было дано описание «девятой» областей Китая. «Девятью истоками» в древнем Китае называлось метафорическое обозначение загробного подземного мира. В некоторых районах Китая расстояние исчисляется по «цзю» — «девяткам». Одна «девятка», например, соответствует десяти ли. По старому китайскому календарю, праздник окончания осени обозначается «девятым днем девятой луны». Горы «девятой сомнений», находящиеся в округе Юнчжоу, провинции Хунань, получили свое название по числу отрогов, которые столь похожи один на другой, что их трудно отличить. По преданию, здесь погребен легендарный император Шунь, правление которого относится китайской традицией к XXIII в. до н. э. Конфуцианская школа считает время царствования Шуня «золотым веком» китайской истории.

Следовательно, Цюй Юань родился на 139 лет позже смерти Конфуция (479 г. до н. э.). Жизнь и деятельность Цюй Юаня падает на вторую половину эпохи «Борющихся царств» (403—221 гг. до н. э.), то есть на то время, когда вскоре предстояло завершение процесса покорения всех китайских земель под властью Цинь Шихуана и когда культурное развитие переживало блестящий расцвет.

В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что Цюй Юань, принадлежал к царскому роду, занимал должность цзоту при чуском Хуай-ване. Было это, однако, до 32-летнего возраста поэта. Когда он получил этот пост и когда лишился его, остается неизвестным. Должность цзоту относилась к высшим государственным постам и значилась следующей после должности первого министра. Цзоту буквально означает «левый сановник», то есть гражданский сановник, занимавший место слева от трона чуского царя. По древнейшим верованиям китайцев, с левой рукой связывались, по-видимому, представления о некоей магической силе, а с правой — о практической деятельности человека. Отсюда и предпочтение левой стороне: слева от трона государя всегда стояли наиболее почетные гражданские сановники, а с правой — обладавшие «грубой» силой полководцы. С понятием «левый» ассоциировалось солнце и мужское начало, а с «правым» — луна и женское начало.

Вопрос о близких и родных Цюй Юаня остается нерешенным. Ясно одно: поэт испытывал одиночество, наложившее печать на все его творчество.

Характерно, что в поэзии Цюй Юаня преобладает тема дружбы и дружбы между мужчинами, тогда как женская любовь занимает значительно меньшее место. Это показатель и для всей китайской любовной лирики последующих эпох, музыка которой вообще очень сдержанно относится к раскрытию интимных чувств.

Китайская лирическая поэзия распадается в основном на стихи морального, дидактического и политического содержания, нередко с перевесом рефлексии, авторской личности, субъективности знания или познания.

Нам, к сожалению, не удалось найти исторических и литературных источников, свидетельствующих о продолжении рода Цюй Юаня. Возможно, у поэта не было наследников, по крайней мере достоверных сведений о потомках Цюй Юаня и их жизни не сохранилось. Правда, в записях городского управления Чанша содержится указание, что у Цюй Юаня был сын, однако не приводится источника этих сведений. На родине поэта до сих пор встречаются люди с фамилией Цюй, которые, быть может, имеют отдаленное отношение к великому предку.

В китайском народе бережно хранится память о великом певце. До сих пор оберегаются земля и кумирня, связанные с именем Цюй Юаня. Так, в примечаниях Лу-Даюня к «Шуцзин» и «Цзянжуй», основанных на сведениях Юань Шапсуна, говорится:

«В нескольких десятках ли северо-восточнее уездного поселения есть старая усадьба Цюй Юаня. Хотя там все пришло в ветхость от времени, все же место это называется землей Цюй Юаня. В ста шестидесяти ли севернее этого поселения хранится древнее жилище Цюй Юаня. Оно сложено из камней и называется «Местом музыки и покоя». В шестидесяти ли северо-восточнее жилища стоит кумирня с названием «Нюй-суй».

В хронике «Иду» говорится: «Цзыгуй (уезд) — первоначальная страна чусцев и сюнцзэв, родина Цюй Юаня. Здесь сохранилась до сих пор усадьба Цюй Юаня»³⁴.

Таковы, собственно, те немногие сведения, связанные с родословной Цюй Юаня, которые нам удалось разыскать в исторических и литературных источниках, а также при посещении родины поэта. Несмотря на их лаконичность, они дополняют сведения, необходимые для исследования жизненного пути и творчества Цюй Юаня.

³³ Цюй Юань. Стихи. М., 1954, с. 31.

³⁴ См.: Го Можо. Изучение Цюй Юаня, с. 14—15.

Ба Цзинь: писатель-патриот

А. Н. Желуховцев,
кандидат филологических наук

Ба Цзинь — прогрессивно мыслящий, полный энтузиазма писатель; из ряда хороших писателей, которых можно пересчитать на пальцах. Правда, он носит кличку «анархиста», но он никогда не выступал против нашего движения и даже написал боевой манифест Лиги работников литературы и искусства.

*Лу Синь. Ответ Сюй Маюню
по вопросу об антияпонском
едином фронте (3—6 августа
1936 г.)*

Старое изречение гласит: человек перед смертью говорит хорошие речи. Я не понимал это прежде, а теперь — оценил.

*Ба Цзинь. Суй сянь лу
(Каприччио). Сянган, 1979*

Ба Цзинь (род. в 1904) — один из старейших писателей КНР, пользующийся мировой известностью. Он возглавляет Союз китайских писателей. Ба Цзинь активно работает: пишет и переводит, переиздает книги прежних лет, выступает с речами на писательских форумах. Правда, за последний год ухудшилось здоровье и свои речи он направлял в письменном виде, чтобы их зачитывали.

Многое пережил старый писатель на своем веку: и черную годину японской агрессии, и допрос под арестом в Японии, и содержание в хунвэйбинском «хлеву» во время «культурной революции».

Один из образованнейших людей современного Китая, Ба Цзинь всегда много писал и довольствовался литературной известностью, которая пришла к нему еще в молодости, с первым же произведением. После избрания председателем Союза китайских писателей Ба Цзинь заявил: «Если сказать правду, то обязанности председателя Союза писателей мне не подходят. Мне хотелось бы быть рядовым писателем. Я согласен исполнять эту должность, только чтобы показать, что я одобряю работу Союза писателей. Я мечтаю также сделать одно хорошее дело: поскорее построить литературный музей, чтобы собрать и сохранить литературные материалы, начиная с «движения 4-го мая». Это будет итог литературного опыта за шестьдесят лет»¹.

Сам Ба Цзинь написал очень много. Свою первую повесть, «Гибель», он завершил во Франции в 1928 г., когда ему было 24 года, а уже в следующем году повесть была опубликована в журнале «Сяошо юэбао» — наиболее авторитетном тогда из всех китайских литературных журналов — и принесла молодому писателю известность. Когда в 1931 г. Ба Цзинь написал роман «Семья» (первую часть трилогии «Стремительное течение»), это была уже всекитайская слава. Писатель создал еще две трилогии — «Любовь» (1931—1933) и «Огонь» (1940—1943), повести «Новая жизнь», «Рудокопы», «Снег», «Сад радости», «Холодная ночь», множество рассказов и эссе. Десятки книг... А еще он издал за свою жизнь свыше пятидесяти книг переводов². В 1958—1962 гг. Ба Цзинь отредактировал и переиздал в КНР свои сочинения, в основном написанные за двадцать лет — в 1928—1948 гг.; это собрание сочинений составило 14 томов.

Лу Синь не случайно называл Ба Цзиня анархистом. Его приверженность анархизму сказалась уже в выборе писательского псевдонима. Это обстоятельство особенно подчеркивали гоминьдановские авторы и вслед за ними американские синологи. О. Ланг пишет в монографии о Ба Цзине: «Ба Цзинь — это псевдоним, принятый

¹ «Вэньбао», 1982, № 2, с. 3—4.

² См.: Ба Цзинь чжуаньцзи (Собрание материалов о Ба Цзине). Янчжоу, 1981, с. 4.

Ли Фэйганем. Имя, впервые употребленное в 1929 году, когда он подписал им свой первый роман, выражало приверженность писателя анархизму и восхищение его двумя великими вождями — Бакуниным и Кропоткиным. «Ба» — это первый слог фамилии Бакунина, а «Цзинь» — последний слог фамилии Кропоткина в китайской транскрипции (Кэ-лу-пао-тэ-цзинь). Те, кто дал ему имя Фэйгань, вдохновлялись иными источниками. Эти слова означают «приятное убежище» и взяты из «Книги песен» — одной из классических китайских книг³.

Гоминьдановские власти и критика десятилетиями старались скомпрометировать Ба Цзиня в глазах китайского читателя, выдавая его за европеизированного, космополитического, чуждого национальной почве автора, спекулировали на иностранном происхождении псевдонима и анархических симпатиях молодого писателя. На деле же псевдоним Ба Цзиня многозначен. Иероглиф «Ба» был взят не только потому, что входил в фамилию Бакунина, но и потому, что это была фамилия китайского студента, знакомого Ба Цзиня, который в порыве отчаяния покончил жизнь самоубийством в далекой Франции.

Сам писатель вспоминает: «Из-за нездоровья по совету врачей я отдыхал в небольшом городке на берегу Марны, потом там же в средней школе учился французскому языку. Я познакомился там с несколькими китайскими друзьями. Был один товарищ с севера по фамилии Ба, который прожил со мной около месяца и уехал в Париж. На следующий год я узнал, что он утопился в Анжере. Я мало знал его, но это самоубийство причинило мне страдание. Слог «Ба» в моем псевдониме взят в память о нем. Благодаря ему я узнал, что среди китайских фамилий есть фамилия Ба»⁴.

Слог «Цзинь» действительно заимствован из фамилии Кропоткина. Кроме того, писателя привлекло благоприятное смысловое значение получавшегося имени: по-китайски оно означает буквально «Золото Сычуани», а ведь писатель — уроженец именно этой провинции. Многозначность псевдонимов вообще свойственна Китаю, так что случай с Ба Цзинем не исключение.

Ба Цзинь принадлежал к богатой и знатной фамилии. Его отец два года исправлял должность чжисяня — правителя уезда — в уезде Гуаньюань провинции Сычуань во времена Цинской династии. Весь семейный клан во главе с дедом жил в одном большом доме, где на пятьдесят человек хозяев приходилось столько же слуг. Дед правил своей семьей в духе старокитайского домостроя, возражений не терпел; авторитет главы клана был непререкаем. Юный Ба Цзинь порвал с этим образом жизни. То был настоящий бунт. Много лет спустя писатель вспоминал: «Мы говорили не как дед и внук, а как два врага»⁵.

Помещичье происхождение Ба Цзиню припомнили в КНР, ему не раз приходилось писать об этом в покаянном тоне. В 1979 г. писатель так рассказывал о своих детских годах:

«Я родился в семье крупного помещика-бюрократа. Я долго жил в барском окружении, с барынями, баричами и барышнями. Я дружил с лакеями, посыльными, носильщиками и поварятами (точно так, как описано Тургеневым в рассказе «Пунин и Бабурин»). Я видел много несправедливого и неразумного. Я глубоко сочувствовал всем людям так называемого низкого звания. Они меня многому научили в жизни. Я часто залезал на крышу к носильщикам, когда они курили опиум, и наслушался от них волнующих рассказов. Я безотчетно сочувствовал им, любил их»⁶.

В детские годы знакомство Ба Цзиня с литературой началось со старинных китайских романов, только с 14 лет он стал читать европейские романы в китайских переводах. «Я с детства любил читать романы, — вспоминает Ба Цзинь. — Первым из них было «Сказание о Юэ Фэе», потом я прочел «Дела судьи Ши» и взял «Дела судьи Пэна». Я прочел только первую часть последнего, потому что не смог достать вторую. Несколько лет мне снилось, что мне удалось наконец раздобыть всю книгу целиком, и я просыпался в неопишемом восторге... Я стал писать романы потому, что сам прочел их много. Мои собственные романы непохожи на «Сказание о Юэ Фэе» или «Дела судьи Ши», потому что я больше читал иностранные романы»⁷.

В юности Ба Цзинь рвался к другой, новой жизни, которой он, однако, не представлял. Позднее он вспоминал: «Был короткий период, когда я почти что стал буддистом... Но это мне ничего не дало, это была иллюзия, сон, который осуществить невозможно»⁸.

Ба Цзинь поступил в школу иностранных языков в городе Чэнду в своей родной провинции. Порвав с семьей, он уехал в Шанхай. После неудачной попытки поступить в Пекинский университет уехал учиться во Францию. «Почему вы приехали во Францию в 1927 году?» — спросил его корреспондент парижской «Монд» Пьер-Жан

³ O. L a n g. Pa Chin and his Writings. Chinese Youth between the Two Revolutions. Cambridge (Mass.), 1967, p. 7.

⁴ «Вэнь юэбао», 1958, № 4, с. 58.

⁵ O. L a n g. Op. cit., p. 30.

⁶ Ба Цзинь. Сюаньцзи хоуяй (Послесловие к «Избранному»). — «Душу», № 2.

⁷ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 576.

⁸ O. L a n g. Op. cit., p. 41.

Реми в мае 1979 г. Ба Цзинь ответил: «Я искал «истину», и ради нее я поехал за свой счет во Францию с намерением изучать экономику»⁹.

В поисках «истины» молодой Ба Цзинь был пылок и искренен. Он искал ее в Китае в литературных журналах на разговорном языке, которые во множестве появились после «движения 4-го мая» 1919 г. за новую культуру; он написал оставшееся без ответа письмо к Чэнь Дусю — одному из лидеров этого движения, который в 1921—1927 гг. был генеральным секретарем ЦК КПК. На молодого Ба Цзиня решающее влияние оказало обращение «К молодежи» П. Кропоткина и пьеса ныне забытого драматурга Леопольда Кампфа «Накануне». «К молодежи» дало мне идеал любви к человечеству и к миру, — писал впоследствии Ба Цзинь. — Насытило мой ум наивной верой в то, что общество, в котором будет счастлив каждый, грядет с утренним солнцем завтрашнего дня, что все зло может враз исчезнуть. В «Накануне» я увидел великую трагедию молодого поколения другой страны, сражающегося за свободу и счастье своего народа. Впервые я обрел героев своих снов, обрел цель в жизни. И эта цель находилась в гармонии с инстинктивной верой в справедливость, которую я встречал среди наших слуг и носильщиков паланкинов»¹⁰.

Серьезно было влияние на Ба Цзиня русской классической литературы, творчества И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. На всю жизнь писатель запомнил впечатление от «Воскресения», «Зерна с куриное яйцо», «Много ли человеку земли нужно», «Сказке об Иване-дураке». Старший брат писателя даже стал в те годы последователем толстовской доктрины о непротвлении злу насилем.

Во Франции молодой Ба Цзинь вел уединенный образ жизни, общался преимущественно с китайскими студентами. «Я ничему не научился, даже французскому языку, — писал он потом с чрезмерной скромностью. — Я прочел груду случайных книг и написал повесть «Гибель»»¹¹.

Уже на склоне лет, в 1977 г., писатель сказал: «Я пишу не для того, чтобы быть писателем, меня заставляет брать перо моя прошлая жизнь»¹². Вспоминая о своем первом произведении, которое столь счастливо ввело его в литературу, он хорошо передает состояние человека, который писал потому, что не мог не писать: «Мне нужно было излить чувства, выплеснуть любовь и ненависть, иначе мое юное сердце задохнулось бы. И я взял перо и записал в тетрадке свои чувства, выплеснул на бумагу свою любовь и ненависть. Каждый вечер, когда вокруг наступала тишина, я открывал тетрадку под мерные удары колокола Парижской богоматери и писал до изнеможения, а потом заваливался спать»¹³.

Принятый перевод названия первой повести Ба Цзиня на русский язык — «Гибель», но точнее было бы перевести «Погибель», потому что заглавие позаимствовано автором из поэмы К. Ф. Рылеева «Наливайко»:

Известно мне: *погибель* ждет (выделено нами. — А. Ж.)
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Героем первой повести Ба Цзиня был революционер-террорист. «Любовь и революция» — такова магистральная тема его творчества. Неудивителен его успех в тогдашнем Китае, чреватом революцией. О. Ланг признает: «Больше, чем любой другой современный китайский писатель, Ба Цзинь всю свою жизнь был выразителем дум молодежи. Он писал о молодежи и для молодежи, более всего о молодой интеллигенции. Сочинения Ба Цзиня создают мозаичный портрет молодых людей в Китае переходного времени, который сопоставим с портретом молодого человека Запада в европейской литературе XIX века»¹⁴. Эта высокая оценка справедлива, и, каковы бы ни были потом упреки американской синологии, здесь сказано главное.

Литературный успех Ба Цзиня у китайской молодежи 30-х годов был феноменален. Писатель говорил о любви и революции, говорил в гоминьдановском Китае, в условиях реакционного репрессивного режима. Ярлык анархиста, определенная удаленность от организованного литературного левого движения, коммерческий успех его романов — вот что помогало ему преодолевать рогатки цензуры. Американский синолог Натан К. Мао признает, что «гоминьдановская цензура считала его книги подвизными»¹⁵. Бывали случаи, когда писателю приходилось из-за цензурных преследований издавать свои книги за границей на собственный счет¹⁶.

⁹ Ба Цзинь *чжуаньцзи*, с. 79.

¹⁰ O. Lang. Op. cit., p. 46.

¹¹ N. K. Mao. Pa Chin. Twayne's World Authors Series. Boston, 1978.

¹² «Жэньминь жибао», 13.XII.1977.

¹³ Ба Цзинь *чжуаньцзи*, с. 576.

¹⁴ O. Lang. Op. cit., p. 2.

¹⁵ Ibid., p. 29.

¹⁶ См.: Л. А. Никольская. Ба Цзинь (Очерк творчества). М., 1976, с. 68.

Популярный и плодовитый Ба Цзинь во многом способствовал созданию левой, прогрессивной, революционной атмосферы в Китае. Он увлекал читателей на путь революционности, его творчество служило как бы первой ступенькой, приобщало к революционным настроениям, откуда было уже недалеко и до подлинно революционной Коммунистической партии Китая и организованной борьбы с империализмом и реакцией. Ба Цзинь о коммунистах не писал, и трудно сейчас сказать почему — по объективным или субъективным причинам или по обоим сразу. Теперь он говорит корреспонденту «Монд»: «В 30-х годах я поддерживал очень тесные связи с писателями-коммунистами, но я шел по независимому пути в своем творчестве. Я особенно уважал Лу Синя. Лао Шэ и Мао Дуня»¹⁷.

Лу Синь познакомился с Ба Цзинем в 1933 г. и считал его своим другом, публично высказался об этом в печати за два месяца до своей кончины в 1936 г. Ба Цзинь, как верно заметил и оценил Лу Синь, никогда не выступал против писателей-коммунистов и революционной литературы; он делал свое дело, которое шло на благо китайскому революционному движению и всей прогрессивной литературе.

В переизданиях своих произведений, которые стали выходить после победы китайской революции и провозглашения КНР, Ба Цзинь значительно сократил упоминания об анархизме и практически отказался от анархических черточек в характеристиках своих литературных героев. О. Ланг признает это: «В художественных произведениях он старался не быть откровенным в выражении своих анархических идей. Он редко называл своих литературных героев анархистами, предпочитая туманное наименование «революционеры». Однажды во время войны он даже сказал: «Анархизм и мои романы, переведенные или написанные мной, — вещи совсем разные»¹⁸.

Ба Цзинь — один из самых европеизированных китайских писателей. Иностранная литература, особенно русская литература XIX в., оказала на него сильнейшее влияние, которое он признавал не без гордости. Если чтение китайских романов в детстве пробудило в нем интерес к литературе, то владение английским и французским языками помогло ему в чтении иностранных писателей, у которых он сознательно учился творчеству. Ба Цзинь применил технику европейского романа к китайскому жизненному материалу, переосмыслил собственные жизненные впечатления и стал современным писателем в полном смысле слова. В китайской литературе того времени это было ново и свежо; европейским читателем, конечно же, часто ощущается литературная вторичность Ба Цзиня. О. Ланг скрупулезно подобрала литературные параллели к творчеству Ба Цзиня. По ее мнению, «Сон на море» похож на роман И. С. Тургенева «Накануне»; конец трилогии «Огонь» разительно напоминает концовку «Отцов и детей»; «Палата номер четыре» похожа на «Палату номер шесть» А. П. Чехова. В повести Ба Цзиня «Снег» заметно воздействие литературного примера романа Э. Золя «Жерминаль»; даже первое название повести — «Ростки» — перекликается по смыслу со словом «жерминаль»¹⁹.

Казалось, что молодой Ба Цзинь, вдохновившись восхитившим его европейским произведением, нетерпеливо создавал его аналог на китайском материале. Это было в самом точном смысле слова влиянием европейских литератур на китайскую, быстрым усвоением стадияльно иного литературного опыта.

Ба Цзинь научился писать «по-европейски» и отнюдь не ограничился литературными аналогиями. Он освоил зарубежный опыт и тематически. В его рассказах появляются герои-иностранцы, события часто происходят за границей. В лучших своих произведениях он совершенно самостоятелен и современен. И приятно, что в своих литературных исканиях Ба Цзинь опирался прежде всего на русскую классическую литературу. Для большей убедительности обратимся к таким страстным свидетелям, как западные синологи: все они, писавшие о Ба Цзине, в один голос говорят о его преклонении перед русской литературой, о восторженном восприятии вершин русской классики.

Сам Ба Цзинь чистосердечно и искренне признавал свою увлеченность русской литературой, причем не только в 50-е годы, когда он трижды посещал СССР и находил у нас теплый дружеский прием, а его собственные книги переводились на русский и другие языки народов нашей страны, но и в последующие тяжелые времена. Высказывания Ба Цзиня о русской литературе, помимо конкретных сведений, дают поэтому очень многое для понимания его благородной личности и писательской совести; в первую очередь это относится к периоду 30—40-х годов и к 70-м годам.

Политическая атмосфера Китая за эти годы менялась неоднократно, и часто кардинально, но отношение Ба Цзиня к русской классической литературе оставалось неизменным. Если до победы китайской революции в 1949 г. его познания были недостаточными из-за малого числа переводов на китайский и слабого знакомства самого писателя с русским языком, то в 50-е годы Ба Цзинь научился читать русскую литературу в оригинале.

Западных сиологов удивляло всегда, почему самый европеизированный китайский писатель, с юности овладевший английским и французским языками, предпочитал именно русскую литературу и английский язык служил ему в литературном смысле

¹⁷ Ба Цзинь *чжуаньцзи*, с. 81.

¹⁸ O. L a n g. Op. cit., p. 226.

¹⁹ Ibid., p. 235—237, 248.

прежде всего языком-посредником. Так, О. Ланг в 1967 г. признала, что «интерес к русской литературе среди китайской интеллигенции стимулировала ее симпатия к растущему русскому революционному движению»²⁰.

Такая откровенность стала возможна для западной синологии лишь в 60-е годы, тогда как прежде там рассуждали исключительно о «сходстве душ». О. Бриер, например, писал в 1942 г.: «По привлекательности для современных китайских писателей русские романы не знали соперников. Есть большое сходство между душами русских и китайских романистов»²¹.

Ба Цзинь сам говорил своему другу французскому иезуиту Жану Монстерле о русских писателях вообще: «Я любил их пылко, потому что условия жизни в России близко напоминали условия жизни китайского народа в то время. Характер, чаяния и вкусы русских в чем-то сходны с нашими»²². В 1936 г. Ба Цзинь, когда его спросили, какие писатели помогают стать «настоящим человеком», назвал Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. П. Арцыбашева.

Для нас сейчас странно звучит такое сопоставление, поскольку в СССР реакционные писания М. П. Арцыбашева давно и заслуженно забыты; его произведения 1908—1912 гг. являются памфлетами на революционеров, а сам он окончил свой жизненный путь в эмиграции после Октябрьской революции. Но в Китае 20-х годов произведения этого русского писателя-белоземгранта были единственным источником сведений о русской революции, не закрытым реакционной китайской цензурой, и не удивительно, что Ба Цзинь упоминает об М. П. Арцыбашеве. Лу Синь в 1920—1921 гг. переводил на китайский язык рассказы М. П. Арцыбашева «Счастье», «Врач» и роман «Рабочий Шевырев», что было продиктовано отнюдь не симпатиями к миропониманию автора, а живейшим интересом к теме русской революции²³. Вероятно, именно эти лусиньевские переводы и произвели впечатление на Ба Цзиня.

Гораздо понятнее влияние на Ба Цзиня творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Романы Л. Н. Толстого китайский писатель прочел еще в девятнадцатилетнем возрасте. Он подпал под его влияние и испытал интерес к моральной и социальной философии Л. Н. Толстого, хотя его последователем не стал. Зато его художественные произведения любил, хорошо знал и старался по ним учиться литературному мастерству. Ба Цзинь как-то сказал, что он научился у Л. Н. Толстого умению согласовывать внешность, одежду и поведение персонажа с его духовной жизнью²⁴.

Китайский писатель настолько овладел техникой европейского романа, что О. Ланг отмечает в его произведениях «естественность ненамеренного заимствования». Иными словами, у Ба Цзиня встречаются герои и ситуации, тождественные героям и ситуациям произведений европейской литературы, с которыми писатель не мог быть знаком. Это тождество возникло по принципу типологического единства. Так, Ба Цзинь не читал «Вора» М. Горького или «Молоха» А. И. Куприна, но у него, по утверждению О. Ланг, есть сходные вещи²⁵. Это уже не заимствование, а наивысшая степень литературного влияния.

На стиле Ба Цзиня тоже в большей мере, чем у любого другого китайского современного писателя, сказалось влияние иностранной литературы. Он сам признавал в 1979 г.: «Когда я начал писать роман, мой язык был значительно европеизированным, я часто строил фразу по законам английской грамматики. Тогда я переводил философское сочинение Кропоткина «Этика». В этой книге масса цитат из трудной философской литературы, которой я не читал; я принимался за чтение, многое не понимал и не мог перевести; и тогда я переводил по примеру японского переводчика Утияма Кэндзи, то есть следовал иностранной грамматической конструкции, подставляя слово за словом... В результате мой литературный язык европеизировался все больше и больше»²⁶.

Что касается мастерства Ба Цзиня, то здесь он вдохновлялся вершинами русской литературы XIX в., но материал для своих произведений писатель черпал из личного опыта и окружающей действительности; при этом голос его был бескомпромиссно честным и искренним. В последние годы старый писатель часто высказывался по вопросам творчества. Выступая в Токио во время поездки по Японии в 1980 г., он сказал: «Я писал не для заработка и не для славы. Конечно, мне тоже нужно есть, но я женился только в сорокалетнем возрасте, а много ли надо одинокому человеку? Я писал, чтобы бороться с врагами. В борьбе я не разбирался в выборе оружия, а хватался за любое, лишь бы разбить врагов... Старые традиционные представления, препятствующий социальному прогрессу и развитию личности, неразумный общественный строй, уродующие любовь силы — вот мои самые главные враги. Во всех моих

²⁰ O. Lang. Op. cit., p. 221.

²¹ Ibid., p. 224.

²² Ibid., p. 232.

²³ См.: Хань Чанцзин. Лу Сюнь юй элосы гудянь вэньсюэ (Лу Синь и русская классическая литература). Шанхай, 1981.

²⁴ In: O. Lang. Op. cit., p. 233.

²⁵ Ibid., p. 244.

²⁶ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 606.

произведениях я обличал, разоблачал и бичевал своих врагов»²⁷. Творчество Ба Цзиня, десятилетиями бывшего самым популярным писателем у молодой китайской интеллигенции, действительно стало разрушительным оружием в борьбе со старым, отжившим общественным строем в Китае.

Писатель никогда не придерживался утилитарно-примитивистских взглядов на литературное творчество, получивших в Китае распространение в 50-х годах и господствовавших в 1966—1976 гг. В 1979 г. в статье «Встреча 60-летие 4-го мая» Ба Цзинь, подводя итоги своим высказываниям о новой китайской литературе, говорил: «Литература играет пропагандистскую роль, но пропаганда не способна подменить собой литературу; литература играет воспитательную роль, но воспитание не способно подменять собой литературу. Литературное произведение обладает способностью запоминаться и формировать души людей; конечно же, оно может оказывать вредное воздействие, разлагая людские души, но и то и другое действие произведения определяется жизненным опытом читателей и тем воспитанием, которое они получили. Читатель в каждой книге ищет только то, что ему нужно»²⁸.

Знание иностранной литературы, особенно русской, владение многими языками (Ба Цзинь, например, научился читать Данте в подлиннике) сочетались у Ба Цзиня с острой наблюдательностью и богатым жизненным опытом, который придавал многим его произведениям автобиографические черты. В изданной в 1979 г. в Сянгане книге воспоминаний «Каприччио» писатель сам рассказал о своем методе творческой работы:

«Больше пятидесяти лет я пишу романы и всегда описывал героев в меру своей наблюдательности и разумения, исходя из того, что я хорошо знал и видел своими глазами. Я никогда не писал по книжным источникам или по чьим-либо инструкциям. С тех пор как я начал писать романы, я никогда не переставал наблюдать людей. У меня выработалась особая привычка смотреть на людей: я не уделяю внимания ни их поступкам, ни их одежде, но я внимателен к тому, что они думают, каков их духовный мир. За долгие годы я повидал разных людей. Когда «цзаофани» — «бунтари» — заперли меня в «хлеву» и без каких-либо законных оснований лишили всех гражданских прав, я не утратил своей привычки наблюдать. Дурные замыслы не ускользали от моего взгляда, даже если прикрывались звонкими названиями «рабочая агитбригада» или «армейские представители». Но что касается наблюдений, у меня были и неудачи. Например, после освобождения я часто встречался в Шанхае с Чжан Чуньцяо — он руководил всеми нами — и украдкой наблюдал за ним, но так никогда и не разгадал, что же он думает, беседа со мной. Вот какой человек Чжан Чуньцяо!»²⁹ Осужденный в КНР как один из пресловутой «четверки», Чжан Чуньцяо в период «культурной революции» был вершителем судеб. В другом месте Ба Цзинь приводит его презрительные слова: «Разве могут такие люди, как Ба Цзинь, писать статьи?» Писатель хорошо запомнил их. Не забыл он и похвальбу Чжан Чуньцяо, когда тот говорил о запертом в «хлеву» писателе: «Мы его не убили, мы его не расстреляли, мы только проводили политику...»³⁰.

«Культурная революция» была в долгой жизни Ба Цзиня самым тяжелым испытанием. Судьба вообще была не слишком милостива к нему. Будущий писатель рано сиротел: мать умерла, когда ему было десять лет, а через три года умер и отец. В 19 лет юноша порвал со своим воспитателем — дедом и уехал в Шанхай, оставшись совсем одиноким. В 1931 г. самый близкий писателю человек, старший брат Ли Яомэй, покончил с собой. В 1932 г., когда японские войска совершили нападение на Шанхай, сгорел дом Ба Цзиня вместе с его книгами и рукописями.

В мае 1934 г. Ба Цзинь приехал в Японию. Чего искал он в этой стране, безжалостно терзавшей тогда его родину? «Зачем я приехал сюда? Свободы, которой я жажду, не существует здесь...» — писал тогда сам Ба Цзинь³¹. Вероятно, ему надо было увидеть своими глазами «японский образ жизни».

В Токио писателя арестовали, так как сочли его потенциальным террористом и приняли меры предосторожности в связи с официальным визитом Пу И, марионеточного императора Маньчжоу-го. Ба Цзинь просидел сутки в полицейском участке, подвергся допросу. Вскоре после его возвращения на родину началась антияпонская война.

«Я часто вспоминаю и переживаю случившееся более сорока лет тому назад, — написал недавно Ба Цзинь. — Мы с женой Сяо Шань и еще трое друзей скрывались в лесу. Мы смотрели на небо, услышав жуткий рев моторов, приближавшийся к нам. И вот в голубом небе поплыли серебристо-белые, похожие на серебряных ласточек, вражеские самолеты. Они летели девятками, по трое в каждом звене. За первой девяткой прошла вторая, третья... Они летели бомбить Куньмин. Там, в лесу в уезде Чэнгуи, мы были в относительной безопасности, но рев моторов бомбардировщиков, подобно звуку камертона, навсегда врезался в мою память. Этот рев терзал меня годами...»³².

²⁷ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 665—666.

²⁸ Там же, с. 574.

²⁹ Там же, с. 615—616.

³⁰ Там же, с. 550.

³¹ N. K. Ma o. Pa Chin, p. 30.

³² Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 647.

Ба Цзинь горячо приветствовал победу китайской революции и создание КНР. Он выпустил новое, четырнадцатитомное издание своих сочинений в 1958—1962 гг. Трижды побывал в СССР, посетил во время корейской войны КНДР и написал серию военных очерков, ездил в сражающийся против американских интервентов Вьетнам. В 50-е и 60-е годы писатель посвятил себя публицистике, написал книгу «О Чехове» (Шанхай, 1955). Редактировал шанхайский толстый литературный журнал «Шоухо».

Активная литературно-общественная деятельность Ба Цзиня в КНР была насильственно прервана в годы «культурной революции». В коллективной биографии писателя, написанной литературоведами Фуланьского университета в Шанхае, об этом сказано так: «Во время небывалой в истории так называемой великой пролетарской культурной революции Линь Бяо и «банда четырех» проводили контрреволюционную левачскую линию, осуществляя в сфере культуры феодально-фашистскую диктатуру. Проводились «облавы» во всех сферах культуры и науки. Ба Цзинь тоже испытал жестокие гонения и преследования. Средства массовой информации, контролируемые «бандой четырех», вели против него кампанию ядовитой клеветы и злобной ругани, но писатель не согнулся и продолжал борьбу... Он верил, что победа останется за народом»³³.

О своих испытаниях Ба Цзинь подробно рассказал в китайской печати в 1978—1981 гг. Удар, обрушившийся на него, был для писателя неожиданным: «В начале 1959 г. издательство «Жэньминь вэньсюэ» опубликовало сборник моих сочинений, написанных за десять лет со времени провозглашения КНР. Мог ли я вообразить, что еще через семь лет эти же самые сочинения будут объявлены «крупными антипартийными, антисоциалистическими ядовитыми сорняками» и станут объектом нескончаемой критики. «Великая культурная революция» подвергла меня испытанию огнем. Я потерял существо, которое было для меня самым дорогим на свете... Глубоко перевоспитала меня «великая культурная революция». Я заплатил за это колоссальную цену...»³⁴.

Об участии Ба Цзиня стало известно за границей. Не без иронии написал о нем известный американский журналист Г. Солсбери: «Приверженность делу коммунизма не помогла Ба Цзиню, когда разразилась культурная революция. В течение десяти лет его поливали грязью и „боролась“ против него. В течение десяти лет ему было запрещено писать. Теперь ему должно быть около 75 лет, и многие китайцы изумляются, что он еще жив»³⁵.

В интервью французской газете «Монд» в 1979 г. Ба Цзинь рассказал о своих испытаниях подробнее, чем прежде: «Меня не избивали, но я претерпел моральные унижения. Они требовали, чтобы я признал свои преступления, чтобы я каялся. Сначала я винился, потому что под влиянием левачкой идеологии вообразил, что мои книги действительно очень плохи. Я ведь не крестьянин и не рабочий, а вырос в семье крупного помещика. Я говорил себе: ты пользовался колоссальными привилегиями. Они арестовали мой счет в банке и выдавали ежемесячно только средства на поддержание жизни. Меня poslали в деревню на два с половиной года, где я выращивал овощи. Моя жена пала жертвой гонений; она скончалась, лишенная медицинской помощи и лекарств только потому, что я был зачислен в «контрреволюционеры»»³⁶.

Не имея возможности творить, Ба Цзинь в эти трудные годы использовал каждую свободную минуту для титанической, подвижнической работы — переводил на китайский язык «Былое и думы» А. И. Герцена, книгу, перед которой благоговел с юных лет. Сначала он не решился приняться за этот фундаментальный труд и заново отредактировал и сверил свой перевод «Новни» И. С. Тургенева, выполненный еще в 30-х годах, и лишь потом взялся за «Былое и думы». Этот перевод завершен и будет издан в шести томах, первые два тома уже вышли из печати.

В послесловии к переводу, написанному 17 сентября 1978 г., Ба Цзинь рассказывает китайскому читателю об А. И. Герцене, подробно цитирует знаменитую статью В. И. Ленина «Памяти Герцена», сообщает о причинах, побудивших его взяться за перевод.

«Книга „Былое и думы“, можно сказать, была моим учителем, — пишет Ба Цзинь. — Я впервые познакомился с ней 5 февраля 1928 г., когда купил английский перевод Гарнет. Тогда моя первая повесть, «Гибель», еще не была написана. Хотя мой жизненный путь был тогда прост, но в душе тоже горел огонь, а чувства жаждали излиться. Хотелось поделиться своими пристрастиями. Моя кровь и слезы ложилась на бумагу иероглифическим текстом. Я бессознательно испытывал на себе воздействие Герцена. Затем я не раз переводил отрывки из „Былого и дум“ с одной мыслью: учиться, учиться тому, как удалось автору свои чувства передать через письменное слово. Ныне я полностью перевел „Былое и думы“, но желание учиться меня не оставило; я хочу учиться по этой книге всю жизнь до последнего дыхания. Учиться можно многому, теперь учусь тому, как скромными, простыми словами и

³³ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 5.

³⁴ «Гуанмин жибао», 10. XII. 1978.

³⁵ H. Salisbury. Now it's China's Cultural Thaw. — "New York Times Magazine", December 4, 1977, p. 120.

³⁶ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 83.

фразами сообщить свои чувства другим людям и воодушевлять читателя своей твердой верой в будущее»³⁷.

Ба Цзинь считает, что книга А. И. Герцена теперь прозвучит в КНР как современная и актуальная. Он придавал своей работе политическое значение: «В сентябре 1975 г. я закончил новый перевод „Нови“ и начал переводить „Былое и думы“. В апреле 1977 г. первые два тома были переведены. Когда я переводил эту колоссальную эпопею, я не надеялся на издание. Я смотрел на это как на свою последнюю работу в жизни и старался делать ее тайком, потому что «банда четырех» желала, чтобы я „загнулся сам по себе“; поставленные ею в Шанхае псы-надзиратели не спускали с меня глаз и бешено обланвали. Потом, в мае 1977 г., я опубликовал „Одно письмо“, в котором писал: «Ежедневно я писал несколько сот иероглифов перевода, и мне казалось, что я вместе с Герценом бреду во мраке России XIX в. Герцен проклинал деспотизм Николая I, я же клял фашистскую диктатуру „банды четырех“ и верил, что дни их произвола не могут длиться слишком долго...» Некоторые полагают, что сравнивать деспотизм Николая I с произволом „банды четырех“ неподходяще, потому что следы феодализма в нашей стране исчезли уже давно. Я не хочу аргументировать свою точку зрения, но книга передо мной, и пусть сомневающие сами посмотрят, нет ли там сходных портретов. Я же только попрошу читателей обратить внимание на то, как наследник царского престола бросал на подоконник персиковые косточки. Неужели это всего лишь анекдот стосорокалетней давности?»³⁸.

В старой России был известен приводимый А. И. Герценом анекдот о цесаревиче Николае Павловиче, который бросал косточки, стараясь угадать, отречется его старший брат Константин от престола или нет, то есть царствовать ему самому или не царствовать? Описанный А. И. Герценом царский произвол в николаевской России живо перекликается с собственными воспоминаниями Ба Цзиня, пережившего жестокую травлю в годы «культурной революции».

Ба Цзинь использовал для перевода текст «Былого и дум» из восьмого тома 30-томного собрания сочинений А. И. Герцена, изданного Академией наук СССР (1956 г.). Он сверялся также с текстом английского перевода. Любопытно, что в Китае не один Ба Цзинь переводил «Былое и думы» Герцена. После того как в мае 1978 г. было опубликовано в шанхайской газете «Вэньхуэйбао» сообщение о его переводе, из провинции Фуцзянь Ба Цзиню прислали уже выполненный перевод четырех книг романа, а из провинции Ляонин — перевод второй книги. Люди читали и переводили А. И. Герцена в самые тяжелые годы «культурной революции». Может ли быть более убедительное доказательство любви китайских читателей к русской классической литературе? И в то же время разве это не показатель того, что старший китайский писатель сохранил острое чувство времени и выбрал для своей работы актуальное, верное направление?

В своей речи в Токио в 1980 г. Ба Цзинь сказал: «Я считаю, что десятилетний погром был крупным событием в истории человечества. По-моему, он касается не только нас, но и всего человечества. Если бы он тогда возник не в Китае, то мог бы потом случиться где-нибудь в другом месте...»³⁹.

Пережив трудные годы, Ба Цзинь сохранил искренность, честность, убежденность в светлом будущем китайского народа и вновь с воодушевлением взялся за литературный труд. Он проникся чувством ответственности как за прошлое, так и за будущее. В меру сил писатель стремился помочь литературе занять активную гражданскую позицию, стать действенной позитивной социальной силой.

«Я счастливо избежал топора так и не успевшей взойти на трон „императрицы“, — писал Ба Цзинь в майском номере журнала «Хэбэй вэнь» за 1979 г. — Но чем упокою я души погибших, чем воодушеворю живущих? Правду сказать, мое поколение не выполнило задач борьбы с феодализмом за действительную демократию. Встречаясь и беседуя с людьми сегодня, я не вижу в них духа научной пылкости. Мы привыкли бахвалиться, пустозвонить, лгать, и достаточно начальнику кивнуть головой, чтобы испарились все проблемы... Неужели же у нас действительно нет проблем?»⁴⁰.

В 1982 г. в КНР объявлено об издании в провинции Сычуань, на родине писателя, десятитомного собрания его избранных сочинений, причем было оговорено особо, что отбор осуществлялся лично им самим.

Имя Ба Цзиня и его творчество хорошо известны в нашей стране. Общий тираж его произведений в СССР приблизился к полумиллиону экземпляров. Обширные вступительные статьи о его жизни и творчестве написаны ленинградским китаеведом В. В. Петровым к изданию романа «Семья» (1956) и двухтомнику избранных сочинений (1957). Американский синолог О. Ланг признает тесную связь Ба Цзиня с советским читателем: «Между 1952 и 1958 годами он трижды посетил СССР. Его приветствовали с энтузиазмом, и он в свою очередь осыпал похвалами страну и ее народ, литературу и партию; говорил о нерушимых узах дружбы, связывающих Рос-

³⁷ «Чанчунь», 1979, № 1, с. 19.

³⁸ Там же, с. 23.

³⁹ Ба Цзинь чжуаньцзи, с. 667.

⁴⁰ Там же, с. 581.

сию и Китай. Несколько его романов и множество рассказов было опубликовано в Советском Союзе в крупных изданиях в 1955, 1956 и 1957 годах и в несколько меньшем — в 1959 г.⁴¹

Первый рассказ Ба Цзиня появился в русском переводе еще в 1937 г. в журнале «За рубежом» (№ 9), а в 1976 г. издательство Московского университета выпустило книгу «Ба Цзинь (Очерк творчества)», написанную Л. А. Никольской. Зная о тяжелой участи, выпавшей на долю писателя, автор высказал возможное тогда опасение, что «как писатель он может не возродиться»⁴². Эта книга уже рецензировалась на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»⁴³. В работе Л. А. Никольской подробно рассмотрены основные романы, повести и сборники рассказов Ба Цзиня, показана политическая направленность и актуальность творчества писателя, подробно проанализирован его лучший роман «Семья». Книга дает хорошее представление о творчестве Ба Цзиня с 30-х до 60-х годов.

В 1979 г. в сборнике рассказов китайских писателей 20-х и 30-х годов под общим названием «Дождь» были переизданы переводы двух рассказов Ба Цзиня.

Несопоставимо отношение к творчеству Ба Цзиня в СССР и в странах Запада. Та же О. Ланг писала в 1967 г.: «Нельзя не упомянуть о том, что лишь ничтожная часть сочинений Ба Цзиня была переведена»⁴⁴. Рассказ «Собака» (тот же, который был в русском переводе 1937 г. назван «Кто я такой?») появился в составленной Э. Сноу книге рассказов современных китайских писателей в 1936 г.⁴⁵ Затем в Шанхае китайский переводчик издал три рассказа Ба Цзиня в учебных целях с параллельным двуязычным текстом⁴⁶.

Первые статьи о Ба Цзине были написаны западными синологами на французском языке и опубликованы в миссионерских изданиях, выходивших в Китае. В 1942 г. о нем одновременно написали О. Бриер и Ж. Монстерле. Последний лично знал писателя, напечатал о нем три статьи и посвятил ему раздел в оставшейся неопубликованной докторской диссертации 1947 г. Из работ Монстерле нам доступна только его книга, вышедшая в Париже в 1953 г., где Ба Цзиню посвящена глава «Певец мятежа»⁴⁷.

Участь Ба Цзиня во время «культурной революции» и появление книги о нем О. Ланг, которая неоднократно упоминалась нами, привлекли к писателю внимание в странах Запада. В Италии была переведена трилогия романов «Семья», «Весна», «Осень», во Франции — «Семья» и «Холодная ночь», в Швеции — «Холодная ночь», в США переиздан в 1972 г. роман «Семья»⁴⁸.

Знаменитый на родине писателя роман «Семья» произвел в США большое впечатление на университетскую общественность, поэтому его стали использовать как обязательное чтение для студентов и посвящать ему диссертации⁴⁹. Был даже выпущен специальный словарь-указатель к роману Ба Цзиня⁵⁰.

Для американских исследований жизни и творчества Ба Цзиня характерны противоречивость и односторонность. Так, О. Ланг, безусловно, преувеличивает значение анархизма в его творчестве и роль анархистских идей в формировании жизненной позиции писателя. Лео У-фань Ли заявляет: «Для Ба Цзиня, как и для Тургенева, скорее любовь, чем политика, служит ведущим мотивом всех его романов»⁵¹. Натан К. Мао, напротив, находит в его произведениях «политическое обращение к читателям»⁵², а крупный недостаток видит в том, что «демоническая сила секса остается неисследованной»⁵³.

Поездка Ба Цзиня во Францию в 1979 г. была очень успешной. «Феникс» — единственный во Франции магазин, торгующий изданными в Китае книгами... специально пригласил всю делегацию китайских писателей встретиться с парижскими читателями, и крохотный магазинчик был забит людьми так, что и капле воды некуда было упасть. Многие держали в руках переведенные на французский язык «Семью» и «Холодную ночь» Ба Цзиня, просили у него автограф, и маленькая скромная улочка

⁴¹ O. Lang. Op. cit., p. 272.

⁴² Л. А. Никольская. Ба Цзинь, с. 101.

⁴³ См.: В. К. Потаенко, А. Н. Смигирцев. Книга о Ба Цинне. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 4, с. 179—180.

⁴⁴ O. Lang. Op. cit., p. 5.

⁴⁵ E. Snow. Living China. London, 1937.

⁴⁶ I. Wen. Short Stories by Pachiin. Shanghai, 1941.

⁴⁷ J. Monsterléet. *Sommets de la littérature chinoise contemporaine*. Paris, 1953.

167 p.

⁴⁸ Pa Chin. Family. New York, 1972.

⁴⁹ C. C. Kubler. A Study of Europeanized Grammar in Ba Jin's novel *Jia*. Cornell University, 1975.

⁵⁰ C. C. Kubler. Vocabulary and Notes to Ba Jin's *Jia*: An Aid for Reading the Novel. Ithaca (N. Y.), 1976.

⁵¹ Leo Ou-fan Lee. *The Romantic Generation of Modern Chinese Writers*. Cambridge (Mass.), 1973, p. 273.

⁵² N. K. Maо. Pa Chin, p. 62.

⁵³ Ibid., p. 53.

закипела людьми... В Париже вдруг возникла мода на Ба Цзиня. мода на книги не только Ба Цзиня, но и других китайских писателей»⁵⁴.

В 1982 г. Ба Цзинь был награжден премией Данте. Посол Италии в КНР вручил ему великолепное четырехтомное издание «Божественной комедии». Старый писатель был польщен этой честью. «В трудное время я читал его, и оно воодушевляло меня, помогало пережить тяготы и придавало отвагу. Я люблю произведение Данте», — сказал он⁵⁵.

В мае этого года его наградили французским орденом Почетного легиона.

В 1981 г. здоровье Ба Цзиня ухудшилось, но писатель полон творческих планов. Он продолжает публикацию своего перевода «Былого и дум» А. И. Герцена, опубликовал в Сянгане в 1979 г. отрывочные воспоминания «Капрично» и продолжает работу над автобиографией, написал несколько глав нового романа о судьбах китайской интеллигенции в трудные годы «культурной революции», пишет новые предисловия к переизданиям своих книг. Ба Цзинь не раз говорил, что до 80 лет не сложит свое оружие — перо. Обращаясь к китайским писателям, которые избрали его председателем своего творческого союза, 77-летний писатель сказал: «Я быстро приближаюсь к пределу жизни, и творческое время у меня крайне ограничено, но пламя надежды по-прежнему пылает в моем сердце, и я все так же пылко люблю мою социалистическую родину и мой безгранично добрый народ... Я чувствую, что наши нынешние писатели и их произведения уже превзошли эпоху тридцатых и сороковых годов»⁵⁶.

Жизнь Ба Цзиня — хороший пример патриотического служения родине и литературе. Он выдержал труднейшие для литератора испытания и гонением, и славой. Сейчас старый писатель радуется тому, что в китайской литературе активно зазвучали молодые голоса, вмешивающиеся в сегодняшнюю жизнь ради лучшего будущего своего народа. К этому новому поколению переходит забота о судьбах китайской литературы.

⁵⁴ «Вэньбао», 1982, № 5, с. 24.

⁵⁵ Там же, с. 25.

⁵⁶ Там же, № 2, с. 3.

Страницы японской пушкинианы (К 100-летию знакомства с великим поэтом в Японии)

А. И. Мамонов,
кандидат филологических наук

Александр Сергеевич Пушкин — живой современник и нашей, и предшествующей эпох.

Общезвестен интерес к творчеству А. С. Пушкина классиков марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, например, в начале 50-х годов XIX в. обратился к изучению русского языка, и своеобразным учебным пособием для него стал «Евгений Онегин». Пушкинистам хорошо знакома музейная фотокопия страницы из записной книжки Ф. Энгельса с записями русских слов из «Евгения Онегина» с немецким дословным переводом стихов.

В трудах В. И. Ленина имя Пушкина цитируется многократно. Н. И. Крупская вспоминает: «Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина»¹.

В последние несколько лет мир, и Япония в том числе, стал свидетелем и участником таких юбилеев, как 150-летие Л. Н. Толстого, 180-летие А. С. Пушкина, 120-летие А. П. Чехова. Отмечалось 100-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Говоря об этом, профессор Кадзунико Хоккё, один из составителей и авторов юбилейного сборника пушкиноведческих статей, приходит к выводу: с этих памятных дат (и Толстого, и Чехова, и «даже Достоевского») «невозможно сорвать пушкинское одеяние», потому что «талант Пушкина и его литературное дело жили, пронизывая время, принадлежавшее им всем»².

Пушкин давно перешагнул границы родной страны, став гордостью мировой культуры. Знают и любят его и на Западе, и на Востоке вопреки мрачным прогнозам Киплинга о том, что Запад и Восток никогда не сойдутся.

«...Мы, японцы, по мере того, как приобщаемся к творчеству этого великого поэта, завоевавшего мировое признание, и больше узнаем о его жизни, начинаем испытывать непреодолимое влечение к его стихам,— говорил профессор Отани Фукаси на симпозиуме в Москве.— Одна из заслуг А. С. Пушкина состоит в том, что своим творчеством он способствовал сближению разных национальных культур и углублению взаимопонимания народов»³.

На Востоке знакомство с Пушкиным состоялось значительно позже, чем на Западе. В большинстве восточноазиатских литератур «Капитанская дочка», например, появилась лишь в нынешнем веке, главным образом после второй мировой войны. Япония оказалась редким исключением. В этой стране первое произведение русской художественной литературы (а им и была «Капитанская дочка») увидело свет в 1883 г., причем, что особенно важно подчеркнуть, в переводе непосредственно с русского языка. Правда, переводчик Дзискэ Такасу предложил читателям упрощенный текст, зато озаглавленный пышно и загадочно: «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Удивительные вести из России»⁴.

Три года спустя книга была переиздана под другим названием, не менее озадачивающим: «История русской любви. Сказание о Смите и Мэри»⁵. Впоследствии появляются новые переводы пушкинского шедевра: «Офицерская дочка. Русская военная повесть» Хокуо Адати и Сюсэй Токуда (1904), «Дочка хозяина крепости» Садатоси Ясуги (1906) и, наконец, «Капитанская дочка» Есиноо Сэто (1916). С тех пор и по сегодняшний день в очередных переводах и бесчисленных переизданиях пушкинское

¹ Н. К. Крупская. Что правилось Ильичу из художественной литературы. — Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., 1955, с. 192.

² Т. Кунимото, К. Хоккё (сост.). Пушкин сэитан хяку хатидзю нэн кинэн хэно (Сборник статей к 180-летию со дня рождения Пушкина). Токио, 1981, с. 98.

³ Дайпикай инссо бунгэйгаку симпозиуму. Нихонгава хококу (Доклады японских участников на II Японо-советском симпозиуме по литературоведению). Токио, 1982, с. 9.

⁴ Рококу кибун. Касин тэси року. Токио, 1883.

⁵ Рококу дзэси. Сумисе — Мари-но дэн. Токио, 1886.

заглавие переводится точно, в соответствии с оригиналом (Хироси Уэда, 1924; Матароку Кумадзава, 1932; Кидэи Дэндзай, 1936; Хакүё Накамура, 1948; Юкихико Канэко, 1962; Каори Кавабата, 1969).

Первый перевод, весьма слабый в художественном отношении, «открыл» Пушкина чисто формально. И когда в Японию пришли Тургенев, Толстой, Достоевский и многие другие классики русской литературы, имя великого поэта незаслуженно оставалось в тени. В то время как более поздним русским классикам посвящались даже монографии, например «Толстой» (1897) Рока Токутоми, Пушкина почти не знали. В XIX в. к «Капитанской дочке» добавились лишь сокращенные переводы «Бориса Годунова» (1893) и «Анджело» (1895). Вот почему уже в начале нашего века японские переводчики, вновь обращаясь к «Капитанской дочке», объясняют это (например, Хокуо Адати) стремлением познакомить читателя с «жемчужиной русской литературы».

Переводу «Офицерской дочки» (1904) предпосланы две странички вступления, набранные красным шрифтом и не пронумерованные. Ссылаясь на предисловие к русскому изданию, с которого сделан перевод, автор вступления Хокуо Адати цитирует взятую оттуда характеристику Пушкина, для убедительности сопроводив ее в скобках фразой, набранной по-русски: «Пушкина справедливо можно назвать самым лучшим нашим писателем». Поэтому, указывает переводчик, нельзя не обратиться к Пушкину, тем более что японские читатели уже ознакомились с сочинениями великих русских прозаиков, и горько сознавать, что в перечисленном ряду писателей, известных Японии, не значится «первый поэт России Пушкин».

Появление в Японии критической литературы о Пушкине также относится к началу нынешнего столетия и связано с именами будущих крупнейших ученых-русистов. В 1904 г. издается книга Сэму Нобори «Великий писатель России Гоголь»⁶, в которой, хотя и бегло, сказано о Пушкине. А вскоре выходит в свет книга Садатоси Ясуги «Великий поэт Пушкин». С нее практически и начинается японское пушкиноведение. Японский автор, открывая новую страницу японско-русских литературных связей, следующим образом характеризует поэта: «В том, как он исследует жизнь России, как пересекает различные эпохи истории и схватывает характеры людей всех сословий, как входит в мир народных преданий и песен и упоенно слушает голос народа, Пушкин — самый первый поэт в литературе России»⁷.

Садатоси Ясуги (1876—1966) — создатель первого живого образа русского поэта в Японии. От Ясуги тянутся нити знаний в наше время к его преемникам-пушкинистам. Без его «Великого поэта Пушкина» трудно представить себе и прочный успех трудов, посвященных русскому гению, и тридцать, и сорок, и пятьдесят лет спустя. Ясуги — подлинный просветитель, и эта сторона его многогранной научной деятельности дала свои всходы.

Читая, однако, рассуждения Ясуги о лирике Пушкина, проникаешься ощущением, что в них недостает одного весьма существенного элемента — понимания гражданственности поэта. Вопрос о величии Пушкина сводится, по существу, к формальной стороне, когда главным источником творческих взлетов считается принадлежность к так называемому «чистому искусству», а эстетизм выдается за доминирующую категорию пушкинского творчества. К этим выводам подводят читателя многие разделы книги. Только певцом красоты и гармонии видится Пушкин японскому автору. «В изображении красоты природы и духовного мира людей он, безусловно, не имел и не имеет себе равных», — подчеркивал Садатоси Ясуги и продолжал: «Есть одна сторона человеческой жизни, оставшаяся для него нераскрытой... Это область дурного, нелепого; пушкинская кисть не коснулась пороков общества, поэт ждет появления своего знаменитого преемника — Гоголя. Совершенно бесспорно: талант Пушкина был великим, был величайшим, но пребывал он в ограниченном мире». Ясуги прямо указывает в конце книги: «Пушкин по возможности избегал важнейших социальных проблем, в его творчестве отсутствуют серьезные, глубокие социальные идеалы».

Каковы же, по Ясуги, причины, побуждавшие Пушкина «не замечать темных сторон жизни»? В книге приводится разъяснение, что для Пушкина, «любящего супруга, обладавшего искренней, исключительно красивой душой», для Пушкина как писателя характерна следующая черта: «Он воспевал красоту человеческого бытия и не в состоянии был описывать его темные стороны».

Вместе с тем суждения японского исследователя о великом русском поэте, впервые высказанные в Японии, представляют безусловный интерес как исторический документ японской пушкиноведческой мысли в эпоху ее зарождения.

Пушкинское художественное наследие начинает свое триумфальное шествие по странам мира, в том числе Японии, с наступлением XX в. и особенно после Великого Октября. В период же после второй мировой войны оно становится в центре внимания зарубежных исследований о русской классической литературе. Несомненную роль в повышении интереса к Пушкину сыграло то обстоятельство, что его родина превратилась в могучее социалистическое государство, воплощающее в жизнь многовековые чаяния лучших людей российской общины. Да и фигура Пушкина стала все чаще рассматриваться в контексте мирного культурного сотрудничества

⁶ С. Нобори. Рококу бунго Гогори. Токио, 1904.

⁷ С. Ясуги. Сисо Пушкин. Токио, 1906, с. 277. См. также с. 265—267, 278.

народов. Свободолюбие, интернационализм, ненависть к насилию и угнетению — вот что приобретает особый смысл в глазах его разноязычных читателей.

Всякий раз, когда речь заходит об освободительной, прогрессивной, гуманистической направленности пушкинского творчества, невольно вспоминаются прекрасные строки А. Блока из стихотворения «Пушкинскому дому», написанного 11 февраля 1921 г.:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в исемой борьбе!

Юбилейные Пушкинские торжества становятся праздником всего передового человечества. И не случайно, например, славную годовщину — 175-летие русского национального гения — призвал отметить в своем обращении ко всем народам земли Всемирный Совет Мира.

По-своему необычно отметили в Японии 180-летие А. С. Пушкина. 12 июня 1979 г. миллионы японцев смотрели почти часовую телевизионную пушкинскую передачу, подготовленную крупной теле- и радиовещательной корпорацией Эн-эйч-кэй. Очередная передача из серии «Великие поэты мира» вызвала большой интерес у зрителей. В ней принимали участие писатель-русист Кэнтаро Икэда (автор книги «Жизнь Пушкина»), видный историк Тосио Ямамото, популярная актриса Окада Ёсико, много лет прожившая в СССР. Жизнь и творчество поэта, воспоминания о пушкинских местах и впечатления о поэзии, сами стихи, звучавшие по-русски, прекрасное музыкальное оформление и нежные, проникновенные слова Ёсико Окада о русской зиме, березах и соснах, застывших в сухом морозном воздухе Подмоскovie или окрестностей Ленинграда, о русской зиме, столь любимой поэтом, воспетой во многих его стихах, — все это не могло не взволновать японцев, чутких к поэтичности и красоте, будь то природа или искусство.

В те же юбилейные дни Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии впервые отмечался и в живописных краях подмосковной деревни Захарово, в которой поэт в детские годы провел в общей сложности около двух лет. Рассказ о «японском» Пушкине, его стихи, прочитанные автором этих строк по-японски и по-русски, слушали сотни людей, сидевших на солнечном зеленом поле перед сценой с мощными радиустановками, которую украшал огромный портрет поэта. Такие знакомые и такие волнующие строки!

...Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Пушкин — носитель передовых идеалов, и этим он близок нам, его потомкам, живущим в социалистическом мире. Но он близок и дорог многим из тех, кто еще находится в мире иного социального устройства.

В 1966 г. автору статьи довелось познакомиться в Японии с молодым поэтом из Кобэ Токудзи Акамацу, который сказал: «Пушкин — мой любимый поэт!» Японец выбрал это имя из бесконечно богатой именами русской литературы. В поэзии он развивал традицию, начатую в 30-е годы пролетарским поэтом Хидэо Огума, который считал пушкинское творчество образцом художественного мастерства и высокой гражданской ответственности и говорил, что «японские писатели многому должны поучиться у Пушкина»⁸.

Знаменательно высказывание выдающегося теоретика демократической литературы, исследователя и переводчика русской и советской классики Курахара Корэхито: «Мне думается, немало есть чему поучиться у передовой художественной литературы мира, начиная с литературы Советского Союза, и вместе с тем поучиться у классиков художественной литературы, таких, как Пушкин, который стоял на прогрессивных, демократических позициях, писал для народа и родины и соединял в своих произведениях высокую художественность, идейность с широкой массовостью, народностью»⁹.

Пушкинскому таланту обязана своим рождением современная русская литература, подчеркивает Масао Энэкава, переводчик «Евгения Онегина» (1921). «Характерной чертой зародившейся русской литературы был протест против самодержавия и крепостнической системы, угнетавшей народ», — отмечает исследователь. Пушкин уже в юные годы «писал произведения, призывавшие к освобождению народа» («Вольность», «Деревня»). Однако, читаем далее, не следует полагать, что «русская литература от начала до конца пронизана только революционной идеологией, и сам Пушкин в основном придерживался направления «искусства для искусства», и лишь поэма «Мед-

⁸ Х. Огума. Хёронсю (Собрание критических статей). Токио, 1966, с. 42.

⁹ К. Курахара. Россия какумэй-то бунгаку (Русская революция и литература). Токио, 1977, с. 241—242.

ный всадник» озарилась вспышкой социальной критики, да и то не проявившейся открыто»¹⁰.

Другие исследователи расширяют круг пушкинских произведений, пронизанных критическим духом, оттеняют свободолюбивый, революционный характер творчества поэта. «История мировой литературы от Гейне до Пушкина знает немало поэтов, которых по праву можно назвать революционными», — писал Сэдзи Нисно¹¹. «Национальное содержание русской литературы связано с самим демократическим развитием японской литературы, — читаем в коллективном труде японских ученых. — Ранее Такубоку Исикава, а затем пролетарские писатели Такидзи Кобаяси, Ёсикаи Хаяма, Сунэо Токунага учились на произведениях Горького, поэт же Хидэо Огума тяготел к Пушкину и Маяковскому»¹².

«Революционная поэзия» — так называется пушкинский раздел поэтической книги «Люди, будьте снисходительны!» Мицухару Канэко (1974)¹³. Видный представитель демократической поэзии включил в этот сборник и собственные стихи, и свои переводы из Пушкина, сделанные с французского языка. Почему же «революционная поэзия»? Не только потому, что это название французского оригинала, привезенного им из Парижа полвека назад. Такой взгляд на пушкинскую поэзию разделял и японский поэт, и, следовательно, дело в том, какие произведения представлены в сборнике. Из множества сочинений Пушкина отобраны стихи, в которых в той или иной степени проявляются бунтарский характер, свободомыслие, неприятие несправедливой действительности — крепостнической, самодержавной, великосветской. Здесь и «Послание в Сибирь», и «К Чаадаеву», и едкие эпиграммы на столпов чиновничества и реакционных литераторов николаевской эпохи. Анализ отбора произведений показывает четкую тенденцию французского составителя и переводчика, явно импонирующую японскому поэту, а именно — отграничить Пушкина-революционера от Пушкина-эстета. Эпитет «революционная» в применении к пушкинской лире звучит, пожалуй, чересчур прямолинейно, но сам факт решительного отказа от традиционных с позиций «чистого искусства» представлений о великом русском поэте, стремление преодолеть одностороннее мнение о нем свидетельствует о новых веяниях в пушкиноведении, в частности японском. «Революционность» пушкинской поэзии усиливается и комментариями к произведениям, лаконичными сносками, из которых, как правило, вытекает, что Пушкин и его истинные друзья, представители передового русского дворянства, стояли по одну сторону баррикады. Возможно ли было подумать о таком резком повороте в те годы, когда Ясуги Садатоси прокладывал пути японскому пушкиноведению своей книгой «Великий поэт Пушкин»?

В упоминавшемся сборнике пушкиноведческих исследований автор статьи «Вместо послесловия. Завещание А. С. Пушкина» Тэцуо Кунимото пишет: «Сегодня пушкинская поэзия переведена на многие языки мира, пушкиноведение распространилось по всему свету. Разумеется, в переводе невозможно вкушать всей прелести звучания слов, свойственной Пушкину, но легко ощутить дыхание воспетой поэтом свободы. И если этот скромный сборник статей поможет еще шире распространить дыхание Пушкина в нашей стране, мы будем счастливы»¹⁴.

Поэт и критик Дзин Макабэ в исследовании о современной поэзии затрагивает «проблему величия» Данте и Пушкина. В чем же, по его мнению, первопричина этого величия? Ответ простой: оба были «выдающимися представителями эпохи и народа»¹⁵.

Еще резче обозначает пушкинскую близость к народу талантливый теоретик литературы Дзюньити Иваками. В сравнительном анализе литературных явлений он обращается к произведениям русского реализма XIX в., в частности к пушкинским. Обосновывая свое понимание художественного метода социалистического реализма в книге «Литература эпохи перемен», он создает широкую панораму обзора литературной деятельности писателей, внесших весомый вклад в борьбу за интересы народа. Пушкин — в числе этих писателей. Почему же Иваками, который несколько ранее пишет, что «центральной темой литературы социалистического реализма является жизнь рабочих и крестьян, их борьба за построение социализма», вдруг обращается к Пушкину? Оказывается, потому, что творчество русского поэта корнями уходит в народную почву, возраставшую позднее и пролетарский класс. Пушкин неслучайно, по мысли Иваками, тем, что, подобно другим великим представителям русской реалистической литературы всецело оставался на стороне народа. В таких произведениях, отмечает он, как «Станционный смотритель», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева»,

¹⁰ Сэкай тампэн бунгаку дзэнсю. Росня бунгаку. Дзюкю сэйки. Дайдзюнккан (Полное собрание рассказов мировой литературы. Русская литература. XIX век), т. XI. Токно, 1963, с. 401.

¹¹ С. Нисно. Маякофускин то росня какумэй (Маяковский и русская революция). — Маякофускин-но субэтэ (Все о Маяковском). Токно, 1973, с. 10.

¹² С. Кусака, Т. Мацумото, Т. Муран, Т. Ооки. Росна бунгаку-но сэкай (Мир русской литературы). Токно, 1978, с. 4.

¹³ М. Канэко. Хито ё, юруяканарэ! Токно, 1974.

¹⁴ Т. Кунимото, К. Хоккё (сост.). Указ. соч., с. 298.

¹⁵ Д. Макабэ. Си-но наками мэдзамэру нихон (Япония, пробуждающаяся в поэзии). Токно, 1966, с. 20.

«История села Горюхина», «Дубровский», Пушкин «отразил жалкое существование крестьян, стоявших под гнетом царизма и крепостной системы, и их протест»¹⁶.

Пушкин — непримиримый противник самодержавно-крепостнического строя, страстно ненавидевший насилие, угнетение, несправедливость. Таким прежде всего предстает перед японским читателем автор реалистических произведений, пронизанных духом демократизма, искренней заинтересованности в судьбе «маленького человека». Пушкинские повести (особенно «Станционный смотритель», «Выстрел», «Гробовщик») невольно вызвали у японского читателя ассоциации с действительностью довоенной абсолютистской Японии, стимулировали протест, негодование, пробуждали гражданскую совесть.

Новый, научно объективный подход к изучению пушкинского художественного наследия стал возможен в России, а затем и в Японии, как уже отмечалось, лишь с победой Великого Октября. Недоступные ранее материалы стали достоянием исследователей и читателей. Только после Октябрьской революции, например, был восстановлен подлинный текст очень важного для понимания истинного Пушкина стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Давно уже отошли в прошлое наивные представления о пушкинском творчестве как «чистом искусстве». Новая эпоха сказала новое слово о поэте, и нам близки и понятны искания тех исследователей, которые с научных, марксистско-ленинских позиций анализируют и комментируют его творчество, придерживаясь в своих оценках основного методологического принципа — историзма. Таких исследователей в Японии становится все больше, и они многое открывают заново в творчестве любимого писателя. Разве не стала для японцев открытием, например, сложная психологическая повесть «Гробовщик», которая в прекрасных иллюстрациях Варвары Бубновой пришла в Японию еще в начале 30-х годов и которую в наши дни советский ученый охарактеризовал как «философскую эпиграмму» на «мир промышленяющих личностей, на мораль товара и денег, на буржуазный город и его цивилизацию»? Пушкин, писатель-реалист, гениально предвосхитил тему «буржуазной жизни, хотя для России не наступил еще исторический черед прямой борьбы с нею»¹⁷.

Творчество Пушкина, бесспорно, притягательно для миллионов его читателей и исследователей в странах Востока. С выводом пушкиниста Б. П. Городецкого нельзя не согласиться, когда, ссылаясь на известные державинские строки: «За слова меня пусть гложет, За дела сатирик чтит»¹⁸ и замечание о них Пушкина («Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела»), он пишет, что роль Пушкина-художника, воздействующего своим творчеством на общество, и есть его роль в освободительном движении и что она определяется непосредственным воздействием всего пушкинского творчества на формирование общественного самосознания в определенном направлении¹⁹. Поэтому тот же Иваками Дзюньити, теоретик социалистического реализма, обращается к Пушкину за подтверждением своих теоретических выводов. В его творчестве японский исследователь ищет истоки сложных явлений современной литературной действительности, ищет ответа на проблемы, которые широко дискутируются и поныне литературными теоретиками Японии и всего мира. В этой связи уместно привести удивительные по глубине и смелости мысли слова польского ученого Стефана Жулкевского, который незадолго до Дзюньити Иваками писал: «Путь Пушкина, путь народного реалистического искусства — это в то же время путь развития социалистической культуры Советского Союза... Не будет парадоксом, что сочинения Пушкина, возникшие сто лет тому назад, приближают нас к пониманию того направления в развитии культуры, которое приводит нас к социалистической культуре и ее глубоко гуманистическому смыслу»²⁰.

Пушкина в Японии знают. И вызывает он и любовь, и проблемы...

В 1970 г. на симпозиуме в Осацкой литературной школе среди многих вопросов, адресованных гостям из СССР, один был связан с творчеством Пушкина. Помню, поэт Сё Киндзи спросил: «Почему мы называем Пушкина народным поэтом и так высоко ценим «Евгения Онегина»? Ведь в произведении изображена жизнь дворянского общества, и потому его следует причислить к „дворянской литературе“. Вопрос интересен тем, что отражает уровень представлений о поэте некоторой части японской прогрессивной интеллигенции, уровень читательских «тупиков» и недоумений, вызываемых размышлениями над его творчеством.

Прав, безусловно, академик А. С. Бушмин: едва ли можно оспаривать идущую от Белинского мысль о том, что народность пушкинского творчества заключается прежде всего в верном воспроизведении русского народного характера, олицетворенного в лучших представителях дворянской интеллигенции. «Народные черты Пушкин показал не столько в их непосредственном выражении, сколько в моменте их высшего для своего времени духовного развития. Пушкин, так сказать, не простолюдином измерял дворянского интеллигента, а в последнем чутко улавливал и предугадывал будущность

¹⁶ Д. Иваками. Хэнкакуки-но бунгаку (Литература эпохи перемен). Токио, 1959, с. 139—140.

¹⁷ Н. Я. Берковский. Статьи о литературе. М. — Л., 1962, с. 268, 312.

¹⁸ Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1958, с. 174.

¹⁹ См.: Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М., 1970, с. 13.

²⁰ Цит. по: Пушкин. Исследования и материалы, т. VII. Л., 1974, с. 244.

снящих потенциальных возможностей простоя»²¹. В таком примерно русле и шел тогда в Осакеской литературной школе наш разговор о сословной принадлежности «Онегина» и его связи с народом.

Преодолению еще имеющихся заблуждений (но не сознательных искажений) в огромной степени содействует просветительская деятельность японских пушкинистов — ученых и переводчиков.

Отношение к реалистическому и нереалистическому в литературе и искусстве — извечная тема различного рода диспутов и бесед за круглым столом. Для защиты реализма, как правило, привлекается и Пушкин наряду с другими прославленными авторитетами.

Показательный пример — выступление английского критика Дж. Стайнера на литературном диспуте в Токио (1974). Касаясь соотношения подлинно ценного и псевдоченного в современной литературе, Дж. Стайнер отметил, что великие шедевры реалистической литературы не устарели и в наш быстротечный век. «Читаешь Бальзака, Диккенса, Пушкина, — сказал он, — даже где-нибудь в переполненной электричке, и никого не замечаешь вокруг. Одна только мысль и глохнет: а что же дальше, как сложится судьба этих чудесных людей, с которыми только что, на первых страницах, свет знакомство»²².

Русская классика нередко является мерилем успеха национальных литератур. Видный представитель послевоенной демократической литературы писатель Такакура Тэру, говоря о реалистических традициях, указывал, что японская буржуазная литература не выдвинула колоссов, равных по своему значению для судеб национальной литературы Пушкину, Толстому, Шекспиру или Гёте²³. Известный критик Мицуо Накамура также признает, что в японской литературе «нет никого равного Пушкину»²⁴.

Знаменательные оценки пушкинскому творчеству дает один из старейших японских русистов профессор Тацуо Курода. В отличие от Садатоси Ясуги, который считал, что пушкинская проза, особенно ранние произведения, «гораздо слабее» поэзии, он высоко оценивает достижения Пушкина-прозаика. Пушкин, по его мнению, прошел «хорошую литературную школу в поэзии» и «проявил совершенную зрелость в прозе». Японский ученый отметил также «гуманизм, пронизывающий «Станционного смотрителя», беспощадную критику буржуазной жадности наживы в «Пиковой даме», резко очерченный историзм в «Капитанской дочке». И еще: «Образный, богатый язык Пушкина — наилучшее достижение литературного языка, развившегося в русской литературе, и вместе с тем он вобрал в себя мощный поток языка разговорного, живой повседневной речи». Вывод Тацуо Курода однозначен: «Значение Пушкина в истории русской литературы исключительно велико... Слава творца подлинно народной литературы, связанной крепкими узами с жизнью и помыслами русского народа, принадлежит Пушкину»²⁵.

Комментарий «Пушкин» (в собрании переводов из русской классики), написанный маститым ученым Сэити Кимура (ныне почетный профессор, член Международного комитета славистов) и тогда еще молодым переводчиком Каори Кавабата (оба впервые выступили в этой книге как переводчики-пушкинисты), включает оценку творчества поэта, его биографию, пояснения к отдельным сочинениям. Японские авторы пишут, что Пушкин — первый великий поэт России, но его величие связано не только с миром поэзии. Вспоминая высказывание А. И. Герцена о том, что на вызов Петра I Россия ответила «громким явлением Пушкина», они особенно подчеркивают: модернизация и европеизация в России, начавшаяся с петровских реформ, через долгие годы ученичества XVIII в. нашла свое завершение в творческой деятельности великого поэта. «Пушкин воспринял все литературное наследие Европы — от греко-латинской классики до литературы Франции, Англии, Германии, Италии, Испании — и заставил цвести восхитительные цветы». Но чтобы побудить к цветению поздние цветы северной страны, говорится далее, нужно было создать произведения, вобравшие в себя дух всевропейской культуры, — невиданное до того явление в мировой литературе. Замечательное культурное наследие Европы пустило крепкие корни в литературной России. Но при всем этом Пушкин не игнорировал русскую душу, он отразил в художественных образах русскую национальную самобытность. И авторы комментария приходят к выводу: «Ведущие писатели XIX столетия — и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский, и даже Толстой — немыслимы без Пушкина».

Всемирно-историческое значение Пушкина в отечественной культуре неоспоримо. Этот факт Сэити Кимура и Каори Кавабата подтверждают ссылкой на виды искусств:

²¹ А. С. Бушмин. Состояние и задачи разработки методологии литературоведения. М., 1966, с. 67.

²² «Синтё» (Токио), 1974, № 8, с. 199.

²³ См.: Нихон бунгаку нюмон (Введение в японскую литературу). Токио, 1951, с. 167.

²⁴ М. Накамура. Фтабатэй Симэй-но сёгай то гэйдзюцу (Симэй Фтабатэй: жизнь и искусство). — Симэй Фтабатэй сю (Симэй Фтабатэй. Сочинения), т. 1, Токио, 1956, с. 406.

²⁵ Т. Курода. Росиа бунгаку си (История русской литературы). Токио, 1954, с. 84—85.

музыку, кино, скульптуру и т. д., «в которые глубоко проникло его влияние». Что касается музыки, то почти ко всем жанрам пушкинских произведений — стихам, поэмам, драмам, повестям — обращались композиторы: в основу более чем двадцати знаменитых русских опер положены творения Пушкина²⁶.

Русская классика, начиная с Пушкина, и современная наша литература были и остаются притягательной силой для миллионов японских читателей. «Мы счастливы, что в связи с Пушкинским праздником нам представился случай сообщить вам и о громадном интересе к русской классической и советской литературе...»²⁷ — писали в обращении к советским писателям представители японской демократической литературы в дни празднования 150-летнего юбилея поэта.

Не обойтись без имени Пушкина всякий раз, когда японскому читателю представляют новое русское имя или новую книгу. В рекламном проспекте, посвященном выходу в свет в начале 70-х годов перевода стихотворений С. Есенина, сказано, что «Есенин наряду с Пушкиным, Маяковским — наиболее широко читаемый и любимый в Советском Союзе поэт»²⁸.

В упоминавшемся ранее труде «Мир русской литературы» высоко оценивается значение Пушкина и других русских классиков для судеб японской литературы. «Шестнадцать писателей от Пушкина до Маяковского, с которыми знакомит эта книга, составляют, можно сказать, душу русской литературы, и эти писатели оказали огромное влияние на формирование и развитие современной японской литературы»²⁹.

Выступая в 1975 г. в МГУ с докладом «Новый путь к развитию культурных связей между Востоком и Западом», видный общественный и политический деятель Дайсаку Икэда, ныне почетный президент «Общества установления ценностей» («Сока гаккай»), коснулся проблемы влияния и роли в Японии русской литературы, особо подчеркнув такие ее черты, как свободолюбие и народность. А главное, сказал докладчик, «она всегда высоко ставила перед собой задачу: что именно может делать для осуществления счастья, освобождения и мира народных масс».

Дайсаку Икэда, являющийся также автором ряда крупных поэм, отметил: русский национальный характер «типично выражается в мире русской художественной литературы — цвете русской культуры». Литература, по его мнению, не должна быть монополизирована частью привилегированного класса, она не может существовать, если игнорирует интересы подавляющего большинства народа, переживающего часто социальный гнет, голод, бедность и постоянные расходы на военные нужды. А русские писатели-классики, начиная с Пушкина, связав свою творческую судьбу с судьбой народных масс, обрели бессмертную их признательность. Дайсаку Икэда сказал: «Национальный поэт Пушкин, заявивший, что наша политическая свобода нераздельна с освобождением крестьянства, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Толстой, Чехов и другие писатели хотели навек быть друзьями народа. Каких бы по-европейски образованных интеллигентов или дворян ни изображали они в своих произведениях, это всегда «русские» человеческие характеры, независимые от указанных категорий. И Татьяна в «Онегине», и Платон Каратаев в «Войне и мире»³⁰.

Творчество Пушкина в Японии имеет своих многочисленных почитателей, оно изучается и пропагандируется любителями русской и советской литературы, находит путь к новым читательским сердцам.

Академик Н. И. Конрад в связи с изданием на японском языке его книги «Запад и Восток» в письме к издателю Такахаси писал: «Меня прежде всего восхищает, как Вы хорошо знаете Пушкина! Ведь те стихи, которые Вы вспомнили, не принадлежат к числу общезвестных и постоянно цитируемых. Но я особенно ценю, по какому поводу Вы эти строки вспомнили: Вы написали, что отныне моя книга будет жить и в Японии и что она встретит, конечно, разные оценки. И Вы захотели этими строками Пушкина как бы ободрить меня. Сердечное спасибо!»

В примечании Н. И. Конрад приводит строки из «Евгения Онегина», из последней строфы первой главы:

Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу;
Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам.
Иди же к неским берегам,
Новорожденное творенье.

²⁶ См.: Пусенкин, Рэумоптофу, Гогори (Пушкин, Лермонтов, Гоголь). Токно, 1969, с. 597, 600.

²⁷ Цит. по: «Правда», 12. VI. 1949.

²⁸ «Сидзин кайги» (Токно), 1972, № 10 (вкладыш к журналу).

²⁹ С. Кусака и др. Росна бунгаку-но сэкай, с. 3.

³⁰ Д. Икэда. Тосэй бунка корю-но атарасий мити (Новый путь к развитию культурных связей между Востоком и Западом). Токно, 1975, с. 2, 3.

И заслужи мне славы дань —
Кривые толки, шум и брань!³¹

Имя Пушкина в Японии занимает ныне свое законное место в блистательном ряду прославленных классиков мировой литературы.

Токийский литературовед и поэт Эйдзи Кокай при встрече с автором этих строк назвал «широко известным в Японии» Малый словарь мировой литературы, которым «часто пользуются все». Словарь содержит краткие данные о выдающихся писателях мира. Небезынтересно узнать, какое место в нем (и в каком окружении) занимает Пушкин. Для сравнения приведем несколько имен с указанием числа страниц, им посвященных (нероглифический текст каждой страницы словаря делится по горизонтали на три части, или ступени, — по-японски «дан»): Гёте — 4 страницы и 1 дан, Пушкин — 3 страницы и 0,5 дана, Ромен Роллан — 1 страница, Толстой — 4 страницы, Достоевский — 4 страницы, Сартр — 3 страницы, Чехов — 3 страницы³².

Как видим, по количеству материала, уделенного Пушкину, великий поэт стоит на четвертом месте вслед за гигантами Гёте, Толстым, Достоевским. В этом, бесспорно, отразилось признание Пушкина как писателя мирового масштаба.

В заключение хотелось бы привести яркое свидетельство того, как пушкинская поэзия не только воздействует на умы писателей, отражаясь в их творчестве, но и вторгается в повседневную жизнь, становясь реальной мобилизующей и вдохновляющей силой.

Имя Кунихару Мураками стало широко известно в Японии в 50—60-е годы. Активный деятель компартии, он был арестован в 1952 г. за «преступление», которого не совершал, и приговорен к пожизненной каторге, замененной позднее двадцатилетним сроком заключения. Возмущенные, полные драматизма, горечи, но в то же время несокрушимого оптимизма, появились в японской прессе стихи Мураками, написанные в заточении. Его сборник был издан при поддержке демократических сил страны, и там есть стихотворение, в котором автор, долгие годы томившийся в застенке, цитирует строки русского поэта, ободряюще, вселяюще в душу надежду на освобождение:

...Заговор
будет разбит,
и встретит меня
Свобода,
которую Пушкин воспел:
«Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа...»³³

Это ли не доказательство, что пушкинская поэзия, гуманная и свободолюбивая, была и остается опорой и знаменем прогрессивных сил!

³¹ Н. И. Коирад. Запад и Восток. М., 1972, с. 495.

³² Сэкай бунгаку сэдзитэн (Малый словарь мировой литературы). Токио, 1966.

³³ К. Мураками. Ами хасириюки (Бегство из сетей). Токио, 1964, с. 35.

Международные финансовые центры в ЮВА

В. Н. Карпунин

Одним из новых явлений в международной валютно-кредитной сфере капитализма стало выдвигание в 70-е — начале 80-х годов международных финансовых центров в Юго-Восточной Азии — Сингапура и Гонконга — в число крупнейших финансовых центров мира. По объему совершаемых международных валютно-кредитных операций Сингапур превратился в третий после Лондона и Багам финансовый центр мира¹, а Гонконг стоит в одном ряду с такими западноевропейскими финансовыми центрами, как Милан и Франкфурт².

Сингапур и Гонконг являются крупнейшими производителями товаров и рынками сбыта в Юго-Восточной Азии. Через них проходит основная часть товарных потоков региона. Так, по величине оборота сингапурский порт занимает второе место в мире после Роттердама. Эти центры, кроме того, географически выгодно расположены в непосредственной близости к другим сырьевым и товарным рынкам региона. Поэтому они рассматриваются иностранными монополиями как выгодный и удобный плацдарм для проникновения в страны Юго-Восточной Азии. Все это предопределяет господствующее положение в Сингапуре и Гонконге транснациональных корпораций Западной Европы, США и Японии. Вслед за промышленными монополиями здесь обосновываются и транснациональные банки, осуществляющие их кредитное обслуживание. Эти банки находят в Юго-Восточной Азии новых клиентов в лице крупных местных компаний, которым становится тесно в рамках национальных границ и которые активно включаются в международный бизнес. Иностранные банки привлекает сюда еще и то обстоятельство, что Сингапур и Гонконг являются важными звеньями в глобальной 24-часовой валютной сетке. Они как бы замещают на международном рынке капиталов мировые финансовые центры Западной Европы и Северной Америки в то время суток, когда те не функционируют. В эти часы вся деятельность международного рынка капиталов перемещается в центры Юго-Восточной Азии. Поэтому западноевропейские банки широко используют их до начала биржевого дня в Европе. Присутствие в этих финансовых центрах дает международным банкам возможность осуществлять операции на мировом рынке капиталов практически круглосуточно, а следовательно, в течение всех суток увеличивать свои прибыли.

Важную роль в становлении Сингапура и Гонконга как крупных финансовых центров мира сыграла либерализация местными властями валютной, финансовой и налоговой политики. Международные банки облагаются здесь налогами на их международные операции в очень малых размерах, что позволяет им скрывать от налогообложения многомиллионные прибыли, а также, прикрываясь этим юридическим и налоговым положением, широко осуществлять спекулятивные операции. В Сингапуре, например, уже через три года после получения независимости, в 1968 г., был упразднен налог на банковские счета иностранных монополий и было разрешено открытие номерных счетов, как в банках Швейцарии. В последующие годы власти Сингапура предприняли дальнейшие шаги по предоставлению банкам большей свободы для осуществления своей деятельности.

Ввиду этого здесь быстро растет сообщество банков. В 1970 г. их насчитывалось около 40, а в 1981 г. — уже свыше 304³. В банковском секторе господствуют иностранные банки, главным образом отделения и филиалы крупнейших европейских, американских и японских банков, среди которых традиционно выделяются английские, особенно «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» и «Чартеред бэнк». Однако банковские монополии из других стран все сильнее теснят позиции английского банковского капитала на этом перспективном международном кредитном рынке, превращая Сингапур в арену ожесточенного межимпериалистического соперничества банковских групп.

¹ In: *Financing Foreign Operations*. Published by Business International Corporation, 1982. Section "Commercial Banks", p. 6.

² In: "Banker", March 1979, p. 22—23.

³ In: "Crédit Suisse Bulletin", vol. 83, Autumn 1977, p. 10; *Financing Foreign Operations*. Published by Business International Corporation, 1981, Section "Singapore", p. 6.

ровок Западной Европы, США и Японии. Наибольшего успеха добились здесь американские банки, особенно такие гиганты, как «Ситибэнк» и «Бэнк оф Америка», которые выдвинулись в число крупнейших в Сингапуре. Не отстают от них и банки Японии.

В этой конкурентной борьбе все громче заявляют о себе наиболее крупные национальные банки. Из них «Девелопмент бэнк оф Сингапур», «Оверсиз чайниз бэнкинг корпорейшн», «Юнайтед оверсиз бэнк» и «Оверсиз юнион бэнк» занимают сейчас лидирующие позиции во многих сферах банковской деятельности в стране, а кроме того, имеют разветвленную сеть заграничных отделений, в том числе и в мировых финансовых центрах Западной Европы и Северной Америки, внося тем самым новый элемент соперничества на эти «традиционные» международные кредитные рынки.

Банки занимаются в основном финансированием торговли Сингапура и других стран Юго-Восточной Азии с промышленно развитыми капиталистическими странами, а также кредитным обслуживанием промышленных и других предприятий, создаваемых в этом регионе иностранными монополиями. В связи с этим Сингапур, являясь членом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, играет в ней роль важнейшего источника заемных ресурсов и наиболее выгодного рынка для приложения капиталов из стран АСЕАН. Например, с помощью задействованных здесь средств нефтяные компании осуществляют поисковые работы и добычу нефти в Индонезии, Малайзии, Таиланде и других странах АСЕАН.

Однако основной сферой деятельности большинства обосновавшихся здесь банков являются международные кредитно-финансовые операции на так называемом рынке азиатского валютного рынка. Этот рынок возник здесь в 1968 г., когда правительство Сингапура по совету калифорнийского «Бэнк оф Америка» разрешило местным банкам принимать вклады в иностранных валютах, что повлекло за собой приток в Сингапур иностранной валюты, главным образом временно свободных инвалютных ресурсов национальных компаний, а также международных монополий, осуществляющих внешнеэкономическую экспансию в регионе. Важным источником средств стали американские доллары, находящиеся в руках местной китайской буржуазии. С тех пор рынок азиатского валютного рынка растет быстрыми и устойчивыми темпами. С 1969 по конец 1982 г. он увеличился со 123 млн. ам. долл. до более чем 100 млрд. ам. долл.⁴ Успешное развитие этого рынка во многом объясняется тем, что он лучше, чем международный евровалютный рынок, приспособлен к требованиям региона, так как концентрирует инвалютные ресурсы мелких держателей и удовлетворяет потребности в инвалютных кредитах даже сравнительно небольших фирм (минимальный размер депозитов здесь — 25 тыс. долл., или в 4 раза меньше, чем на евродолларовом рынке).

Отличительной чертой деятельности этого финансового центра является преимущественная специализация большинства действующих здесь финансовых институтов на межбанковских «оптовых» кредитных операциях, а также привлечении и аккумулировании иностранных капиталов, основная часть которых используется не в самом Сингапуре, а переводится в другие финансовые центры, главным образом в Гонконг, где и находят конечных заемщиков. Поэтому Сингапур считается важнейшим фондоаккумулирующим и «оптовым» центром региона.

В Сингапуре успешно развивается валютный рынок, что объясняется менее строгим здесь валютным контролем, чем в других странах Юго-Восточной Азии. В 1982 г. его ежедневный оборот составлял в среднем 8—9 млрд. ам. долл. по сравнению с 350 млн. ам. долл. в 1974 г.⁵ По оценке газеты «Файнэншл таймс», через сингапурские банки проходит более половины иностранной валюты, циркулирующей в Азии⁶. Кроме обеспечения иностранной валютой потребителей в самом Сингапуре, он обслуживает нужды потребителей и из других стран этого региона, главным образом членов АСЕАН.

Сингапур — международный рынок золота на Азиатском континенте. В 1982 г. ежедневный объем операций с золотом колебался от 8 до 12 млрд. ам. долл.⁷ Наибольшую активность на этом рынке проявляют потребители из стран Юго-Восточной Азии (главным образом крупная китайская буржуазия), однако все больше растет интерес к нему инвесторов и из других стран мира.

В 1973 г. в стране была создана Фондовая биржа Сингапура (до этого действовала объединенная фондовая биржа Малайзии и Сингапура). На ней в настоящее время котируются ценные бумаги 261 компании. Стоимость котируемых на бирже ценных бумаг составляет 26,7 млрд. ам. долл.⁸ Власти Сингапура заявляют о своем намерении и далее развивать рынок долгосрочных капиталов, в чем они видят один из перспективных путей развития сингапурского финансового центра.

Деятельность в Сингапуре международного финансового центра вносит немалый вклад в то, что на Западе сейчас принято называть «сингапурским экономическим чудом». Этим объясняется заинтересованность властей в укреплении и дальнейшем росте здесь международной банковской деятельности. Привлекаемый в страну мировым фи-

⁴ См.: Г. Г. М а т ю х и н. Мировые финансовые центры. М., 1979, с. 159; БНКИ, 1982, № 145, с. 1.

⁵ In: "Banker", July 1982, p. 107; "Press Bulletin of Economic Information", Moscow Narodny Bank Ltd., March 15, 1979, vol. 152, p. 21.

⁶ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1979, № 11, с. 22.

⁷ In: "Banker", July 1982, p. 118.

⁸ In: Financing Foreign Operations, Section "Singapore" p. 17.

нансовым центром иностранный капитал, создавая новые предприятия, в определенной степени способствует развитию хозяйства страны, помогает национальной промышленности быстрее приблизиться к передовой технике и технологии, готовить квалифицированные кадры и т. д. Однако развитие финансового центра приносит Сингапуру не только выгоды, оно чревато серьезными экономическими, политическими и социальными последствиями. Транснациональные банки, предлагая более выгодные условия размещения средств, чем внутренний рынок, отвлекают местные капиталы из национальной экономики и используют их на международном кредитном рынке в интересах крупного монополистического капитала, а отнюдь не в интересах национальной экономики. Растет число банкротств мелких местных предприятий и банков, которые не выдерживают конкуренции с действующими здесь иностранными промышленными и банковскими монополиями. Усиливается эксплуатация природных и людских ресурсов, быстро растет имущественное неравенство, повышаются цены на потребительские товары, все вместе это грозит стране серьезными социальными потрясениями.

Засилье в экономике Сингапура иностранного капитала предопределяет все более активное втягивание этого государства во внешнеполитическую орбиту капиталистических стран, прежде всего США. Так, во времена американской агрессии во Вьетнаме США широко использовали заимствованные на сингапурском кредитном рынке средства для обеспечения потребностей своей армии в Индокитае⁹. Американское правительство в настоящее время наращивает поставки своих вооружений в Сингапур, стремясь использовать его в качестве «тройного кося» внутри АСЕАН с целью трансформации этой группировки в военный блок¹⁰.

Что касается Гонконга, то власти этой английской колонии, подобно валютной администрации Сингапура, также осуществляют комплекс мер по либерализации контроля, снижению налогов и созданию благоприятных условий для деятельности иностранных банковских институтов. Важными факторами роста в Гонконге международных кредитно-финансовых операций являются также его давняя ключевая позиция как важнейшего центра колониальной и международной торговли Англии и других развитых капиталистических стран с государствами Юго-Восточной Азии и роль ворот, через которые происходит экономическое проникновение КНР на капиталистические рынки, что обуславливает сильные позиции китайского капитала во многих секторах гонконгской экономики, в том числе и в банковской сфере.

В Гонконге обосновалось большое число банковских институтов. Здесь насчитывается 44 местных и 122 иностранных банка. Еще 107 иностранных банков открыли в колонии свои представительства¹¹. О быстром росте здесь банковской деятельности говорит тот факт, что активы банков только с 1978 по 1982 г. увеличились со 132 млрд. до 420 млрд. гонк. долл.¹²

Банки обслуживают в основном внешнюю торговлю государств этого региона с остальным миром, а также экспансию транснациональных корпораций США, Западной Европы и Японии на рынках Юго-Восточной Азии. Они, помимо прочего, осуществляют международные валютно-кредитные операции, являясь связующим звеном между Гонконгом и другими финансовыми центрами Юго-Восточной Азии и всего капиталистического мира. Одним из главных видов деятельности банков является участие в синдицированном кредитном бизнесе — организации синдикатов банков по предоставлению наиболее крупных кредитов, как правило иностранным заемщикам. Поэтому отличительной чертой Гонконга на международном рынке капиталов как в масштабах региона, так и всего мира стала специализация на осуществлении международного синдицированного кредитования. По оценке журнала «Бэнкер», 80 % всего финансирования в Юго-Восточной Азии осуществляется через Гонконг¹³. В 1981 г. банки Гонконга организовали 115 международных евровалютных займов на сумму 5,5 млрд. ам. долл. По этому показателю Гонконг обогнал такой признанный финансовый центр капиталистического мира, как Париж, и превзошел на 1 млрд. ам. долл. Сингапур — крупнейший финансовый центр региона¹⁴.

В банковском сообществе Гонконга доминирует принадлежащий английскому капиталу «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», который вместе со своим дочерним банком «Ханг Сенг бэнк» монополизировал более половины местного банковского бизнеса¹⁵. В Гонконге отсутствует центральный банк, поэтому «Гонконг энд Шанхай бэнк» выполняет некоторые его функции, являясь для банков кредитором последней инстанции, а также осуществляя совместно с «Чартеред бэнк» и «Меркантайл бэнк» эмиссию местной валюты — гонконгского доллара. При этом на «Гонконг энд Шанхай бэнк» приходится от 75 до 95 % эмиссии¹⁶. Ввиду его ключевой роли в экономике Гонконга этот английский банк играет не последнюю роль в выработке и проведении в жизнь экономической политики властей, которая выражается во все большем крене в пользу

⁹ In: "Credit Suisse Bulletin", vol. 83, Autumn 1977, p. 9.

¹⁰ См.: «За рубежом», 1983, № 31, с. 15.

¹¹ In: "Banker", May 1981, p. 143; "Euromoney", July 1982, p. 127.

¹² "Euromoney", July 1982, p. 94.

¹³ Ibid., April 1979, p. 67.

¹⁴ Ibid., October 1982, p. 62.

¹⁵ См.: Г. Г. М а т ю х и н. Мировые финансовые центры, с. 171.

¹⁶ См. там же, с. 169.

международного и крупного национального капитала при явном игнорировании интересов трудящихся и мелких товаропроизводителей.

Международный финансовый центр в Гонконге стал ареной ожесточенных столкновений финансово-монополистических групп из разных капиталистических стран, стремящихся захватить ведущие позиции на этом кредитном рынке. Наиболее преуспели в этом банки Японии, Австралии, Сингапура, серьезно потеснившие позиции английского банковского капитала. Нарастают свое присутствие и банки из стран АСЕАН. Однако вне конкуренции оказались банки КНР. Их в Гонконге насчитывается 13 и все они находятся под прямым контролем Банка Китая. О размахе их деятельности говорят следующие цифры: только за пять лет — с 1975 по 1980 г. — депозиты, аккумулированные ими, выросли в 2 раза, а их доля в общем объеме депозитов увеличилась с менее 1/3 до 40 %. Прибыли этих банков за тот же период времени возросли в 5 раз¹⁷.

Эскалация активности китайских банков в Гонконге объясняется особым значением колонии для экономики КНР. Находясь в непосредственной географической близости от Китая, Гонконг является вторым по величине рынком сбыта китайских товаров, важным промежуточным пунктом внешнеторгового обмена и основным источником иностранной валюты для Китая. Так, объем внешнеэкономической деятельности Китая, осуществляемой через Гонконг, равнялся в 1982 г. 3,46 млрд. ам. долл., или 12,4 % всей внешней торговли Китая. Реэкспорт китайских товаров через Гонконг составил в том же году 14,3 % всего экспорта КНР, а реимпорт — 10 %¹⁸. Доля Гонконга в валютных поступлениях Китая увеличилась с 1977 по 1980 г. с 29,3 до 36,5 %, достигнув 6,9 млрд. ам. долл.¹⁹

В Гонконге получил развитие рынок фондовых ценностей, который как по обороту, так и по размерам мобилизуемых средств является крупнейшим после Токко и Сиднея рынком Юго-Восточной Азии. Деятельность этого рынка имеет в основном внешнюю направленность и ориентирована на обслуживание крупных иностранных заемщиков, удовлетворяя их потребности в долгосрочных капиталах, а также давая им возможность проводить огромные спекулятивные операции. Сейчас в Гонконге осуществляется реорганизация этого рынка — слияние ныне существующих четырех фондовых бирж в единую Фондовую биржу Гонконга.

В структуре мирового финансового центра в Гонконге важное место занимает рынок золота, который является крупнейшим в Азии и третьим в мире после Лондона и Цюриха. Сделки с золотом здесь производятся на двух биржах: Китайской бирже золота и серебра, старейшем и относительно изолированном рынке золота, участниками которого традиционно являются богатые инвесторы китайского происхождения, и Товарной бирже, на которой оборот операций с золотом растет особенно быстро (только за 1981 г. он вырос на 160 %²⁰).

Между Гонконгом и Сингапуром в 70-е годы сложилась определенная специализация на тех или иных видах международной банковской деятельности. Если Сингапур выполняет роль крупнейшего фондоаккумулирующего центра региона, где получил развитие межбанковский «оптовый» кредитный рынок, то Гонконг является «розничным» рынком, где средства получают конечные заемщики, причем основной источник средств для синдицированных займов в Гонконге — ресурсы, которые аккумулируются в Сингапуре и переводятся в Гонконг. Это, однако, не исключает конкуренции между ними за долю бизнеса на международном рынке ссудных капиталов.

Дальнейшее развитие мирового финансового центра в Гонконге во многом зависит от скорейшего решения вопроса о будущем этой колонии. 30 июня 1997 г. заканчивается срок аренды Англией „Новых территорий“. В банковском сообществе в этой связи с нетерпением ожидали визита премьер-министра Англии М. Тэтчер в Пекин в сентябре 1982 г., во время которого должна была обсуждаться проблема будущего Гонконга. Однако в ходе визита никакого конкретного решения найдено не было, что тут же сказалось на деловой активности в Гонконге²¹.

Подводя итог, следует сказать, что развитие международных финансовых центров в Сингапуре и Гонконге порождает новый клубок противоречий в международных экономических отношениях капиталистических стран как внутри региона, так и в мировом масштабе. Неурядицы и экономические потрясения в экономике развитых капиталистических стран через деятельность этих финансовых центров сказываются на экономическом развитии государств Юго-Восточной Азии, углубляя отрицательные явления в их национальных хозяйствах и обостряя в этих странах социальные конфликты. Транснациональные корпорации используют эти центры как трамплины для проникновения в экономику государств региона и подчинения их международному капиталу. Поэтому появление и развитие мировых финансовых центров Юго-Восточной Азии ведет к дальнейшему углублению противоречий капитализма, вскрывает новые стороны его общего кризиса.

¹⁷ In: "Banker", May 1981, p. 145.

¹⁸ In: "Far Eastern Economic Review", March 17, 1983, p. 74.

¹⁹ Ibid., January 20, 1983, p. 42.

²⁰ In: "Banker", October 1982, p. 63.

²¹ In: "Economist", February 19, 1983, p. 92.

Л. М. Карахан — дипломат ленинской школы

В Советском Союзе помнят и с большой благодарностью делят первых дипломатов Советского государства, которые под руководством В. И. Ленина смогли подготовить необходимые внешнеполитические условия для создания Союза Советских Социалистических Республик. Советский народ помнит имена Г. В. Чичерина, В. А. Антонова-Овсеенко, Я. А. Берзина, В. В. Воровского, А. М. Коллонтай, Л. Б. Красина, М. М. Литвинова, Л. М. Карахана, К. К. Юренева — дипломатов ленинской школы, соратников В. И. Ленина.

В славной плеяде дипломатов ленинской школы Лев Михайлович Карахан занимает достойное место. Он один из первых работников внешнеполитического фронта, с именем которого тесно связаны история первых 20 лет советской дипломатии, первые шаги Советской России по установлению и развитию равноправных дипломатических отношений с соседними странами, особенно с Афганистаном, Ираном, Турцией, Японией, Китаем, Монголией и рядом других.

Это было время, когда народы колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки вплотную приступили к борьбе за независимость. В. И. Ленин охарактеризовал эту борьбу как процесс «пробуждения Азии» и начало активной борьбы за политическую независимость народов колоний и полукolonий. «Открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии», — писал В. И. Ленин, — время, когда «...за русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская»¹.

На фоне широкого политического «пробуждения Азии» началась и проходила вся дипломатическая деятельность Льва Михайловича Карахана — одного из первых советских дипломатов, дипломатов новой, ленинской школы, ближайшего соратника и друга наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина. Л. М. Карахан хорошо знал и ценил В. И. Ленина как высококвалифицированного специалиста по Востоку. С его именем связаны многие внешнеполитические мероприятия Советского правительства в 20-х годах в отношении многих азиатских стран, и в частности государств Дальнего Востока. Л. М. Карахан принимал непосредственное участие в составлении ряда обращений Советского правительства к народам Востока, в основу которых легли ленинские «Декрет

о мире», «Декларация прав народов России», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». При участии Л. М. Карахана в Наркоминделе были подготовлены обращения к правительству и народу Монголии, к рабочим и крестьянам Персии, к рабочим и крестьянам Турции, к революционным организациям Кореи, к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая и др.

Монография В. В. Соколова «На боевых постах дипломатического фронта»^{*} рассказывает читателю о многих сторонах жизни и деятельности Л. М. Карахана, от начала его первых дипломатических шагов во время переговоров в Бресте до работы на посту заместителя наркома иностранных дел и посла в ряде стран Запада и Востока. До недавнего времени эти сведения оставались достоянием узкого круга специалистов — историков, востоковедов и сиологов.

Л. М. Карахан родился в небогатой армянской семье в Тифлисе (20 января 1899 г.), откуда в конце 1905 г. вместе с семьей отца переехал в далекий и мало известный Харбин. Л. М. Карахану было неполных 16 лет, когда он вступил в 1904 г. в тифлисскую организацию РСДРП. В Приморском крае и в Харбине Л. М. Карахан активно сотрудничал с большевистскими организациями — владивостокской и харбинской группами РСДРП. Здесь состоялось первое знакомство молодого Л. М. Карахана с Китаем, его народом.

Он принимал участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции как секретарь Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, секретарь Военно-Революционного Комитета (ВРК). Л. М. Карахан деятельно участвовал в подготовке и проведении II Всероссийского съезда Советов, принявшего декреты о власти, мире и земле.

Дипломатическая деятельность Л. М. Карахана началась с мирных переговоров в Бресте и подписания вместе с будущим наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным договора о мире с Германией. Затем на посту заместителя наркома иностранных дел Л. М. Карахан выполнял работу, связанную с многочисленными поручениями и ука-

^{*} В. В. Соколов. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л. М. Карахана. М., Издательство политической литературы, 1983, 193 с.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.

заниями В. И. Ленина и Советского правительства по обеспечению мирной передышки и созданию благоприятных внешнеполитических условий для упрочения Советской власти.

В книге В. В. Соколова рассказывается о работе Л. М. Карахана в НКВД СССР, о стратегии и тактике Советского государства по прорыву дипломатической блокады, о работе Л. М. Карахана полпредом в Польше, о налаживании нормальных дипломатических отношений с Ираном, Турцией, Персией. Но наибольший интерес для читателя и специалистов-востоковедов представляют, по нашему мнению, те страницы, которые рассказывают о работе Л. М. Карахана в Китае, об усилиях дипломата по заключению соглашений с Японией и Китаем, об урегулировании конфликта на КВЖД.

Интересны приведенные в книге материалы о переговорах Л. М. Карахана с китайцами по нормализации советско-китайских отношений и о заключении Соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 31 мая 1924 г. по поручению ЦК партии и Советского правительства Л. М. Карахан подписал с китайским правительством указанное соглашение, которое предусматривало установление нормальных дипломатических и консульских отношений между двумя государствами. А 20 января 1925 г. в Пекине после переговоров с японским представителем была подписана Л. М. Караханом и японским посланником Иосидзаво Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией (с. 130).

Заключение соглашения и подписание конвенции знаменовало собой важный успех молодой советской дипломатии на Дальнем Востоке. Так завершился длительный и сложный этап борьбы Советского Союза за нормализацию отношений СССР с дальневосточными соседями.

В рецензируемой книге говорится об интернациональной помощи Советского Союза Китаю. Эта помощь оказывалась еще в тот период, когда СССР только начинал преодолевать разруху, причиненную гражданской войной. Даже в сложнейших политико-эко-

номических условиях Советская Россия нашла возможным оказать значительную помощь патристическим силам Китая.

Автор уделил большое внимание переписке Л. М. Карахана с Сунь Ятсеном, их встречам в Пекине, завязавшейся между ними дружбе. Как известно, Сунь Ятсен, великий патриот своей страны, успешное всестороннее развитие Китая не мыслил без Советской России, безгранично верил в дружбу Китая и Советского государства, верил в то, как он писал в своем прощальном послании к членам ЦИК Союза ССР, что «в великой битве за свободу угнетенных наций обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы» (с. 133).

Советский дипломат Л. М. Карахан добился прорыва дипломатической изоляции СССР на Дальнем Востоке, боролся за безопасность в этом регионе, против агрессивной политики японского милитаризма, за оказание братской помощи китайскому и монгольскому народам в их борьбе за национальную целостность и государственность. Задачи советской дипломатии на Дальнем Востоке носили многоплановый характер и состояли в том, чтобы предотвратить создание на Дальнем Востоке альянса империалистических государств на антисоветской основе.

В заключение следует отметить, что, анализируя различные аспекты деятельности Л. М. Карахана в Наркоминделе СССР, автор на богатом историко-архивном материале показал всю сложность дипломатической борьбы Советского Союза в рассматриваемый период истории. Опыт внешнеполитических мер и дипломатических акций СССР, в частности на Дальнем Востоке, позволяет глубже разобраться в сложнейших процессах того времени, понять дальновидность нынешней политики КПСС и Советского правительства по противодействию пронационалистско-реваншистских кругов Японии и других империалистических держав.

Книга В. В. Соколова является полезным пособием для всех, кто интересуется историей дипломатии и международных отношений Советского Союза в Азии и на Дальнем Востоке.

Л. Г. Сухов,
доктор экономических наук

Опыт культурного строительства в МНР

Перед нами новая книга¹, рассказывающая об истории культуры Монгольской Народной Республики, о грандиозных достижениях, которых добились монгольские араты на демократическом этапе народной революции, в 1921—1940 гг.

¹ БНМАУ-ын соёлын туух (1921—1940), тэргүүн боть. Ерөнхий редактор академик Ш. Нацагдорж. Улсын жэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 1981 (История культуры МНР. 1921—1940, т. I, Улан-Батор, 1981, 306 с.).

Книга представляет собой коллективный труд, выполненный сотрудниками Института истории Академии наук МНР при участии деятелей культуры социалистической Монголии. Она написана на основе оригинальных источников и обширной литературы, изданной в МНР, СССР и других странах.

История культуры, культурного строительства в Монгольской Народной Республике постоянно привлекает внимание исследователей, в частности советских ученых. Еще в 30-х годах на страницах журнала

«Современная Монголия» были опубликованы статьи по данной проблематике. Ряд серьезных работ по отдельным вопросам культурной революции и культурного строительства в МНР вышел в 40—70-х годах, в частности фундаментальные труды «Великая Октябрьская социалистическая революция в Монголия» (Улан-Батор, 1969) и «Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын туух» (Улаанбаатар, 1969, III боть).

В 1971 г. в Улан-Удэ были изданы «Очерки истории культуры МНР» (46 п. л.), специально посвященные проблемам культуры МНР. Материалы этой книги охватывают период с 1921 г., то есть со времени победы народной революции в Монголии, по 1967 г. и раскрывают различные стороны культурного строительства в Монгольской Народной Республике. В 1981 г. вышла содержательная монография Л. М. Гаутауллиной «Строительство социалистической культуры в Монгольской Народной Республике» (М., «Наука») ².

Книга «История культуры МНР», подготовленная коллективом монгольских ученых, является значительным вкладом в изучение одного из важнейших разделов современной монгольской истории, истории создания и развития новой культуры и культурного строительства в МНР. Авторы дали марксистско-ленинское освещение истории культурной революции в Монголии, показали, как она в корне изменила духовный облик монгольского народа.

Изучение накопленного за годы народной революции опыта культурного строительства в МНР, осуществившей в сложных условиях переход от феодальной отсталости к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, имеет большое научно-теоретическое и международно-политическое значение.

В первом томе «Истории культуры МНР», состоящем из шести глав, вводной части и заключения, обобщен богатый фактический материал, охватывающий период с победы народной революции по 1940 г. и раскрывающий сущность культурной революции и различные стороны культурного строительства в Монгольской Народной Республике на демократическом этапе революции. Проблемы создания новой культуры рассматриваются в работе широко и многопланово, в тесной связи с политическими и экономическими задачами первого этапа революции. Авторы достаточно полно и убедительно раскрыли своеобразные конкретно-исторические условия Монголии в 20—40-е годы, специфические особенности культурной революции и культурного строительства.

Первая глава — «Основное содержание начального этапа культурной революции в Монголии» — предваряется теоретическим обоснованием исторической перспективы проведения культурной революции в этой стране. Авторы справедливо отмечают, что эта перспектива открылась благодаря братскому революционному союзу народной Мон-

голии с первой страной диктатуры пролетариата — Страной Советов, широкому использованию ее опыта культурного строительства и прямой бескорыстной помощи СССР, благодаря плодотворному применению Монгольской народно-революционной партией в революционном строительстве теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в специфических условиях Монголии, в частности ленинских теоретических положений о культурной революции на общедемократическом этапе монгольской революции, а также личных советов В. И. Ленина монгольским революционерам (с. 41).

В последующих главах подробно повествуется о том, как шла ликвидация неграмотности среди взрослого населения, организация начальных, средних и средних специальных школ, как создавалась и росла новая народная интеллигенция, как разветвлялась сеть культурно-просветительных очагов и учреждений, создавались национальное издательское дело и периодическая печать, как развивалась наука, проходил процесс становления новой революционной литературы и нового искусства, организации народного здравоохранения, развития физкультуры и спорта, повышения благосостояния трудящихся масс.

На многочисленных фактах в книге показаны трудности становления и развития новой культуры монголов, широкие преобразования в культурной жизни общества. В 1921—1924 гг. проводилась подготовка и создавались социально-политические условия для демократических преобразований в области культуры. Большое значение имели отделение церкви от государства, прекращение преподавания религиозного учения в школе и другие мероприятия.

Монгольская народно-революционная партия, обосновав на III съезде (август 1924 г.) историческую необходимость некапиталистического пути развития страны, определила и основные направления культурного строительства.

В 1925—1931 гг. шла острейшая борьба за революционно-демократическое развитие культуры. В эти годы были осуждены правый и «левый» уклоны в партии, развернулось строительство школ и культурно-просветительных учреждений, развивались печать и книгоиздательское дело, создавались первые творческие организации и театр. Важную роль в борьбе за новую культуру сыграло проведение социально-экономических мероприятий, уничтоживших особые права и привилегии ламства.

Авторы коллективного труда показывают, какая поистине титаническая работа была выполнена Монгольской народно-революционной партией и Народным правительством в процессе строительства новой жизни. Трудности заключались в том, что в наследство от дореволюционного прошлого Народной республике достались отсталая экономика, примитивное хозяйство степных скотоводов, потрясающая бедность аратов и их почти поголовная неграмотность.

В книге приведены впечатляющие факты, характеризующие поистине грандиоз-

² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 4, с. 210—211.

ные успехи в культурном строительстве на демократическом этапе народной революции в Монголии. К 1940 г. в МНР был завершен первый этап революции — антиимпериалистический, антифеодальный, общедемократический. Были созданы экономические, политические и социальные предпосылки строительства социализма. Крупное значение для перехода к новому этапу исторического развития Монголии имели и ее достижения в области культуры и культурного строительства.

Основной вывод монографии сводится к тому, что культурная революция в Монголии вывела трудовые массы из духовного рабства, темноты и невежества, открыла им путь к знаниям и богатствам отечественной и мировой культуры. Новая культура впитала в себя лучшие достижения культуры прошлого, творчески переработала и развила их дальше на основе революционного мировоззрения.

В содержательной в целом книге по истории культуры МНР имеются, однако, некоторые упущения. На наш взгляд, в работе следовало показать большую культурную роль Народно-революционной армии в монгольском обществе 20-х и 30-х годов. Первый том «Истории культуры МНР» посвящает этому вопросу всего два-три абзаца (с. 74 и 105—106). Между тем Монгольская народно-революционная армия во все годы являлась одним из самых могущественных и действенных революционных институтов, в котором целые поколения монгольских аратов проходили плодотворную военную, политическую, общеобразовательную и культурную школу.

Эта традиция всестороннего образования и политического просвещения цыриков (журамт цэрэг) как политической армии монгольской революции была заложена вождем аратской революции Д. Сухэ-Батором. Во все последующие годы общедемократического этапа революции ЦК МНРП и Народное правительство постоянно совершенствовались и всемерно развивали образовательную и просветительную работу в Монгольской народно-революционной армии.

После службы в армии монгольские цырики возвращались домой не только умеющими читать и писать, но и политически зрелыми, активными строителями новой жизни на древней земле Монголии. Они пополняли ряды активных участников борьбы за ликвидацию неграмотности среди населения, ряды избачей, клубных работников, государственных служащих и кооператоров, продолжали пополнять свои знания в начальных, средних и специальных

школах, которые открывались тогда в стране, становились в ряды новой, народной интеллигенции.

Более развернуто в таком фундаментальном труде можно было раскрыть социально-культурную политику МНРП, Народного правительства Монголии, деятельность всей культурно-просветительной системы страны в отношении той части населения Монголии, которая условиями жизни дореволюционного монгольского общества была обращена в духовное сословие. Как известно, к началу революции общая численность лам достигала в стране 100 тыс., то есть они составляли $\frac{1}{6}$ часть всего населения. Благодаря решительной и бескомпромиссной классовой борьбе против церковных феодалов и реакционной верхушки ламства и в то же время тактичной и целеустремленной работе по приобщению к новой жизни низших и средних слоев ламства большинство ламаистского духовенства было приобщено к производительному труду. Это — большая победа МНРП, Народного правительства, всего монгольского народа и существенное своеобразие, особенность культурной революции в Монголии.

В монографии не нашло отражения и развитие в МНР такого новейшего и мощного средства оперативной информации, массовой агитации и пропаганды, а также просвещения населения, каким является радиовещание. Радио, которое В. И. Ленин назвал «газетой без бумаги и без расстояний», начало внедряться в Монголии с 30-х годов в виде уличных громкоговорителей и радиоточек в квартирах жителей Улан-Батора. 1 сентября 1934 г. построенный в столице радицентр начал регулярное вещание по всей стране. В аймачных центрах были построены станции радиосвязи и радиопередач. Радио, важный фактор и средство культуры и коммуникативной связи в Монгольской Народной Республике с ее огромными расстояниями, с середины 30-х годов стремительно и прочно вошло в повседневную жизнь монгольского народа.

Отмеченные нами замечания являются, по всей видимости, неизбежными издержками при подготовке первой монографии по истории культуры МНР. Они могут быть легко устранены при повторном издании этого ценного и весьма интересного исследования монгольских историков.

Ш. Б. Чимитдоржиев,
доктор исторических наук

Г. Н. Залтуев

Улан-Удэ

Китайский фантастический роман

Еще в 1959 г. в Государственном издательстве художественной литературы видным советским китаеведом-филологом профессором А. П. Рогачевым, снискавшим известность своими переводами ряда

произведений китайской классической литературы, в том числе и средневекового романа Ши Найяня «Речные заводи», был опубликован полный текст популярного китайского средневекового романа У Чэньэня

«Путешествие на Запад» в 4-х томах. Из-за перегруженности романа историческим, этнографическим, религиозно-философским материалом, многочисленными новторами, поэтическими вставками сюжетная канва повествования оказалась труднодоступной для восприятия читателем, впервые столкнувшимся со средневековым китайским романом. Учтя это, А. П. Рогачев создал сокращенный вариант перевода, озаглавив книгу по имени центрального персонажа романа «Сунь Укун — царь обезьян»; книга вышла в издательстве «Художественная литература»*.

Автор романа У Чэнъэнь (1500—1582), выходец из чиновничьей семьи, был талантливым и высокообразованным человеком своего времени, с детства увлекавшимся народными сказаниями и легендами. В качестве основной сюжетной линии своего романа он избрал китайскую народную легенду о путешествии в Индию китайского буддийского монаха Сюань Цзана (596—664), рассказ о странствиях которого в течение девяти веков оброс разного рода фантастическими подробностями.

В романе в качестве спутников набожно, но житейски абсолютно беспомощного монаха выведены фантастические человекоподобные существа: обезьяна Сунь Укун, кабан Чжу Бацзе и изгнанный с небес за проступок конюх монаха Шасэн. Именно они, совершая всевозможные невероятные подвиги, обеспечивают успех паломничества Сюань Цзана, задавшегося целью привезти из Индии в Китай священные книги.

Образ волшебной обезьяны наделен в романе самыми выдающимися достоинствами, равно как и весь обезьяний род, повелителем которого стал Сунь Укун. Царь обезьян — бунтарь, не желающий подчиняться общепринятым законам жизни, установленным для простых смертных, и вместе с тем деятельно ищущий смысл жизни. Как и герои европейских средневековых романов, Сунь Укун должен искупить свои прошлые грехи посредством подвигов. Автор наделил своего героя самыми лучшими качествами — отвагой, сметкой, острым умом и великодушием, постоянной готовностью вступить в борьбу с несправедливостью. Это, как отмечает А. П. Рогачев в своей иступительной статье к роману, «благородный рыцарь без страха и упрека», но рыцарь озорной, охочий до проказ и на редкость шальной и беспокойный.

Роман о путешествии монаха и его спутников — это целая эпопея, изложенная в доброй сотне глав, в которых фольклорные сюжеты, географические описания, реалистические зарисовки современной автору китайской жизни перемежаются фантастическими сказочными мотивами, описаниями необъятного пантеона буддийских и даосских богов, духов, обитателей подземного, небесного и морского царств, оборотней, волшебников, рассказами о всякого рода чу-

десах и невероятных событиях. На страницах романа мы находим яркое описание жизни простых людей — современников автора: крестьян, ремесленников, рыбаков, охотников, дровосеков; едкой сатирой бичует автор жизнь сановников двора, чиновников, кушцов, монахов. Широко представлена в романе социальная и культурная жизнь средневекового Китая, флора и фауна страны.

У Чэнъэнь в иносказательной форме показал в своем романе многие неприглядные черты своей эпохи, лицемерие и угодничество лиц, облеченных властью, моральное уродство и торгашеский дух, засилье евнухов при дворе, упадок общественной морали. Например, нижеприведенные места из романа, несомненно, воспринимались читателями как правдивое изображение автором китайской действительности: «...Несколько лет подряд стоит засуха. Земля оскудела, реки обмелели, пересохли каналы и арыки. В колодцах и родниках не стало воды. Но в богатых домах заботятся лишь о своем имуществе. Одни доу зерна поднялся в цене до ста лянов серебра, а один пучок хвоста ценится в пять лянов. Девочек выменивают на три шэна крупы, а мальчиков отдают просто так. В городах закладывают вещи, в деревнях грабят казну, поедают людей, — только бы выжить» (с. 613). Или: «За поимку каждого монаха чиновнику обещано повышение на три ранга. А простым гражданам выдается вознаграждение в пятьдесят лянов. Не то что монах, всякий, у кого острижены волосы или есть плешь, не сможет уйти отсюда. Эта страна кишит соглядатаями...» (с. 284).

Роман на протяжении четырех с лишним столетий пользуется постоянной популярностью в Китае; многочисленные эпизоды романа стали сюжетами отдельных театральных постановок; отрывки из романа неизменно входили в репертуар народных сказителей, доносивших наряду с театром до неграмотного в своей подавляющей массе населения Китая увлекательный рассказ о приключениях царя обезьян Сунь Укуна — одного из самых популярных в народе литературных персонажей.

Переводчиком А. П. Рогачевым проведена огромная работа по переводу текста, написанного 400 лет назад на книжном китайском языке, весьма далеком от живого, разговорного языка той отдаленной от сегодняшнего дня эпохи. Книга читается легко, несмотря на большое число персонажей, входящих в текст повествования. Переводчику удалось передать все своеобразие средневекового Китая, не утомляя читателя повторами и отступлениями, присутствии оригиналу; украшают книгу и стихотворные вкрапления в текст, переведенные Н. Смирновым и Арк. Штейнбергом.

Ознакомление советского читателя с этим выдающимся произведением китайской литературы — вклад в дело укрепления дружбы и культурных связей между народами-соседами.

С. Л. Тихвинский,
академик

* У Чэнъэнь. Сунь Укун — царь обезьян. Пер. с кит. А. Рогачева. Стихи в пер. Н. Смирнова и Арк. Штейнберга. М., «Художественная литература», 1982, 751 с.

Исследование о формировании и развитии рабочего класса МНР

Социальные и идейно-политические проблемы некапиталистического пути развития Монгольской Народной Республики, и прежде всего роль и место в общественной жизни молодого рабочего класса как ведущей силы строительства социализма, составляют важнейшее направление исследований в современном общественном образовании МНР. И это закономерно, ибо именно народу Монголии выпало первым в истории человечества реализовать в рамках суверенного государства гениальное предвидение классиков марксизма-ленинизма о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Большой эмпирический материал, накопленный в этой области за последние десятилетия, лег в основу первого в своем роде обобщающего труда группы монгольских ученых, в основном сотрудников Института истории АН МНР, в котором на высоком уровне сделана плодотворная попытка показать в целостном, систематическом виде основные особенности формирования рабочего класса и его общественную роль в Монгольской Народной Республике*. Рецензируемое исследование представляет собой сборник статей по наиболее важным и актуальным вопросам развития монгольского рабочего класса. В книге рассматривается становление руководящей роли монгольского рабочего класса в обществе, а также значение политики МНРП в преобразовании социальной структуры страны, изменений в социальном составе, в повышении культурного и профессионально-технического уровня монгольских рабочих, в формировании научного мировоззрения рабочего класса, его патриотического и интернационалистского сознания. Важное место отводится анализу социально-экономических аспектов союза рабочего класса с кооперированным аратством. Много внимания уделено изучению международных связей монгольских рабочих.

Сборник открывается статьей заведующего отделом ЦК МНРП Ц. Балхажава, в которой дается общий обзор истории формирования рабочего класса МНР начиная с 30-х годов, когда в стране бурными темпами проводились коренные демократические преобразования, направленные на ликвидацию патриархальных отношений. «Уже тогда, — подчеркивает автор, — обозначились те социальные и политические условия, которые предопределили основные особенности формирования монгольского рабочего класса и его качественное отличие от рабочего класса капиталистических

стран» (с. 5—6). Автор концентрирует свое внимание на наиболее существенных особенностях, а именно на политико-экономических и социальных аспектах процесса складывания монгольского рабочего класса, выразившихся в том, что он со времени его зарождения выступил как класс — носитель социалистических производственных отношений. Под этим углом зрения в статье рассматриваются все вопросы, имеющие отношение к проблеме становления рабочего класса: основные источники формирования новой социальной категории, целенаправленность политики МНРП, интернациональное содействие Страны Советов, внутренняя обусловленность количественных и качественных изменений. В статье показывается, что на общедемократическом этапе развития революции своеобразно руководящей роли монгольского рабочего класса проявлялось главным образом в том, что она формировалась в рамках интернационального союза с рабочим классом стран социализма и трудовым аратством Монголии. Эта форма, отмечает автор, «явилась одним из главных условий и источников борьбы за создание национально-рабочего класса, достижения им такого идейно-политического уровня, который позволил ему начать выполнять на социалистическом этапе его историческую миссию руководителя всех трудящихся в борьбе за социализм» (с. 20).

В общем виде рассматривает Ц. Балхажав и другие вопросы: социально-экономическое положение монгольского пролетариата, его место в сфере материального производства, закономерности формирования у него коммунистического сознания. Проблемы, намеченные в данной статье, получают развитие в последующих статьях сборника.

В статье Ц. Намсая, например, показывается многогранная роль МНРП в формировании и развитии рабочего класса с середины 20-х годов вплоть до настоящего времени. Автор отмечает, что основы этой политики, ее направление и характер были определены еще В. И. Лениным, который в беседе с делегацией Монгольской Народной Республики в ноябре 1921 г. указывал, что «главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и правительства...»². Творчески развивая идеи В. И. Ленина, монгольские революционеры разработали научно обоснованную программу преобразования общественных отношений в стране, в ходе реализации которой и начал свое формирование промышленный пролетариат. Зарождение последнего, таким образом, происходило не вследствие стихийной дифференциации мелких крестьян-собственников, сопровождающейся всегда массовой пауперизацией населения, а как резуль-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

* Некапиталистический путь развития МНР и рабочий класс. Сборник статей. Улан-Батор, 1981, 148 с.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 233.

тат целенаправленной классовой политики государства, руководимого МНРП. Занятые только на государственных и кооперативных предприятиях социалистического типа, монгольские рабочие не испытали капиталистической эксплуатации, не знали мук экономических кризисов и безработицы. Приток рабочих на фабрики и заводы с самого начала регулировался государством.

На широком статистическом и документальном материале Ц. Намсрай показывает, сколь глубоко и благотворно отразилась политика МНРП на социальном, политическом и духовном облике рабочего класса. Партия всегда уделяла и уделяет повышенное внимание не только росту численности рабочих, но и подъему их общеобразовательного, профессионально-технического и идейного урочия. Непрерывно проявляет она также заботу о повышении благосостояния промышленных рабочих.

Важным направлением в деле усиления политической и трудовой активности и сознательности рабочих партия считает вовлечение лучших из них в свои ряды. Если в 1943 г. рабочие составляли 3,8 % членов МНРП, в 1947 — 4,7 %, то в 1961 г. — 26,2 %, в 1966 — 29,6, в 1976 — 31,3 % (с. 28). Формируя рабочий класс, МНРП тем самым усиливала и свое пролетарское начало, все более превращаясь, как и предвидел В. И. Ленин, из народно-революционной партии в коммунистическую. В этом проявляется естественное взаимодействие процессов развития МНРП и развития рабочего класса.

Важное место в сборнике занимают две статьи известного специалиста по проблемам рабочего класса МНР Б. Тудэва³ — «Изменения в социальном составе рабочего класса МНР» и «Проблемы профессионально-технического роста рабочего класса». Обращает на себя внимание широкая обеспеченность исследования автора богатым и во многих случаях редким статистическим материалом, почерпнутым в различных архивах Монголии — от архивов министерств и ведомств до местных текущих архивов промышленных предприятий.

В первой из названных статей Б. Тудэв прослеживает этапы социального формирования рабочего класса, теснейшим образом увязывая их с историческими периодами развития МНР. Коренные качественные изменения как в самом рабочем классе, так и в источниках его комплектования, происшедшие за время народной власти, он обуславливает глубокими социально-экономическими преобразованиями в жизни всей страны, прежде всего индустриализацией, социалистическими преобразованиями сельского хозяйства, победой культурной революции (с. 51). Если в период антиимпери-

алистических и антифеодалных революционно-демократических преобразований (1921—1940) главным источником формирования рабочего класса являлось в основном беднейшее крестьянство, а также низшие ламы, то ныне отряды рабочих пополняются в первую очередь выпускниками общеобразовательных средних школ, профтехучилищ, профтехникумов, а также членами крупных социалистических сельскохозяйственных объединений (с. 38—39, 41).

«Строительство социализма и социалистическая индустриализация страны, — пишет Б. Тудэв, — выявили такие каналы и формы воспроизводства и увеличения численности рабочей силы, как широкое вовлечение в производство женского труда, формирование, хотя еще и молодой, категории потемневших рабочих, такие способы пополнения рядов рабочего класса, как форма призыва, обращенного партийными и общественными организациями к трудящимся, и т. д.» (с. 51). Тесный интернациональный союз с рабочим классом стран социализма во многом позволил улучшить также качественные показатели структуры монгольского рабочего класса, внутри которого все более значительным становится отряд рабочих тяжелой промышленности.

К 1980 г. существенно изменился и профессионально-технический уровень монгольских рабочих, подчеркивает Б. Тудэв во второй из своих статей. Только за годы V и VI пятилеток (1971—1980) высшие, средние специальные учебные заведения и профессионально-технические училища подготовили для народного хозяйства более 126 тыс. специалистов и квалифицированных рабочих (с. 73). Большую помощь в подготовке высокообразованных кадров монгольского рабочего класса оказывает Советский Союз. Подъем профессионально-технического уровня рабочего класса Монголии является важным фактором, обеспечивающим завершение строительства социалистического общества.

Немаловажный интерес представляют и другие работы сборника, особенно статья А. С. Железнякова. Опираясь на результаты исследований, содержащиеся в предыдущих статьях книги, А. С. Железняков рассматривает развитие монгольского рабочего класса в тесной связи с историческими изменениями в современной эпохе — эпохе перехода от капитализма к социализму — как органичную и динамичную часть мирового коммунистического движения. Автор выявляет диалектическое взаимодействие национальных и интернациональных моментов в становлении руководящей роли рабочих в общественной жизни МНР.

В заключение следует подчеркнуть, что вопросы, поднятые в рецензируемом сборнике, имеют не только научный интерес, но и огромную политическую актуальность. Опыт некапиталистического развития МНР, в частности опыт целенаправленного формирования рабочего класса в отсталом обществе, совершающем исторический переход от феодализма к социализму, ценен для всех развивающихся стран.

А. В. Панцов

³ Работы Б. Тудэва неоднократно издавались в СССР. См., например: Б. Тудэв. Формирование и развитие рабочего класса Монгольской Народной Республики. Исторический очерк. М., 1968; его же. Формирование рабочего класса МНР. — В кн.: Монгольский сборник. М., 1969.

Азия в стратегии Вашингтона

На рубеже 70—80-х годов западная, прежде всего американская, политология выступила с рядом работ, посвященных проблемам современной Азии и политике США в этой части мира в текущем десятилетии¹. Появление этих работ было предопределено целым рядом факторов. Во-первых, постоянным повышением роли стран Азиатского континента с его огромными природными запасами и неисчерпаемыми людскими ресурсами, которую эти страны играют в современных международных отношениях. Во-вторых, существенными сдвигами в расстановке сил в Азии, чувствительными поражениями, которые империализм США потерпел в последние годы в ряде азиатских регионов. Здесь следует прежде всего отметить дальнейшее упрочение положения социалистических стран Индокитая, Апрельскую революцию в Афганистане, антишахскую исламскую революцию в Иране. Наконец, перед американской политологией была поставлена задача, связанная с необходимостью разработать основы политического курса США в Азии для пришедшей к власти администрации Р. Рейгана.

Приход к власти рейгановской администрации с ее культом силы в решении международных дел, безудержной идеологической, политической экспансии и агрессивностью, оголтелым антисоветизмом наложил явственный отпечаток на работы американских политологов. Рейгановский курс на усиление международной напряженности, гонку вооружений, практика Белого дома «валить с больной головы на здоровую», а именно винить Советский Союз и в росте безработицы на Западе, и в страданиях народов, борющихся за свою свободу и подавляемых империалистами, словом, объявлять СССР неким «средоточием зла» — все это прослеживается в трудах политологов США. Не является исключением в этом отношении и рецензируемый сборник «Азия и внешняя политика США»*.

Составителям сборника удалось собрать внушительный коллектив авторов — знатоков азиатских проблем и специалистов в области азиатской политики Вашингтона, кото-

рые рассмотрели весьма широкий круг военных, политических и экономических вопросов. В вводной статье сборника утверждается, что «это, возможно, первая систематическая попытка» так широко исследовать проблемы политики США в Азии (с. 3).

В материалах книги проводится, так сказать, стержневая идея о том, что «Азия в 80-е годы будет иметь для Соединенных Штатов особо важное значение...» (с. 1). А все усиливающееся значение Азии в комплексе внешнеполитических приоритетов США авторы симптоматично усматривают в том, что Азия будет в «возрастающей степени» точкой приложения советско-американского соперничества, которое происходит главным образом от будто бы все нарастающей «советской угрозы» и необходимости в американском «ответе» на это. Именно на избитом тезисе о растущей «советской угрозе», на домыслах об «экспансии» СССР в ряде регионов Азии и конструировании «ответной» реакции Вашингтона, его нынешних и потенциальных союзников в Азии и строится данная работа.

Для понимания позиции авторов рецензируемой книги характерна точка зрения, высказанная «специалистом» по внешней политике Советского Союза Гленом Д. Кэмпом. В основу, по существу, всех своих умозаключений он ставит пресловутый тезис о растущей советской «угрозе» странам обширного Азиатско-тихоокеанского региона, о советской «экспансии» в этой зоне, будто бы интенсивно развивающейся с конца 70-х годов. Ну а Вашингтон, заключает Г. Кэмп, должен отвечать на это прежде всего созданием в регионах Азии разного рода антисоветских альянсов (разумеется, под своей эгидой). Вот тогда, утверждает американский политолог, станут слабее международные позиции Советского Союза, а это заставит его быть более «уступчивым» и «сдержанным». Так аналитик Г. Кэмп «прикрывает» линию Вашингтона на дестабилизацию Азии в интересах американских монополий.

Отношениям с Японией США отводят, как известно, важнейшую роль в осуществлении своих замыслов в региональной (азиатской) и глобальной политике. Японская политика Вашингтона рассмотрена в сборнике Дж. Эмерсоном — бывшим американским дипломатом, а ныне сотрудником Гуверовского института (Стэнфордский университет). Автор этого раздела книги не открыл ничего нового, заявив, что «для Соединенных Штатов Япония всегда была якорем, опорой, существенным элементом их политики безопасности в Восточной Азии» (с. 26). Небезынтересно, однако, что его оценку направления, в котором идет развитие американо-японских отношений, исчерпывающим образом характеризует симптоматичное совпадение (даже терминологическое) с известным утверждением З. Бжезинского: американо-японский «до-

¹ См., например: R. H. Solomon (ed.). *Asian Security in 1980's. Problems and Policies for a Time of Transition*. Cambridge, Mass., 1980; R. Sutter. *China — U.S. — Soviet Relations*. Washington, Congressional Research Service, 1980; *The United States and People's Republic of China. Issues for 1980's*. Washington, 1980; D. Shannon. *The Soviet Triangle. Russia's Relations with China and the West in the 1980's*. New York, 1980; R. Solomon (ed.). *The China Factor. Sino-American Relations and the Global Scene*. New Jersey, 1981; W. Watts. *The United States and Asia. Changing Attitudes and Politics*. Lexington, 1982.

* J. C. Hsiung, W. Chai (eds.). *Asia and U. S. Foreign Policy*. New York, 1981, 263 p.

говор безопасности» «служит якорем для американских позиций в Восточной Азии»². Квалифицировав отношения США с Японией на современном этапе как «альянс», Дж. Эмерсон прямо заявляет, что «он будет продолжать оставаться основой международных отношений Японии» (с. 35).

Какой же прогноз дает этот американский аналитик относительно общего внутри и внешнеполитического курса Японии на текущее десятилетие? Прежде всего, он убежден, что в 80-е годы «Япония будет способна построить надежную противовоздушную оборону и защищать свои морские пути в прилегающих водах, может быть, даже на расстоянии в тысячу миль от своих границ. Очевидно, — пишет Дж. Эмерсон, — японский оборонный бюджет увеличится постепенно, но существенно в течение 80-х годов, вне зависимости от того, какой доли ВВП он достигнет» (с. 38). В целом, утверждает Дж. Эмерсон, внешнеполитическая активность Японии возрастет, а ее внешняя политика «интернационализируется». Американский политолог, разумеется, подразумевает под этим дальнейшее развитие отношений Японии с США на основе альянса и все военные приготовления Токио в нарушение 9-й статьи японской конституции.

Известно, что милитаризация внешней и внутренней политики Японии вызывает самые серьезные опасения в соседних странах, в частности в государствах ЮВА. Как бы «корректируя» эти настроения, Дж. Эмерсон поучает: «С точки зрения США, осуществляющаяся в 80-е годы интернационализация внешней политики Японии и принятие ею всеохватывающей концепции национальной безопасности должны приветствоваться» (с. 39). Он с удовлетворением отмечает в этой связи и растущее военно-стратегическое сотрудничество США с Японией, и улучшение «качества» японского «военного механизма». Дж. Эмерсон призывает обе стороны в целях сохранения альянса постоянно проявлять «добрую волю» и устранять из взаимных отношений разного рода трения и шероховатости (в этой связи он указывает, например, на чрезмерный японский экспорт автомобилей в США).

Как и Г. Кэмп, Дж. Эмерсон оправдывает и агрессивную активность Вашингтона на Дальнем Востоке, и растущее военно-политическое сотрудничество США и Японии, и развитие милитаристских тенденций в политике Токио все той же надуманной «советской угрозой».

Реальное положение на Азиатском континенте заставляет с большой тревогой признать, что в результате «усилий» администрации Р. Рейгана и правительств Д. Судзуки и Я. Накасонэ прогнозы американского политолога сбываются, причем даже более быстрыми темпами, чем он предсказывает. Военно-стратегическое сотрудничество США и Японии принимает все более широкий и опасный для дела мира характер. Весной 1981 г. японо-американ-

ские отношения были возведены в ранг «союза». Сфера деятельности «сил самообороны» Японии распространена ныне далеко за пределы японских островов. Военные расходы Японии постоянно растут. США и Япония активно создают широкую структуру военно-политического сотрудничества, причем на Токио перекладывается часть военных функций Вашингтона в регионе Восточной Азии и западной части Тихого океана.

Составители рецензируемого сборника не обошли стороной и корейскую проблему. Как известно, положение на Корейском полуострове более трех десятилетий остается по вине американского империализма неурегулированным, этот район стал зоной перманентной напряженности на Дальнем Востоке. Источником напряженности является продолжающееся присутствие американских войск в Южной Корее, агрессивная позиция военно-политических партнеров США, прежде всего Сеула.

Примечательно, что автор «корейского» раздела книги С. Ким, специалист по проблемам Восточной Азии, признает, что «присутствие американских войск на Корейском полуострове может еще служить геополитическим интересам США в ближайшем будущем, но не отвечает глобальным гуманным ценностям». Более того, С. Ким признает и то, что оно (присутствие американцев) «не служит самым глубоким национальным интересам и чаяниям корейского народа» (с. 68). Автор выступает даже за необходимость изменить «корейскую» политику США. «Так как первоначальное разделение Кореи было американской идеей, — пишет он, — Соединенные Штаты несут особую моральную ответственность за свою корейскую политику, которую необходимо изменить, с тем чтобы помочь, а не мешать процессу воссоединения» (с. 68).

Конечно, наивно ожидать, что Вашингтон будет строить свой внешнеполитический курс с учетом «гуманных ценностей» или «интересов и чаяний» корейского народа. Но даже при всей политической аморфности такой постановки вопроса позиция С. Кима представляется привлекательной, особенно на фоне практических действий Вашингтона.

Известно, что на деле предложения о выводе американских войск с Корейского полуострова рассматриваются в Вашингтоне как «противоречащие национальным интересам» США. Вопреки заявлениям КНДР, резолюции XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, мнению мировой общественности Вашингтон проводит курс на увековечение оккупации Южной Кореи, сохранение искусственного раскола страны.

Естественно, не могут не занимать американских политологов и отношения США с КНР. Составители сборника уделили этой проблеме должное внимание.

Нынешняя официальная политика Вашингтона направлена на расширение и углубление стратегического партнерства с КНР. Вследствие этого перед западной политологией встает ряд служебных задач, одна из которых — «объяснить» читателю

² In: "Department of State Bulletin", June 1978, p. 3.

причины враждебного в недавнем прошлом курса Вашингтона в отношении КНР. За решение этой задачи берется американский синолог П. Чан, автор главы «Китай: извилистый путь к нормализации».

Для его позиции характерно следующее утверждение: «Исторически Соединенные Штаты всегда проводили дружественную, даже покровительственную политику в отношении китайского народа и его правительства» (с. 103). Этот тезис получил широкое распространение в современной буржуазной, прежде всего американской, синологии. Его адепты в служебных целях, вытекающих из практических задач нынешнего внешнеполитического курса Вашингтона, пытаются сделать вид, что в прошлом США якобы не осуществляли в Китае империалистического диктата, не участвовали в колониальной эксплуатации китайского народа и т. д., напротив, отношения между двумя странами были якобы только «дружественными». Такая трактовка американской синологией американо-китайских отношений до 1949 г. уже была подвергнута аргументированной критике советским китаеведением³.

П. Чан утверждает, что «каждый американский президент от Трумена до Картера пытался на свой лад решить сложную и запутанную проблему Китая, но, несмотря на различные подходы — от примирительного до конфронтационного, — их усилия либо были неудачны, либо имели ограниченный успех, так как проблема оставалась нерешенной» (с. 113).

В связи с этим утверждением напомним вкратце, как решалась Вашингтоном «проблема Китая». Курс США в отношении Китая принял открыто враждебный характер примерно с середины 1950 г., после того, как КНР заключила с СССР договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Этот курс осуществлялся США примерно до конца 60-х годов, когда Вашингтон решил использовать нормализацию отношений с КНР в антисоветских целях. Но и «примирительный», по терминологии П. Чана, курс США не означает, что Вашингтон учитывает национальные интересы КНР, поскольку он нацелен главным образом на то, чтобы использовать Китай в качестве младшего партнера в своих внешнеполитических комбинациях в мировой политике.

Автор второго «китайского» раздела книги Дж. Сюн прямо связывает изменение политики США в отношении КНР, произошедшее на рубеже 60—70-х годов, со стремлением Вашингтона разыграть пресловутую «китайскую карту» (в противоборстве социализма и капитализма, — Ю. Р.). Он подчеркивает, что идея «китайской карты» разделялась Р. Никсоном и Дж. Картером, но ее особым приверженцем был З. Бжезинский, при котором эта политическая игра достигла кульминации (с. 119).

В настоящее время курс США в отно-

шении КНР характеризуется известной двойственностью. С одной стороны, в Вашингтоне постоянно указывают на «стратегические выгоды» нормализации китаиско-американских отношений, в первую очередь в деле противостояния Советскому Союзу; с другой, США продолжают занимать антикитайскую позицию по тайваньскому вопросу.

В известной мере отражением этой «противоречивости» в позиции официального Вашингтона является точка зрения Дж. Грегора и М. Ся Чан — авторов «тайваньского» раздела сборника. Оба эти автора совершенно определенно выступают за продолжение военно-политического сотрудничества США с Тайванем, в частности за продолжение политики вооружения Тайбэя. Они призывают официальный Вашингтон не менять свое отношение к Тайваню как важнейшему звену американской военно-политической стратегии в Восточной Азии, поскольку это «может нанести ущерб интересам Соединенных Штатов, подорвать международное доверие к ним и нарушить их стратегические интересы» на Дальнем Востоке (с. 144).

Точка зрения Дж. Грегора и М. Ся Чан на тайваньскую проблему отражает распространенную в американских деловых и политических кругах убежденность в необходимости продолжения политики давления на КНР, вмешательства в ее внутренние дела. Излишне говорить, что такая политика не учитывает действительные интересы китайского народа.

К этому хотелось бы добавить, что Вашингтон, строя свою китайскую политику, исходит из большей заинтересованности КНР в развитии американо-китайских отношений. Поэтому в Белом доме господствует уверенность, что Пекин не решится серьезно противиться Соединенным Штатам в «тайваньском вопросе» и пойдет на дальнейшие уступки. Как показывают факты, Вашингтон продолжает рассчитывать на «стратегическое взаимодействие» с КНР.

Автор «индокитайского» раздела книги Г. Бойд не выходит за рамки трафаретных для американской политологии обвинений Советского Союза и Вьетнама в «агрессивности», «экспансии» и «угрозе» региону ЮВА. Для «сдерживания» СССР и СРВ он предлагает различные комбинации внешних сил, предостерегая вместе с тем, что слишком рьяное сколачивание разного рода антивьетнамских альянсов может побудить Вьетнам «стать ближе» к СССР (с. 169—170). Излишне говорить, что все рассуждения Г. Бойда строятся на ложном, не выдерживающем никакой критики тезисе о некоей «агрессивности» политики Советского Союза и Вьетнама. Что же касается советско-вьетнамского сотрудничества, то оно строится на принципиальной основе, а его прочность, прошедшая испытание временем, ни в малейшей степени не зависит от маневров внешних сил.

У. Андерсен (сотрудник государственного департамента США) исследовал в рецензируемой книге политику США в регионе Южной Азии и акватории Индийского

³ См., например: Л. А. Березный. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972.

океана. Все рассуждения У. Андерсена по поводу набившего оскомину тезиса о «советской угрозе» строится в духе имперской логики, свойственной официальному Вашингтону и крайне правому крылу буржуазной политологии, в соответствии с которой тот или иной регион мира (в данном случае Южная и Юго-Западная Азия) объявляется сферой «жизненных интересов» США, а любое действие СССР в защиту своих интересов и прав объявляется экспансией.

Хотелось бы обратить внимание на трактовку американским ученым внешнеполитической линии Индии, особенно в свете известных афганских событий. Вынужденно признав существование различий в подходе США и Индии к афганской проблеме, У. Андерсен тем не менее пытается доказать, что имеется и некая общность, идентичность позиций этих двух стран, выразившаяся якобы в «осуждении» действий Советского Союза не только Соединенными Штатами, но и Индией. Однако мировой общественности хорошо известен взвешенный, реалистичный подход Дели к афганской проблеме, не имеющий ничего общего с позицией Вашингтона. Более того, Индия справедливо расценивает милитаристские происки Пакистана и его американских покровителей, затеянные под прикрытием событий в Афганистане, как угрозу собственной безопасности. Индия проводит политику, направленную на поддержание мира и добрососедства в регионе, и вопреки утверждениям американского политолога не проявляет желания включиться в антисоветскую или антиафганскую кампанию.

Жестко антисоветскую направленность имеют суждения У. Андерсена о ситуации в бассейне Индийского океана. Для позиции У. Андерсена характерно следующее утверждение: «Советская экспансия в бассейне Индийского океана вынудила США выработать современную версию политики сдерживания, осуществлявшейся ими в 50-е и 60-е годы, с учетом того, что Советский Союз стал гораздо более мощной военной державой, имеющей больше сил за пределами своей территории и союзников в своем распоряжении» (с. 203). В этом утверждении У. Андерсена все перевернуто с ног на голову. Именно США постоянно наращивают свою военную мощь в Индоокеанском бассейне, вводя туда все больше сил и захватывая все новые базы. О стремлении Вашингтона увеличить агрессивность в регионе говорит и создание Сенткома (Центрального командования), деятельность которого охватывает почти всю акваторию Индийского океана.

Соединенные Штаты Америки отрицательно, в отличие от Советского Союза, отнеслись к выдвинутому группой индоокеанских государств предложению об объявлении Индийского океана зоной мира. Вашингтон всячески саботирует предложение этих стран о созыве международной конференции по созданию зоны мира в Индийском океане. В одностороннем порядке США прервали переговоры с СССР по индоокеанской проблеме. Предложения Советского Союза по оздоровлению ситуации в районе Персидского залива, Индоокеанском бассейне в целом Вашингтон, что называется, с порога отвергает.

Агрессивная политика США в районе Южной и Юго-Западной Азии встречает отпор не только Советского Союза. Ее осуждают молодые суверенные государства региона, не присоединившиеся страны. Экспансионистская политика США осуждалась, например, на Делийской конференции не присоединившихся государств.

В целом можно утверждать, что участники рецензируемого сборника в соответствии с официальной линией Вашингтона занимают по большому числу проблем азиатской политики США жестко антисоветскую позицию. Более того, они являются апологетами наращивания агрессивности во внешнеполитическом курсе США и их союзников в Азии. Прикрываясь фальшивым тезисом «советской угрозы», они выступают практически против любых позитивных перемен на Азиатском континенте.

Что касается советской политики в Азии, то она направлена на утверждение на континенте мира и стабильности. XXVI съезд КПСС выдвинул ряд широко известных конструктивных предложений, призванных оздоровить политический климат на этом континенте. Новая крупнейшая мирная инициатива Советского Союза была выражена в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента газеты «Правда»⁴. Выдвинутый товарищем Ю. В. Андроповым комплекс мер направлен на коренное оздоровление обстановки не только в Европе, но и в Азии.

Политика Советского Союза и других социалистических стран служит единственной разумной альтернативой империалистическим замыслам в Азии, идущим вразрез с интересами народов этого континента.

Ю. М. Рякин

⁴ См.: «Правда», 27.VIII. 1983.

Наследие японского поэта*

Вторая половина XIX в. и XX в. в истории мировой цивилизации занимают особое место. Хозяйственный, культурный, научный и иной обмен между регионами и странами приобрел действительно всемирный и постоянный характер. Прежде очаги мировой цивилизации, возникавшие в различных частях земного шара, оставались в течение многих столетий отдельными центрами той или иной культуры, связи между ними носили случайный характер и устанавливались медленно и с перерывами. Зато менее чем за полтора столетия XIX—XX вв. распространение новых и «внешних» ценностей стало глобальным.

Западные идеи, в том числе и новые литературные течения, на рубеже двух столетий быстро становились достоянием народов дальневосточного региона. Попадая в Японию, особенно на первых порах, они потом передавались на материк. В этом процессе Японии принадлежала особая роль — роль своеобразного ретранслятора идей и ценностей Запада.

Группы китайской иммиграции и учащейся молодежи в Японии начала XX в. были довольно многочисленны. Через Японию китайцы воспринимали различные западные идеи, там они дискутировали, «примеряли» эти идеи к условиям своей страны. Роль передатчика выполняла японская интеллигенция, которая будоражила общественное сознание не только своей страны. Таких «возмутителей спокойствия», в императорской Японии появлялось все больше и больше.

Социалистические и коммунистические идеи, привнесенные с Запада, и социальные противоречия собственного общества начали постепенно размывать насаждавшиеся господствующей верхушкой Японии принципы божественного происхождения императорской власти, ее вечной незыблемости. «Дело об оскорблении трона», или «дело Котoku» (японского социалиста) и других двадцати пяти революционеров, пожертвовавших собой, открыло глаза многим японцам, в числе которых Иенкава Такубоку — мыслитель и поэт, критик и публицист — занимает особое место, поскольку упомянутый судебный процесс развеял у молодого И. Такубоку все иллюзии относительно социального устройства общества.

Автор рецензируемой монографии убедительно показывает, что «процесс над революционерами-социалистами, а также знакомство Такубоку с литературой о социализме помогли ему сделать вывод о том, что необходимо уничтожить существующий государственный строй, государственную машину, которая может порождать беззакония, расправу с инакомыслящими» (с. 101). В. А. Гришина показывает, что активная гражданская позиция не могла не привести молодого мыслителя и поэта к такому выводу. Гражданский пафос японского литератора раскрывается и на примере критики провинциальной школы, образования — «эшафота, на котором убивают таланты».

Изменение системы образования молодой Такубоку поначалу видел не в изменении всей социальной системы общества, а в улучшении «человеческих качеств педагогов» и в этом ничем не отличался от просветителей. Однако несколько позже он приходит к выводу, что образование — часть общественной структуры, изменить которую можно и должно только при условии изменения всей социальной системы (с. 84).

Взгляды И. Такубоку на проблемы образования и просвещения народа рассматриваются автором монографии шире, чем вопрос об отношении к конкретной системе образования в Японии тех лет. Заслуживает внимание анализ В. А. Гришиной роли «модных» идей, шедших с Запада. В ранней юности И. Такубоку отдал дань нищенскому «сверхчеловеку», что выразилось в своеобразной трактовке японским поэтом теории индивидуализма, вопреки Такаюма Тёгю — японскому толкователю и последователю Ф. Ницше (с. 61—72).

Интересен вывод, к которому пришла В. А. Гришина в результате скрупулезного исследования имевшегося в ее распоряжении материала. Она убедительно показывает, что «теория» Ницше интерпретировалась на Востоке иначе, чем на Западе, трансформируясь в идеал «совершенного человека», к воспитанию и созданию которого следует направлять все усилия общества.

Сопоставляя этот вывод, который, быть может, недостаточно четко сформулирован автором, с выводами исследователей других восточных литератур, мы наблюдаем определенную закономерность в изменении некоторых западных идей на восточной почве. Это относится и к нищенскому индивидуализму — в силу многих причин он интерпретировался на Востоке как идеал, следуя которому граждане угнетенных стран смогут поднять самосознание до уровня развитого интеллекта. Такой вывод был сделан в свое время Л. Д. Позднесовой на примере изучения жизни и творчества основоположника современной китайской литературы. Лу Синь, учившийся в первом десяти-

* В. А. Гришина. Иенкава Такубоку — критик и публицист. М., Изд-во МГУ, 1981, 200 с.

летни XX столетия в Японии, тоже испытал влияние Ницше, что привело его к осознанию необходимости развития личности. Тогда Лу Синь «как просветитель... преувеличивал роль воспитания и заключал, что самое главное для Китая — развитие личности»¹.

Однако суровая действительность русско-японской войны и особенно призыв всемирно известного писателя Л. Н. Толстого к правительствам воюющих стран в статье «Одумайтесь!» способствовали быстрому духовному прозрению И. Такубоку, освобождению его от милитаристско-шовинистского угара. Более того, И. Такубоку тогда же, в 1904 г., написал стихотворение «Памяти адмирала Макарова», имевшее ярко выраженное антивоенное содержание. В нем поэт писал:

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров!
Его я славлю в час вражды слепой,
Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.

Так писал 18-летний поэт о представителе, пусть и великом, но страны, которая находилась в состоянии войны с его собственной страной. Молодому японскому поэту были уже тогда свойственны гражданское мужество и демократические взгляды, получившие к концу его короткой и нелегкой жизни дальнейшее развитие. В 1911 г., за год до смерти, И. Такубоку писал:

У нас бывают чтения, жаркие споры,
И наши глаза горят не меньше,
Чем у юношей России полвека назад!
Мы бесконечно спорим, что делать?
Но отчего же никто из нас,
Стукинув по столу, не кричит: «В народ!»²

В. А. Гришина показывает, как лучшие представители мировой культуры влияли на прогрессивную интеллигенцию Японии. В ненавязчивости и вместе с тем в убедительной бескомпромиссности подачи материала, основанных на глубоком знании предмета, — определенная заслуга исследователя. Читатель верит автору, вместе с ним входит в творческую лабораторию японского мыслителя, который осуществляет вполне естественный переход от «наивного» одобрения русско-японской войны под влиянием военно-самурайского психоза к ее отрицанию, к осознанию ее ненужности и бесчеловечности — под влиянием великого русского писателя и мыслителя Л. Толстого. Автор монографии, цитируя литературно-критические эссе поэта, подводит читателя к глубоко-му восприятию его мыслей о победителях и побежденных в русско-японской войне, называет «величие Японии мнимым, ложным», а «величие России заслуживающим высокой похвалы». Поэт поясняет, почему он непоколебим в таком выводе: «Драгоценнее всех свобод, предоставленных японцам, является старец Толстой, живущий в несвободе и воззвавший к свободе, и в том же смысле я считаю, что Горький, больной чахоткой скиталец, который не раз проходил через тюремные ворота, достоин поклонения, так как он для истинной цивилизации сделал больше, чем все блистательные книги эпохи Мэйдзи» (с. 76). Чтобы в условиях императорско-самурайской деспотии заявить подобное, надо было обладать немалой смелостью. Но таков И. Такубоку — критик и публицист, мыслитель и поэт, чувствовавший, что в жизни надо многое менять, отбрасывать все старое: привычки, обычаи, догмы, представления.

Понимая роль и значение литературы в общественном развитии, И. Такубоку призывал и к ее обновлению, чтобы и по форме, и по содержанию она была доступна, понятна народу. Считая литературу «оружием, утверждающим средствами искусства нравственные ценности, передовые идеалы», как пишет В. А. Гришина, он умел вскрывать «сущность литературного явления, видеть его социальные источники и предугадать будущее развитие...» (с. 136).

Это вполне справедливо по отношению к И. Такубоку, который, несмотря на свою молодость, «по существу, был единственным литератором, отстаивавшим критический реализм и указавшим слабости литературы натурализма» (с. 137), что не так уж мало для Японии начала XX столетия. И. Такубоку сумел показать пути выхода японской литературы из тупика.

Прогрессивные писатели и критики Японии широко использовали его художественное и литературно-критическое наследие в борьбе за высокие идеалы и высокое предназначение литературы и искусства. Никака Такубоку оставил заметный след в истории японской критической мысли, за 26 лет жизни он успел сделать очень многое. Поэтому рост популярности поэта и мыслителя именно после его смерти — явление не случайное. Он намного опередил своих современников по глубине оценок обществен-

¹ Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. 1881—1936. М., 1959, с. 56.

² Японская поэзия. М., 1956, с. 343, 399.

ных процессов, по смелости и точности высказываний о литературно-художественном творчестве, о месте литературы и литератора в обществе.

В Японии давно идет борьба за Исикава Такубоку. Еще в 1926 г. Никано Сингэару заявил: «Чтобы не был утрачен истинный образ поэта, я задался целью воссоздать подлинное лицо Такубоку, отнять его у таких последователей, которые ошибочно толкуют этого революционного поэта».

Эти слова с полным основанием могут быть адресованы и к автору монографии, стремившемуся донести до советского читателя подлинный образ поэта-мыслителя, освободив его от всего наносного. При этом автор уважительно и вместе с тем бескомпромиссно спорит, когда нужно, со своими оппонентами. В. А. Гришина удачно вплетает в ткань исследовательского повествования доказательства логической неизбежности второй жизни И. Такубоку. Она показывает, как и почему росла популярность поэта уже после его кончины. Его чтут в Японии прежде всего за гражданственность, за провозглашенные и отстаивавшиеся им до конца идеи «самоутверждения человека» и «очеловечивания общества».

Примером всей своей жизни И. Такубоку, как яркий факел, горящий в ночи, звал и продолжает звать людей к свету, добру и справедливости. Именно в этих высоких и вечных гражданских мотивах, которые утверждал поэт в начале века, лежит ключ к пониманию все возрастающей любви к его творчеству, желания новых и новых поколений прикоснуться к мудрой и простой, как жизнь, вечно живой философии человека, отдавшего всего себя людям.

Вот почему благодарные современники — видные поэты и писатели Есано Тэкан, Есано Акико, Вакаяма Бокусуй, Китахара Хакусю, Кавадзи Рюко, Сома Гёфу, Хирано Банри и другие — в статьях, заметках, воспоминаниях рисовали И. Такубоку человеком благородной души, единодушно признавали его талант, его вклад в дело развития литературно-критической мысли и современной поэзии Японии. В 20-е годы его называли предтечей японской пролетарской литературы.

В. А. Гришиной проделана большая работа по критическому осмыслению многочисленной литературы — источников, статей, монографий об Исикава Такубоку. Она не боится высказать самостоятельную точку зрения по некоторым спорным вопросам его творческой биографии.

В результате советское японоведение и восточное литературоведение в целом обогатились нужной и интересной книгой о поэте-мыслителе, оказавшем влияние своим стихом новой формы и на становление творчества ряда китайских поэтов периода «движения 4 мая».

А. А. Антиповский

ПАМЯТИ Т. М. КОТОВОЙ

1 октября с. г. после тяжелой болезни скончалась Татьяна Михайловна Котова — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока, руководитель научной группы, кандидат исторических наук.

Т. М. Котова родилась 12 июня 1934 г. в поселке Опалиха Красногорского района Московской области. В 1958 г. она поступила на китайское отделение МГИМО МИД СССР, которое окончила в 1963 г. После нескольких лет работы в ТАСС Татьяна Михайловна в 1967 г. поступила в аспирантуру ИДВ АН СССР и подготовила диссертацию на тему «Политика КНР в отношении Сингапура», которую успешно защитила в декабре 1972 г. С 1974 г. Т. М. Котова — старший научный сотрудник института, руководитель научной группы.

Много и плодотворно работала Татьяна Михайловна над исследованием различных аспектов внешней политики КНР, особенно в районе Юго-Восточной Азии. Изучение положения китайского населения Сингапура закономерно подвело ее к важной актуальной проблеме — проблеме китайцев за рубежом. Последние несколько лет своей жизни Т. М. Котова изучала ее с большим энтузиазмом и поразительной самоотдачей. Результатом упорного труда явилась монография о китайской эмиграции, ставшая весомым вкладом в советское востоковедение. В этой книге впервые в советской науке были освещены особенности исторического развития общин зарубежных китайцев в различных странах мира, всесторонне раскрыта роль этих общин в экономике и политике стран проживания, проанализирована эволюция политики КНР в отношении китайской эмиграции. У Татьяны Михайловны были планы дальнейшего углубленного изучения этой проблемы, и она непременно осуществила бы их, если бы не безвременная кончина.

Т. М. Котовой принадлежит около 30 научных работ, она была соавтором нескольких коллективных монографий, участвовала в целом ряде международных и всесоюзных конференций и симпозиумов.

Т. М. Котова принимала активное участие в общественной жизни института. Коммунисты отдела внешней политики неоднократно избирали ее членом партийного бюро.

Кончина Т. М. Котовой — тяжелая утрата для коллектива Института Дальнего Востока. Ушел из жизни скромный, трудолюбивый, отзывчивый человек, талантливый ученый-коммунист. Светлая память о Татьяне Михайловне Котовой навсегда сохранится в памяти всех ее товарищей и коллег по работе.

Группа товарищей

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1983, № 4, 176 стр.
Технический редактор *Серкина О.*

Сдано в набор 05.10.83. Подписано в печать 01.12.83. А-13781. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 15,4.
Уч.-изд. л. 18,09. Усл. кр.-отт. 15,4 тыс. Изд. № 37674. Тираж 15.073. Заказ 2770.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17
Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области